

069
y 28

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
МОСКВА МУЗЕЙЛАРИ ТЎПЛАМИДА

THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
IN MOSCOW MUSEUMS

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА
В МУЗЕЯХ МОСКВЫ

069
9 28

✓

-4223-

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ

THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ МОСКВА МУЗЕЙЛАРИ ТЎПЛАМИДА

THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
IN MOSCOW MUSEUMS

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА
В МУЗЕЯХ МОСКВЫ

X

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
OLIY VA O'RTA MAXSUS TA'LIM VAZIRLIGI
TOSHKENT VILOYATI CHIRCHIQ
DAVLAT PEDAGOGIKA INSTITUTI
AXBOROT RESURS MARKAZI

«SILK ROAD MEDIA» • «EAST STAR MEDIA»

TOSHKENT • 2020

[illegible]

The book-album "The Cultural Legacy of Uzbekistan in Moscow Museums" from the series "The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" presents unique samples of art created by talented scholars, masters and artists who have worked on this ancient land for many centuries and civilizations and now they are the pride of two museums: the State Historical Museum and the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. These masterpieces fully convey the unique legacy of the material and artistic cultures of Uzbekistan, housed in various museums and private collections around the world.

В юные-детище «Культурное наследие Узбекистана в музеях Москвы» и из серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях музеев» представлены уникальные образцы искусства, созданные талантливыми учителями, мастерами и художниками, творившими на этой древней земле на протяжении многих веков, ядох и добившимися признания современности и всех миров. Государственного исторического музея и Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. Эти шедевры в полной мере отражают уникальное наследие материальной и художественной культуры Узбекистана, хранящиеся в различных музеях и частных коллекциях по всему миру.

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ ЖАҲОН
ТЎПЛАМЛАРИДА» ЛОЙИҲАСИ ҲАҚИДА

- © «Zamon-Press-Info Nashriyot Uyi» MCHJ, Toshkent, 2020.
© «Silk Road Media», «East Star Media» MCHJ, Toshkent, 2020.
© «Darakchi inform servis» MCHJ, Toshkent, 2020.
© Ўзбекистон маданияти мероси Москва музейларида, 2020.
© Ф.Ф. Абдухаликов, Э.В. Рувалдиев, И.Л. Журавская, Н.Н. Шинкина;
А.А. Калыева, Д.В. Шноблевская, О.Г. Гордеева, О.Е. Кузнецков,
Д.Ю. Тарнопина, Г.Б. Андреева, О.Н. Брюкина, Е.М. Ворункина;
А.А. Гинзбург, С.В. Ефкина, С.В. Исраелиова, Ю.В. Маслова, Н.А. Печать,
Г.Л. Пирогова, Г.О. Рикова, М.О. Юдин, В.Г. Кочеткова, 2020.

Халқаро мақом санъати анжумани,
Шахрисабз ш.

The Maqom Art International Forum,
Shahrisabz.

Международный форум искусства
мақома, г. Шахрисабз.

Халқаро бахшичилик санъати фестивали, Термиз ш.
The International Bakhshi Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термиз.

Халқаро хунарандчилик фестивали, Кўкон ш.
The International Festival of people's applied art in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства,
г. Коканд.

халқаро ҳамжамият эътиборини жалб қилиш борасида сезиларли натижаларга эришилди.

Бугун мамлакатимиз жаҳонга юз тутмоқда. Бу сиёсат қўшни давлатлар билан муносабатларда, сайёҳлик соҳаси ва гуманитар йўналишларда кўзга ташланади. Жамият ҳаётининг ҳар томонлама янгиликларини фуқаролик жамиятининг фаоллашувида олиб келади, бу эса миллий уйғониш, ўз тарихи ва маданиятини англашдан бошланади.

Ушбу икки муҳим омил – халқаро майдонда очиқлик сиёсати ва ижтимоий фаол кучларнинг вужудга келиши мамлакатимиз ҳаётида янги, ажойиб воқеалар – «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» мультимедиа лойиҳасининг пайдо бўлишига олиб келди. Жамоат, подаяват ва халқаро танкилотлар, ижтимоий аҳамиятга молик талбиркорлик тузилмалари унинг ташаббускорлари бўлдилар.

Лойиҳа асоси ушбу қадимий улканда яратилган, аммо баъзи бир ҳолатлар сабаб ҳозирда чет элда – Россия давлати, Европа мамлакатлари,

Елена Титова, Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи директори (Россия):

«Музейимиз бир неча йиллардан бери Лойиҳа иштирокчиси бўлиб келаётганлигидан чин қалбдан мамнунман. 2016 йил ёзида музей кўргазма залларида ҳамкорликдаги ишимиз доирасида Париж (1925 ва 1937 йй.) ва Нью-Йоркда (1939 йй.) бўлиб ўтган Бутунжаҳон кўргазмасида юксак мукофотланган ўзбек усталарининг энг сара асарлари намойиш этилган «Ўзбекистон маданий мероси хазиналари» кўргазмасини ташкил қилдик. Орадан бир йил ўтгач, 2017 йилнинг кузида музейимизда Лойиҳанинг биринчи жилди нэши ва видеофильми тақдиротиға бағишланган давра суҳбати бўлиб ўтди. Тадбир Россия, Ўзбекистон, Буюк Британия, Франциянинг етакчи олимларини ўзида жамлади. Мен ўзбек уста-хунарандлари яратган ва Ўзбекистон замини билан чамбарчас боғлиқ бўлган Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи тўпламларидаги асарлар «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси доирасида чоп этилаётган ягона фундаментал жилд таркибига кирганлигидан гоятда мамнунман».

Осиё, Америка, Африкадаги турли музейлар ва шахсий тўпламларда сақланаётган Ўзбекистон маданий мероси дурдоналарини каталоглаштиришни ва билишига йўналтирилган. Булар археологик артефактлар, ноёб миниатюраларга эга нодир қўлёзмалар, турли хил амалий санъат буюмларидир. Бу каби вазифаларни ҳали дунёнинг бирон-бир мамлакати ўз олдига қўймаган. Ичунун, маданий мерос ҳақида турлиқ маълумот йиғиш унинг чинакам аҳамиятини баҳолаш имконини беради.

Лойиҳа бутун дунё бўйлаб кенг халқаро илмий алоқаларни ўрнатилиши назарда тутади. Унинг фаол ютуқлари хорижда тобора тан олинмоқда. Олимизда энг йирик музей ва кутубхоналар, шахсий коллекциялар эшиклари очилмоқда. Ҳар бир янги қадам билан биз билим йўлида олға оқимлаймиз.

Тўшланган материаллар китоб-альбом шаклида нашр этилади. Уларнинг ҳар бири маълум бир хорижий тўпламда ёки бирон-бир мамлакат тўпламларидаги Ўзбекистон маданий ва маънавий меросига бағишланган. Нашрлардан жаҳон миқёсида тан олинган дурдона асарлар, шунингдек, кенг жамоатчилик ва мутахассисларга унчалик маълум бўлмаган ёки умуман номаълум намуналар ўрин олган. Матн уч тилда – ўзбек, инглиз ва рус тилларида берилган бўлиб,

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар.

Book albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

«Моддий ва номоддий маданий мероси асраш: долзарб муаммолар ва уларни ҳал этиш йўллари» халқаро конференцияси, Самарқанд ш., 2019 й.

The International Conference "The preservation of tangible and intangible cultural heritage: topical issues and strategies to resolve them." Samarkand, 2019.

Международная конференция «Сохранение материального и нематериального культурного наследия: актуальные проблемы и стратегии их решения», г. Самарканд, 2019 г.

имкон қадар кенг китобхонлар аудиториясини камраб олиши мақсад қилинган.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси мультимедиа эканлигини ҳисобга олиб, нашр этилган китоб-альбомлар матнига қўшимча равишда махсус тайёрланган видеофильм дисклари илова қилинган. Лойиҳанинг суратга олиш гуруҳи тўпламлари китоб саҳифаларида акс этган мамлакатлар ва музейларда фильмлар устида иш олиб бормоқда.

Шу билан бирга, Ўзбекистон ноширлик амалиётида биринчи марта китоб-альбомларда китобхонга тўплам ёки маълум бир мавзу ҳақида қўшимча визуал маълумотларни олиш имконини берадиган кенгайтирилган вокеллик услубидан фойдаланилди. Планшет ёки смартфон ёрламида махсус белгиларни сканерлаш орқали экранда объектнинг 3D-форматидаги модели, шунингдек, тегишли видео пайдо бўлади. Бундай янгиликлар ўсиб келаётган ёш авлоднинг кенг доирасини илмий-оммабон адабиётларга жалб қилиш имконини беради.

Лойиҳа нашр-ахборот фаолияти билан чекланиб қолмайди. Бугунги кунда у ўз ишидаги ёндашувлар уйғунлигини акс эттирувчи бир нечта янги йўналишларни бирлаштиради. Кенг қўламли нашриёт дастуридан ташқари, фильмлар ва телевизион дастурлар яратилаёти, халқаро конгресслар, медиа тадбирлар ўтказилмоқда, янги гоялар ва йўналишлар ишлаб чиқилмоқда. Мисол учун, «Ўзбекистон обид-

«Ўзбекистон маданий мероси — халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл»
I Халқаро илмий-маданий конгресси каттақўшмачилари.
Самарқанд ш., 2017 й.

Participants of the First International Scientific and Cultural Congress "Cultural Heritage of Uzbekistan — the Path to Dialogue between Peoples and Countries", Samarkand, 2017.

Участники I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана — путь к диалогу между народами и странами», г. Самарканд, 2017 г.

Сали Шахсивари, «Al-Furqan» Ислом мероси жамғармаси ижрочи директори (Буюк Британия):

«Мен бир неча бор Ўзбекистонга ташриф буюрганман ва шахсан Президентнинг ўзбек маданиятини сақлаш ва оммалаштиришдаги муҳим ролига гувоҳ бўлганман. Мен ишонаманки, бу Ўзбекистонда амалга оширилаётган энг муҳим лойиҳалардан биридир. Одамлар бу ходисани «Ўзбек маданияти» ва «Ўзбек мероси» дея таърифлайдилар, бу айни ҳақиқат, у дунё тамаддуни ва дунё маданиятининг жуда муҳим қисмидир. Шундай қилиб, айтиш мумкинки, сиз дунё тарихи ва дунё маданиятининг муҳим қисмини қайта тикламоқдасиз».

ларидаги битиклар» туркуми аллақачон халқаро миқёсда тан олинган, ҳозирда эса «Ўзбекистон фан ва маданияти олимлари асарларида» нашр сериясини чоп этиш режалаштирилган бўлиб, бу йўналиш илгари яратилган, аммо илм-фан учун жуда катта қизиқиш касб этган, ҳозиргача ноёб ҳисобланган монографиялар қайта нашр этилишини кўзда тутадн. Шунингдек, «Ўзбекистон археологик ёдгорликлари картографияси», «Ўзбекистон архитектура ёдгорликлари картографияси», «Ўзбекистон маҳаллалари» лойиҳаларини ҳам алоҳида таъкидлаш жоиз. «Ўзбекистон ёзма ёдгорликларининг 100 дурдонаси» йўналиши доирасида тадқиқотчиларга осон бўлиши учун илмий ва бадний нуқтаи назардан жуда қадри қўлғамаларнинг факсимиллари нашр этилмоқда.

Умуман олганда, «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасини Янги Ўзбекистоннинг таъриф қоғози деб аташ мумкин. Бу фуқаролик жамияти, жамоат, давлат ва халқаро ташкилотлар, ижтимоий аҳамиятга молик тадбиркорлик тузилмалари, оммавий ахборот воситалари ва дунёнинг турли мамлакатларидаги олимларнинг сарф-ҳаракатлари бирлашуви маърифат ва таълим соҳаларида мисли кўрилмаган натижаларга эришишига ёрқин мисолдир. Унинг фаолияти ўз маган натижаларга кўра нафақат мамлакатимиз, балки дунё миқёсида ҳам ноёбдир. Халқаро экспертларнинг таъкидлашига кўра, Ўзбекистоннинг бундай кенг қўламли каталоглаштириш ва маданий меросни оммалаштириш борасидаги таърибаси дунёнинг бошқа давлатлари учун намунадир.

Дунё илмий ҳамжамиятининг қўмағисиз ишимиз давомда олға ҳаракатлана олмасдик. Фаолияти мамлакатимиз билан боғлиқ бўлган етакчи тадқиқотчилар, музей ҳодимлари ва коллекционерлар бизнинг ҳамкорлик ҳақидаги мурожаатларимизга ҳайрихоҳлик кўрсатдилар. Қисқа вақт ичида Ўзбекистон тарихи ва маданиятини ўрганишга жалб қилинган дунёнинг 300 дан ортиқ тўққо олимлари — шарқшунос тар-

Одри Азуле, ЮНЕСКО Бош директори:

«Мерос — бу бизнинг авлодларимиз ва жамиятимиз ўртасидаги боғлиқлик. Бу келажак авлодларга етказилиши, бутун дунё билан бўлиши керак бўлган нарсадир. Бу умуминсоний мерос бўлиб, биз қон-қонимизда буни ҳис қиламиз, шунинг учун биз ушбу меросни асраб-авайлашда барча сарф-ҳаракатларни амалга оширишимиз керак. Бу нафақат Ўзбекистон, балки бутун инсоният учун муҳимдир».

II Халқаро конгресс катташчилари Ўзбекистон маданият меросини урғунлаш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти резолюцияси ва нозимини уқиб чиқишимизда, Санкт-Петербург ш., 2018 и.

Participants of the Second International Congress read out the resolution and charter of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan, St. Petersburg, 2018.

Участники II Международного конгресса зачитывают резолюцию и устав Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

санъат тарихчилари, этнографлар, турли мамлакатларнинг музей му-
тахассисларини бирлаштирган тармоқ яратилди. Кучларнинг бундай
уйғунлиги бизга тажриба ва фикр алмашининг, маданиятлараро ва дав-
латлараро мулоқотни кучайтиришга имкон яратди.

2017 йил май ойида Тошкент ва Самарқандда бўлиб ўтган «Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I Халқаро илмий-маданий конгрессида ilk марта Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамиятини яратини гоёси илгари сурилди. 2018 йилда Санкт-Петербургда бўлиб ўтган II Халқаро конгресс доирасида Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти ташкил этилди – унинг низоми тасдиқланди, Кенгаши раёсати ва Илмий кенгаши сайлаб олинди, Янги тузилма Ўзбекистон тарихи ва маданиятини кадрлайдиган барчани ўзида жамлади.

Тарих бир мамлакат меросини ўрганиш учун бутун дунё олимлари тўпланган бундай кенг қўламли воқеликни ҳали билмайди. Бундан ташқари, ушбу халқаро эътибор маълум даражада бири-бирига ўхшаш тарихий ҳодисаларни қўллаб-қувватлайди: Ўзбекистон ҳудуди ҳар доим турли халқлар ва маданиятларнинг учрашадиган жойи бўлиб келган.

Жамиятнинг максали Ўзбекистон ва умуман Марказий Осиёнинг маданий меросини сақлаш, урганиш ва оммалаштиришга жалб этилган маҳаллий ва халқаро, давлат ва жамоат ташкилотлари, талқикотчилар, экспертлар, фан, оммавий ахборот воситалари вакиллари ва бошқа манфаатдор тузилмаларга дунё маданий меросини сақлаш контекстида кўмаклашишдан иборат. Ўзбекистон маданий меросини урганиш,

Эрнесто Ренато Оттоне
Рамирес, ЮНЕСКО Бош
директорининг маданият
бўйича ўринбосари:

«Сунги йилларда сизнинг мамлакатингизда моддий ва маънавий мероси асраб-авайлаш бўйича олиб борилаётган сатъ-харакатларни қоят муҳим деб ҳисоблайман. Сиз Ўзбекистоннинг маданий мероси бойликлари нафақат мамлакатда, балки бутун дунёда – Европа ва АКШнинг асосий музейларида сақланаётганлигини бутун дунёга намойиш этиш учун ҳаракат қилишмоқдасиз. Уйлайманки, Ўзбекистоннинг ушбу масалага жиддий муносабати – тадқиқотлар, кўргазмалар, янги илмий тузилмалар ва лойиҳаларни яратиш орқали кўп давлатлар учун намуна. Тадқиқот нафақат академик билимлар, балки фарзандларимиз ва янги авлод учун ҳам билимларни етказиш усулидир. ЮНЕСКО Ўзбекистон билан фаол ҳамкорлик қилаётганидан жуда миннатдоримиз».

«Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл»
II Халқаро конгресси. 2018 й., Санкт-Петербург ш.

The Second International Congress "Cultural Legacy of Uzbekistan – the path to dialogue between peoples and countries", 2018, St. Petersburg.

II Международный конгресс «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», 2018 г., г. Санкт-Петербург.

Ирина Журавская, Давлат тарих музейи етакчи илмий ходими (Россия):

«Музейимиз илмий жамоаси
«Ўзбекистон маданий мероси
жаҳон тўппамларида»
маданий-маърифий
лойиҳасида катта шижоат
билан иштирок этди.
Ўзбек маданиятининг
Москвада сакланаётган
бемисл ёдгорликларини
намойиш этиш биз учун
бекиёс улкан шарафдир.
Лойиҳа ташкилотчиларига
миннатдорлик билдирамыз
ва мазкур кенг кўламли,
машаққатли меҳнат
мамлакатлар ва халқлар
ўртасидаги маданий
алоқаларнинг келгусидаги
ривожига ёрдам беришига
ишонамыз».

«Янги Ўзбекистон: ноёб
маданий таъаббуслар»
мавзусидаги медиа ивент.
Лондон ш., 2019 й.

Media event "New Uzbekistan:
unique cultural initiatives."
London, 2019.

Медиа ивент «Новый
Узбекистан: уникальные
культурные инициативы».
г. Лондон, 2019 г.

сақлани ва оммалаштирилиш бўйича Бутунжаҳон жамияти 2019 йилининг август ойида Париж шаҳрида расмий рўйхатдан ўтказилди.

Дунё олимларининг бирлашини туфайли, Лойиха нафакат инфор-
мацион, балки илмий аҳамиятта ҳам эга бўлди. Илк бор катта миқдор-
даги илмий маданиятимизнинг бойлиги ва хилма-хиллиги ҳақидаги
тушунчамизни кенгайтирувчи янги маълумотлар илмий муомалага
киритилди. Ўнлаб йиллар давомида омборхоналарда «мудраб ётган»
қўлаб ажойиб санъат асарлари аннотацияларда, махсус кўргазмалар
ташкил этилмоқда. Жаҳон ҳамжамияти томонидан ўтказиладиган
конгрессларда дунёнинг турли мамлакатларидан келган олимлар мам-
лакатимиз маданиятига оид долзарб илмий мавзуларда ўнлаб янги
тақдиротлар қилмоқдалар. Барча ҳисоботлар Интернет тармоғида,
лойиха манбаларида, ёшларга илгор илмий ютуқларни тақдим этиш
учун жойлаштирилган. Пировартида Ўзбекистоннинг кийёфасини яра-
тнин учун мамлакатимизнинг бой тарихи, маданияти ва урф-одатлари-
ни оммавий ахборот воситаларида акс эттиришдан-да яхшироқ бирон
нарсга ўнлаб топишнинг иложи бўлмади.

Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти 2019 йилнинг август ойида Париж шаҳрида расмий рўйхатдан ўтказилди.

The World Society for the Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan was officially registered in August 2019 in Paris.

Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана прошло официальную регистрацию в августе 2019 года в г. Париже.

Дунёнинг 40 мамлакатидан келган 300 дан ортиқ олимларга «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар ҳадя қилинди. Тошкент ш., 2019 й.

More than 300 scholars from 40 countries were presented with book albums of the series "The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." Tashkent, 2019.

Более 300 ученых из 40 стран мира получили в дар книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», г. Ташкент, 2019 г.

Бутунжаҳон жамияти халқаро дипломатиянинг самарали шакли ҳам бўлиб, у халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги ўзаро ҳамжиҳатликни мустахкамлашга, энг муҳими, дунё сахнасида Ўзбекистоннинг маданий нуфузини оширишга хизмат қилмоқда.

Шуни таъкидлаш керакки, Лойиха ўз фаолиятининг дастлабки кунларидан бошлаб ижтимоий йўналтирилган – у томонидан напир этилган барча махсулотлар Ўзбекистон ва дунёнинг бошқа мамлакатларининг таълим ва маданият муассасаларига бегараз тарқатилади.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг биринчи натижалари дунё илмий жамоатчилигининг мамлакатимиз бой маданий меросига бўлган катта қизиқишини намойиш этди. Ва, албатта, у Президентимиз Шавкат Мирзиёевдан ҳар томонлама мадад олмоқда. Давлатимиз раҳбари 2019 йил август ойида Тошкентда бўлиб ўтган Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамиятининг III Халқаро конгресс иштирокчиларига йўллаган мурожаатида таъкидлаганидек: «Маърифат ва таълимга қаратилган лойиҳалар кўлами жуда катта. Уларнинг амалга оширилиши биз учун нафакат шараф, балки Ўзбекистон келажагини белгиловчи асосий йўналишдир. Дарҳақиқат, маърифат ва таълим тинчлик ва яратувчиликка олиб боради. Айнан маърифат ва таълим халқлар фаровонлигининг калитидир. Айнан маърифат ва таълим одамларни эгу инлар,

Наталья Шишлина, Давлат тарих музейи археологик ёдгорликлар бўлими мудири (Россия):

«Ҳозир Буюк ипак йўли мавзуси ҳар қачонгидан кўра долзарб. Бу нафакат қадимий йўл, балки ўзаро ақлий, маънавий, маданий алоқалар, фикр ва технологиялар алмашинувиининг улкан тармоғи ҳамдир. Бронза асрида очилган Буюк ипак йўли бўйлаб дунё тамаддуни ютуқларини кенг ёйган халқлар ўтган. Биз «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси томонидан ташкил этилган улкан маданий конгресслар доирасида дунёнинг энг ийрик муассасалари етакчи мутахассислари фикрлари билан танишиш имконига эга бўлдик».

Халит Эрен, Ислом тарихи, санъати ва маданияти тадқиқот маркази (IRCICA) бош директори (Туркия):

«Президент Шавкат Мирзиёевдан Имом ал-Бухорий халқаро марказини барпо этиш, улуғвор бино қуриш, динлараро тотувликни мустахкамлаш, ислом маданиятини ривожлантиришга қўшган ҳиссаси учун миннатдорман. Мамлакатингиз Президенти томонидан илгари сурилган Ислом маърифати гоёси амалга оширилаётганига гувоҳ бўлдим. Бир сўз билан айтганда, Ўзбекистон бой тарихга эга ва тинчлик, ҳамжиҳатлик, бағрикенгликнинг намунасидир. IRCICA Ўзбекистон билан қадимий кўлэмаларни тадқиқ қилиш, аудио, видео талқинларини тарқатиш ва буюк мутафаккирлар тўғрисидаги янги лойиҳаларни амалга ошириш, Ўзбекистон маданияти ва санъатини ўрганиш соҳасида ҳамкорлик қилишга доим тайёр».

III Халқаро илмий-маданий конгресс катнашчилари. Самарканд ш., 2019 й.

Participants of the Third International Scientific and Cultural Congress. Samarkand, 2019.

Участники III Международного научно-культурного конгресса. г. Самарканд, 2019 г.

яхшилик ва бағрикенгликка етаклайди. Фақатгина кучларни бириктириш орқали биз ушбу эзгу мақсадларга эришишимиз мумкин».

Ушбу конгрессда Бутунжаҳон жамияти аъзолари Президентга Лойиҳа доирасида тайёрланган китоб-альбомлардан мамлакатимиз ва дунёнинг ҳар бир кутубхонаси сингари республикадаги мактаблар ва университетларга ўқув қўланма сифатида фойдаланиш мумкинлиги ҳақидаги таклифни билдиришди. Ушбу таклиф Ўзбекистон Республикаси Президенти ва ҳукумати томонидан қўллаб-қувватланди. Китобхонанинг қўлида бўлган кўп жилли «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомларининг иккинчи наشري бепул тарқатиш учун мўлжалланган ва бу юксак қўллаб-қувватлашнинг тасдиғидир.

Бутунжаҳон жамияти олимлари номидан Ўзбекистон Президенти Шавкат Мирзиёевга Ўзбекистон маданий меросини асраб-авайлаш, ўрганиш ва оммалаштиришга йўналтирилган мазкур Лойиҳага шахсан эътибори ва қўллаб-қувватлагани учун миннатдорлик билдирамыз.

Ушбу Лойиҳа узок йилларга мўлжалланган, негаки унинг мавзулари чексиз. У мамлакатимиз маданий меросини нафакат ҳозирги кунда қадриятини, балки келажак авлодларга ҳам сақлаб қолиш учун барча имкониятларни ишга солиш кераклигини таъкидлайди.

Э.В. Ртвеладзе,
Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти Илмий кенгаши раиси, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги

Ф.Ф. Абдухаликов,
Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти Бошқаруви раиси, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган журналист

ABOUT THE PROJECT "CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN IN WORLD COLLECTIONS"

*The book is a teacher ...
Every moment it gives you the revelation of wisdom.*

Alisher Navoi

Uzbekistan has succeeded to the great states, which added a glorious page to the history of the world civilization. Amazing works of literature, architecture and arts have been created in this country for centuries and they still delight those interested in the culture of Uzbekistan peoples all over the world. An objective and comprehensive study of this heritage is an urgent task not only for Uzbekistan, but also for the whole world, since the culture of our country is the heritage of all mankind.

Since the Republic of Uzbekistan has become independent, much has been done in this field. At the same time, a new stage in the development of our country has opened new strategies in solving the fundamental problems of cultural development and preservation of heritage. The President of the country, Shavkat Mirziyoyev, raised the issues of the careful preservation, enrichment and enhancement of the historical, cultural and intellectual heritage of the Uzbek people, the education of the younger generation on the basis of universal and national values to the rank of state policy. Such important initiatives as the study of the cultural values of Uzbekistan kept abroad are being implemented in the country, measures are being taken to further improve the storage, research and promotion of manuscripts, and activities are being improved in the field of safeguarding tangible cultural heritage. Events demonstrating the unique culture of the republic, reviving the beautiful and wise traditions of our people are held on a regular basis. Among them are the International Festival of Folk Applied Arts in Kokand, the International Art Festival "Bakhshi" in Termez and the International Art Forum "Maqom" in Shakhrisabz. Owing to the implementation of new initiatives, it has been possible to achieve a significant upsurge in many areas of cultural life, as well as to draw the attention of the international community to the positive changes that are taking place in society.

*Халқаро мақом санъати анжумани,
Шахрисабз ш.*

*The Maqom Art International Forum,
Shahrisabz.*

*Международный форум искусства
мақома, г. Шахрисабз.*

*Халқаро бахшичилик санъати фестивали. Термиз ш.
The International Bakhshi Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.*

*Халқаро хунарамдчилик фестивали. Кукан ш.
The International Festival of people's applied in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства,
г. Коканд.*

**Audrey Azoulay, Director –
General of UNESCO:**

"Heritage is a connection between our generations, between our society. This is exactly what needs to be passed on to other generations. It is something that needs to be shared with the world. This is a universal heritage that we see at the root of our history, and we must therefore make every effort to preserve that heritage. This will be important not only for Uzbekistan, but for the entire world."

Today our country is opening up to the world. It is palpable in politics – in relations with neighbouring states, as well as in tourism and in the humanitarian sphere. Renewal of many aspects of public life leads to the revitalization of civil society, which understands that a national revival begins with gaining identity, understanding one's own history and culture.

These two important factors – the policy of openness in the international arena and the emergence of socially active forces – led to the birth of a new, vivid phenomenon in the life of our country – the multimedia project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." Its initiators were public, non-governmental and international organizations, socially responsible business.

The project is based on the current idea of cataloging and comprehending the masterpieces of the cultural heritage of Uzbekistan created on

this ancient land, but due to a number of circumstances housed now abroad – in various museums and private collections in Russia, Europe, Asia, America, Africa... They are archaeological artifacts, the rarest manuscripts with unique miniatures and various objects of applied art. A similar task has not yet been set by any country in the world. Meanwhile, the collection of the most complete information about the heritage makes it possible to judge its true meaning.

The project involves the establishment of the broadest international scientific contacts around the world. Its active work is increasingly recognized abroad. The doors of the largest museums and libraries, private collections are opening in front of us. We move forward on the path of knowledge with every new step.

The collected materials are published in the form of book-albums. Each of them is devoted to artifacts from Uzbekistan in a particular foreign collection or group of collections of one country. An illustrative series may include internationally recognized masterpieces, as well as samples little known or completely unknown to the general public and specialists. The text in three languages – Uzbek, English and Russian – is aimed to reach the widest possible readership.

Considering that the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" is multimedia, disks with video films specially made in addition to the text are attached to the published book-albums. Films are being made by the Project crew in countries and museums, the collections of which are presented on the pages of books.

**Sayyid Abdulhakim Jujani,
professor (Sweden):**

"I have always been proud of my Uzbek roots and ancestors. I live in Sweden, but always in my mind in Uzbekistan. I would like to express special gratitude to President Shavkat Mirziyoyev, under whose leadership large-scale measures are being taken in the country to preserve and popularize the cultural heritage. As a member of the World Society, I am glad that I have the opportunity to glorify the culture and science of Uzbekistan."

«Узбекистон маданий
мероси жаҳон
тўғламларида»
туркумидаги китоб-
альбомлар.

Book-albums of the series
"Cultural Legacy of Uzbekistan
in World Collections."

Книги-альбомы серии
«Культурное наследие
Узбекистана в собраниях
мира».

**Frederick Starr, Founder and
Chairman of the Institute of
Central Asia and the Caucasus
(USA):**

"We all need to understand how important it is to have an idea of our own history. If people do not know their past, this indicates the superficiality of life, that over time the significance and great achievements of their ancestors will be lost. I am very glad that the President of Uzbekistan pays so much attention to the preservation and further popularization of the culture of his country. This should be a model for many other countries."

«Узбекистон обидаларидаги битиклар»
нашр лойиҳаси ва Ўзбекистоннинг нодир
қўлёзмалари факсимиле нусхалари.

Publishing project "Architectural
Epigraphy of Uzbekistan" and facsimile
copies of outstanding manuscripts
of Uzbekistan.

Издательский проект «Архитектурная
эпиграфика Узбекистана»
и факсимильные копии выдающихся
рукописных памятников Узбекистана.

«Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I Халқаро илмий-маданий конгресс катнашчилари, Самарканд ш., 2017 й.

Participants of the First International Scientific and Cultural Congress "Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries", Samarkand, 2017.

Участники I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», г. Самарканд, 2017 г.

In general, "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" project can be named as the calling card of New Uzbekistan, a striking example of how the consolidation of efforts of civil society, public, state and international organizations, socially responsible business, the media and scholars from around the world can achieve unprecedented results in areas of enlightenment and education. Its activity is unique in its design and scale, not only for our country. According to international experts the experience of Uzbekistan in such a massive cataloging and popularization of heritage is an example for other states of the world.

In the course of our work, we could not advance without the support of the scientific world community. Leading researchers, museum curators and collectors whose interests are related to our country have responded to our call for cooperation. In a record short time, a network was created that brought together more than 300 first-class scholars of the world – orientalists, art historians, ethnographers, and museum experts from different countries involved in the study of the history and culture of Uzbekistan. Such a combination of forces allows us to share experiences and exchange views, strengthen intercultural, interstate dialogue.

During the First International Scientific and Cultural Congress "The Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries", held in May 2017 in Tashkent and Samarkand, the idea of creating the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Legacy of Uzbekistan was first put forward. In 2018 as part of the Second International Congress held in St. Petersburg, the establishment of the World Society was accomplished – its charter was approved, the

Galina Andreeva, Leading Researcher, the State Historical Museum (Russia):

"The Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" has rightfully been recognized as unique in intention and scale. It has been repeatedly emphasized that works of art, masterpieces of high-level workmanship, rare artifacts, priceless manuscripts and absolute unique objects, which origin or production is related to the history of civilizations, culture and art of this land are published for the first time in such a geographical and chronological scope. When implementing the project, a network is created, which brings together scholars and museum specialists from different countries and allows us to share experiences and exchange knowledge and opinions."

II Халқаро конгресс катнашчилари Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва аммаллаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти резолюцияси ва низомини ўқиб чиқишмоқда. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Participants of the Second International Congress read out the resolution and charter of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan, St. Petersburg, 2018.

Участники II Международного конгресса зачитывают резолюцию и устав Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

Sali Shahsivari, Managing Director of Al-Furqan Islamic Heritage Foundation (Great Britain):

"I believe that this is one of the most important projects carried out in Uzbekistan. People describe this phenomenon as "Uzbek culture" and "Uzbek heritage", this is true, but it is also a very significant part of world civilization and culture. Reviving the Uzbek culture, you are reviving an important part of world history and culture, and I sincerely congratulate the people in Uzbekistan who were at the forefront of this cultural legacy project. This is a very important project and I wish it the greatest success. I have visited Uzbekistan several times and personally witnessed the significant role of the countries president in preservation and popularization of the culture. Indeed, Islam is a religion of culture and tolerance, but there is no better way than to demonstrate this through the history and culture of peoples. And I'm sure that for this reason Uzbekistan should take a part not only on the basis of its internal considerations, but also on the basis of the interests of the entire region, and, truly, for the sake of the whole of humankind."

Board and the Academic council were elected. The new structure united all those who cherish the history and culture of Uzbekistan.

There was no such a large-scale phenomenon in the history, when scholars from all over the world came together to study the heritage of one country. Moreover, this international attention is supported by a kind of historical parallel: the territory of Uzbekistan has always been a meeting place for various peoples and cultures.

The purpose of the Society is to assist the local and international state and public organizations, researchers, experts, scholars, the media sphere and other interested structures involved in the conservation, study and popularization of the cultural heritage of Uzbekistan and Central Asia as a whole in the context of preserving the world cultural heritage. The World Society for the Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan received official registration in Paris in August, 2019.

Owing to the unification of scholars from around the world, the Project has gained not only informational, but also important scientific significance. For the first time, a huge amount of new factual data has been introduced into scientific circulation, expanding our understanding of the richness and diversity of national culture. Attribution of many wonderful works of art "dozing" in the storerooms for decades is carried out and special exhibitions are organized. Scholars from around the world present dozens of new, relevant scientific topics related to the knowledge of our country's culture at congresses held by the World Society. All reports are downloaded on the network with resources of the Project making advanced scientific achievements accessible to young people. As a result, it was impossible

Маданий мерос ҳафталиги катнашчилари «Кушон подшоҳлиги хазинаси» кўргазмасида иштирок этдилар. Тошкент ш., 2019 й.

Participants of the Heritage week took part in the exclusive exhibition "Treasures of the Kushan Kingdom", Tashkent, 2019.

Участники Недели наследия приняли участие в эксклюзивной выставке «Сокровища Кушанского царства», г. Ташкент, 2019 г.

«Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» мавзусидаги медиа ивент. Прага ш., 2019 йил.

Media event "New Uzbekistan: unique cultural initiatives." Prague, 2019.

Медиа ивент «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», г. Прага, 2019 г.

to come up with anything better to create the image of Uzbekistan than such a massive reflection in the media about the rich history, culture and traditions of our country.

The world society has also become an effective form of international diplomacy, it serves to strengthen mutual understanding between peoples and countries, and most importantly – to increase the cultural image of Uzbekistan on the world stage.

It is important to emphasize that the Project from the first days of its activity is socially oriented – all the publications are distributed to educational and cultural institutions of Uzbekistan and other countries of the world free of charge.

«Моддий ва номоддий маданий меросни асраш: долзарб муаммолар ва уларни ҳал этиш йўллари» халқаро конференцияси катнашчилари «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар билан танишишмоқда. Самарканд ш., 2019 й.

The participants of the International Conference "The preservation of tangible and intangible cultural heritage: topical issues and strategies to resolve them" look through the book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." Samarkand, 2019.

Участники международной конференции «Сохранение материального и нематериального наследия: актуальные проблемы и стратегии их решения» знакомятся с книгами-альбомами серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», г. Самарканд, 2019 г.

2019 йилда Сурхондарёдаги Окс Александрияси форпости очилишида 40 мамлакатдан 300 дан ортиқ олимлар иштирок этди.

More than 300 scholars from 40 countries took part in the opening of the archaeological outpost "Alexandria the Oxus", Surkhandarya, 2019.

Более 300 ученых из 40 стран мира приняли участие в открытии археологического форпоста «Александрия Оксиданская», Сурхандарья, 2019 г.

Halit Eren, Director General, Center for the Study of Islamic Culture, Art and History, IRCICA (Turkey):

"I am grateful to President Shavkat Mirziyoyev for his contribution to the creation of the Imam al-Bukhari International Center, the construction of a magnificent building, the strengthening of interfaith harmony and the promotion of the rich culture of Islamic civilization. I witnessed the practical implementation of the idea of creating enlightened Islam, which was once put forward by the President of your country. In a word, Uzbekistan is a country with a rich history and is an example of peace, harmony and tolerance. IRCICA is ready to work with Uzbekistan in the field of research on ancient manuscripts, distribute audio and video versions and implement new projects about great thinkers, study the culture and art of Uzbekistan."

The first results of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" demonstrated the huge interest of the world scientific community in the rich cultural heritage of our country. And, of course, President Shavkat Mirziyoyev supports the project entirely. As the President noted in his address to the participants of the Third International Congress of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan held in Tashkent in August 2019: "The scope of the projects aimed at enlightenment and education is enormous. Their implementation is not only a matter of honour for us, but also the main vector that determines the future of Uzbekistan. Indeed, it is enlightenment and education that lead to peace and creation. Enlightenment and education are the key to the prosperity of peoples. It is enlightenment and education that lead people to good deeds, goodness and tolerance. And it is only by joining our forces that we can achieve these good goals."

The members of the World Society at the same congress addressed to the President with the proposal that album books prepared under the Project can be used as teaching aids for schools and universities of Uzbekistan, as well as be in every library in our country and the world. This proposal was supported by the President and the Government of the Republic of Uzbekistan. The second edition of the multivolume series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections", which the reader holds in hands, is intended for free distribution and is a confirmation of the high support.

On behalf of the scholars of the World Society we sincerely thank the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev for the personal attention and considerable support of this Project aimed at preserving, studying and popularizing the cultural heritage of Uzbekistan.

The project proves that our country values its cultural heritage not only in the present, but also does its best to preserve it for future generations.

E.V. Rtveladze,
Chairman of the Academic Council
of the World Society for study,
preservation and popularization of
the Cultural Heritage of Uzbekistan,
Academician of the Academy of
Sciences of Uzbekistan

F.F. Abdukhaliqov,
Chairman of the Board of the World
Society for study, preservation
and popularization of the Cultural
Heritage of Uzbekistan,
Honored journalist
of Uzbekistan

**Natalya Shishlina, Head of the
Department of Archaeological
Monuments of the State
Historical Museum (Russia):**

"Now more than ever, the subject of the Silk Road is topical. And this is not just an ancient road, but a huge network of intellectual, spiritual and cultural relationships, the exchange of opinions and technologies. Peoples, spreading the achievements of world civilization, advanced along the Silk Road, which was already laid in the Bronze Age. Nowadays, we may hear of the leading experts of the largest institutes of the world in the framework of such grandiose cultural congresses organized by the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Ўзбекистон Тасвирий санъат галереясида «Кушан подшоҳлиги хазинаси» эксклюзив кўргазмасининг очилиши. Тошкент ш., 2019 й.

Opening of the exclusive exhibition "Treasures of the Kushan Kingdom" in the Gallery of Fine Arts of Uzbekistan. Tashkent, 2019.

Открытие эксклюзивной выставки «Сокровища Кушанского царства» в Галерее изобразительных искусств Узбекистана, г. Ташкент, 2019 г.

О ПРОЕКТЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА В СОБРАНИЯХ МИРА»

*Книга – учитель...
Каждый миг дарит она тебе откровения мудрости.*

Алишер Навои

Узбекистан – преемник великих государств, вписавших яркие страницы в историю мировой цивилизации. На протяжении веков на его земле создавались удивительные произведения архитектуры, искусства и литературы, которые и поныне восхищают поклонников культуры народов Узбекистана во всем мире. Объективное и всестороннее изучение этого наследия является актуальной задачей не только для Узбекистана, но и всего мира, так как культура нашей страны – достояние всего человечества.

С обретением Республикой Узбекистан независимости в этом направлении сделано немало. Вместе с тем новый этап в развитии нашей страны открыл новые стратегии в решении фундаментальных проблем культурного развития и сохранения наследия. Президент страны Шавкат Мирзиёев возвел в ранг государственной политики вопросы бережного сохранения, обогащения и приумножения исторического, культурного и интеллектуального наследия узбекского народа, воспитание подрастающего поколения на основе общечеловеческих и национальных ценностей. В стране реализуются такие важные инициативы, как изучение культурных ценностей Узбекистана, находящихся за рубежом, принимаются меры по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и пропаганды рукописных памятников, совершенствуется деятельность в сфере охраны объектов материального культурного наследия. На регулярной основе проводятся мероприятия, демонстрирующие уникальную культуру республики, возрождающие красивые и мудрые традиции нашего народа. В их числе – Международный фестиваль народно-прикладного искусства в Коканде, Международный фестиваль искусства бахши в Термезе, международный форум искусства макома в Шахрисабзе и другие. Благодаря реализации новых инициатив удалось добиться значительного подъема во многих сферах культурной жизни, а также привлечь

Халқаро мақом санъати анжумани.
Шахрисабз ш.

The Maqom Art International Forum,
Shahrisabz.

Международный форум искусства
мақома, г. Шахрисабз.

Халқаро бахшичилик санъати фестивали. Термиз ш.
The International Bakhshi Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термиз.

Халқаро хунармандчилик фестивали. Кўкон ш.
The International Festival of people's applied art in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства,
г. Коканд.

международное сообщество к участию в позитивных изменениях, которые происходят в обществе.

Сегодня наша страна открылась миру. Это ощутимо и в политике – в отношениях с государствами-соседями, и в сфере туризма, и в гуманитарной сфере. Обновления многих сторон общественной жизни ведут и к активизации гражданского общества, понимающего, что национальное возрождение начинается с обретения идентичности, постижения собственной истории и культуры.

Эти два важных фактора – политика открытости на международной арене и появление социально активных сил – привели к рождению нового, яркого явления в жизни нашей страны – мультимедийного проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Его инициаторами стали общественные, негосударственные и международные организации, социально ответственный бизнес.

В основе Проекта лежит актуальная идея каталогизации и осмысления шедевров культурного наследия Узбекистана, созданных на

Фредерик Старр,
основатель и председатель
Института Центральной
Азии и Кавказа (США):

«Мы все должны понимать, как важно иметь представление о нашей собственной истории. Если люди не знают своего прошлого, это говорит о том, что со временем будет потеряна значимость великих достижений предков. Я очень рад, что Президент Узбекистана уделяет такое большое внимание сохранению и популяризации культуры своей страны. Это должно стать примером для многих».

Елена Титова, директор
Всероссийского музея
декоративно-прикладного
и народного искусства
(Россия):

«Искренне рада тому, что наш музей на протяжении нескольких лет является участником Проекта. Летом 2016 года в рамках совместной работы мы организовали в своих залах выставку «Сокровища культурного наследия Узбекистана», представив интереснейшие предметы своей коллекции, в том числе первоклассные работы узбекских мастеров, получившие высокие награды на крупнейших мировых смотрах в Париже (1925 и 1937 гг.) и Нью-Йорке (1939 г.). Год спустя, осенью 2017 года именно в нашем музее состоялся «круглый стол», посвященный презентации и обсуждению итогов выпуска первых томов и видеофильмов Проекта. Мероприятие собрало ведущих ученых из России, Узбекистана, Великобритании, Франции. Я глубоко удовлетворена тем, что произведения из собрания Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, созданные узбекскими мастерами и неразрывно связанные с землей Узбекистана, вошли в один из фундаментальных томов, издаваемых в рамках проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

этой древней земле, но в силу ряда обстоятельств хранящихся ныне за рубежом – в различных музеях и частных коллекциях России и других стран Европы, Азии, Америки, Африки... Это археологические артефакты, редчайшие рукописи с уникальными миниатюрами, разнообразные предметы прикладного искусства. Подобной задачи еще не ставила перед собой ни одна страна мира. Между тем, сбор максимально полной информации о наследии дает возможность судить о его подлинном значении.

Проект подразумевает налаживание широчайших международных научных контактов по всему миру. Его активная работа находит все большее признание за рубежом. Перед нами открываются двери крупнейших музеев и библиотек, частных коллекций. С каждым новым шагом мы продвигаемся вперед на пути познания.

Собранные материалы публикуются в виде книг-альбомов. Каждая из них посвящена артефактам из Узбекистана в том или ином зарубежном собрании либо группе собраний одной страны. Иллюстративный ряд может включать в себя как всемирно признанные

«Узбекистон маданият мероси
жаҳон тўғламларида»
туркумидаги китоб-
альбомлар.

Book-albums of the series
"Cultural Legacy of Uzbekistan
in World Collections."

Книга-альбомы серии
«Культурное наследие
Узбекистана в собраниях
мира».

«Узбекистон обидаларидаги битиклар»
нашр лойиҳаси ва Ўзбекистоннинг
нодир қўлёзмалари факсимиле
нусхалари.

Publishing project "Architectural Epigraphy
of Uzbekistan" and facsimile copies
of outstanding manuscripts
of Uzbekistan.

Издательский проект «Архитектурная
эпиграфика Узбекистана» и
факсимильные копии выдающихся
рукописных памятников Узбекистана.

шедевры, так и образцы малоизвестные или вовсе неизвестные широкой общественности и специалистам. Текст на трех языках – узбекском, английском, русском – позволяет охватить максимально широкую читательскую аудиторию.

Учитывая, что проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» является мультимедийным, к издаваемым книгам-альбомам прилагаются диски с видеофильмами, специально созданными в дополнение к тексту. Работа над фильмами ведется съемочной группой Проекта в странах и музеях, коллекции которых представлены на страницах книг.

Вместе с тем впервые в издательской практике Узбекистана в книгах-альбомах использован прием дополненной реальности, позволяющий читателю получить дополнительную визуальную информацию о коллекции или определенном предмете. При сканировании планшетом или смартфоном специальных меток на экране появится модель объекта в 3D-формате, а также соответствующий видеоролик. Такого рода нововведения позволяют привлечь к научно-популярной литературе более широкую аудиторию подрастающего поколения.

Проект не ограничивается издательско-информационной деятельностью. Сегодня он совмещает несколько новых направлений, демонстрируя комплексность подходов в своей работе. Помимо масштабной

**Сайид Абдулхаким
Джужжани, профессор
(Швеция):**

«Я всегда гордился своими узбекскими корнями и предками. Я проживаю в Швеции, но мысленно всегда в Узбекистане. Хочу выразить особую благодарность Президенту Шавкату Мирзиёеву, под руководством которого в стране осуществляются масштабные мероприятия по сохранению и популяризации культурного наследия. В качестве члена Всемирного общества рад тому, что имею возможность прославлять культуру и науку Узбекистана посредством Международного фонда им. Бабура, который возглавляю».

Ўзбекистон маданият меросини ўрганиш,
саклаш ва оммалаштириш бўйича
Бутунжаҳон жамияти тақдиротида
бағишланган «Янги Ўзбекистон: ноёб
маданият ташаббуслари» медиа ивенти
иштирокчилари. Вашингтон ш., 2019 й.

Participants of the media event "New
Uzbekistan: Unique Cultural Initiatives"
dedicated to the presentation of the World
Society for the Study, Preservation and
Popularization of the Cultural Heritage of
Uzbekistan", Washington, 2019.

Участники медиа ивента «Новый
Узбекистан: уникальные культурные
инициативы», посвященного
презентации Всемирного общества по
изучению, сохранению и популяризации
культурного наследия Узбекистана»,
г. Вашингтон, 2019 г.

**Сали Шахсивари,
управляющий директор
Фонда исламского
наследия «Al-Furqan»
(Великобритания):**

«Я несколько раз посещал Узбекистан и был свидетелем важной роли Президента вашей страны в сохранении и распространении богатейшей культуры Узбекистана. Я полагаю, что это один из самых важных Проектов, осуществляемых в Узбекистане. Люди описывают это явление как «узбекская культура» и «узбекское наследие», и это действительно так, но также это очень важная часть мировой цивилизации и культуры. Возрождая узбекскую культуру, вы возрождаете значительную часть мировой истории и культуры».

издательской программы, создания фильмов и телепередач, проводятся международные конгрессы, медиа ивенты, разрабатываются новые идеи и направления. Так, уже получила широкое международное признание серия «Архитектурная эпиграфика Узбекистана», планируется издательская серия «Наука и культура Узбекистана в трудах ученых», подразумевающая переиздание созданных в прошлом, но представляющих огромный интерес для науки монографий, которые ныне являются малодоступными. Также следует упомянуть проекты «Картография археологических памятников Узбекистана», «Картография архитектурных памятников Узбекистана», «Махалли Узбекистана». В рамках направления «100 выдающихся рукописных памятников Узбекистана» издаются факсимиле ценнейших с научной и художественной точки зрения манускриптов с целью их доступности для исследователей.

В целом проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» можно назвать визитной карточкой нового Узбекистана, ярким примером того, как консолидация усилий гражданского общества, общественных, государственных и международных организаций, социально ответственного бизнеса, СМИ и ученых разных стран мира позволяет добиться беспрецедентных результатов в области просве-

II Халкаро конгресс якуний гала-оқшоми.
Санкт-Петербург ш., 2018 й.

The gala evening of the Second International
Congress, St. Petersburg, 2018.

Завершение торжественного вечера
II Международного конгресса,
г. Санкт-Петербург, 2018 г.

за рубежом, чем такое массированное отражение в средствах массовой информации богатейшей истории, культуры и традиций нашей страны.

Всемирное общество стало также эффективной формой международной дипломатии, оно служит укреплению взаимопонимания между народами и странами, а главное – повышению культурного имиджа Узбекистана на мировой арене.

Важно подчеркнуть, что Проект с первых дней своей деятельности является социально ориентированным – вся изданная им продукция распространяется по образовательным и культурным учреждениям Узбекистана и иных стран мира на безвозмездной основе.

Первые результаты работы проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» продемонстрировали огромный интерес мировой научной общественности к богатейшему культурному наследию нашей страны. И, конечно, он нашел всемерную поддержку Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева. В своем обращении к участникам III Международного конгресса Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, состоявшегося в Ташкенте в августе 2019 года, глава нашего государства подчеркнул: «Масштаб намеченных к реализации проек-

Маданий мерос ҳафталиги
катнашчилари Файзтепа ёдгорлигида.
Термиз ш., 2019 й.

Participants of the Cultural Heritage Week at
the Fayaztepa site, Termez, 2019.

Участники Недели культурного наследия
во время посещения памятника
Фаязтепа, г. Термез, 2019 г.

**Наталья Шишлина,
заведующая отделом
археологических памятников
Государственного
исторического музея (Россия):**

«Сейчас как никогда актуальна тема Великого шелкового пути. И это не просто древняя дорога, но огромная сеть интеллектуальных, духовных, культурных взаимоотношений, обмен информацией и технологиями. Сегодня мы можем услышать ведущих специалистов крупнейших институтов мира в рамках подобных грандиозных культурных конгрессов, организуемых проектом «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

тов, направленных на просвещение и образование, огромен. Их выполнение является для нас не только делом чести, но и главным вектором, определяющим будущее Узбекистана. Ведь именно просвещение и образование ведут к миру и созиданию. Именно просвещение и образование являются ключом к процветанию народов. Именно просвещение и образование ведут людей к благодеяниям, добру, терпимости. И только путем объединения усилий мы сможем достичь этих благих целей».

На этом конгрессе члены Всемирного общества дали высокую оценку реформам, проводимым в Узбекистане в сфере культуры и обратились к Президенту с предложением использовать книги-альбомы, подготовленные в рамках Проекта, в качестве учебных пособий для школ и вузов республики, а также представить их библиотекам нашей страны и мира. Это предложение было поддержано Президентом и правительством Республики Узбекистан. Второе издание многотомной серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», которое читатель держит в руках, предназначено для безвозмездного распространения и является подтверждением этой высокой поддержки.

От имени ученых Всемирного общества мы искренне благодарим Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева за личное внимание и весомую поддержку настоящего Проекта, направленного на сохранение, изучение и популяризацию культурного наследия Узбекистана.

Проект рассчитан на многие годы, поскольку поднимаемые им темы неисчерпаемы. Он доказывает, что наша страна ценит свое культурное наследие не только в настоящем, но и делает все возможное, чтобы сохранить его для будущих поколений.

Э.В. Ртвеладзе,
Председатель научного совета
Всемирного общества
по изучению, сохранению
и популяризации культурного
наследия Узбекистана,
академик Академии наук
Узбекистана

Ф.Ф. Абдухаликов,
Председатель правления
Всемирного общества
по изучению, сохранению
и популяризации культурного
наследия Узбекистана,
заслуженный журналист
Узбекистана

Дунёнинг 40 мамлакатидан
келган 300 дан ортик
олимларга «Узбекистон
маданият мероси жаҳон
тўғрисида» китоб-
альбомлари ҳадя қилинди.
Тошкент ш., 2019 й.

More than 300 scholars from
40 countries received book-
albums of the series "Cultural
Legacy of Uzbekistan in World
collections", Tashkent, 2019.

Более 300 ученых из
40 стран мира получили в
дар книги-альбомы серии
«Культурное наследие
Узбекистана в собраниях
мира», г. Ташкент, 2019 г.

ДАВЛАТ ТАРИХ МУЗЕЙИ
THE STATE HISTORICAL MUSEUM
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ДАВЛАТ ТАРИХ МУЗЕЙИ

И.Л. Журибская

Жахон музейлари орасида Давлат тарих музейи (ДТМ) ўта муҳим ва етакчи ўрин эгаллайди. 1872 йилда Россия миллий музейи сифатида ташкил этилган бу муассаса ҳозирги кунгача Россиянинг бутун тарихини ўзида мужассам этган ягона музей бўлиб қолмоқда, унинг кўп миллионлик жамламаси эса тўлиқлиги ва хилма-хиллиги нуктаи назаридан дунёдаги йирик музейлар тўпламлари билан рақобатланганини мумкин.

XIX аср ўрталарида Россия жамиятининг кўп тартибида кескин масала бўлиб турган Миллий музей яратини гоёси 1872 йилда Бутунроссия политехника кўргазмасига тайёргарлик кўриладиган кунларда ҳаётга татбиқ этилди. Пётр I таваллудининг 200 йиллигига бағишланган Политехника кўргазмаси мамлакатнинг маданий ҳаётида муҳим воқеа бўлганди. Москва марказида жойлашган катта майдондаги (20 гектарга яқин) кўргазма хоналарига ташриф буюрувчилар фаннинг турли соҳалари, шу жумладан ботаника, геология, педагогика, меъморчилик, этнография ва тарих билан танишганлар.

Кўргазманинг бир неча бўлимларида тарих мавзуси асосий ўрин тутган. Унинг очилишига тайёргарлик кўриш жараёнида, тadbир ташкилотчилари бутун юрт тарихи милюддан аввалги даврлардан бошлаб кетма-кет кўрсатиладиган, «тарихчи маълумот олиши учун, ёзувчи, театр директори, артист уларга керакли бўёқларни топиши учун, болалар тарихий воқеалар, тарихий вазиятларни чуқур тушуниб етиши учун, хаттоки саводсиз одам ҳам ўзида мамлакатимизда қачондир соҳир бўлган, бутунги кунда соҳир бўладиган ўзгаришларни, мукамал ҳаёт кеча пайдо бўлмаганини англаши учун керак бўладиган»¹ миллий тарих музейига асос солиш ҳақида императорга илтимоснома киритиш бўйича қарор қабул қилганлар.

Император Александр II бу таклиф билан таниниб чиқиб, уни қўллаб-қувватлаган. 1872 йил 9 февраль кўни музейга тахт юриси, буюк князь Александр Александрович (булажак император Александр III) номи берилишига иш берилган. Шу кун Давлат тарих музейининг тутилган кўни ҳисобланади.

Музей биноси Москва шаҳрида қурилиши ҳақида қарор қабул қилинган, Москва шаҳри Думаси музейга Қизил майдондан муносиб жой ажратган. 1873 йилининг декабрь ойида Авлиё Василий собори (1555–1561) ва унинг атрофидаги XVI–XVII асрларга тааллуқли қадимий рус меъморий ёдгорликларига монанд бўлажак музейнинг қиёфаси аниқлаб олинган. Шу билан бирга ўша вақтнинг ўзида бионинг энг яхши лойиҳаси бўйича танлов эълон қилинган.

Танлов натижалари 1875 йилининг май ойида сарҳисоб қилинган. Энг яхши лойиҳа деб меъмор В.О. Шервуд (1832–1897) ва муҳандис А.А. Семенов (1841–1917)нинг лойиҳалари эътироф этилган бўлиб, комиссия аъзолари фикрига кўра, Шервуд қадимий рус меъморчилиги мавзуларидан фойдаланиб, ўта мураккаб масалани еча олган, яъни музей биноси лойиҳасини Қизил майдоннинг тарихий ансамблига уйғун тарзда ишлатишга муваффақ бўлган. 1875 йилининг 8 август кўни лойиҳа император томонидан тасдиқланиб, 20 августда бионинг тамал тоши қўйилган ва қурилиш ишлари бошлаб юборилган. 1881 йилининг 29 май кўни император қарорига биноан музейга давлат муассасаси мақоми берилиб, Императорлик Россия тарих музейи деб номлана бошланган.

1883 йил 27 майда тож қийдириш маросими кўнларида император Александр III ўзининг турмуш ўртоғи Мария Федоровна билан биргаликда очилишга тайёрланаётган музейга норасмий ташриф буюрган. 1883 йил 2 июнь кўни музей омма учун тантанали очилган.

Бутунги кунда ҳам Россиянинг бошқа музейларига ўхшамаслигини таъминлашга қаратилган музей концепцияси 1885–1908 йиллар давомида 20 йилдан ортиқ музейга раҳбарлик қилган, машҳур тарихчи И.Е. Забелин (1820–1908) томонидан шакллантирилган. «Тарих музейи бу ... камёб нарсалар ёки мислсиз буюмлар музейи эмас, – деб ёзади Забелин, – бу ёдгорликлар, яъни мозийнинг турмуш шароитига томошабинни тизимли равишда олиб киришга қодир турли буюмлар тўпламидир, унга нодир ашёлар эмас, балки оддий кундалик буюмлар қадрироқ, улар кундалик маънавий талаб ва эҳтиёжни қондиришининг ўзи қифоядир»².

Забелин ўтмишнинг ҳар қандай кундалик майда нарсалари, бўлиб ўтган воқеа-ҳодисаларнинг фақатгина қайд қилинишига алоҳида ургу бериб, тарихнинг тирик бир бўлаги бўлишига мустаҳкам ишонч ҳосил қилган эди. Шунинг учун музей жамламаларида нафақат тарихий дурдоналар ва юксак тарихий аҳамиятга эга буюмлар, балки кундалик ҳаётда ишлатиладиган ашёлар ҳам тўпланган. «Биз Эрмитажга тенг келмаймиз, – деб таъкидлаган Забелин, – қолаверса, бизнинг мақсадимиз ҳам бошқа; у санъат ҳам эмас, қимматбаҳо буюмлар ҳам эмас, асли маданий ёдгорликлардир»³.

1. Востужен-Трошин К.П. «Самая величественная Музей имени Государя Императора Александра II». Годов., 1873. Изд. по распоряжению Е.И. Первого Российского Исторического музея. – М., 2008. – 11 бет.

2. Забелин И.Е. «Исторический музей как задача». – М., 2001. – 130 бет.

3. Успенский Г.В. Бет.

Музей фондини тўлдириш ишлари ушбу тамойилларга асосланган ҳолда олиб борилган. Музейнинг дастлабки босқичдаги фаолияти даврида унинг тўпламлари тўлдирилишида совғалар муҳим аҳамиятга эга бўлган. Ҳадя қилганлар орасида императорнинг оила аъзолари, рассомлар, хомийлар, А.П. Бахрушин (1853–1904), П.И. Шчукин (1853–1912) каби тўпловчилар ҳамда Москвада яратилаётган музей тақдирига бефарқ бўлмаган бошқа зиёлилар бўлган. 1917 йилгача бўлган ҳадя қилувчилар рўйхатида россиялик барча ижтимоий катламларга оид 900 дан зиёд кишиларнинг исмлари ўрин олган.

1883 йилда музейнинг дастлабки меҳмонлари тош, бронза ва темир даврига оид, скифлар ва Византия, Оливия ва Пангиканей, Херсонес ва Кавказ залларини томонга қилишлари мумкин бўлган. Залларга қўйилган музей ашёлари тегишли меъморий ва бадний безаклар мунтараклигида намоён этилган. Ушбу гоа граф А.С. Уваров⁴ томонидан илгари сурилган бўлиб, у музей хоналари «рус халқининг бутун тарихий ҳаёти, меъморий ва бадний қарашларининг яққол ва бадний соҳномаси»⁵ бўлиши керак деб ҳисоблаган.

Музей залларини безатишда энг яхши ҳайкалтаронлар катнашинган. «Тош асри» безакли фризи эса машҳур рассом, тарихий рангтасвир устаси В.М. Васнецов (1848–1926) меҳнати маҳсулидир, қадимги Киммерия Боспори – Керчь бўғози манзараси эса бутун дунёга танилган денгиз манзараларини ифодаловчи рассом И.К. Айвазовский (1817–1900) мўйқаламига мансуб, «Булғорда русни дафн этиш маросими» ва «Тунги қурбонликлар» асарлари профессор, Император Рассомлик академияси академиги Г.И. Семирадский (1843–1902) томонидан ишланган. 1883 йилда ушбу музейнинг очилишига қадар кўргазма ўша пайтгача безатиб улгурилган ўн та залга жойлашган эди. Бироқ музейнинг қолган хоналари ҳам бўш қолдирилмаган; уларда мунтазам равишда турли оммабон бадний, адабий, тарихий, этнография кўргазмалари ўтказиб турилган.

Тарих музейи доирасида турли маърузалар ўқилган, турфа жамиятлар йиғилишлари ва курултойлари ташкил этилган. Хусусан, 1890 йилда VIII Археологлар курултойи, 1892 йилда Қадимги дунё тарихи археология ва антропологияси халқаро конгресси, 1894 йилда ўтказилган Рассомлар ва санъат муҳлисларининг Биринчи курултойи бунга мисол бўлади. Бир сўз билан айтганда, музей очилган вақтидан бошлаб Москва-нинг илмий ва маданий ҳаёти марказида бўлган.

1917 йил музей учун кескин ўзгаришлар йили бўлиб, шу йилнинг октябры–ноябры ойларида Москва кўчаларида бўлиб ўтган Октябры куруллойи кўзголуни ушбу воқеаларнинг марказига тушиб қолган музей биноси учун фожиали туганига бир баҳя қолган. Қизил гвардия бўлиналари

шаҳар Думаси ва Кремлини ўкка туттирган, музей деворлари тагида ростмана жанглар бўлиб ўтган. Музей биноси шикастланиб, ойналари синиб кетган, бунинг оқибатида хоналарга осилган расмлар зарар кўрган. Улар орасида Семирадскийнинг «Булғорда русни дафн этиш маросими» асарини ҳам бор эди.

Мазкур воқеалардан аввалроқ, февраль инқилоби кунларида бўлиб ўтган муҳим ҳодисани таниқли археолог, 1903 йилдан 1921 йилгача Тарих музейи сакловчиси бўлган В.А. Горедцов (1860–1945) ўз кундалигида шундай хотирлайди: «Музейнинг очик залига пакана аскар кирди-да, бақира бошлади: «Мана, бизнинг тер тўкиб қилган меҳнатимиз эвазига келган пулларни нималарга сарфлашмоқда: чиркин сопол парчалару ҳеч кимга керакми қозғаларни сакловга қаради, – бу чиқиндиларни илади! Ўртоқлар, – аскар йиғилган оломонга қаради, – бу чиқиндиларни танилаб юбориб, бинонини фабрикага айлантириш керак». Ҳамма ҳаракатга келди. Музейда кўплаб ишчи ва ҳарбийлар бор эди ва улар, афтидан нотикнинг фикрига қўшилишарди»⁶.

Инқилобдан сўнг музей ўз номини ўзгартирди. Эндilikда музей Императорлик музейи деб эмас, Россия давлат тарих музейи деб номлана бошланди (1925 йилдан – Давлат тарих музейи). Бироқ музейда «пецифик давлатида» ишлаган эски мутахассислар аввалгидек ўз жойларида қолган эди.

1920 йилларида инқилобдан кейинги қайта ўзгартиришлар давомидида Тарих музейи тўпламига Румянцев, Ҳарбий-тарихий, «Старая Москва» (Кўҳна Москва) музейлари, «1812 йил музейи» ва ёпилган бошқа музейлардан тўпламлар келиб туша бошлаган. Бунинг натижасида музей жамланмаси анча бойиган. Шу билан бирга музейдаги тўпламларнинг бир қисмини йўқотиш ва хаттоки уни турли мустақил музейларга бўлиб танилаш хавфи пайдо бўлган. И.Е. Забелин вафотидан сўнг, 1909–1921 йилларида Тарих музейини бошқарган Н.С. Шчербатов (1853–1929) бошчилигида бир гуруҳ ходимлар музей тўпламларини сақлаб қолиш учун фаол курашшиларига тўғри келган.

1940 йилда Тарих музейи директори лавозимига Москва олий аёллар куруллойи тарих-филология бўлини маси битирувчиси, кейинги 20 йил давомидида шу лавозимда ишлаган А.С. Карпова (1883–1968) тайинланди. Карпованинг директорлиги даври музей учун энг қийин – Иккинчи жаҳон уруши йилларига тўғри келган. Шаҳарнинг байрон қилиниши музей тўпламларининг бутлигига таҳдид солган эди, шунинг учун уруш бошлангани билан музейнинг қимматбаҳо ашёлари бошқа жойларга кўчирилган.

Бу орада музей ўз фаолиятини давом эттирган бўлса-да, унинг иш тартиби тубдан ўзгарган эди. Музей ходимлари кун тартибидан ма-

⁴ А.С. Уваров (1825–1884) машҳур археолог, Тарих музейининг асосни қўйган бири ва унинг биринчи директори.

⁵ Спасский В.П. О графе Уварове как организаторе Императорского Российского Исторического музея (русс. тилида). СПб.: Стройиздат, 1977. 113-строкотекст (русс. тилида). М.: Наука, 1980. 11-бет.

⁶ Горедцов В.А. Музей, обитатель, поэт. // Из строков текстов (русс. тилида). 123–124-бетлар.

Афсуски, 1891 йилдаги ушбу ўта ноёб Ўрта Осиё кўргазмасининг ашёлари кўргазма ёпилгандан сўнг музей фондида ҳеч қандай из қолдирмай олиб кетилган. Тамаддулнинг ушбу қадимий ўчоғи билан тарихий ва маданий жиҳатдан боғлиқ бўлган музей жамғамалари урнини кейинроқ ёпишга тўғри келган.

Тарих музейи тўпламининг шаклланишида машҳур коллекционер П.И. Шчукиннинг катта хиссаси бор. У 1905 йил Тарих музейига ўзининг 300.000 га яқин буюмдан иборат бой тўпламини инъом этган. П.И. Шчукин тўплами рус ёдгорликларидан танкари Шарқий ва Ғарбий Европада оид буюмларни камраб ичига олган эди. Бу билан у турли маданиятларнинг ўзаро таъсири ғоясини яққол намоён қилишга интилан. Унинг «шарқий» тўплами таркибида бошқа ашёлар билан бир қаторда Ўзбекистоннинг юксак санъатини намоён қилувчи археологик ёдгорликлар, таълама намуналари, сопол ва металл буюмлар ҳам бор эди. П. Шчукин тўпламидаги артефактларни мазкур наشريнинг барча бўлимларида кўриш мумкин.

1905 йилнинг ўзида Тарих музейи фондида қадимий буюмлар заршуноси ва тузувчиси А.П. Бахрунин томонидан совға қилинган яна бир катта тўплам таркибида Ўзбекистон ёдгорликлари келиб тулган.

1917 йилдаги инқилобга қадар музейда савдо расталаридаги мосқаллик антикварлардан ёдгорликларни сотиб олинган тажрибаси йўлга қўйилган. Бундай ҳолатда музейнинг бош инвентарь китобидаги буюмнинг манбаси ҳақидаги қайдда «бозордан сотиб олинган» деб кўрсатилад эди. Шулар орасида Ўзбекистондан келтирилган буюмлар ҳам маъжуд.

1917 йилдаги инқилобдан сўнг музейдаги Ўзбекистон тўпламининг амалий санъатга оид қисми тарихий-маиший экспедициялар ҳисобига, археологияга оид қисми эса Ўзбекистон ҳудудида қазилма ишлари олиб борган илмий муассасалар томонидан музейга топширилган буюмлар ҳисобига сезиларли даражада кўпайган.

Шунингдек, 1930–1940 йилларда Ўзбекистонда (жумладан, Ўзбекистон Тарих ва археология институтида) фаолият кўрсатган ва қадимги Хоразм ёдгорликларининг очилишида иштирок этган А.И. Тереножкин, шунингдек, С.П. Толстов, М.А. Итина томонидан олиб борилган қазилмалар давомида топилган ёдгорликлар ҳозир Тарих музейи тўпламида сақланади.

Машҳур тарихчи, этнограф, археолог, Ўрта Осиё халқлари тарихи тадқиқотчиси, академик С.П. Толстов раҳбарлик қилган собиқ СССР ФА Этнография институти (ҳозирги РФАнинг Этнология ва антропология институти)нинг Хоразм археология-этнография экспедицияси томонидан

дан 1930 йиллардан бошлаб Амударёнинг қуйи қисмида кўп йиллар давомида тадқиқотлар олиб борилган. Олимлар Амударёнинг Оқчаларё йрмоғида олиб борган изланишлари натижасида ибтидоий даврга оид кўплаб археология ёдгорликлари, хусусан тош асри манзилгоҳлари, бронза даври ва илк темир асрига оид қабр тош ва манзилгоҳлар топилди. Ушбу ёдгорликлар 1970 ва 1990 йилларда собиқ СССР ФА Этнография институти тўламини Тарих музейи археология ёдгорликлари бўлимига ўрганиш ва сақлаш учун берилган. Шундан сўнг бугунги кунга қадар Россия институтилари, АКШнинг Харвард ва Пенсильвания ҳамда Буюк Британиянинг Оксфорд университетлари олимлари археология ёдгорликлари билан ишлаб келмоқдалар. Ушбу тўплам буюмлари ҳам мазкур нашрга киритилган.

Тарих музейи томонидан 1950 йиллардан бошлаб Ўрта Осиёда маъмувий тарихий-маиший экспедициялар мунтазам равишда ўтказила бошланган. 1951 йилнинг куз ойларида Ўзбекистонга илк экспедиция юборилган¹¹. Ушбу экспедиция 1952 ва 1953 йилларда Ўрта Осиё тарихий-маиший экспедицияси доирасида ўз ишини давом эттирди. Унда ДТМнинг илмий ходимлари т.ф.н. Э.С. Коган (экспедиция бошлиғи), т.ф.н. Л.И. Якунина, Н.Д. Столова, Г.М. Лебедева, Г.И. Боркум, Л.Н. Гончарова, Э.Н. Бакст, Н.Ф. Левкина, В.И. Бурлаков иштирок этинган.

ДТМ экспедицияси ишида Самарқанд маданият музейи илмий ходимлари М.С. Юсупов, М.Ф. Каплунова, И.А. Акромов, З.Ю. Мухаммадиев ҳамда Фарғона музейининг илмий ходимлари Н.Г. Горбунова ва Б.С. Гамбургнинг ҳам хиссаси катта.

Экспедиция Самарқанд, Хива, Бухоро, Қўқон, Марғилон, Ургут, Риштон, Зарафшон воҳаси ҳамда Ўзбекистон ва Тожикистоннинг бир қатор бошқа шаҳар ва қишлоқлари ҳудудида фаолият олиб борган.

Экспедициянинг вазифаси нафакат ДТМ тўплами учун машҳур Ўрта Осиё ҳунармандчилигини ақс эттирувчи бадий буюмларни қилириш ва харид қилиш, балки XIX–XX аср бошларида ҳунармандлар ва деҳқонлар ҳаёти ҳамда фаолиятини ўрганишдан ҳам иборат бўлган.

Ўрта Осиё экспедицияси уч йиллик фаолияти давомида 550 та буюм тўплаган. Бугунги кунда ДТМ жамғармаларида сақланаётган ўзбекистонлик кулол, заргар, тўқимачи, тикувчи, гул босувчи, бўёкчи усталарнинг меҳнат қуроллари ва маҳсулотлари, ҳужжатлар ва фотосуратлар, матолар намуналари, қанталар қадимги кўринишдаги ўзбек либосларидан намуналар, қимматбаҳо металллардан ишланган буюмлар ва кўплаб бошқа артефактлар улар орасидан ўрин олган.

11. ДТМ ОНН 432-сонли
Рўйсони
Саъд бери 1-4

Grand Duke Alexander Alexandrovich (future Emperor Alexander III) to it. The State Historical Museum recounts its history from that day on.

The decision was made to erect the building of the Museum in Moscow. The Moscow City Duma chose a worthy site – Red Square. In December 1873, the architectural image of the future museum was fixed; it was oriented to the Cathedral of St. Basil the Blessed (1555–1561) and close monuments of old Russian architecture of the 16th–17th centuries. Then, a contest for the best design of the building was announced.

The results of the competition were summed up, May 1875. The brightest project was the design of architect V.O. Shervud (1832–1897) and engineer A.A. Semenov (1841–1917). In the opinion of the commission members, Shervud, using the motives of the ancient Russian architecture, was able fulfil the most complicated task – to achieve an organic entry of the museum building into the historic ensemble of Red Square. On August 8, 1875, the design was approved by the emperor. On August 20, a festive ceremony of laying the foundation stone for the building and the construction works commenced. On May 29, 1881, the museum received the status of state institution and became known as the Imperial Russian Historical Museum.

On May 27, 1883, on the days of coronation ceremonies, Emperor Alexander III and Empress Maria Fedorovna paid an unofficial visit to the museum, prepared for the opening. On June 2, 1883, the museum was opened for the public.

The concept of the Museum, which is still unlike any other Russian museums, was formulated by the famous historian I.E. Zabelin (1820–1908), who was the head of the Museum for over 20 years – from 1885 to 1908. "The Historical Museum is not ... a museum of rarities, of unprecedented stuff, but it is a collection of monuments, i.e. various objects that systematically introduce the visitor into the everyday order of the passing life, why the roads for them are not rarities, but all sorts of ordinary things, so long as they replenish the general circle of household needs and requirements."²

Zabelin was firmly convinced that every ordinary trifle of past centuries became a living fabric of history, giving a special scent to the dry list of events. Therefore, the collection of the Museum comprised not only historical rarities and objects of high historical significance, but also ordinary household items. "We cannot compete with the Hermitage," Zabelin noted, and our goals differ: not art, not jewelry, but cultural objects proper."³

² Zabelin, I.E. *Diaries*. 2001. Notebooks. Moscow. P. 130.

³ *Ibid.*, p. 135.

The acquisition of collection for the Museum took place in accordance with these principles. At the initial stage of the Museum's existence, gifts played a significant role in the replenishment of its collections. Among the donors there are members of the imperial family, artists, patrons, collectors such as A.P. Bakhrushin (1853–1904), P.I. Shchukin (1853–1912) and many others, all those who were not indifferent to the fate of the Museum in Moscow. The list of donors until 1917 included more than 900 people representing all social strata of Russia.

The first visitors of the Museum in 1883 could see the halls of the Stone Age, the Bronze and Iron Ages, the Scythian and Byzantine halls, the halls of Olvia and Panticapaeus, Chersonesos and the Caucasus. Exhibits in the halls were presented in the context of corresponding architectural and artistic design of the Museum space. It was conceived by Count A. Uvarov⁴, who believed that the Museum halls should be "a visual and artistic chronicle of architectural and artistic tastes throughout the historical life of the Russian people."⁵

The design of the Museum halls was created by the best monumentalist artists. Thus, the decorative frieze "The Stone Age" was made by the celebrated artist, the master of historical painting V.M. Vasnetsov (1848–1926), the picturesque panorama of the Kerch Strait – the ancient Bosphorus of Cimmeria, was painted by the world-famous seascapes painter Ivan Konstantinovich Aivazovsky (1817–1900), while two large pictures, "The Burial of the Russ in Bulgar" and "Night Sacrifices" were painted by G.I. Semiradsky, professor, academician of the Imperial Academy of Arts (1843–1902).

At the time of the opening of the Museum in 1883, the exposition was located only in the first ten halls, the design of which was completed by that time. However, other museum premises were not empty and regularly hosted exhibitions – art, literature, history, ethnography, – and enjoyed great popularity.

In the lecture hall of the Historical Museum lectures were given, meetings and congresses of various societies were organized: the 8th Archaeological Congress was held in 1890, the International Congress of Prehistoric Archeology and Anthropology took place in 1892, and the First Congress of Artists and Art Lovers was arranged in 1894. In a word, since its opening, the Museum has always been in the center of the scientific and cultural life of Moscow.

The year 1917 was a turning point for the Museum, and the battles in the streets of Moscow during the October armed uprising in October and November were almost tragic for the building which became the

⁴ A.S. Uvarov (1825–1884) – famous archaeologist, one of the founders and the first director of the Historical Museum.

⁵ Sizov, V.I. On Count Uvarov as the organizer of the Imperial Russian Historical Museum (published by N.B. Strzhemechny). And behind the line of memories is a great life. *Memoirs, diaries, letters*. Moscow, 1967. P. 11.

epicenter of these events. Detachments of the Red Guard fired artillery shelling the City Duma and the Kremlin, a real battle was unfolding under the walls of the Museum. The building was damaged, glass window was broken, paintings in the halls, including Semiradsky's "Burial of the Russ" were damaged.

A notable episode, which occurred a little bit earlier, during the February Revolution, was described by a well-known archaeologist V.A. Gorodtsov (1860–1945), who was the custodian of the Historical Museum from 1903 to 1921: "A little Ukrainian soldier entered the open halls of the Museum and began to shout", "This is where our labor pennies are spent: they are building million houses to store dirty shards and papers of no use at all! Comrades, – this soldier turned to the crowded public, – all this manure must be thrown out, and in the building there should be a factory." There emerged a movement. The Museum was full of soldiers and laborers, and they apparently shared the views of the speaker."

After the revolution, the Museum changed its name. From now on it was no longer called the Imperial Museum, but the State Russian Historical Museum (from 1925 on – the State Historical Museum). However, the old specialists who worked at the Museum in the tsarist time still continued working.

In the 1920s, in the course of numerous post-revolutionary reorganizations, the collections of the liquidated museums – the Rumyantsev Museum, the Military-Historical Museum, the Old Moscow Museum, the Museum of 1812, and others began to enter the collection of the Historical Museum. The Museum collections increased unprecedentedly. At the same time, the Museum itself was in danger of losing part of the collections and even the threat of dismemberment into a number of independent museums. The staff and N.S. Shcherbatov (1853–1929), who headed the Historical Museum in 1909–1921 after I.E. Zabelin's death, had to actively fight for the integrity of the museum collection.

In 1940, A.S. Karpova (1883–1968), a graduate of the history and philology department of the Moscow Higher Women's Courses, was appointed director of the Historical Museum, and she stayed in office for more than 20 years. Karpova's directorate fell on the difficult years for the Museum during World War II. Bombing raids threatened the integrity of the Museum collections, thus at the very beginning of the War, the most valuable exhibits were evacuated.

The Museum, meanwhile, continued to work, but radically changed its activities. The staff of the Museum prepared exhibitions about the pressing issues of the day on the basis of TASS photos, posters and oth-

6 Gorodtsov, V. A. *Museum events, people... And behind the line of memory is a great life*. Pp. 123–124.

er military documentary and materials, brought by the Museum staff who had repeatedly visited military units during the war years. Only once the doors of the Museum were closed for visitors. This happened in late October 1941, when windows were smashed by heavy bombing. But on November 7, 1941, the Museum again admitted visitors and was not closed ever since.

In 1944, the Museum collections were brought back from evacuation. In the same year the collection of the Museum was replenished with a unique exhibit. It was a 5-ton marble sarcophagus of the 4th century BC. The sarcophagus, prepared by the Germans for dispatch to Germany, was taken from Kerch by a scholar of the department of archeology N.V. Pyatysheva, who, despite enormous difficulties, was able to deliver it to the Museum. The event was almost unrealistic in the conditions of the ongoing war.

After the war, the Museum activities gradually improved, the permanent exposition was restored, and collecting of artifacts continued.

In 1986, repair and restoration works started and continued for many years in the building of the Museum, which centenary was celebrated. During the restoration, murals and frescoes were restored, including the "Family Tree of Russian Sovereigns" in the Parade Seni (outer entrance hall), whitewashed during the Soviet period for ideological reasons, and the architectural ornaments of the halls which were liquidated at the same time. The four cornered towers of the Museum were returned to the top in the form of golden double-headed eagles, and lions and unicorns to the intermediate towers. The solutions of these uneasy repair and restoration tasks happened during the directorship of K.G. Levykin (professor of Moscow State University, in 1976–1992, director of the State Historical Museum – the SHM) and A.I. Shkurko (director of the SHM in 1992–2010, now the president of the Historical Museum). Since 2010, the director of the Museum is Candidate (PhD) of History, specialist in the Russian and foreign weaponry, A.K. Levykin.

After the completion of repair and restoration works in the halls of the main building of the Museum on Red Square, an exposition was opened, representing the history of Russia from ancient times (the Paleolithic) to the late 19th century. The exhibition grounds of the Museum regularly hold the archival and thematic exhibitions from the collection of SHM and collections of the Russian and foreign partners.

Today, the regularly updated collection of the Historical Museum houses about 5 million items, more than 15 million sheets of documentary sources, being one of the largest in the world.

7 *State Historical Museum in the years of the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow, 1968. Pp. 68–71.

However, the Historical Museum is not only the largest repository of antiquities and a prestigious exhibition area for many museums around the world, but also it is the multi-disciplinary research center, where scholars of different generations and academic schools have worked and continue working.

The Collection of Artifacts Relating to the History and Culture of Uzbekistan in the State Historical Museum

The materials related to the history and culture of Uzbekistan first appeared in the Historical Museum in 1891, when a large-scale Central Asian exhibition was held from 11 May to 18 November, 1891 in twenty halls of the Museum and, according to witnesses, "presented a fairly cozy corner of Central Asia."⁸

The opening of the exhibition was very festive in the presence of the Governor General of Moscow, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Emperor Alexander III also attended the opening day. Before that, he managed to get acquainted with the French Industrial Exhibition, held on the same days in Moscow. An eyewitness wrote, "hours before the arrival of the Emperor, the entire square in front of the Historical Museum was full of people who had come to greet him". The Emperor visited all the halls of the exhibition, stopping in front of many displays. Some of the items he liked in particular, for instance, the Bukhara carpets, some of which he had asked to keep for himself. While leaving the exhibition, the Emperor thanked its organizers and said in parting, "this is the exhibition indeed, while the French one is simply a bazaar!"⁹

Unfortunately, after its closure, exhibits of this interesting Central Asian exhibition of 1891 left the Museum without any traces in the collection; and the gaps of the Museum collection related to the history and culture of this ancient civilization had to be filled later.

The famous collector P.I. Schukin played a major role in the formation of the collection of the Historical Museum. In 1905, he donated to the Historical Museum his entire collection (about 300,000 items). Apart from the Russian artifacts, Shchukin's collection included the Oriental and Western-European items.

Having deliberately set a goal of collecting not only artifacts of Russian origin, but also of Oriental and Western-European origin, Shchukin aimed to demonstrate the idea of the reciprocal influence of cultures. His "Eastern" collection, along with others, included high quality objects from Uzbekistan: archeological finds, samples of fabrics,

⁸ Varentsov, N.A. *The beard. The seen. The conceived. The experienced.* Moscow, 1990. P. 110.

⁹ *Ibid.*, p. 111.

¹⁰ *Ibid.*, p. 113.

ceramics, and items made of metal. Artifacts from Shchukin's collection can be found in different sections of this publication.

Masterpieces from Uzbekistan came to the collection of the Historical Museum as a part of another major collection that was donated to the Museum by a connoisseur and collector of antiquity A.P. Bakhrushin in that same year 1905.

Before the revolution of 1917, the Museum purchased antiquities from Moscow antique dealers, whose stores were located in rows of goods stalls. In this case, the entry on the source of the item in the Museum Main Inventory was: "Purchased at auction." Among such items are those of Uzbek origin.

After the revolution of 1917, the applied art part of the Uzbek collection was significantly enriched due to the historical-ethnographic expeditions, while the archeological component was acquired due to the collections which had been transferred to the Museum by research institutions, excavated in the territory of Uzbekistan.

The Historical Museum houses a collection of finds from the archeological excavations of A.I. Terenozhkin who worked in Uzbekistan in the 1930s-1940s (including the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan), and participated in the disclosure of a series of sites in ancient Khorezm, from S.P. Tolstov and M.A. Itina's excavations.

The Khorzem archeological and ethnographic expedition of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR (what is currently known as the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences), which for many years was headed by the renowned historian, ethnographer, archeologist, researcher of the history of the peoples of Central Asia, academician S.P. Tolstov, from the 1930s and throughout many years, conducted research in the lower reaches of the Amu Darya. Thanks to the work of scholars, the Akcha Darya delta of the Amu Darya, several archeological sites of the primordial time, like sites of the Stone Age, burial grounds and settlements of the Bronze and early Iron Age were researched. In the 1970s and 1990s the collection of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR was moved to the Department of Archeological Sites of the Historical Museum for storage as well as to be studied. From then on, researchers from the Russian institutions, Harvard University, the University of Pennsylvania, and the University of Oxford worked with them. The artifacts from this collection are also included in the present edition.

The Historical Museum's complex historical and ethnographic expeditions to Central Asia began to regularly take place in the 1950s. The first expedition to Uzbekistan was organized in the fall of 1951¹¹. In 1952 and 1953, works continued within the framework of the complex historical and ethnographic expedition. Scholars of the Historical Museum such as Doctor E.S. Kogan (the head of the expedition), doctors L.I. Yakunina, N.D. Stolova, G.M. Lebedeva, G.I. Borkum, L.N. Goncharova, E.I. Bakst, N.F. Levkina and V.I. Burlakov participated in this expedition.

Researchers of the Samarkand Museum of Culture M.S. Yusupov, as well as M.F. Kaplunova, I.A. Akramov, Z.Y. Muhamediev and the researchers of the Fergana Museum N.G. Gorbunova and B.S. Gamburg also participated in the expedition organized by the State Historical Museum.

The expedition took place in Samarkand, Khiva, Bukhara, Kokand, Margilan, Urgut, Rishtan, the Zarafshan Valley and a number of other cities and villages of Uzbekistan as well as in Tajikistan.

The tasks of the expedition included not only the search and purchase of artifacts representing the famous crafts of Central Asia, but also the study of the production, the everyday life of the artisans and peasants of the late 19th – early 20th centuries.

For three years the Central Asian expedition collected 550 items such as wares, goods and tools of artisans of Uzbekistan: potters, jewelers, weavers, calico-printers, and dyers. The objects also included documents, samples of fabric, embroidery, old types of Uzbek clothes, adornments made of precious metals and many other artifacts, now kept in the SHM.

The next historical and ethnographic expeditions to Uzbekistan and other regions of Central Asia took place in 1965, 1967, 1968, 1972, 1976, 1977, 1979, 1982 and were devoted to the history and art of the 20th century.

Summarizing the above, it should be noted that the formation of the collection related to the history and culture of Uzbekistan at the State Historical Museum, begun at the end of the 19th century and continued for many decades, gradually replenishing from various sources: gifts, collections transferred to the Museum from other institutions, historical folk expeditions, and procurement.

Тарих музейининг қурилиш
майдончаси. Пойдевор.
1876 йил фотосурати.

Construction site of the
Historical museum.
Foundations. Photo of 1876.

Строительная площадка
Исторического музея.
Фундаменты.
Фотография. 1876 г.

¹¹ Sticks of the CHM staff
Historical Museum, vol. 4
No. 132, Register 1, unit 1-4

Individual artifacts of the Uzbek collection, kept in different funds of the Museum, are presented in permanent exhibition, and included in various exhibition projects in Russia as well as abroad. However, in this publication, which is the first joint scientific project of the Historical Museum and Uzbekistan, they have been gathered together for the first time.

It should be noted that all the materials of the State Historical Museum, brought forward the readers in this book-album, are published for the first time.

И.Е. Забелин портрети.
Рисом В.А. Серов. Мато,
моабук. 1892.
Иван Егорович Забелин
(1820–1908) – археолог,
тарихчи, Россия
императорлик тарихий
музейининг 1885–1908
йиллардаги раис уртоғи
(директори).

The portrait of I.Y. Zabelin. Artist
V.A. Serov. Oil on canvas. 1892.
Ivan Yegorovich Zabelin
(1820–1908) – archaeologist,
historian and Vice-chairman
(director) of the Imperial Russian
History Museum from 1885 to
1908.

Портрет И.Е. Забелина.
Худ. В.А. Серов. Холст, масло.
1892 г.
Иван Егорович Забелин
(1820–1908) – археолог,
историк, товарищ
председателя (директор)
Российского императорского
исторического музея с 1885
по 1908 годы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

И.Л. Журавская

Среди музеев мира Государственный исторический музей (ГИМ) занимает особо значимое и почетное место. Основанный в 1872 г. как российский национальный музей, он и по сегодняшний день остается единственным Музеем, представляющим всю отечественную историю, а его многомиллионная коллекция с точки зрения полноты и разнообразия может поспорить с собраниями крупнейших музеев мира.

Идея создания национального музея, остро стоявшая на повестке дня в российском обществе в середине XIX в., была воплощена в жизнь в дни подготовки Всероссийской политехнической выставки 1872 г. Приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра I политехническая выставка стала крупным событием в культурной жизни страны. Ее выставочные павильоны, занявшие огромное (около 20 гектаров) пространство в центре Москвы, знакомили посетителей с различными отраслями знаний: ботаникой, геологией, педагогикой, архитектурой, этнографией, историей...

Историческая тематика была представлена избирательно в нескольких отделах выставки.

В ходе подготовки к открытию ее устроители решили ходатайствовать перед императором об основании в России национального исторического музея, где последовательно была бы представлена вся история Отечества начиная с доисторических времен, и куда всегда могли бы прийти: «историк за справкой, романист, директор театра, артист за нужными ему красками, куда могли бы привести детей, чтобы навеки запечатлеть в их памяти историческое событие и историческую обстановку, куда мог бы прийти и необразованный человек и вынести желание узнать, что было когда-то и что есть теперь, чтобы узнать, что не со вчерашнего дня началась разумная жизнь в нашей стране»¹.

Император Александр II ознакомился с этим предложением и поддержал его. 9 февраля 1872 г. последовало высочайшее соизволение на устройство Музея с присвоением ему имени наследника престола, вели-

кого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III). С этого дня исчисляет свою историю Государственный исторический музей.

Было принято решение о строительстве здания Музея в Москве. Московская Городская дума выделила для него достойнейшее место – на Красной площади. В декабре 1873 г. был определен архитектурный образ будущего музея, ориентированный на собор Василия Блаженного (1555–1561 гг.) и близкие памятники древнерусского зодчества XVI–XVII вв. Тогда же объявили конкурс на лучший проект здания.

Итоги конкурса подводились в мае 1875 г. Лучшим был признан проект архитектора В.О. Шервуда (1832–1897) и инженера А.А. Семенова (1841–1917). По мнению членов комиссии, Шервуд, используя мотивы древнерусского зодчества, смог решить сложнейшую задачу – добиться органичного вхождения здания Музея в исторический ансамбль Красной площади. 8 августа 1875 г. проект был утвержден императором. 20 августа состоялась торжественная закладка здания, началось строительство. 29 мая 1881 г. решением императора Музей получил статус государственного учреждения и стал называться Императорским Российским историческим музеем.

27 мая 1883 г., в дни коронационных торжеств, император Александр III и императрица Мария Федоровна посетили готовящийся к открытию Музей с неофициальным визитом. 2 июня 1883 г. Музей торжественно распахнул свои двери для публики.

Концепция Музея, делающая его и сейчас непохожим на все другие российские музеи, была сформулирована известным историком И.Е. Забелиным (1820–1908), возглавлявшим его более 20 лет – с 1885 по 1908 гг. «Исторический музей не есть ... музей редкостей, невиданных вещей, – писал Забелин, – он есть собрание памятников, т.е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок миновавшей жизни, по чему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей»².

Забелин был твердо убежден, что любая обыденная мелочь прошлых веков становится живой тканью истории, придавая особый аромат сухому перечню событий. Поэтому в коллекции Музея собирались не только исторические раритеты и вещи высокой исторической значимости, но и рядовые бытовые предметы. «С Эрмитажем мы не можем равняться, – отмечал Забелин, – да и цели наши иные, не искусство, не драгоценности, но собственно культурные предметы»³.

В соответствии с этими принципами проходило и комплектование музейных фондов. На начальном этапе существования Музея весомую

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Смысл и значение Музея имени Государя наследника Цесаревича // Голос. 1873. Цит. по Юхименко Е.М. Первый Российский Исторический Музей. – М., 2008. – С. 11.

2. Забелин И.Е. Описание коллекций книжки. – М., 2001. – С. 130.

3. Там же. – С. 135.

роль в пополнении его собраний сыграли дары. Среди дарителей были члены императорской семьи, художники, меценаты, коллекционеры А.П. Бахрушин (1853–1904), П.И. Щукин (1853–1912) и многие другие, все те, кому небезразлична была судьба рождающегося в Москве музея. В списке дарителей до 1917 г. числится более 900 человек, представлявших все социальные слои России.

Первые посетители, пришедшие в Музей в 1883 г., могли увидеть, запыленные залы каменного века, периода бронзы и железа, скифский и византийский, залы Ольвии и Пагитканея, Херсонеса и Кавказа. Экспонаты, находившиеся в залах, преподносились в контексте соответствующего архитектурного и художественного оформления музейного пространства. Так было задумано еще графом А.С. Уваровым⁴, считавшим, что музейные залы должны быть «наглядной и художественной летописью архитектурных и художественных вкусов во все время исторической жизни русского народа»⁵.

В оформлении музейных залов участвовали лучшие художники-монументалисты. Так, декоративный фриз «Каменный век» выполнил прославленный художник, мастер исторической живописи В.М. Васнецов (1848–1926), живописная панорама Керченского пролива – древнего Боспора Киммерийского – принадлежит кисти всемирно известного художника-мариниста И.К. Айвазовского (1817–1900), два больших подюгана «Похороны руса в Булгаре» и «Ночные жертвоприношения» были написаны профессором, академиком Императорской Академии художеств Г.И. Семирадским (1843–1902).

К моменту открытия Музея в 1883 г. экспозиция размещалась лишь в первых десяти залах, оформление которых к тому времени было закончено. Однако не пустовали и остальные музейные помещения, в которых регулярно устраивались выставки – художественные, литературные, исторические, этнографические, пользовавшиеся огромной популярностью.

В аудитории Исторического музея читались лекции, проходили заседания и съезды различных обществ: в 1890 г. прошел VIII Археологический съезд, в 1892 г. – Международный конгресс доисторической археологии и антропологии, в 1894 г. – Первый съезд художников и любителей художеств. Одним словом, с момента открытия Музей постоянно находился в центре научной и культурной жизни Москвы.

1917 год стал поворотным для Музея, а бои, которые велись на улицах Москвы в дни Октябрьского вооруженного восстания в октябре-ноябре этого года, едва не оказались трагическими для музейного здания, попавшего в эпицентр этих событий. Отряды Красной гвардии вели артилле-

4 А.С. Уваров (1825–1884) – известный археолог, один из основателей и первый директор Исторического музея.

5 Ситков В.П. «Открытие Уварова как организатора Императорского русского исторического музея (публикации П.Б. Стрыковского) // 11-й съезд историков и краеведов по научной работе. М.: Музейная наука, 1997. С. 11.

рийский обстрел здания Городской думы и Кремля, под стенами Музея развернулось настоящее сражение. Музейное здание получило пробития, были разбиты стекла, пострадали висевшие в залах картины, в том числе поютню Семирадского «Похороны руса».

Знаменательный эпизод, произошедший несколько ранее, в дни Февральской революции, описал в своих дневниках известный археолог, бывший с 1903 по 1921 гг. хранителем Исторического музея, В.А. Городцов (1860–1945): «В открытые залы музея вошли солдат-малоросс и начал кричать: «Вот куда наши трудовые гроши тратят: строят миллионные дома для хранения потных черенков и никуда не годных бумаг! Товарищи, – обратился этот солдат к сбегавшейся публике, – весь этот навоз нужно бросить вон, а в доме устроить фабрику». Произошло движение. В Музей оказалось много солдат и чернорабочих, и они, видимо, разделяли взгляды оратора»⁶.

После революции Музей поменял свое название. Отныне он именовался уже не Императорским, а Государственным Российским Историческим музеем (с 1925 г. – ГИМ). Однако старые специалисты, работавшие в Музее еще в «царское время», по-прежнему оставались на своих местах.

В 1920-е гг. в ходе многочисленных послереволюционных реорганизаций в собрание Исторического музея начали поступать коллекции ликвидированных музеев – Румянцевского, Военно-исторического, музея «Старая Москва», Музея 1812 г. и др. Фонды Музея беспрецедентно увеличились. В то же время ему самому грозила опасность потери части собраний и даже угроза расчленения на ряд самостоятельных музейных образований. Коллективу сотрудников во главе с Н.С. Щербатовым (1853–1929), возглавлявшим Исторический музей после смерти И.Е. Забелина в 1909–1921 гг., приходилось активно бороться за целостность музейного собрания.

В 1940 г. на должность директора Исторического музея была назначена А.С. Карпова (1883–1968), выпускница историко-филологического отделения Московских высших женских курсов, оставшаяся на этом посту более 20 лет. На директорство Карповой пришлось тяжелое для Музея годы Второй мировой войны. Бомбежки ставили под угрозу целостность фондовых коллекций Музея, поэтому уже в самом начале войны его ценнейшие экспонаты были эвакуированы.

Музей тем временем продолжал работу, формы которой кардинально поменялись. Сотрудники Музея готовили выставки на злобу дня на основе фотохроники ТАСС, плакатов и других военных документальных и вещных материалов, которые привозили из своих опасных командировок сотрудники Музея, не раз выезжавшие в воинские части в годы войны. Лишь

6 Городцов В.А. Музей в дни революции. М.: Музейно-строительный институт, 1924. С. 123–124.

один раз двери Музея закрылись для посетителей. Это случилось в конце октября 1941 г., когда из-за сильных бомбежек были разбиты окна. Но 7 ноября 1941 г. Музей вновь принял посетителей и более не закрывался.

В 1944 г. из эвакуации стали возвращаться музейные фонды. В том же году собрание Музея пополнилось уникальнейшим экспонатом. Это был 5-тонный мраморный саркофаг IV в. до н.э. Саркофаг, приготовленный немцами для отправки в Германию, был вывезен из Керчи сотрудником отдела археологии Н.В. Пятыхевой, которая, несмотря на колоссальные трудности, сумела доставить его в Музей⁷. Событие почти невероятное в условиях продолжавшейся войны.

После окончания войны музейная жизнь стала постепенно налаживаться, была восстановлена постоянная экспозиция, продолжилась собирательская деятельность.

В 1986 г. в здании Музея, отметившего свой столетний юбилей, начались ремонтно-реставрационные работы, затянувшиеся на много лет. В ходе реставрации были восстановлены росписи и фрески, в том числе «Родословное древо российских государей» в Парадных сенях, забеленное в годы Советской власти из идеологических соображений, и архитектурные украшения залов, собитые тогда же. Четырем угловым башням Музея вернули наверх в виде золотых двуглавых орлов, а промежуточно-реставрационных задач пришлось на директорство К.Г. Левакина (профессор МГУ, в 1976–1992 гг. директор ГИМ) и А.И. Шкурко (директор ГИМ в 1992–2010 гг., в настоящее время – президент Исторического музея). С 2010 г. Музей возглавляет к.и.н., специалист в области русского и зарубежного оружия А.К. Левыкин.

После окончания ремонтно-реставрационных работ в залах основного здания Музея на Красной площади была открыта экспозиция, представляющая историю России с древнейших времен (эпоха палеолита) до конца XIX в. На выставочных площадках Музея регулярно устраивались фондовые и тематические выставки из собрания ГИМ и коллекций его российских и зарубежных партнеров.

Сейчас регулярно пополняемое собрание Исторического музея насчитывает около 5 миллионов предметов, более 15 миллионов листов документальных источников и входит в число крупнейших в мире.

Однако Исторический музей является не только крупнейшим хранилищем древностей и престижной выставочной площадкой для многих музеев мира, он давно уже стал признанным многопрофильным научно-исследовательским центром, в стенах которого работали и продолжают работать ученые разных поколений и научных школ.

7 Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1988. – С. 68–71.

Коллекция по истории и культуре Узбекистана в Историческом музее

Материалы, связанные с историей и культурой Узбекистана, впервые появились в Историческом музее в 1891 г., когда в его залах была открыта масштабная Среднеазиатская выставка. Она проходила с 11 мая по 18 ноября 1891 г., располагалась в 20 музейных залах и, по словам очевидца, «представляла собой довольно уютный уголок Средней Азии»⁸.

Открытие выставки проходило торжественно в присутствии генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. В день ее открытия в Музей прибыл император Александр III. Перед этим он успел ознакомиться с Французской промышленной выставкой, проходившей в те же дни в Москве. «Вся площадь перед Историческим музеем за много часов до прибытия государя была переполнена народом, собравшимся встретить его», – пишет очевидец⁹. Государь обошел все залы выставки, останавливаясь перед многими витринами. Некоторые изделия которых он просил оставить для себя. Покидая выставку, Александр III поблагодарил ее устроителей и сказал на прощанье: «Вот эта, действительно, выставка, а французская – базар!»¹⁰.

К сожалению, экспонаты этой чрезвычайно интересной Среднеазиатской выставки 1891 г. после ее закрытия покинули стены Музея, не оставив следа в его фондах. Лакуны музейного собрания, связанные с историей и культурой этого древнейшего очага цивилизации, пришлось закрывать позднее.

Большую роль в формировании коллекции Исторического музея сыграл известный коллекционер П.И. Щукин. В 1905 г. он передал в дар Музею все свое богатейшее собрание (около 300 000 предметов). Помимо российских памятников, коллекция П.И. Щукина включала собрание восточных и западноевропейских предметов.

Сознательно поставив задачу собирать артефакты не только русского происхождения, но также восточного и западноевропейского, Щукин стремился наглядно продемонстрировать идею взаимовлияния культур. В его «восточное» собрание наряду с прочими входили высокохудожественные предметы из Узбекистана: археологические памятники, образцы текстиля, керамики, изделия из металла. Артефакты из Щукинского собрания можно увидеть во всех разделах настоящего издания.

Памятники из Узбекистана поступили в собрание Исторического музея в составе еще одной крупной коллекции, переданной в дар Музею ценителем и собирателем старины А.П. Бахрушиным в том же 1905 г.

8 Баренсон П.А. События в музее. Вспомогательная литература. Пережитое. – М., 1989. – С. 110.

9 Там же. – С. 111.

10 Там же. – С. 113.

Вплоть до революции 1917 г. в Музее существовала практика покупки памятников старины у московских антикваров, лавки которых находились в торговых рядах. В этом случае запись об источнике поступления предмета в Главной инвентарной книге Музея гласила: «Куплено на торгу». Среди таких экспонатов есть предметы узбекского происхождения.

После революции 1917 г. прикладная часть узбекской коллекции значительно пополнилась за счет историко-бытовых экспедиций, а его археологическая часть – за счет коллекций, переданных Музеем научными учреждениями, проводившими раскопки на территории Узбекистана.

В Историческом музее хранится коллекция памятников из раскопок археолога А.И. Тереножкина, работавшего в Узбекистане в 1930–1940-е гг. (в том числе в Институте истории и археологии АН Узбекистана) и участвовавшего в открытии ряда памятников древнего Хорезма, из раскопок С.П. Толстова, М.А. Итиной.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР (нынешний Институт этнологии и антропологии РАН), которую много лет возглавлял известный историк, этнограф, археолог, исследователь истории народов Средней Азии академик С.П. Толстов, начиная с 1930-х гг. в течение многих лет проводила исследования в низовьях Амударьи. Благодаря работе ученых в Акчадарьинской дельте Амударьи были исследованы многочисленные археологические памятники первобытных эпох – стоянки каменного века, могильники и поселения эпохи бронзы и раннего железного века. В 1970-х, 1990-х гг. коллекции из Института этнографии АН СССР были переданы на хранение и изучение в Отдел археологических памятников Исторического музея. С тех пор с ними работали ученые из российских институтов, Гарвардского и Пенсильванского университетов США, Оксфордского университета Великобритании. Фотографии предметов из этой коллекции также можно увидеть на страницах настоящего издания.

Комплексные историко-бытовые экспедиции в Среднюю Азию начали регулярно проводиться Историческим музеем с 1950-х гг. Первая экспедиция в Узбекистан была отправлена осенью 1951 г.¹¹ В 1952 и 1953 гг. она продолжила работу в рамках комплексной Среднеазиатской историко-бытовой экспедиции. В ней приняли участие научные сотруд-

*Давлат тарих музейида
Урта Осиё кўрғазмаси.
Хунармандчилик завод
санъати зали. 1891 йил.
Фототипия.*

*The Central Asian exhibition in
the State Historical Museum.
The Hall of handicraft and
factory industry.
1891. Phototype.*

*Среднеазиатская выставка
в Историческом музее.
Зал кустарно-заводской
промышленности.
Фототипия. 1891 г.*

ники ГИМ к.и.н. Э.С. Коган (начальник экспедиции), к.и.н. Л.И. Якунина, Н.Д. Стоянова, Г.М. Лебедева, Г.И. Боркум, Л.Н. Гончарова, Э.И. Бакст, П.Ф. Левкина, В.И. Бурлаков.

В экспедиционной работе ГИМ участвовали научные сотрудники Самаркандского музея культуры М.С. Юсупов, М.Ф. Каплунова, И.А. Акрамов, З.Ю. Мухаммадиев и научные сотрудники Ферганского музея Н.Г. Горбунова и Б.С. Гамбурц.

Экспедиция работала в Самарканде, Хиве, Бухаре, Коканде, Маргилане, Ургуче, Ринитане, в долине Зарафшана и целом ряде других городов и кишлаков на территории Узбекистана, а также в Таджикистане.

В задачу экспедиции входили не только поиски и закупки для собрания ГИМ художественных изделий, представляющих знаменитые среднеазиатские промыслы, но также изучение производства и быта ремесленников и крестьян в XIX – начале XX вв.

За три года работы Среднеазиатская экспедиция собрала 550 предметов, среди которых изделия и орудия труда мастеров из Узбекистана: гончаров, ювелиров, ткачей, набойщиков, красильщиков, документы и фотографии, образцы тканей, вышивок, узбекской одежды старинных форм, украшения из драгоценных металлов и многие другие артефакты, хранящиеся теперь в фондовых собраниях ГИМ.

Следующие историко-бытовые экспедиции в Узбекистан и другие регионы Средней Азии проходили в 1965, 1967, 1968, 1972, 1976–1977, 1979, 1982 гг. и были посвящены главным образом истории и искусству XX в.

Резюмируя сказанное выше, заметим, что формирование в Государственном историческом музее коллекции, продолжавшееся в течение многих десятилетий, началось в конце XIX в., продолжилось в течение многих десятилетий, постепенно пополняясь из разных источников: даров, коллекций, переданных Музеем другими учреждениями, историко-бытовых экспедиций, закупок.

Отдельные артефакты узбекской коллекции, хранящиеся в разных фондовых собраниях ГИМ, представлены в его постоянной экспозиции, участвуют в различных выставочных проектах на территории России и за рубежом, однако на страницах настоящего издания, являющегося первым совместным научным проектом Исторического музея и Узбекистана, они впервые собраны вместе.

Необходимо отметить, что все материалы ГИМ, предлагаемые вниманию читателей в настоящей книге-альбоме, публикуются впервые.

НЕОЛИТ - ИЛК ТЕМИР ДАВРИДАГИ
ХОРАЗМ ЁДГОРЛИКЛАРИ

THE SITES OF KHOREZM
OF THE NEOLITHIC - EARLY IRON AGES
ПАМ'ЯТНИКИ ХОРЕЗМА ПЕРІОДА
НЕОЛИТА - РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

НЕОЛИТ – ИЛК ТЕМИР ДАВРИДА ХОРАЗМ ЁДГОРЛИКЛАРИ

Н.И. Шинелина

Қадимги Хоразмнинг илк ўтрок дехқончилик воҳалари ва интимолий Евроосиёнинг кўчманчи қабилалар дунёси икки маданий қарама-қаршилик эмас, балки икки ибтидоий маданиятнинг ёрқин ёдгорликларини мерос сифатида олиб қолган, минг йиллар мобайнида давом этиб келган мураккаб, хилма-хил ва уйғун мулоқот, дея элтироф этини мумкин.

Уларга қизиқиш анча олдин пайдо бўлган. XX асрнинг 30-йиллари охирида қуйи Амударё оқимидаги тош асри аҳоли манзилгоҳларида Хоразм археология-этнография экспедицияси (ХАЭЭ) томонидан тадқиқот ўтказилган. Экспедицияни узок йиллар давомида машҳур рус олими С.П. Толстов бошқарган. Олимлар томонидан олиб боришган изланишлар натижасида Амударёнинг Оқчаларё ирмоғида тош асрига мансуб бўлган тураржойлар, бронза даври ва илк темир асрининг эски қабристон ва қишлоқлари топилган. 1993 йилда бу тўпламлар Россия Фанлар академияси Этнография институтидан Тарих музейининг археология бўлимига саклаш ва ўрганиш учун берилган.

Хоразм қадимий ёдгорликлари тўплами кўп сонли маиший буюмлар, кулолчилик ва меҳнат қуроллари, майда пластик, лой, тош, суяк, чиганок ва бронзадан ясалган бино ички қисмларидан иборат. Қадимги заргарлик санъати буюмлари, либослар ва унинг кўшимча қисмлари алоҳида эътиборга моликдир. Ушбу тўплам ашёлари турли маданиятларни ифода этиши ва ранг-баранг таркиби билан катта аҳамиятга эга. Моддий маданиятнинг юзлаб буюмлари орқали ибтидоий даврнинг вакиллари – ҳунармандлар, дехқонлар ва чўпонларнинг тарихий тақдирини тасаввур қилиш мумкин.

Янги тош асри даври бошланганидан бери Жанубий оролбўйида Қалтаминор маданиятига оид овчи ва балиқчилар ҳаёт кечирган бўлиб, улар ушбу ҳудудни миллиондан аввалги IV–III мингйилликларда ўзлаштирганлар. Амударёнинг ички ҳудудларида қум остида қоллиб кет-

ган ўнлаб тураржойлар топишган бўлиб, уларда илгир сув тармоқлари мавжуд бўлган. Тош асри одамлари жайрон, ёввойи чўчка, кийик, бўғу, ёввойи қўшлар, чўртан ва лаққа балиқларни овлашган, ейиш мумкин бўлган турли мол-покалар йиғишган. Овчиларнинг асосий анжони ён ва унинг ўқлари бўлган. Суякдан ясалган қурол ва игнасимон учли ўқлар ишлаб чиқарилиши ўзининг юқори даражасига етган.

Ўқларнинг интичка ва узун учлари ялтирагунча сайқаланган. Уларнинг пастки томони куракчага ўхшатиб ясалган, чунки шу тарзда ўқни ётоқда бойлаш осонроқ. Унинг нариги учи ўткир бўлган. Ён ўқидан асосан ов қилиш учун фойдаланилган, шу билан бирга у жангчилар учун ҳам жуда яхши қурол бўлган.

Сонолтидиннинг қоринига янчилиган чиганок қўшиб ясалган ва бунда чархин тасмадан айлантириш усулидан фойдаланилган. Чакмоқтошлардан қуроллар ва пичоқсимон ялпоқлар, тошдан новтеша, болта ва балиқ тўтиш учун қармоқ тошлари тайёрланган. «Жонбос-4» манзилгоҳи пастки қатламнинг ўқидан 3000 дан ортиқ буюм топишган. Интичка пичоқсимон ялпоқлар чакмоқтошлардан ясалган. Унга сопи қўйилганидан сўнг жа кесини, арқалани, қизилриш учун ишлатишган. Бирок дарё ёқаларида кўчманчилар ва чорвалдорлар пайдо бўлиши билан тош асрининг неолит маданияти йўқолиб кетган бўлиши мумкин. Сугориш тизими ривожланиши, яъни бўш ерларни сунъий сугориш туфайли ўтрок халқлар табиий дараёларнинг қирғоқларини бой дехқончилик воҳасига айлантиришган. Кўчманчи қабилалар серхосил ерларни ўзининг қатнов йўналиши тарқибига қиритиб қўйишган, аммо вақт ўтиши билан кўчманчи аҳолининг бир қисми дехқончилик шароитига мослашиб, ўтрок яшай бошлаган.

Ушбу халқлар чор атрофидаги баъзида яхши ва тинч, баъзида эса беғона ва серғалва дунё ҳақидаги ҳаёт тасаввурини моддий маданият буюмлари орқали муҳассамлаштирган. Чўл ва саҳролардаги турлича шароит қадимги чўпонларнинг турар жойи ва дехқонларнинг биринчи манзилгоҳлари, қўхна қабристонлар, қишлоқ ва ибодатхоналар, сугориш тизими ва бепоён ишлов берилган далалар каби археология ёдгорликларини саклаб қолган. Тарихда номи қолмаган усталар томонидан яратилган нафис тарихий йўлни тиклаш пайида олимлар кулол, сангтарош, заргарларнинг буюмларини ўз ичига олган Тарих музейи тўпламларидаги археология топилмаларини синовчилик билан ўрганиб бормоқдалар. Бу хазиналарнинг тараккий этини ва диний тасаввурларнинг вужудга келишини ўз ичига олган миллиондан аввалги III–I мингйилликларга тегишлидир.

Қадим замонлардан Марказий Осиёнинг икки йирик дарёси – Амударё ва Зарафшон тармоқлари Ўзбекистоннинг дехқончилик мадания-

қумлар бағрида чўпонларнинг ер-мулки ва мавсумий манзилгоҳлари жойлашган. Атрофида кўплаб бинолар қалангитириб қурилган. Археологлар «Кўкча-15» қишлоғининг уйларидан биридаги қишлоқларнинг турмуш тарзи манзарасини тикланига муваффақ бўлишди. Унинг тарбихи тарафидаги хонада қутилмаганда ёнган содир бўлган, ушн учириниға харакат қилган одамлар хонадан хонага талваса билан югуриб ўтинган, ерда ётган сопол идишларни синдиришган, ёнганга тупроқ сеппиб учиринишган. Уй бўзилиб кетиб, кейинроқ қайта қурилган.

Хоразм тўғламига тегишли сопол идишлар шакли хилма-хил. Булар бўйни баланд кўзалар, хумчалар ва кенг бўйинли туваклардир. Хар бир маданият вакиллари ўзининг нақшинкор усулларидан фойдаланган холда идишларнинг сиртини эгри-бугри шаклдаги ингичка чизикли ромб ва учбурчаклар билан безатишган.

«Кўкча-3» кўхна қабристонининг деярли хар бир тўрида бир нечта олиймақом, нақшинкор, тағи ясси идишлар топилган.

«Кават-2» манзилгоҳидаги бонка уйда янаган қишлоқларнинг 200 дан ортик сопол кўзалари бизгача етиб келган, афтидан бу ерда бир нечта авлод вакиллари тинч ва инोक янаган бўлишса керак.

Окчаларё ирмоғи атрофидаги одамлар қандай яшанган? Кўплаб топилмалар эски тураржойлардан топилган. Қиш пайтида қишлоқларда иш қайнаган. Донни донқирғич ва ховончаларда майдаланган. Тикувчилар кийим учун мато тайёрланган – уйларда топилган кўнгина тўкиш асбоблари, игна ва бигизлар бундан далолат беради.

Бигизлар дастаси учун қўйнинг найчасимон суякларидан фойдаланишган, уларни сайқаллаш орқали яркироқ ҳолатта келтиришган. Бигизлар узун, йўгон бронза симлардан тайёрланган, болга билан уриш давомида керакли узунлик ва ўткирлиги таъминланган.

Безаклар ва кичик чўмич қўйиш учун тош қолишлар – бронза буюмлар уй шароитида тайёрланганлигидан далолат беради.

Қолишлар учун юмшоқ қумтош ва талъқ ишлатилган – шу тарзда тошда керакли нақшин солиш осонроқ кечган. Бундай буюмларни бир неча маротаба ишлатиш мумкин бўлган. Шунинг учун Амиробод маданиятининг Яккапорсон қишлоғидаги деярли хар бир уйдан бронза ўроқлар, пичоклар, чўкич ва тиглар топилган.

Вакт ўтган сари воҳалар ривожланган. Илк темир асри кириб келиши билан дельта аҳолисининг ҳаётида ўзгаришлар юз берган. Б.В. Андрианов томонидан аниқланган Амиробод маданиятининг вакиллари шу даврнинг фаол иштирокчилари бўлган. Милотдан аввалги VIII–VII асрлардаги ушбу маданиятнинг «Яккапорсон-2» қишлоғида археолог М.А. Игина қўнғиллар давомида тадқиқот олиб бorgan. Бу шаҳарча икки

анҳор оралиғида жойлашган бўлиб, уйларнинг бир қисми доира шаклида бўлган. Унинг атрофини оилавий деҳқончилик ҳудудлари эгаллаган бўлиб, узун прюкларидан сўғорини мақсадларида фойдаланилган. Унинг ёнида ёрудамчи бинолар жойлашган. Уйларнинг пойдевори учун чуқурлар қазилган, деворлар ёғоч, қамини ва шохлардан қурилиб, сўнгра сомонли дой билан сувалган. Уйнинг марказида, кириш эшиги рўпарасида узун ўчоқлар сақланиб қолган. Деворлардан бирининг ёнида сув сақлаш учун ясалган кўзалар, дуллаб қорайтирилган ошхона туваклари ва тозаланган ошхона идишлари қаторлаштириб қўйилган. Деворлар бўйра ва гиламлар билан безатилган ёки безатилмаганлиги бизга нотаъбум, бироқ уйлардан бирида геометрик нақшли сувоқ кўзга ташланади. Эҳтимол, бу пички безакнинг бир қисми бўлгандир.

Оддий усталар ярим қазима, устушли уйларда яшанган, улар оддий меҳнат қуроқлари – пичоклар, бигизлар, тўкишда қўлланиладиган игналардан фойдаланишган. Темирчилар, заргарлар, қўлол ҳамда тикувчилар безаклар ва меҳнат қуроқлари, кўзалар ясаган, гилам ва матоларни тўкишган ва кийимлар тикишган.

Қадимги тўқимачилар қаттиқ ва ингичка ип тайёрлашни дарров ўргана қоллимаган. Мўким айланиши учун учига тош ўрнатилган ёғоч ўрчўк яратилгандан сўнггина узун ип йиғириш имкони туғилган.

Кўп буюмлар қўшимча тарзда безатилган. Масалан, Амиробод маданиятининг тўкиш игнаси сифатида ишлатилган чўзинчўк сопол ускунаси тешигидан бошлаб ўқ тасвири туширилган.

Аста-секин ҳўнармандчилик ҳам ривожлана бошлаган. Қишлоқ уйларидан бирида қўювчи-дегрес яшаган. Бу ерда камон ўки учини ва ўроқлар ишқлари ва қўйма темир буюмлар топилган. Шу даврининг усталари тоза миста қалай қўшинган. Бу тарзда тайёрланган қуроқлар миснинг ўзидан тайёрланган қуроқлардан мустаҳкамроқ бўлган, бундан ташқари бронзадан ишланган буюмни ўткирлаш осон, агар синиб қолса, тезда эритиб олиш мумкин бўлган. Таркибидаги қалай микдорига қараб бундай буюмларнинг ранги қизилдан сарикка ўзгарган, аммо окимтир қумушранг буюмлар алоҳида қадрланган. Маҳаллий темирчилар Қизилқум қонидан олинган мисдан фойдаланишган.

Воҳаларнинг кейинги даврларидаги усталари босма усул, мўйкаламда чизили, ангобга гул босили ва ўйили санъатини моҳирлик билан ўрганган, мис, қалай, қумуш қандақорлари ва қўлоллар ажойиб буюмлари билан маиҳур бўлишган. Бронза даврида қўлоллар тағи ясси тувакчаларни чархсиз, қўлда ясаган. Қўйдирилмаган идиш устига синик чизик тортилган, чизикли учбурчак ва тасмалардан қўнғуралар, тикка арчалар

ер-сувларни химоя қилиш керак бўлган, тувак-тарта бекитиш ва бонитикларни, шахсий мулк сифатидан белгилаб қўйиш керак эди.

Шундай қилиб, бутун бонитик минитик даврида Жанубий Оро-тоғли ҳудуд қадимий Конетдоғ ва қадимий Окснинг деҳқончилик тамаддунлари ва ҳаракатчан шимолнинг дашт қўчмалари қабилалари учун ўзига хос «йўлак» бўлган. Қадимий чорраҳа бўлган Окчадарё қўشнуви бўйида кўп сонли анъаналар ва ахлоқларнинг таъриблик қорини кетган. Хоразмнинг бронза даври тамаддуни Ойкуменининг широк деҳқончилик ва чорвалорлигининг бир қисмига айланиб, унинг бонитиклари билан ажралиб турган. Қишлоқларга жанубдаги қўшнулар келиб турган – Тоғабог'и ва Амиробод маданияти давридаги уларга қўлоқчилик чархда ясалган хум парчалари топишган. Ҳаттоки, уларга қимматбаҳо маҳсулотлар олиб келинган ва сакланган. Шунингдек, уларда жанубий ҳудудларга оид буюмларнинг қўшну учун темир қопинлар ҳам учрайди. Милоддан аввалги I минитикнинг уртасида юз берган илк шаҳар тамаддуларида дастлабки олтин бекалар топишган. Уларнинг қўшну бўртма қўшну услубида ясалган, Окчадарё қўшнимаси ҳудудларидан тўпбаргуд қўшнимиданги босма нақш билан бекалар ва атрофи деворча билан ўралган думалок қалама бекалар топишган. Қириқ, юган ва эгарларнинг белбоғларини, олтиннинг ёшнинг ба- билан бекалар.

Шундай мураккаб алоқалар йўсини Марказий Осиёнинг тарихини саҳнасида кейинги давларда янаган скифлар, саклар, хунлар, массагетлар, юечжи, печенеглар, ўғузлар ва бонитик кўп сонли халқлар ва қабилалар пайдо бўлган илк темир асри, антик давр ва ўрта асрларда ҳам сакланиб қолган.

THE SITES OF KHOREZM OF THE NEOLITHIC - EARLY IRON AGES

N.I. Shishlina

The world of the early settled agricultural oases of ancient Khorezm and the world of Northern Eurasia are not two cultural confrontations, but a complex multi-component, multi-voiced dialogue of two civilizations, the interaction and mutual enrichment of which gave us the brightest monuments of primitive culture.

An interest in them arose long ago. In the late 1930s, in the lower reaches of the Amu Darya, the Khorezm archaeological and ethnographic expedition researched. For many years, it was headed by the famous Russian scholar S.P. Tolstov. Due to the work of scholars in the Akchadarya delta of the Amu Darya, the Stone Aged sites, burial grounds and sites of the Bronze Age and the Early Iron Age were studied. In 1993, collections from the Institute of Ethnography of the Russian Academy of Sciences were transferred for storage and study to the Department of Archaeological Sites of the Historical Museum.

The collection of antiquities of Khorezm consists of numerous objects of everyday life, ceramics, tools and weapons, small pieces of plastic art, interior details made of clay, stone, bone, shells and bronze. Of particular value are products of ancient jewelry, details of clothes and accessories. The significance and richness of the collection is emphasized by multicultural and multi-component nature. Through hundreds of items of material culture, the historical destinies of many peoples of the pristine epochs – artisans, farmers and shepherds – are visible.

Since the Stone Age in the southern Aral region, hunters and fishermen of the Kelteminar culture lived and developed the region already in the 4th-3rd millennium BC. Dozens of sites lost in sands were found in the inland of the Amu Darya area with the developed water system of ancient times. People of the Stone Age hunted Persian gazelles, wild boars, deer, roe and wild birds, fishing pike and sheatfish, and gathered edible mollusks. The main hunting equipment was a bow and arrows.

The production of bone tools and needle-shaped arrowheads reached a high level.

Long thin arrowheads were polished to shine. The lower end was flattened to the spatula shape to fasten an arrow to a shaft. The opposite end was sharp. Different types of arrowheads were used for hunting, but the bow was an excellent weapon of warriors as well (Figure 1).

Earthenware was molded in a tape method by hand, with added crushed shell to the paste. Of the flint they made tools and knife-like plates, of stone – adzes, axes and fishing sinkers. Only in one lower layer of the site of Janbas 4, over 3,000 items were found. The knife-shaped narrow plates were made of flint. Inserting them into the handle, they made tools – to cut, saw and pierce.

However, most likely, since nomads and cattlemen appeared in the delta of the river, the Neolithic culture of the Stone Age had already disappeared.

Because of the irrigation system – artificial irrigation of desert lands, sedentary peoples turned the natural deltas of rivers into the richest agricultural oases. The nomadic tribes added the fertile lands in the routes of their migrations. Gradually, a part of the nomadic population settled in the agricultural environment.

These peoples embodied in the objects of material culture their idea of the world around – sometimes good and prosperous, sometimes alien and hostile. The mosaic of the steppes and deserts preserved numerous archaeological sites – the sites of ancient shepherds and the first settlements of farmers, complexes – burial grounds, proto-town settlements and cult centers, irrigation system and boundless cultivated fields. Recreating the finest historical linen, woven by nameless artisans, the scholars painstakingly study archaeological finds from the collection of the Historical Museum, including goods of potters, stone-cutters and jewelers. These treasures date back to the 3rd–1st millennium BC, to the era of the development of cattle breeding, agriculture, metallurgy, the formation of trading system and religious beliefs.

Since ancient times, the deltas of the largest Central Asian rivers – the Amu Darya, the Zeravshan – have become the cradle of the farming cultures of Uzbekistan. These cultures, therefore, can be attributed to the Near Eastern cultural tradition of the Old World producing economy. However, before the proto-town civilizations at the dawn of the formation and development of a new manufacturing economy, it was still far away. Gradually, settled-agricultural settlements turned into large centers attracting the nomadic tribes of the Andronov, Fedorov and Alakul

cultures of the late Bronze Age of Central Kazakhstan and the Southern Urals. The development of the most important sources of raw materials such as tin, copper, lead, activated the contacts of steppe peoples living in various geographical conditions, the direction of their migration and the formation of a common context for cultural dialogue. But, first of all, they were attracted by the transparent waters of the Amu Darya and its tributaries, countless channels and irrigation ditches, and pastures full of high grasses.

In the early 2nd millennium BC, in the oasis of ancient Khorezm – in the Akcha Darya delta of the Amu Darya – settlements of the Bronze Age emerged. Due to many years of research on irrigation systems, it was established that in ancient times three main channels of the Southern Akcha Darya delta were moving away from the Amu Darya, rushing to Kokcha mountain and merging into the single water system of the Northern Akcha Darya delta. The main drainage of the Amu Darya in the Bronze Age went to the Aral Sea. Probably, already in the first half of the 2nd millennium BC, cattlemen of the South Urals and Western Kazakhstan with numerous herds of sheep, cows and horses migrated to a fertile oasis in the cold seasons of the year along the so-called winter roads. In those places they waited till bad weather was over and communicated with sedentary farmers, while preserving their independence and cultural identity. In summer they returned to the northern steppe regions. In the ceramic collection of the Historical Museum there are many dishes of the steppe Cherkaskul, Alakul and Tazabagyab cultures. So, these routes of migration were permanent.

Among the means of transportation, a special place was occupied by an arba – a wooden cart. Clay wheel models with a protruding bushing were found. Probably, the draft animals were a bullock or a horse.

It was during the Bronze Age, in the 2nd millennium BC, a special type appeared in the ancient art of small plastics – animal figures. Whereas on the ceramics of the ancient farmers of the Karakum the wild animals are depicted, for example, goats, the remarkable feature of the Akcha Darya settlements are figures of domestic horses and even camels.

The clay horse from the Yakke-Parsan site has an elongated muzzle, a mane is shown by two pinches. The horse seems to be in flight. A tiny bronze craft from the same site was probably a guard: the head of a horse is lowered, the animal is calm and seems to be motionless. Presumably, the figure is cast in a mold.

The clay figurines of horses are the evidence of the special role of the horse. Gradually the horse breeding became one of the main occupations

of the way of life of all the inhabitants of Central Asia. Horses were not only means of transportation, but also a source of food and drink. Koumiss was of special significance since the Bronze Age. This is a drink made of mare's whipped milk, which is very popular among the steppe population. People added juniper branches and sea buckthorn berries. Koumiss has healing properties.

Probably, it was since the Bronze Age that a good horse became the pride of all agricultural peoples. The horse became a character in the epic, it was adorned with ceremonial harness and blankets, the saddles were encrusted with embroideries and colored stones. The horse was sacrificed to the sun, and its images were repeated many times on pieces of applied art, toreutics and painting of later eras.

The culture of mobile nomads differed from the traditions of a sedentary agricultural population, who in the very early 2nd millennium BC moved to the Aral region from the southern areas of Central Asia and brought the sedentary lifestyle. The water regime of the delta was unstable, the seasonal floods of the side channels washed away the fields, and the irrigation farming system was not fully developed. The mixture of steppe northern nomadic and local agricultural traditions led to the emergence of a new culture - Tazabagyab. Nomads were attracted by the delta water sources and rich pastures. That is why among the funerary gifts in the soil burial ground of the Tazabagyab archaeological culture of Kokcha-3, there are so many earthenware and adornments typical of the steppe form.

The remains of rectangular houses, irrigation canals and numerous fields indicate that a part of the population lived in the fertile conditions of the oasis. Gradually the steppe people transformed the sedentary farming culture, but they also changed their economy, and, thus, the general way of life. Villages-hamlets, located just a few kilometers from each other started forming.

Around sites of the Tazabagyab culture the branched network was found. The fields were located on the delta, in the sands on the indigenous shore of the Amu Darya the pastoral lands and seasonal camps of nomads spread. There were numerous buildings around. Archaeologists managed to recreate the story of residents of one of the houses of the site of Kokcha-15. A fire suddenly broke out in the western part of the apartment building, people tried to put it out, they fussily ran around the rooms, crushed clay vessels on the floor, but managed to pelt fire with soil. The house collapsed and was later rebuilt.

The shapes of earthenware of the Khorezmian collection are diverse. These are high-necked jugs, pots and broad-necked pots. Each culture used its ornamental motifs, decorating the outer surface with fanciful zigzags, shaded rhombuses and triangles.

Several clay wide-necked flat-bottomed vessels with spectacular ornamental compositions were found almost in every burial of the Kokcha-3 burial ground.

Most likely, several generations lived safely and left more than 200 clay pots in another dwelling at the site of Kavut-2.

How did people live in the delta of Akcha Darya? Dozens of finds were unearthed in dwellings. In winter, work was in full swing in the villages. Cereals were crushed into flour. Weavers made linen and clothes - many clay spindles, needles, and silks were found in the dwellings.

The sheep tubular bones were used for awl handles, polished to a mirror shine of the surface. The awls were made of long bronze rods, forged to the needed length and sharpness.

The stone molds to cast adornments and the ladles are evidence of home-production of bronze items.

Soft sandstone and talc were used for moulds, because it was easier to cut the desired picture of an item in stone. Such products could be used more than once. Therefore, in fact, numerous bronze tools were found in every house in the site of Yakke-Parsan of the Amirabad culture, for example, choppers, knives, piercing tools, and spikes.

Oases were developed. The early Iron Age came and changed much the economic life of the delta. The active participants of that era were people of the of Amirabad culture discovered by B.V. Andrianov. One of the sites of this culture - Yakke-Parsan-2 (the 8th-7th centuries BC) - for many years was explored by archaeologist M.A. Itina. A large settlement was located between two canals, a part of houses was placed in circle. The families farming plots were placed nearby. The channel flows were used as canals. The utility buildings were next to them. The foundations of the dwellings were deepened, the walls were built of wood, reeds and rods, then coated with clay mixed with adobe. The long hearths remain in the center of rooms, opposite the entrance. There was a row of dishes at one of the walls such as handmade water jugs, sooty kitchen pots and glossed dining sets. It is unknown whether the walls were decorated with mats and carpets, however, in one of the houses a coating with a geometric pattern was preserved.

In the houses - semi-dug-outs of pillared construction, ordinary artisans lived, they used such universal tools as knives, awls, spindles.

Smiths, jewelers, potters and weavers made adornments and tools, pots, weaved carpets and linen and sewed clothes.

The ancient weavers did not at once spin a strong and thin thread. Only after the invention of a special device – a wooden spindle, at the end of which spindle whorl was fixed for stability of rotation, it became possible to spin a long thread.

Many products were additionally decorated. A rounded clay spindle whorl of the Amirabad culture has a through hole from which the carved rays start.

The craft specialization was gradually developed. A caster lived in one of the houses in the village. Four foundry molds to make arrowheads and sickles, fragments of a vessel with droplets of bronze, and the cast metalware were found. Artisans of that time added tin to pure copper. The strength of such tools was much higher than copper, furthermore, the bronze item could be easily sharpened, and if it was broken, it could be melted. Local metallurgists used copper from the mines of the Kizilkum mountains.

The artisans in the oases of subsequent eras – makers of chased copper, tin, silver and clay ware, with impeccable mastery of the puncheon, painting with brush, stamping and engraving engobe, became famous for their highly artistic works of pottery and art casting. In the Bronze Age, flat-bottomed pots were molded from clay by hand, without a potter's wheel. The carved meander, the festoons of the shaded triangles and tapes, the vertical the herring-bone pattern was applied to the surface of raw vessel. On some vessels there are images, interpreted as agricultural allotments. Presumably, they are depicted on a vessel from the burial 26 of the Kokcha-3 burial ground: the shaded squares might mean furrows in the cultivated fields. The wide vessel from burial 16 is also decorated with inclined strips and parallel zigzag lines.

Afterwards, the earthenware was fired. The similar handmade clay pots ornamented with scratched pattern were found in local sites and on numerous steppe sites of the Andronov and Alakul cultures of the Urals and West Siberia. Indeed, numerous shepherd groups of the population, interacting with each other and learning new traditions and craftsmanship moved from north to south and from south to north. The primeval production and art developed in this way.

Ancient ornamental motifs were reflected in subsequent periods – in new compositions of more complex scenes of polychrome painting or chased lace, which motifs intertwined with different figurative flora and fauna of the oasis. The grace, simplicity and clarity of the patterned

groundwork of rhombs, circles and rosettes inherent in the Central Asian ceramics, the magical unity of ornamentation and shape have been preserved by artisans in all subsequent eras.

Clothes and jewelry were of particular importance in the Bronze Age. Images of people and costumes of that period are lost. Nevertheless, the imprints of textiles on ceramics and the spindle whorl, details of spindles are the evidence of the spinning of a thin linen and the high skill of weavers. Most likely, they used both plant and wool fibers.

The type of jewelry and accessories allows recreating details of clothes. The buttons made of clay, bone and bronze were found among the materials of the Kokcha-3 burial ground and the Yakke-Parsan site. The clay buttons from the Yakke-Parsan site of the Amirabad culture are rounded. There is a loop on the inside of the bronze button. Perhaps, these are the fasteners for raincoats or shirts. Women wore forehead bands with elongated bronze temporal rings on the sides. The most famous adornment from the Kokcha burial ground 3 is the elongated grooved temporal pendants made of an upset plate bent in 1.5 turns, the ends of the ring are often refined. Men had a special status belt. Most likely, the trousers and the front of the garment were embroidered with bronze beads. Women wore grooved bracelets with turned ends. They were also made of an upset rod, pointed at the ends. Five bracelets were found in one burial of the Kokcha-3 burial ground. In those days, such a number of jewelry was big enough and indicated the special status of their owner.

Female and male costumes were decorated with pendants-amulets and thread of beads. At first, those materials at hand were used for beads – a simple gray stone, shells of the Aral mollusks – *Cardium edule* L. and *Dentalium*, and animal bone. However, gradually, with the spread of metallurgy, necklaces made of bronze beads came into fashion. They were made by casting in a wax mould. The technology was uncomplicated, and soon bright yellow or silver necklaces became a detail of each costume. Later, adornments made of faience appeared in ancient agricultural oases. A red-smoky or pale pink carnelian was inserted in the center of the pectoral. The shapes of the beads vary from rounded flat or figured to multifaceted quadrangular shapes. According to the ancients, this stone gave joy and abundance. Turquoise, coral and pearls became popular in the Middle Ages.

Thus, already in the Bronze Age, traditions of the Central Asian female and male costumes formed and reflected the status in society and wealth. Ancient motifs of their decoration and details remained in subsequent periods.

Rings, bracelets, chest jewelry, necklaces are the necessary accessories for the dress of a girl and a woman. It is impossible even to imagine a national woman's costume of Uzbekistan without jewelry. They are made in another technique such as embossing, engraving, inlays of other materials, including gold and silver, ornamented with stone inserts. Every artisan with respect to ancient traditions brought something of his own into a familiar image, making it to sparkle with new facets.

The primeval oasis of the Amu Darya flourished. However, gradually the historical situation changed – in the Amirabad workshops archaeologists found molds for casting copies and arrowheads. The tips could have bushing or heft, depending on the way they were attached to the shaft. The top of an elongated-leaflike shape replicated the shape of heavier copies. The ladles were made of clay and an oval shaped.

Tamgas – a generic family sign appeared on the bottom or walls of the glossed vessels. An oblique cross is one of the oldest symbols, possibly, needed for the preservation of the contents of dishes. In this way the pot was decorated from the burial 121 in the burial ground of Kokcha-3. Houses and agricultural lands had to be protected, and the riches hidden in pots had to be marked as the property.

For a whole millennium, the southern Aral region was a kind of "corridor" between the steppe movable northern nomadic tribes and the inhabitants of the southern centers of the ancient agricultural civilizations of Kopet Dag and the Amu Darya. Numerous traditions and experiences of many generations were mixed at the ancient crossroads – the Akcha Darya delta. The civilization of the Bronze Age of Khorezm became a part of the huge agricultural and pastoral populated universe and attractive in richness. In the villages came neighbors from the south – in Tazabagyab and Amirabad houses archaeologists found fragments made on the potter's wheel of large vessels – khums. Perhaps, they were brought in, and then especially valuable products were stored in them. Casting molds for casting products of the southern type are found. By the middle of the 1st millennium BC, at the dawn of urban civilizations, the first gold ornaments appeared in antiquity. Many of them are made in the technique of a relief stamp. From the Akcha Darya delta there is a rounded plaque with executed embossed ornament in the form of an outlet surrounded by a perimeter along the border. By dozens of round plaques and prognosis bent from the gold plate, they expanded clothes, women's and men's belts, horse horseclothes, decorated bridles and saddles.

Such a complex vector of connections remained in many respects in later epochs – at the end of the early Iron Age, in Antiquity, in the Middle Ages, when Scythians, Sakas, Hunni, Massagets, Yueji, Pechenegs, Oguzes and other numerous peoples and tribes emerged on the historical arena of Central Asia.

ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМА ПЕРИОДА НЕОЛИТА – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Н.Н. Шнипцова

Мир ранних оседлых земледельческих оазисов древнего Хорезма и мир кочевников Северной Евразии – не два культурных противостояния, а тысячелетиями длившийся сложный многокомпонентный, многоголосый диалог двух цивилизаций, взаимодействие и взаимное обогащение которых оставили нам в наследство ярчайшие памятники первобытной культуры.

Интерес к ним возник давно. К концу 30-х гг. XX в. в ташкентских Аму-дарьи проводила исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ). Много лет ее возглавлял известный русский ученый С.П. Толстов. В 1993 г. коллекции из Института этнографии Российской академии наук были переданы на хранение и изучение в отдел археологических памятников Исторического музея.

Собрание древностей Хорезма состоит из многочисленных предметов быта, керамики, орудий труда и оружия, мелкой пластики, деталей интерьера – из глины, камня, кости, раковин, бронзы. Особую ценность представляют изделия древнего ювелирного искусства, детали одежды и аксессуары. Значимость и богатство коллекции подчеркивает ее многокультурность и многокомпонентность. За сотнями предметов материальной культуры просматриваются исторические судьбы многих народов первобытных эпох – ремесленников, земледельцев и пастухов.

Начиная с эпохи нового каменного века в Южном Приаралье прожизивали охотники и рыболовы кельтеминарской культуры, которые освоили этот регион уже в IV–III тыс. до н.э. Десятки затерянных в песках стоянок найдены во внутренних районах Амударьи, в древности здесь существовала развитая водная система. Люди каменного века охотились на джейранов, кабанов, оленей, косуль и диких птиц, ловили щук и сомов, собирали съедобных моллюсков. Основным охотничьим снаряжением были лук и стрелы. Производство костяных орудий и игловидных наконечников стрел достигло высокого уровня.

Длинные тонкие наконечники стрел были отполированы до блеска. Нижний конец уплощен в виде лопаточки, так удобнее было привязать стрелу к древку. Противоположный – острый. Разные типы наконечников стрел использовали для охоты, однако лук был еще и прекрасным оружием воинов.

Глиняную посуду лепили вручную, ленточным способом добавляя в тесто толченую раковину. Из кремня мастерили орудия и ножевидные пластины, из камня – тесты, топоры и рыболовные грузила. Только в одном нижнем слое стоянки Джанбас-4 найдено более 3000 предметов. Ножевидные узкие пластины изготавливали из кремня. Вставив их в рукоять, получали орудия – для резки, пиления, прокалывания.

Однако, скорее всего, с появлением в дельте реки кочевников и скотоводов неолитическая культура каменного века уже исчезла.

Благодаря системе ирригации – искусственному орошению пустынных земель – оседлые народы превратили естественные дельты рек в богатейшие земледельческие оазисы. Кочевые племена включили благодатные земли в маршруты своих перекочевок. Однако постепенно часть кочевых населения осела в земледельческой среде.

В предметах материальной культуры эти народы воплотили свое представление об окружающем их мире – иногда добром и благополучном, иногда чужом и враждебном. Мозаика степей и пустынь сохранила многочисленные археологические памятники – стоянки древних пастухов и гонимые земледельцев, погребальные комплексы – могильники, первые поселения земледельцев, погребальные комплексы – могильники, протогородские поселки и культовые центры, систему ирригации и бескрайние возделанные поля. Воссоздавая тончайшее, сотканное безымянными мастерами историческое полотно, ученые кропотливо исследуют археологические находки из коллекций Исторического музея, включающие изделия гончаров, камнерезов, ювелиров. Эти сокровища относятся к III–I тыс. до н.э., к эпохе развития скотоводства, земледелия, металлургии, создания торговой системы, сложения религиозных представлений.

С ранних времен дельты крупнейших центральноазиатских рек – Амударьи, Зарафшана – стали колыбелью земледельческих культур Узбекистана. Таким образом, эти культуры можно отнести к передневековому культурному наследию производящего хозяйства Старого Света. Однако до протогородских цивилизаций на заре сложения и развития новой производящей экономики все-таки было еще далеко. Постепенно оседло-земледельческие поселки превратились в крупные центры, привлекавшие своими богатствами кочевые племена андроновской, федоровской и алакульской культур эпохи позднего бронзового века Центрально-Казахстана и Южного Приаралья. Освоение важнейших в условиях

непробитности источников сырья олова, меди, свинца активизировало контакты обитавших в разнообразных географических условиях степных народов, направления их миграций и формирование общего контекста культурного диалога. Но в первую очередь их манили воды Амударьи и ее притоков, бесчисленные каналы и арыки и раскинувшиеся вокруг богатые высоким травостоем пастбища.

В начале II тыс. до н.э. в Акчадарынской дельте Амударьи появились поселения эпохи бронзы. Благодаря многолетним исследованиям приригационных систем установлено, что в древности три основных русла Южной Акчадарынской дельты отходили от Амударьи, устремляясь к горе Кокча и объединяясь в единую водную систему Северной Акчадарынской дельты. Основной сток Амударьи в эпоху бронзы шел в Арал. Вероятно, уже в первой половине II тыс. до н.э. в холодные сезоны года скотоводы Южного Урала и Западного Казахстана с многочисленными стадами овец, коров и лошадей откочевывали в благодатный оазис, так называемые зимники. Здесь они пережидали непогоду, взаимодействовали с оседлыми земледельцами, сохраняя при этом и свою независимость, и культурную идентификацию. Летом они возвращались в северные степные районы. В керамической коллекции Исторического музея много посуды степных черкаскульской, алакульской и тазабагыбской культур, что указывает на постоянство таких маршрутов-перекочевок.

Среди средств передвижения особое место занимала арба – деревянная повозка. Сохранились глиняные модели колес с выступающей ступкой. Вероятно, тягловыми животными были вол или лошадь.

Именно в эпоху бронзы, во II тыс. до н.э., в искусстве малой пластики появляются фигурки животных. Но если на керамике древних земледельцев Каракумов изображены дикие животные, например, козлы, то примечательной чертой акчадарыньских поселений являются фигурки домашних лошадей и даже верблюдов.

У глиняной лошади из поселения Якке-Парсан удлиненная вытянутая морда, с помощью двух зацепов показана грива. Конь как будто находится в полете. Крохотная бронзовая поделка из этого же поселения, вероятно, была оберегом: голова лошади опущена, животное спокойно и кажется неподвижным. Предположительно, фигурка отлита в литейной форме.

Глиняные статуэтки лошадей свидетельствуют об особой роли коня. Постепенно коневодство стало одним из основных занятий всех жителей Средней Азии. И это закономерно, ведь лошади – не только средство передвижения, но и источник пищи и питья. Важное значение, начиная с эпохи бронзы, приобрел кумыс. Это очень почитаемый среди степняков напиток из взбитого молока кобылиц. В него добавля-

ли ветки можжевельника, ягоды облепихи. Кумыс обладает лечебными свойствами.

Вероятно, именно с эпохи бронзы предметом гордости всех земледельческих народов стал хороший конь. Он стал персонажем былин, его украшали парадной упряжью и попонами, седла инкрустировали вышивками и разноцветными камнями. Коня приносили в жертву солнцу, а его изображения многократно повторялись на предметах прикладного искусства, теребтики и живописи последующих эпох.

Культура подвижных скотоводов отличалась от традиций оседлого земледельческого населения, которое в самом начале II тыс. до н.э. переселилось в Приаралье из южных областей Центральной Азии и принесло оседлый образ жизни. Водный режим дельты был непостоянным, сезонные разливы боковых протоков размывали поля, а система ирригационного земледелия была не вполне развита. Смешение степных, северных, кочевых и местных земледельческих традиций привело к появлению новой культуры – тазабагыбской. Кочевников привлекали в дельте водные источники и богатейшие пастбища. Вот почему среди погребальных даров, оставленных в грунтовом могильнике тазабагыбской археологической культуры Кокча-3, так много глиняной посуды и украшений типично степного облика.

Остатки прямоугольных домов, ирригационных каналов и многочисленных полей указывают, что часть населения проживала в благодатных условиях оазиса. Постепенно степняки трансформировали оседлую земледельческую культуру, но и сами изменили и свою экономику, и общий стиль жизни. Стали появляться поселки-хутора, расположенные друг от друга всего лишь в нескольких километрах.

Вокруг поселений тазабагыбской культуры сохранилась разветвленная ирригационная сеть. Древние поля располагались на внутридельтовом пространстве, в песках на берегу Амударьи раскинулись пастушеские уголья и сезонные стоянки кочевников. Вокруг теснились многочисленные постройки. Археологи смогли воссоздать историю жителей одного из домов поселка Кокча-15. В западном помещении жилого дома внезапно возник пожар, его старались потушить, люди суматошно бежали по комнатам, давили стоящие на полу глиняные сосуды, но смогли забросать огонь землей. Дом разрушился и позднее был перестроен.

Формы глиняных сосудов хорезмийской коллекции разнообразны. Это высокорослые кувшины, крынки, широкогорлые горшки. Каждая культура использовала свои орнаментальные мотивы, украшая внешнюю поверхность причудливыми зигзагами, заштрихованными ромбами и треугольниками.

Практически в каждом захоронении могильника Кокча-3 стояло по несколько глиняных широкогорлых плоскодонных сосудов с пыльными орнаментальными композициями.

В другом жилище на стоянке Кават-2, скорее всего, благополучно прожило несколько поколений, оставив нам в наследство более 200 глиняных горшков.

Как же жили люди в дельте Акчадары? Десятки находок происходят из жилищ. В зимний период в поселках кипела работа. Зернотерками и пестами размельчали зерно в муку. Ткачи изготавливали поютю и одежду – в жилищах найдено много глиняных пряслиц, иглоу, шильев.

Для рукоятки шильев использовали трубчатые кости овица, поверхность достигали зеркального блеска. Сами шилья изготавливали из длинных бронзовых прутьев, ковкой достигая нужной длины и остроты.

Каменные формы для отливки украшений и льячки – свидетельства домашнего изготовления бронзовых предметов.

Для форм использовались мягкий песчаник и тальк – так проще было вырезать в камне нужный рисунок предмета. Такие изделия могли использовать многократно. Поэтому фактически в каждом доме поселения Якке-Парсан амирабадской культуры найдены многочисленные бронзовые орудия труда, например, косари, ножи, проколки, острия.

Оазисы развивались. Наступил ранний железный век, принесший много перемен в хозяйственной жизни дельты. Активными участниками той эпохи стали носители амирабадской культуры – Якке-Парсан-2 (VIII-VII вв. до н.э.) – много лет исследовала археолог М.А. Итина. Большой поселок был расположен между двумя каналами, часть домов стояла по кругу. Поблизости раскинулись семейные земледельческие наделы. Русловые протоки использовались как каналы. Рядом располагались хозяйственные постройки. Котлованы жилищ были заглублены, стены сооружались из дерева, камыша и прутьев, затем обмазывались глиной с примесью самана. В помещениях в центре, напротив входа, сохранились длинные очаги. У одной из стен в ряд стояла посуда – лепные кувшины для хранения воды, закопченные кухонные горшки и лощеные столовые наборы. Неизвестно, украшались ли стены циновками и коврами, однако в одном из домов сохранилась обмазка с геометрическим орнаментом. Возможно, это деталь украшения внутреннего интерьера.

В домах-полуземлянках столбовой конструкции жили обычные мастера, они использовали простые универсальные орудия труда – ножи, шилья, пряслица. Кузнецы, ювелиры, гончары, ткачи мастерили украшения и орудия труда, лепили горшки, ткали ковры и поютю, шили одежду.

Древние ткачи не сразу научились прясть крепкую и тонкую нить. Только после изобретения специального приспособления – деревянного веретена, на конце которого для устойчивости вращения крепился грузик-пряслице, стало возможным прясть длинную нить.

Многие изделия дополнительно украшались. Округлое глиняное пряслице амирабадской культуры имеет сквозное отверстие, от которого отходят прочерченные лучи.

Постепенно развивалась и ремесленная специализация. В одном из домов поселка жил литейщик. Здесь найдены четыре литейные формы для изготовления наконечников стрел и серпов, обломки сосуда с капельками бронзы и сами отлитые металлические изделия. Мастера той эпохи добавляли олово к чистой меди. Прочность таких орудий была намного выше, чем медных, кроме того, бронзовое изделие можно легко заточить, а если оно сломается – быстро переплавить. В зависимости от процента содержания олова цвет изделий менялся от красного до желтого, но особенно ценились изделия серебристо-белого оттенка. Местные металлурги использовали медь из рудников Кызылкумских гор.

Мастера оазисов последующих эпох – изготовители чеканной медной, оловянной, серебряной и глиняной посуды, владевшие безупречным мастерством пунсона, росписью кистью, штампом и гравировкой ангобу, прославились своими высокохудожественными произведениями гончарства и художественного литья. Но в эпоху бронзы плоскодонные горшки лепились вручную, без гончарного круга. Прочерченный меандр, фестоны из заштрихованных треугольников и лент, вертикальные елочки наносились на поверхность еще сырого сосуда. На некоторых сосудах появились изображения, которые трактуются как земледельческие наделы. Предположительно, они изображены на сосудах из погребения 26 могильника Кокча-3: штриховка четырехугольников, возможно, передает борозды на обработанных полях. Широкогорлый сосуд из погребения 16 также украшен наклонными полосами и параллельными зигзагообразными линиями.

Потом изделия обжигали на костре. Похожие лепные, скромно украшенные прочерченным орнаментом глиняные горшки найдены на местных поселениях и многочисленных степных памятниках андроновской и алакульской культур Приуралья и Западной Сибири. Ведь с севера на юг и с юга на север перемещались многочисленные пастушеские группы населения, взаимодействовавшие друг с другом, усваивавшие новые традиции и мастерство. Так развивались первобытное производство и искусство.

Древние орнаментальные мотивы нашли отражение в последующие эпохи – в новых композициях более сложных сюжетов полихром-

ной росписи или чеканного кружева, мотивы которых переплетены с разнообразным растительным и животным миром оазиса. Простота и ясность узорной канвы из ромбов, кругов и розеток, присущие среднеазиатской керамике, волшебное единство декора и формы сохранили мастера всех последующих эпох.

Особое значение в эпоху бронзы придавалось одежде и украшениям. Изображения людей и костюмов того времени не сохранились. Тем не менее отпечатки текстиля на керамике и пряслица – детали веретен – свидетельствуют о прядении тонкого полотна и высоком мастерстве ткачей. Скорее всего, им были известны и растительные, и шерстяные волокна.

Тип украшений и аксессуаров позволяет воссоздать детали одежды. Среди материалов могильника Кокча-3 и поселения Якке-Парсан найдены пуговицы, которые изготавливались из глины, кости и бронзы. Глиняные пуговицы из амрабадского поселения Якке-Парсан округлые. На внутренней стороне бронзовой пуговицы – петля. Возможно, это застежки для плащей или рубаш. Женщины носили паюзные повязки, по бокам которых свешивались удлиненные бронзовые височные кольца. Самое известное украшение могильника Кокча-3 – удлиненные желобчатые височные подвески, изготовленные из раскованной пластины, согнутой в 1,5 оборота, концы кольца часто утончены. У мужчин особый статус принадлежал поясу. Бронзовыми бусами, скорее всего, расшивали шаровары и переднюю часть одежды. Женщины носили желобчатые браслеты с заходящими концами. Их также изготавливали из раскованного прута, заостренного на концах. В одном захоронении из могильника Кокча-3 найдено пять браслетов. В те времена такое количество украшений стоило немало и указывало на особый статус их владельцев.

Женский и мужской костюмы украшали подвески-обереги и пропитки. Сначала для бус использовали те материалы, которые были под рукой, – простой серый камень, раковины аральских моллюсков – *Cardium edule* L. и *Dentalium*, кость животных. Однако постепенно, с распространением металлургии в моду входят ожерелья из бронзовых бусин. Их изготавливали методом литья гроздью по восковой модели. Технология была несложной, и вскоре ярко-желтые или серебристые мониста стали деталями каждого костюма. Позже в древнеземледельческих оазисах появляются украшения из фаянса. В центр пекторали помещали краснотелый или нежно-розовый сердолик. Формы бусин различны – от округлых плоских или фигурных до многогранных четырехугольной формы. По представлениям древних, этот камень дарил радость и процветание. В средние века стали популярны бирюза, коралл и жемчуг.

Таким образом, уже в эпоху бронзы складывались традиции среднеазиатского женского и мужского костюмов, отражающие статус человека в обществе, его богатство. Древние мотивы их отделки и детали сохранились в последующие времена.

Кольца, браслеты, нагрудные украшения, ожерелья – обязательные аксессуары платья девушки и женщины. Национальный женский костюм Узбекистана невозможно представить без ювелирных украшений. Они сделаны в другой технике – чеканке, гравировке, инкрустации, из разных материалов, включая золото и серебро, оряментированы вставками из камней. Каждый мастер, с уважением относясь к древним традициям, вносил что-то свое в знакомый образ, заставляя его сверкать новыми гранями.

Первобытные оазисы Амударьи процветали. Однако постепенно историческая ситуация менялась – в амрабадских мастерских найдены литейные формы для отливки копий и наконечников стрел. Наконечники могли быть втулочными или черешковыми, в зависимости от того, как они крепились на древке. Перо удлиненно-лиственной формы повторяло форму более тяжелых копий. Лычки изготавливались из глины и имели овальную форму.

На дне или стенках дощених сосудов появились *тамги* – родовой фамильный знак. Косой крест – один из древнейших символов, возможно, необходимых для сохранности содержимого посуды. Именно так украшен горшок из захоронения 121 могильника Кокча-3. Дома и земледельческие угодья теперь надо было защищать, а богатства, спрятанные в горшках, пометать как свою собственность.

На протяжении целого тысячелетия Южное Приаралье являлось своеобразным «коридором» между северными степными племенами кочевников и жителями южных центров древнеземледельческих цивилизаций Копетдага и Амударьи. На древнем перекрестке – дельте Акчардарьи перемешивались многочисленные традиции и опыт многих поколений. Цивилизация бронзового века Хорезма стала частью огромной земледельческой и скотоводческой ойкумены и привлекала своими богатствами. В поселки приезжали соседи с юга – в тазабагьябских и амрабадских домах найдены фрагменты сделанных на гончарном круге крупных сосудов – *хумов*. Возможно, в них привозили, а потом хранили особо ценные продукты. Найдены литейные формы для отливки изделий южного типа. К середине I тыс. до н.э. на заре городских цивилизаций, уже в античное время появляются первые золотые украшения. Многие из них сделаны в технике рельефного штампа. Из Акчардарьинской дельты происходит округлая бляшка с выполненным

тисненным орнаментом в виде розетки, окруженной по периметру бортиком. Десятками круглых бляшек и согнутых из золотой пластины пронозей расшивали одежду, женские и мужские пояса, попоны лошадей, украшали уздечки и седла.

Такой сложный вектор связей во многом сохранился и в более поздние эпохи – в финале раннего железного века, в античный период, в средневековье, когда на исторической арене Центральной Азии появились скифы, саки, гунны, массагеты, юечжи, печенеги, огузы и другие многочисленные народы и племена.

A2443/18-21, 23, 27, 32, 35, 46
Камон ўқи учлари

Жанбас-33 манзилгоҳи.
Калтаминор маданияти, милоддан
аввалги III мингйиллик.
Сули. Пичоқсимон ялпоқлар.

A2443/18-21, 23, 27, 32, 35, 46
Arrowheads

Janbas-33.
Kelteminar culture, 3.000 BC.
Bone. Knife-like plates.

A2443/18-21, 23, 27, 32, 35, 46
Наконечники стрел

Стоянка Джанбас-33.
Кельтеминарская культура, III тыс. до н.э.
Кость. Ножевидные пластины.

A2443/73

Жонивор (от?) ҳайкалчаши
Жанбас манзилгоҳи.
Бронза даври.
Гил.

A2443/73
Figurine of animal (horse?)
Janbas.
The Bronze Age.
Clay.

A2443/73
Фигурка животного (лошади?)
Стоянка Джанбас.
Эпоха бронзы.
Глина.

A2220/223, 224; A2443/16, 17; A2657/17
Гил ганчкор идиш

Қуқча-3 қадимий қабристони.
Тагескен, Яққапорсон қишлоғи.
Бронза даври – илк темир асри.

A2220/223, 224; A2443/16, 17; A2657/17
Handmade earthenware
Kokcha – 3 burial ground.
Tagesken, Yakke – Parsan.
The Bronze Age – the early Iron Age.

A2220/223, 224; A2443/16, 17; A2657/17
Глиняная лепная посуда
Могильник Кокча-3.
Тагескен, поселение Якке-Парсан.
Эпоха бронзы – раннего железного века.

A2220/221-224
Гил ганчкор идиш
Қуқча-3 қабристони.
Тозабағъёп маданияти.
Милоддан аввалги II мингйиллик.

A2220/221-224
Handmade pottery
Kokcha-3 burial ground.
Tazabagyab culture.
2.000 BC.

A2220/221-224
Глиняная лепная посуда
Могильник Кокча-3.
Тазабагъябская культура.
II тыс. до н.э.

A2220/13,4-47: 59-81,
90, 104-106, 120

**Билагузуклар, чакка
шокиллари**

Кукча-3 кадимий
кабристони. 39-кабр.
Тозабог'еп маданияти.
Миллоддан аввалги II
мингйиллик.
Бронза.

A2220/13,4-47: 59-81,
90, 104-106, 120

**Bracelets, temple
pendants**

Kokcha-3 burial ground.
Burial 39.
Tazabagyab culture.
2.000 BC.
Bronze.

A2220/13,4-47: 59-81,
90, 104-106, 120

**Браслеты, височные
подвески**

Могильник Кокча-3.
Погребение 39.
Тазабаг'ябская
культура. II тыс. до н.э.
Бронза.

2220/140

Чакка шокиллари

Кукча-3 кадимий
кабристони.
Тозабог'еп маданияти.
Миллоддан аввалги II
мингйиллик.
Бронза.

2220/140

Temple pendants

Kokcha-3 burial ground.
Tazabagyab culture.
2.000 BC.
Bronze.

2220/140

Височные подвески

Могильник Кокча-3.
Тазабаг'ябская
культура.
II тыс. до н.э.
Бронза.

A2220/4104, 105, 120
Билагузуклар

Кукча-3 кадимий
кабристони.
Тозабог'еп маданияти.
Миллоддан аввалги II
мингйиллик.
Бронза.

A2220/4104, 105, 120
Bracelets

Kokcha-3 burial ground.
Tazabagyab culture.
2.000 BC.
Bronze.

A2220/4104, 105, 120
Браслеты

Могильник Кокча-3.
Тазабаг'ябская
культура.
II тыс. до н.э.
Бронза.

A2231/131, ДТМ: кайд этиш A2220/109

Ёй ўқи учи ва найза учи куйиладиган қолип

Кукча-3 кадимий кабристони. Тозабог'еп маданияти.
Миллоддан аввалги II мингйиллик. Бронза.
Найза учини куйиш қолипи. Амиробод маданияти, Яккапорсон-2 кишлоғи.
Миллоддан аввалги VIII-VII асрлар. Тош.

A2231/131, SHM: inventory A2220/109

Arrowhead and mould for arrowhead

Kokcha-3 burial ground. Tazabagyab culture. 2.000 BC.
Bronze. Amirabad culture.
Yakke-Parsan 2.
8th - 7th centuries BC. Stone.

A2231/131, ГИМ: опись A2220/109

Наконечник стрелы и литейная форма для наконечника копья
Могильник Кокча-3. Тазабаг'ябская культура. II тыс. до н.э. Бронза.
Амирабадская культура. Поселение Якке-Парсан-2.
VIII-VII вв. до н.э. Камень.

A2231/130, 133, 143, ДТМ: кайд этиш A2220/133, 141
Қолипчалар

Найза учини куйиш қолиплари.
Кукча-15 манзилгоҳи. Тозабог'еп маданияти. Миллоддан аввалги II мингйиллик. Амиробод маданияти. Яккапорсон-2 кишлоғи.
Миллоддан аввалги VIII-VII асрлар.
Тош. Бронза парчалари.

A2231/130, 133, 143, SHM: inventory A2220/133, 141
Smelting ladles

Spearhead moulds.
Kokcha 15. Tazabagyab culture. 2.000 BC. Amirabad culture.
Yakke-Parsan 2 settlement. 8th - 7th centuries BC.
Stone. Bronze pieces.

A2231/130, 133, 143, ГИМ: опись A2220/133, 141
Льячки

Литейные формы для наконечников копий.
Поселение Кокча-15. Тазабаг'ябская культура. II тыс. до н.э.
Амирабадская культура. Поселение Якке-Парсан-2.
VIII-VII вв. до н.э.
Камень. Куски бронзы.

A2220/13,14
Сопли бигиз

Кукча-3 кабристоник, Кукча-15 кишлоғи.
Тазабегён маданияти, Миллоддан аввалги
II мингйиллим.
Бронза, суяк.

A2220/13,14
Awls with handles

Kokcha-3 burial ground, Kokcha-15.
Tazabagyab culture.
2.000 BC.
Bronze, bone.

A2220/13,14

Шилья в рукоятях

Могильник Кокча-3, поселение Кокча-15.
Тазабегъабская культура.
II тыс. до н.э.
Бронза, кость.

ДТМ
Бигизлар, игналар,
сукичлар, тузмалар, чанжа
шокилалари

Тазабегён ва Амрибад
маданиятлари, Миллоддан
аввалги II-I мингйиллик.
Кукча-3 кабристоник.
Янакторсон кишлоғи.
Бронза, суяк, гил.

SHM

Awls, needles, spindle whorls,
buttons, temple rings

Kokcha-3 burial ground.
Yakke-Parsan.
Tazabagyab and Amirabad
cultures.
2nd - 1st millennia BC.
Bronze, bone, clay.

ГТМ

Шилья, иглы, пряслица,
пуговицы, височные кольца

Могильник Кокча-3.
Поселение Якке-Парсан.
Тазабегъабская и
амирабадская культуры.
II-I тыс. до н.э.
Бронза, кость, глина.

A2231/129
От хайкалчаси
Амиробод маданияти.
Яккапорсон-2 қишлоғи.
Милoddan аввалги VIII–VII асрлар.
Гил.

A2231/129
Horse figurine
Amirabad culture.
Yakke - Parsan 2.
8th – 7th centuries BC.
Clay.

A2231/129
Фигурка лошади
Амирабадская культура.
Поселение Якке-Парсан-2.
VIII – VII вв. до н.э.
Глина.

A2231/162
От хайкалчаси
Амиробод маданияти.
Яккапорсон-2 қишлоғи.
Милoddan аввалги VIII–
VII асрлар.
Бронза.

A2231/162
Horse figurine
Amirabad culture.
Yakke - Parsan 2.
8th – 7th centuries BC.
Bronze.

A2231/162
Фигурка лошади
Амирабадская культура.
Поселение Якке-
Парсан-2.
VIII – VII вв. до н.э.
Бронза.

A2231/132, 135
Урок куюв қолпи
Амиробод
маданияти.
Яккапорсон-2
қишлоғи.
Милoddan аввалги
VIII – VII асрлар.
Тош, бронза.

A2231/132, 135
Sickle mould
Amirabad culture.
Yakke - Parsan 2.
8th – 7th centuries BC.
Stone, bronze.

A2231/132, 135
**Литейная форма
для отливки серпа**
Амирабадская
культура.
Поселение
Якке-Парсан-2.
VIII – VII вв. до н.э.
Камень, бронза.

A2231/148
Уйнинг сувоқ парчаси
Амиробод маданияти.
Яккапорсон-2 қишлоғи.
Милoddan аввалги VIII–VII асрлар.

A2231/148
Fragment of house coating
Amirabad culture.
Yakke - Parsan 2.
8th – 7th centuries BC.

A2231/148
Фрагмент обмазки дома
Амирабадская культура.
Поселение Якке-Парсан-2.
VIII – VII вв. до н.э.

A2231/116
Нақшли сукичак
Амиробод маданияти.
Яккапорсон-2 қишлоғи.
Милoddan аввалги VIII–VII асрлар.

A2231/116
Ornamented spindle whorl
Amirabad culture.
Yakke - Parsan 2.
8th – 7th centuries BC.

A2231/116
Пряслице с орнаментом
Амирабадская культура.
Поселение Якке-Парсан-2.
VIII – VII вв. до н.э.

A2231/51, 61, 134

Тугмалар

Амиробод маданияти.
Яккапорсон-2 қишлоғи.
Милoddan аввалги VIII–VII асрлар. Гил,
бронза.

A2231/51, 61, 134

Buttons

Amirabad culture.
Yakke-Parsan 2.
8th–7th centuries BC. Clay, bronze.

A2231/51, 61, 134

Пуговицы

Амирабадская культура.
Поселение Якке-Парсан-2.
VIII–VII вв. до н.э. Глина, бронза.

A2231/57, 106, 147

Шокилалар, мунчоқлар

Гил, феруза, сердолик. Амиробод
маданияти. Яккапорсон 2 манзилгоҳи.
Милoddan аввалги VIII–VII асрлар.

A2231/57, 106, 147

Pendant, beads

Clay, turquoise, cornelian.
Amirabad culture. Yakke-Parsan 2.
8th–7th centuries BC.

A2231/57, 106, 147

Подвеска, бусы

Глина, бирюза, сердолик. Амирабадская
культура. Поселение Якке-Парсан-2.
VIII–VII вв. до н.э.

A2220/56, 90, 110

Мунчоқлар, маржонлар

Бронза даври – ilk темир асри.
Чиганоклар, бронза, фаянс, тош.

A2220/56, 90, 110

Thread of beads

The Bronze Age – the early Iron Age.
Mollusk, bronze, faience, stone.

A2220/56, 90, 110

Бусы, пронизы

Эпоха бронзы – раннего железного века.
Моллюски, бронза, фаянс, камень.

A2231/127

Туқача

Олтин. Окчадарё тармоғи.
Тасодифий топилма.
Милoddan аввалги
I мингйиллик.

A2231/127

Pendant

Gold.
Akcha Darya delta
Accidental find.
1.000 BC.

A2231/127

Бляшка

Золото.
Акчадарьинская дельта.
Случайная находка.
I тыс. до н.э.

A2231/128

Маржон

Олтин. Окчадарё тармоғи.
Тасодифий топилма.
Милoddan аввалги
I мингйиллик.

A2231/128

Thread of beads

Gold.
Akcha Darya delta
Accidental find.
1.000 BC.

A2231/128

Пронизь

Золото.
Акчадарьинская дельта.
Случайная находка.
I тыс. до н.э.

A2231/69

Мунчоқ

Сердолик. Амиробод маданияти.
Яккапорсон-2 манзилгоҳи.
Милoddan аввалги VIII–VII асрлар.

A2231/69

Bead

Cornelian. Amirabad culture.
Yakke-Parsan 2.
8th–7th centuries BC.

A2231/69

Бусина

Сердолик. Амирабадская культура.
Поселение Якке-Парсан-2.
VIII–VII вв. до н.э.

A2447/17; A2231/137
Идиш

Гил. Жонбос-33 манзилгохи. Уғир.
Тош. Яккапорсон манзилгохи.
Миллоддан аввалги II – I мингйиллик.
Бронза даври – илк темир асри.

A2447/17; A2231/137
Vessel

Clay. Janbas 33. A grinding stone.
Yakke - Parsan.
2nd – 1st millennia BC.
The Bronze Age – the early Iron Age.

A2447/17; A2231/137
Сосуд

Глина. Стоянка Джанбас-33. Төрочник.
Камень. Поселение Якке-Парсан.
II – I тыс. до н.э.
Эпоха бронзы – раннего железного века.

ЎЗБЕКИСТОННИНГ ҚАДИМИЙ
ВА ИЛК ЎРТА АСРЛАР САНЪАТИ
ЁДГОРЛИКЛАРИ

MONUMENTS OF ANCIENT AND EARLY
MEDIEVAL ART OF UZBEKISTAN

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА

анъаналари асосида аёл кишининг боши шаклидаги безаклар билан яратилган. Остодонлар меъморий иморатларга ўхшаш ўрта Осиё дафн қурилмалари турига киради. Уларнинг ичкарига огма деворлари бурчакларида ўрнашган устунсимон ёғочлари билан бирга яқин-яқингача ўрта Осиёда учраб келган пахса уйларни эслатади. Тена бурчакка тегиб турган арақи ва асосий фасад ўртасида жойлашган тўртбурчак эшик туфайли бу ўхшашлик янада кучаяди.

Терракота ҳайкалчалари илк ўрта асрлар Сўғд маданиятининг ўзига хос «ташриф қоғози» бўлди. Тадқиқотчиларнинг кўпчилиги терракота ҳайкалчалари ўз вақтида машҳур бўлган ибодатхоналардаги ҳайкаллар яъни илоҳлар тасвирининг қайта ишланган кўриниши деб ҳисоблашади. Терракота ҳайкалчаларини тайёрлаш анъанаси милоддан аввалги IV–III асрлар охирида эллинлар анъаналари таъсири остида пайдо бўлиб, исломиятнинг илк давларига қадар мавжуд бўлган. VI асрда Сўғдда терракота ҳайкалтарошлиги билан бир қаторда ўзига хос сиймолар – илоҳларнинг ибодатхона тоқчасидаги тасвири оммалашди.

Коропластика ясада ҳайкал ва ибодатхона бўртма нақшларини тайёрлашга ихтисослашган ҳайкалтарош ва маҳоратли усталар қорланган. Айнан ушбу усталар бир хилдаги ҳайкалчаларнинг ҳар бири учун дастлабки қолипларни ясаб, қуриган лойдан кесиб олган. Оловда тоблаб, уни нам лойга бостириб из қолдиришган. Тоблангандан сўнг ўйма қолипга айланган босма из ёрдамида янги ҳайкалчалар чиқарилган.

Шундай қилиб ибодатхона дахмаларининг илоҳий ҳайкалчалари билан бир вақтда оддий сўғдларнинг уйига нафис санъат ҳам кириб келган. Асл нусхасидан кўп мартаба кўчириш ишлари олиб бориладигани ҳисоби ва ибодат маросимлари пайтида кўриниши ўзгаргани учун аксарият ҳайкалчаларнинг яратилиш даврини аниқлашда қийинчиликлар сезилди.

Бугунги кунгача маълум бўлган антропоморф терракота тасвирларининг асосий қисми аёлларнинг ҳайкалларига тегишли. Буни, биринчи навбатда сўғдликларнинг тасаввурида она маъбуда катта аҳамиятга эга бўлганлиги билан изоҳлаш мумкин.

Унинг сиймосидаги кўплаб ҳайкалчалар, айниқса Кушон даври учун (I–III асрлар) хос бўлган. Тасвирлаш қодаларига кўра ҳайкалнинг қўл ҳолати (биттаси кўкракда, иккинчиси тизза устида) ҳамда мева, гул ёки ўсимлик шохини ушлаб тургани акс эттирилган. Бўйнидаги жевак ўзига хос безак саналган. Бу маъбуданинг исми ҳали ҳам аниқланмаган, аммо унга белги сифатида хизмат қилган ўсимликлар тасвири унинг ҳосилдорлик маъбуди билан алоқадорлигини кўрсатади.

Терракота ҳайкалчаларининг асосий қисмида эркак ва аёллар мусика асбоблари билан тасвирланган. Аёллар найни тик ҳолатда тутиб туришган. Аёл мусиқачилар бир хил либослар: тиззани ёпиқ кенг қўйлак, бурмали кенг шалвар ва юмшоқ поёбзал кийишган. Шунингдек, қўлдан қорингача тушиб турган ярим доира бурмали рўмол ўрашган.

Ёш мусиқачи йиғит ҳайкали терракотанинг кечки намуналари қаторига киради (V–VIII асрлар). Бу ерда фақат унинг боши босма усулда тайёрланган, танаси ва мусика асбоби эса қўлда анчагина қўпол равишда бажарилган. Фақатгина қўл ҳолати ва асосининг қайрилганлигидан бу асбоб қиёра (қадимги юнонларнинг гитарага ўхшаш чолғуси) эканини тушуниш мумкин.

Терракота пластикада акс эттирилган ўрта Осиё илоҳ ва шайтонлар олами турғун ва маҳдуд бўлмаган; у турли ташки таъсирларни ўзига тортди, сингдириб борган. Афросиёбдаги ҳайкалчалардан бирини тайёрлаш усулида ҳиндунизм иконографиясининг хусусиятлари яққол кўриниб туради.

Музейнинг Ўзбекистон ҳудудидан йиғилган тўпламларига қизиқиш ўрта Осиё тарихи ва археологияси таникли мутахассисларининг илмий ва оммабон адабиётларида, кўп сонли нашрларида акс этган. Тарих музейининг донмий кўргазмасида чиқарилган ушбу минтақа ашёлари донмо музейга келувчиларнинг диққатини ўзлуксиз ўзига тортди.

MONUMENTS OF ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL ART OF UZBEKISTAN

A.A. Kadiyeva

The collection of archaeological finds from the territory of present Uzbekistan in the Historical Museum includes works of ancient art attracting repeatedly great attention of archaeologists and all the people interested in the past of Central Asia.

The most representative collection of Khorezm from the excavations of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition is among them. Its materials reproduce the vital activity of sites of various types in the Khorezm oasis. The fortresses of Kirk-kyz-kala, Bazar-kala and Koy-Krylgan-kala are cult-residential complexes of the 4th-3rd centuries BCE - 3rd-4th centuries CE. The latter site at the early stage was a cult construction - a fortified temple-tomb, where the astronomical observations took place. At the same time, it included household and residential buildings, probably, belonged to priests and temple ministers. Subsequently, since the turn of the eras, when, for the reason unknown to researchers, a new system of chronology was introduced, the site became desolate, and all later structures were exclusively of a household nature.

Numerous works of ceramic art, in particular, beakers, widespread in Iran, Afghanistan and Asia Minor have been disclosed in the early layers of the Khorezm towns of the so-called Kangju period (the 4th century BCE - 2nd century CE). A vessel from the Historical Museum was found in the lower horizon of the Koy-Krylgan-Kala site and dated to the 4th-3rd centuries BCE.

The fragmented pack flasks used to transport liquids are attributed to the Kangju stage as well. The volume of the medium-sized flask was 6-7 liters, but samples of a larger capacity were known. These are round-shaped vessels with one convex side, the other side is flat. Exactly that side was frequently ornamented with an image printed with a bas-relief form: geometric and floral motifs or scenes.

A bowl with red engobe of the later period was found in a pit of the 1st century BCE - 4th century CE on the site of Koy-Krylgan-Kala. It is rather interesting that the upper part of the bowl has the drilled holes as the evidence of a "restoration" carried out in antiquity.

The most striking materials of the State Historical Museum collection present Ancient Sogd, one of the most important historical and cultural areas of Central Asia, located in the Zeravshan and Kashkadarya valleys. One of the largest urban centers of this state was the site of Afrasiab situated on the northern outskirts of modern Samarkand.

The terracotta statuettes and the fragmented ossuaries from random finds give an idea of the art and religious beliefs of the inhabitants of Sogd.

Zoroastrianism was one of the most popular religions in Sogd. In the Avesta - a collection of Zoroastrian sacred texts - it states that the world is formed by four elements: earth, water, air and the most revered - fire. They are sacred, and their desecration is unacceptable, especially, by placing a human body in them. A specific funeral rite was formed, according to which the body of the deceased should be taken to a special house - *ked*, and then placed on *daluma* - a natural hill away from human habitation. Within a year, the soft tissues of the corpse were destroyed by the sun and wind, as well as by birds and dogs specially kept for the purpose. After such a treatment, and human remains became clean, preserving a particle of the soul of the deceased, they should be collected and buried in a special rite.

A special feature of the Central Asian funeral rite was the use of terracotta "bone storages" (in Latin ossuarius, in Iranian astodan). In turn, the ossuaries were placed in family crypts.

The ossuaries from the Historical Museum, originating from the urban necropolis of Afrasiab are dated to the 4th-6th centuries CE. The ornamentation of female heads in the Hellenistic traditions is typical for ossuaries of that period. The ossuaries are a type of Central Asian burial structures, imitating architectural constructions. Its walls are inclined inward with columns located at the corners figurative thickenings reproduce the appearance of adobe buildings that were found in Central Asia until the New Age. The similarity is enhanced by a cornice crowning the top edge and a rectangular door in the middle of the main facade.

The terracotta figurines became a kind of "visiting card" of the culture of early medieval Sogd. Most researchers consider them to

be mass reproductions of temple statues known at the time – images of deities. The custom of making terracotta figurines arose in the late 4th–3rd centuries BCE as the influence of Hellenistic traditions and existed before the Islamic era, probably, in its early period. In the 6th century, the so-called “small icons” – images of a deity in a temple niche – became widespread in Sogd, along with terracotta sculpture.

Highly professional sculptors specializing in making statues and temple reliefs took part in making coroplastics. They sculpted and carved the original convex model-mould of dried clay for each series of figurines. The final model was fired and imprinted into raw clay. After firing, the print became a mould, used to imprint new figurines. In this way, together with the deities of temple pantheons, highly professional art entered common Sogdians' home. Because of the multiple copying of the originals and the long-term existence of images in the cult traditions, dating of the majority of statuettes is quite difficult.

Most of the currently known anthropomorphic terracotta images are female figurines. Not least of all, it was due to the great role of the mother goddess in the Sogdians' cult concepts. Numerous figurines of her image are especially typical of the Kushan period (the 1st–3rd centuries CE). The image canon was the position of hands (one at the chest, the other at the bosom) and a fruit, flower or branch of a plant in hands. A characteristic adornment is the neck hoop. The name of this goddess is still unknown, but a piece of the vegetable kingdom as her attribute is the evidence of the cult of fertility.

A large group of terracotta figurines is male and female images with musical instruments. The vertical position of the flute is typical for female figurines. It is indicative that female musicians are dressed in similar clothes: a loose dress covering knees, wide pleated trousers and soft shoes. Also, a scarf downward in semicircular pleats through the hands on the belly is typical for them.

The image of a young musician is the late group of terracotta figurines (the 5th–8th centuries). Only the head is made in the imprint technique, but the body and an instrument are rather roughly made by hand – a cithara is guessed only by the position of hands and the bend of frame.

The world of Central Asian deities and demons, reflected in terracotta plastic art, was not static and closed, but adopting various influences from the outside and transforming them into their own

scene. E.g., features of Hindu iconography are well retraced in the way of making one of the Afrasiab statuettes.

The repeated publications by recognized experts in the history and archeology of Central Asia have proved the interest in the museum collections from the territory of Uzbekistan. The artifacts from this region at the permanent exhibition of the Historical Museum attract invariably the visitors' attention.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА

А.А. Кадиева

Коллекция археологических находок с территории современного Узбекистана, входящая в собрание Исторического музея, включает предметы древнего искусства, неоднократно привлекавшие пристальное внимание специалистов-археологов и всех интересующихся прошлым Средней Азии.

Среди них наиболее представительна коллекция с территории Хорезма из раскопок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Ее материалы отражают жизнедеятельность поселенческих памятников различных типов Хорезмского оазиса. Крепости Кырккызкала, Базаркала и Кой-Крылганкала – культово-жилые комплексы IV–III вв. до н.э. – представлял собой памятник на раннем этапе своего бытования – культовое сооружение – укрепленный храм-гробницу, где также производились астрономические наблюдения. В то же время он включал хозяйственные и жилые постройки, вероятно, принадлежавшие жрецам и храмовым служителям. Впоследствии, с рубежа эр, когда по неизвестным исследователям причинам была введена новая система летосчисления, памятник приходит в запустение, а все позднейшие сооружения носят исключительно бытовой характер.

В ранних слоях хорезмских городов, относящихся к так называемому кангуйскому периоду (IV в. до н.э. – II в. н.э.), встречаются многочисленные произведения керамического искусства, в частности, бокалы, широко распространенные на территории Ирана, Афганистана, Малой и Средней Азии. Сосуд из Исторического музея был обнаружен в нижнем горизонте городища Кой-Крылганкала и датируется IV–III вв. до н.э.

Также к кангуйскому этапу относятся фрагменты вьючных фляг, служивших для перевозки жидкостей. Объем фляги средних размеров составлял 6–7 литров, но встречаются экземпляры и большей вместимости. Это сосуда округлой формы, одна сторона которых была выпуклой, другая – плоской. Именно она часто украшалась оттиснутым при

помощи барельефной формы изображением: геометрическими и растительными мотивами или сюжетными сценами.

К более позднему периоду принадлежит миска с красным ангобом из ямы I в. до н.э. – IV в. н.э. на городище Кой-Крылганкала. Интересно, что верхняя часть миски покрыта просверленными отверстиями, свидетельствующими о проведенной в древности «реставрации».

Наиболее яркие материалы собрания ГИМ представляют древний Согд – одну из важнейших историко-культурных областей Средней Азии, расположенную в долине рек Зарафшана и Кашкадарьи. Одним из крупнейших городских центров этого государства было городище Афрасиаб на северной окраине современного Самарканда.

Об искусстве и религиозных верованиях жителей Согда дают представление терракоты – статуэтки и фрагменты оссуариев из случайных находок.

Одной из популярных религий в Согда был зороастризм. В Авесте – собрании зороастрийских священных текстов – указывается, что мир формируют четыре стихии: земля, вода, воздух и наиболее почитаемая – огонь. Они священны, и их осквернение недопустимо, в особенности погребением в них человеческого тела. Сформировался специфический погребальный обряд, согласно которому тело усопшего следовало отнести в специальный дом – *кед*, а затем поместить на *дахму* – естественную возвышенность, расположенную вдали от человеческого жилья. В течение года мягкие ткани трупа уничтожались солнцем и ветром, а также птицами и собаками, специально содержащимися для этой цели. После подобной обработки человеческие останки становились чистыми, хранящими частицу души усопшего, их следовало собрать и захоронить по специальному обряду.

Особенностью среднеазиатского погребального обряда было использование терракотовых «костехранилищ» (латинское *ossuarium*, иранское *астодан*). В свою очередь, оссуарии помещали в семейные склепы.

Оссуарий из Исторического музея, происходящий из городского некрополя Афрасиаба, датируется IV–VI вв. н.э. Для костехранилищ этого периода характерен декор из женских головок, выполненный в эллинистических традициях. Оссуарий относится к типу среднеазиатских погребальных конструкций, подражавших архитектурным сооружениям. Его наклонные внутрь стенки с расположенными по углам колоннообразными утолщениями воспроизводят облик глинобитных построек, встречавшихся в Средней Азии вплоть до Нового времени. Сходство усиливается благодаря карнизу, венчающему верхний край, и прямоугольной двери посередине главного фасада.

Своеобразной «визитной карточкой» культуры раннесредневекового Согда стали терракотовые статуэтки. Большинство исследователей считает их массовыми репродукциями известных в свое время храмовых статуй – изображений божеств. Обычай изготовления терракотовых статуэток возник в конце IV–III вв. до н.э. не без влияния эллинистических традиций и существовал до исламской эпохи, вероятно, захватывая ранний ее период. В VI в. в Согде наряду с терракотовой скульптурой получили распространение так называемые «образки» – изображения божества в храмовой нише.

В производстве коропластики были задействованы высокопрофессиональные мастера-скульпторы, специализировавшиеся на изготовлении статуй и храмовых рельефов. Именно они лепили и вырезали из подсохшей глины первоначальную выпуклую модель-матрицу для каждой серии скульптурок. Получившуюся модель обжигали и оттискивали в сырую глину. После обжига оттиск становился матрицей, с помощью которой оттискивались новые статуэтки. Так вместе с божествами храмовых пантеонов в дома рядовых согдийцев входило высокопрофессиональное искусство. Именно из-за многократного копирования оригиналов и длительности бытования образов в культовых традициях датировка большинства статуэток существенно затруднена.

Большая часть известных на сегодняшний день антропоморфных терракотовых изображений – фигуры женщин. Не в последнюю очередь это объясняется огромной ролью богини-матери в культовых представлениях согдийцев. Многочисленные статуэтки, изображающие ее, особенно типичны для кушанского времени (I–III вв. н.э.). Канон изображения фиксирует положение рук (одна у груди, другая у лона) и наличие в них плода, цветка или ветки растения. Характерным украшением является шейная гривна. Имя этой богини до сих пор не установлено, но предмет растительного мира, служивший ей атрибутом, указывает на ее связь с культом плодородия.

Большую группу терракот составляют изображения мужчин и женщин с музыкальными инструментами. Для женских фигурок наиболее типично вертикальное положение флейты. Показательно, что женщины-музыканты облачены в схожую одежду: свободное платье, прикрывавшее колени, широкие шаровары в складку и мягкие туфли на ногах. Также для них характерен шарф, спускавшийся полукруглыми складками через руки на живот.

Образ юноши-музыканта относится к поздней группе терракот (V–VIII вв.). Здесь в технике оттиска изготовлена только голова, а тело и инструмент довольно грубо сделаны вручную – только по положению рук и изгибу рамы угадывается кифара.

Мир среднеазиатских божеств и демонов, отраженный в терракотовой пластике, не был статичным и закрытым, впитывая в себя различные влияния извне и преобразуя их в собственные сюжеты. Так, в манере изготовления одной из афрасиабских статуэток хорошо прослеживаются черты индустской иконографии.

Интерес к музейным коллекциям с территории Узбекистана проявился в неоднократных публикациях признанных специалистов по истории и археологии Средней Азии. Выставленные в постоянной экспозиции Исторического музея экспонаты из этого региона неизменно привлекают внимание посетителей.

ДТМ № 101908, кайд этиш Б 1571/7
Кадаҳ

Паст оёқчали, бўртма нақшли, кизил ангоб; куполчилик чархида тайёрланган. Куйкирилганкалға. Милоддан аввалги IV – III асрлар. Гил, ангоб. Баландлиги – 17 см.

ДТМ № 109326, кайд этиш Б 1998/13
Идиш

Тор оғизли, конуссимон, кизил ангоб. Бозоркалға II. Милоддан аввалги IV – II асрлар. Гил, ангоб. Баландлиги – 14,5 см, туб диаметри – 6 см, бўғиз диаметри – 4,8 см.

ДТМ № 101908, кайд этиш Б 1571/3
Коса

Кизил ангоб; куполчилик чархида тайёрланган. Куйкирилганкалға. Сопол, ангоб. Баландлиги – 4 см; диаметри – 6,7 см, туби диаметри – 3,6 см.

SHM No. 101908, inventory V 1571/7
Beaker

with short disk-shaped foot, relief pattern on body, red engobe on surface; made on potter's wheel. Koy – Krylgan kala. 4th – 3rd centuries BC. Ceramics, engobe. Height – 17 cm.

SHM No. 109326, inventory B 1998/13
Vessel

biconical with narrow neck, red engobe on surface, made on potter's wheel. Bazar-Kala II. 4th – 2nd centuries BC. Clay, engobe. Height – 14.5 cm, bottom diameter – 6 cm, rim diameter – 4.8 cm.

SHM No. 101908, inventory B 1571/1
Bowl

with wide mouth, coated with red engobe; made on potter's wheel. Koy-Krylgan Kala. Ceramics, engobe. Height – 4 cm, diameter – 6.7 cm, diameter of the base – 3.6 cm.

ГИМ № 101908, опись Б 1571/7
Бокал

с невысокой дисковидной ножкой, рельефным орнаментом на тулове, с красным ангобом на поверхности; изготовлен на гончарном круге. Кой-Крылганкала IV – III вв. до н.э. Глина, ангоб. Высота – 17 см.

ГИМ № 109326, опись Б 1998/13
Сосуд

биконической формы с узким горлом, с красным ангобом на поверхности, изготовлен на гончарном круге. Базаркала II. IV – II вв. до н.э. Глина, ангоб. Высота – 14,5 см, диаметр дна – 6 см, диаметр венчика – 4,8 см.

ГИМ № 101908, опись Б 1571/1
Миска

миниатюрная с широким устьем, поверхность покрыта красным ангобом; изготовлена на гончарном круге. Кой-Крылганкала. Керамика, ангоб. Высота – 4 см, диаметр – 6,7 см, диаметр дна – 3,6 см.

ДТМ № 101908, кайд этиш Б 1571/5
Идиш

Кийшик гулкосали, капта бўғизли, тўртта тешикли, нақш изли, юмалоқ. Куполчилик чархида тайёрланган. Бозоркалға II. Милоддан аввалги IV – II асрлар. Гил, ангоб. Баландлиги – 10 см, Гулкоса диаметри – 11,5 см.

ДТМ № 101908, кайд этиш Б 1571/3
Идиш

Кизил ангоб, капта бўғизли, кенг оғизли, юмалоқ. Куполчилик чархида тайёрланган. Юкори қисмида – кичикрок думалоқ тешиклар – эски таъмирлаш излари бор. Куйкирилганкалға. Милоддан аввалги IV – II асрлар. Гил, Баландлиги – 8,3 см, диаметри – 15,8 см.

ДТМ № 101908, кайд этиш Б 1571/10
Идиш

Юкори қисмида бўрттирилган тасма шаклидаги ажратилган бўйида кизил ангоб изи қолган. қўш дастали, цилиндрсимон. Бозоркалға II. Милоддан аввалги IV – II асрлар. Куполчилик чархида тайёрланган. Гил, ангоб. Баландлиги – 20 см, гулкоса диаметри – 12,5 см.

SHM No. 101908, inventory B 1571/5
Vessel

with rounded body, short neck, bent back rim, four holes on neck and subtle traces of pattern on rim and shoulders. Made on potter's wheel. Bazar-Kala II. 4th – 2nd centuries BC. Clay, engobe. Height – 10 cm, collar diameter – 11.5 cm.

SHM No. 101908, inventory B 1571/3
Bowl

with rounded body, high neck and large orifice, traces of red engobe on surface. Made on potter's wheel. Small holes in upper part are traces of old restoration. Koy-Krylgan-kala. 4th – 2nd centuries BC. Clay. Height – 8.3 cm, diameter – 15.8 cm.

SHM No. 101908, inventory B 1571/10
Cylinder vessel

with neck and relief stripes in upper part of body, two projecting handles-eyelets, traces of red engobe on surface. Bazar-Kala II. 4th – 2nd centuries BC. Made on potter's wheel, clay, engobe. Height – 20 cm, rim diameter – 12.5 cm.

ГИМ № 101908, опись Б 1571/5
Сосуд

с округлым туловом, невысокой шейкой, отогнутым венчиком, четырьмя отверстиями для подвешивания на шейке и слабыми следами орнамента по краю венчика и плечикам. Изготовлен на гончарном круге. Базаркала II. IV – II вв. до н.э. Глина, ангоб. Высота – 10 см, диаметр венчика – 11,5 см.

ГИМ № 101908, опись Б 1571/3
Миска

с округлым туловом, высокой шейкой и широким устьем, со следами красного ангоба на поверхности. Изготовлена на гончарном круге. В верхней части небольшие круглые отверстия – следы древнего ремонта. Кой-Крылганкала. IV – II вв. до н.э. Глина. Высота – 8,3 см, диаметр – 15,8 см.

ГИМ № 101908, опись Б 1571/10
Сосуд

цилиндрической формы с выделенной шейкой с рельефными полосами в верхней части тулова, двумя выступающими ручками-петельками и следами красного ангоба на поверхности. Базаркала II. IV – II вв. до н.э. Глина, ангоб. Изготовлен на гончарном круге. Высота – 20 см, диаметр венчика – 12,5 см.

ДТМ № ВХ 2657/1757

Сувдон

Хайвон оёқларининг бўртма нақши тасвирланган.
Бозоркала II.
Милоддан аввалги IV–II асрлар.
Гил.
9,5×8 см.

ДТМ № ВХ 2657/1075

Сувдон

Ёнидан бўрттириб ишланган, югураётган хайвон ва узум мевапар акс эттирилган лавха.
Бозоркала II.
Милоддан аввалги IV–II асрлар.
Гил. 9×5,8 см.

ДТМ № ВХ 2657/27

Сувдон

Дарахлар тасвири бўрттириб акс эттирилган лавха.
Кичик Қирқизкала. Милоддан аввалги IV–II асрлар. Гил.
11×6,5 см.

ДТМ № ВХ 2657/56

Идиш

От сариси тасвири уйиб ишланган идиш парчи.
Бозоркала II. Милоддан аввалги IV–II асрлар. Гил. 14×12,5 см.

SHM No. VKh 2657/1757

Flask

with relief image of animal legs, fragment.
Bazar-Kala II.
4th–2nd centuries BC.
Clay.
9,5×8 cm.

SHM No. VKh 2657/1075

Flask

with relief image of running animal and grapes, fragment.
Bazar-Kala II.
4th–2nd centuries BC.
Clay.
9×5,8 cm.

SHM No. VKh 2657/27

Flask

with stylized relief image of trees, fragment.
Minor Kyrk-Kala. 4th–2nd centuries BC.
Clay.
11×6,5 cm.

SHM No. VKh 2657/56

Vessel

with carved image of horse group, a fragment.
Bazar-Kala II. 4th–2nd centuries BC.
Clay. 14×12,5 cm.

ГИМ № ВХ 2657/1757

Фляга

с рельефным изображением ног животного, фрагмент.
Базаркала II.
IV–II вв. до н.э.
Глина.
9,5×8 см.

ГИМ № ВХ 2657/1075

Фляга

с рельефным профильным изображением бегущего животного и плодов винограда, фрагмент.
Базаркала II.
IV–II вв. до н.э.
Глина. 9×5,8 см.

ГИМ № ВХ 2657/27

Фляга

со стилизованным рельефным изображением деревьев, фрагмент.
Малая Кыркызка. IV–II вв. до н.э.
Глина.
11×6,5 см.

ГИМ № ВХ 2657/56

Сосуд

с резным изображением группы лошадей, фрагмент.
Базаркала II. IV–II вв. до н.э.
Глина. 14×12,5 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш Б 480/76
Остадон девори

Мураккаб бўрттирилган, қолипланган,
уйма нақшли лавха.
Афросиёб. IV–VIII асрлар.
Гил.
35×19,5×4,6 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/76
Wall of ossuary
with complex relief, stamped and carved
pattern, fragment.
Afrasiab. 4th–8th centuries AD.
Clay.
35×19,5×4,6 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/76
Стенка оссуария

со сложным рельефом, штампованным и
нарезным орнаментом, фрагмент.
Афрасиаб. IV–VIII вв.
Глина.
35×19,5×4,6 см.

ДТМ 18524, кайд этиш Б 480/77/2
Остадон деворлари

Мураккаб бўрттирилган, қолипланган ва
уйма нақшли, лавҳа.
Афросиёб, IV – VIII асрлар.
Гил.
25×18 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/77/2
Wall of ossuary

with complex relief, stamped and carved
pattern, fragment.
Afrasiab. 4th – 8th centuries AD.
Clay.
25×18 cm.

ГИМ 18524, опись Б 480/77/2
Стенка оссуария

со сложным рельефным, штампованным
и нарезным орнаментом, фрагмент.
Афрасиаб. IV – VIII вв.
Глина.
25×18 см.

ДТМ 18524, кайд этиш Б 480/77/1
Остадон деворлари

Мураккаб бўрттирилган, қолипланган ва
уйма нақшли, лавҳа.
Афросиёб, IV – VIII асрлар.
Гил.
18×14 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/77/1
Wall of ossuary

with complex relief, stamped and carved
design, fragment.
Afrasiab. 4th – 8th centuries AD.
Clay.
18×14 cm.

ГИМ 18524, Оп. Б 480/77/1
Стенка оссуария

со сложным рельефным, штампованным
и нарезным орнаментом, фрагмент.
Афрасиаб. IV – VIII вв.
Глина.
18×14 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш Б 480/78-80
Остадон деворлари

Мураккаб бўрттирилган, қолипланган ва
уйма нақшли, лавҳа.
Афросиёб, IV – VIII асрлар.
Гил.
14×9,5 см; 13×8 см; 16×10,5 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/78-80
Walls of ossuaries

with a complex relief, stamped and carved
design, fragments.
Afrasiab. 4th – 8th centuries AD.
Clay.
14×9.5 cm; 13×8 cm; 16×10.5 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/78-80
Стенки оссуариев

со сложным рельефным, штампованным
и нарезным орнаментом, фрагменты.
Афрасиаб. IV – VIII вв.
Глина.
14×9,5 см; 13×8 см; 16×10,5 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш Б 480/74
Качина бут

Чеккаларида бўртма нақшлар
ишланган, баланд бош кийимдаги,
қўхрак безаклари билан безатилган
маъбуданинг қўрағигача тасвири акс
этирилган ромб шаклидаги қолип
намунаси.
Афросиёб, VI аср.
Терракота.
Баландлиги – 10 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/74
Icon pendant

diamond-shaped with ornament along
edges and relief bust of female deity in
temple niche, with high headdress,
temple rings, breast adornment.
Afrasiab, 6th century AD.
Terracotta.
Height – 10 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/74
Образок

ромбовидной формы с орнаментом
по краям и рельефным погрудным
изображением в храмовой нише
женского божества в высоком головном
уборе, с височными кольцами и
нагрудным украшением.
Афрасиаб, VI в.
Терракота.
Высота – 10 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/58

Маъбуда (бошсиз) ҳайкали

Бел боғловчи узун чакмон
кийган, чап қўли белига
туширилган, ўнг қўли билан
катта йирикроқ чўзинчоқ
буюм ушлаб (дарахт
меваи?) тик турган ҳолда
тасвирланган.

Афросиёб.
Мил. авв. II аср – мил. IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 9 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/58

**Sculptural one-sided image
of female deity (headless)**

in long slim-wasted caftan, left
arm on belt and right hand
with large oval object (a tree
fruit?).

Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 9 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/73
**Скульптурное изображение
женщины по пояс**

с хорошо проработанными
чертами лица, с накидкой на
голове, шейной гривной и в
легкой одежде типа хитона.
Руки отсутствуют.

Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 9 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/73

Bust of woman with

well – designed features,
tippet on head, torc and light
clothing like chiton. No hands.

Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 9 cm.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/73

Аёл ҳайкали

Ҳазининг тузлиши моҳирлик
билан ишланган,
боши устига кийилган енгисиз
кийим, бўйинга тақилдиган
безак жевак ва хитонга
ўхшаган енгил кийим.
Қўллари йўқ.

Афросиёб.
Милoddan аввалги II аср –
милoddий IV аср. Терракота.
Баландлиги – 9 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/68

**Найчининг бар тарафлама
ҳайкали**

Этница чакмон ва шалвар
кийган, елкасига бўйинбоғ
ташланган, букилган
қўлларида най (?) тутиб
турибди (боши йўқолган).

Афросиёб. Милoddan аввалги
II аср – милoddий IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 9 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/68

**Sculptural one-sided image
of flutist**

wearing caftan and baggy
trousers, scarf flowing from
shoulders, flute (?) in bended
hands (head was lost).

Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 9 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/68

**Скульптурное
одностороннее
изображение флейтистки
в рост**

в кафтане, шароварах и
с ниспадающим с плеч
шарфом, с флейтой (?) в
согнутых руках (голова
утрачена).

Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 9 см.

ГИМ № 18524, опись Б 480/58

**Скульптурное
одностороннее
изображение женского
божества в рост
(без головы)**

в приталенном длинном
кафтани, с опущенной
к поясу левой рукой и
придерживающей правой
рукой крупный овальный
предмет (плод дерева?).

Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 9 см.

ДТМ № 18524, қайд этиш Б 480/70
Мушиқачи йигит ҳайкали
Юзи ҳаққоний тарзда ишланган, кўпи
бироз кўпол кўринишда, мушиқа
асбобини (кифара) тутиб турибди.
Афросиёб.
V – VIII асрлар.
Терракота.
Баландлиги – 7 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/70
Bust of young musician
with realistic face, crude
stylized hands and musical
instrument (cithara).
Afrasiab.
5th – 8th centuries AD.
Terracotta.
Height – 7 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/70
Бюст юноши-музыканта
с реалистично выполненным лицом,
грубым стилизованным изображением
рук и музыкального инструмента
(кифары).
Афрасиаб.
V – VIII вв.
Терракота.
Высота – 7 см.

ДТМ № 18524, қайд этиш Б 480/8
Аёл бошининг ҳайкали
Баланд бўлмаган бош кийимда,
мураккаб турмада.
Афросиёб.
Милoddан аввалги II аср – милodий
IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 3,5 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/8
Sculptural image of female head
with complicated hairstyle and
small headdress.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 3.5 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/8
**Скульптурное изображение женской
головы**
со сложной прической, в невысоком
головном уборе.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 3,5 см.

ДТМ № 18524, қайд этиш Б 480/11
Одам бошининг ҳайкали
Чўққили калпоқда, юзининг бир қисми
синиб кетган.
Афросиёб.
Милoddан аввалги II аср – милodий
IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 2,5 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/11
Sculptural image of head
with pointed headdress,
broken off face.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 2.5 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/11
**Скульптурное изображение головы
человека**
в острокопечном колпаке, часть лица
отбита.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 2,5 см.

ДТМ № 18524, қайд этиш Б 480/66
Одамнинг бош қисми ҳайкали
Сочлари хурпайган, ёпишиб турган бош
кийимда; юзининг бир қисми синиб
тушган, куллари йўқ.
Афросиёб.
Милoddан аввалги II аср – милodий
IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 6,5 см.

SHM No. 18524, inventory B 480/66
Sculptural one-sided bust image of man
with voluminous hair and tight
headdress; broken off face, no
arms.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 6.5 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/66
**Скульптурное погрудное
одностороннее изображение человека**
с пышными волосами и в облегающем
головном уборе; часть лица отбита, руки
отсутствуют.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 6,5 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/72
**Ялангач эркакнинг белгача
булган хайкали**

Силлик сочлари елкаларига
тушган, куллари йўқотилган.
Афросиёб.
Милоддан аввалги II аср –
миллий IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 9 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/72
Sculptural bust of naked man
with flowing straight hair and
realistic face; no arms.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 9 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/72
**Скульптурное поясное
изображение обнаженного
мужчины**

с ниспадающими прямыми
волосами и реалистично
выполненным лицом; руки
утрачены.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 9 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/69
**Эркакнинг тик турган
хайкали**

Йирик каллали, мўйлов
ва соқолига синчиклаб
ишлов берилган, сочлари
орта таралган; унги кули
пастга туширилган, чап кул
тирсагидан букилган ва
юқорига кўтарилган. Ялангач
баданини елкасига ташланган
плаш ёлиб турибди. Орт
қисмида – думалок кесик.
Афросиёб. Милоддан аввалги
II аср – миллий IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 12 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/69
Figurine of man
with big head, well – designed
face with moustache and
beard, hair swept back, right
arm downward, and left arm
bent at the elbow and raised.
Cloak slipped over shoulders
covers naked body. Round slit
on back.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 12 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/69
Статуэтка мужская в рост

с крупной головой,
тщательно проработанным
лицом с усами и бородой,
зачесанными назад
волосами; правая рука
опущена вниз, левая согнута
в локте и поднята вверх.
Обнаженное тело прикрывает
наброшенный на плечи
плащ. На обороте – круглая
прорезь.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 12 см.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/71
**Аёлнинг бар томонлама
хайкали**

Боши номутаносиб тарзда
катта, юз чизгилари аранг
кўринадиган, унги кули пастга
туширилган ва букилган чап
кули кўкрагига жойлашган.
Афросиёб.
Мил. авв II аср – мил. IV аср.
Терракота.
Баландлиги – 4,5 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/71
**Sculptural one-sides stylized
image of woman**
disproportionate head and
features, right arm downward
and left arm bent at elbow on
breast.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 4.5 cm.

ГИМ № 18524, опись Б 480/71
**Скульптурное
одностороннее
стилизованное
изображение женщины**
с несоразмерно крупной
головой, с едва намеченными
чертами лица, опущенной
вниз правой рукой и
согнутой, расположенной на
груди левой.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 4,5 см.

ГИМ № 18524, опись Б 480/75
**Скульптурное поясное
изображение мужчины**
в высоком головном уборе, с
тщательно проработанными
чертами лица, усами и
бородой, с ожерельем на шее
и веткой или колосом в руке.
Афрасиаб.
II в. до н.э. – IV в. н.э.
Терракота.
Высота – 9 см.

SHM No. 18524, inventory
B 480/75
Sculptural bust of man
in high headdress,
well designed
features, beard and
moustache, necklace, branch or
spike in hand.
Afrasiab.
2nd century BC – 4th century AD.
Terracotta.
Height – 9 cm.

ДТМ № 18524, кайд этиш
Б 480/75
**Эркакнинг белгача булган
хайкали**

Баланд бош жийимида, юз
чекраси, мўйлов ва соқолига
синчиклаб ишлов берилган,
буйида маржон ва кулида
дархат шохли ёки бутдой пояси.
Афросиёб. Милоддан аввалги
II аср – миллий IV аср.
Терракота. Баландлиги – 9 см.

ДТМ № 109326, кайд этиш Б 1998/12
Идиш туткичи

Шернинг акси бўртириб тасвирланган
идиш банди, лавха.
Бозоркала II.
Милоддан аввалги IV–II асрлар.
Гил. 5×4 см.

SHM No. 109326, inventory B 1998/12
Vessel handle
with relief image of lion muzzle.
fragment.
Bazar-Kala II.
4th–2nd centuries BC.
Clay. 5×4 cm.

ГИМ № 109326, опись Б 1998/12
Ручка сосуда
с рельефным изображением морды
льва, фрагмент.
Базаркала II.
IV–II вв. до н.э.
Глина. 5×4 см.

ЎЗБЕКИСТОНДА XIX АСР
ЎРТАЛАРИ ВА XX АСРДА
КУЛОЛЧИЛИК

CERAMICS OF UZBEKISTAN
OF THE MID-19TH-20TH CENTURIES

КЕРАМИКА УЗБЕКИСТАНА
СЕРЕДИНЫ XIX-XX ВЕКОВ

Урғутда саккыста куиолчилик устахонаси мавасуф булганд.

Шунингдек, Маҳкам ота услубий жараён сирлари билан урғокланган. Маҳаллий усталар идишларни уч хил қойдан тайёрлашган. Буюмларнинг ўзи уй ёқидан қазилган ва камини латы – мўрғоқ билан ара-лаштирилган, маҳаллий қойдан қўлқоччилик дастгоҳида ясаган. Кейин куритган буюмлар ўста чиндамли оқ қой – чинги гири (жаолиги) билан қоп-ланган. Панжакент атрофидаги чинги гири қониғи уларга қариндлик ўста кўрсатган.

Шундан сўнг қўёйда қuritилган буюм устидан устанилиг ун Пан-
жакент тоғларидан олиб келган қизил ҳесаҳ - суюқ қизил лабидан қу-
йилган. Бу буюмдин безатишга моҳ келадиган унумий қизил қалтириш

Куриган буюмларга учиди битта ва иккита илгаси бор тасвирлар -
хорошдир билан нахшлар ўйилган. Кейин бу юмилани муайянлаш билан
буяб, сиртаб, сўнг куйдиришган.

Устанини айтишмича, 1910 йилларда, қўрғининини сир ишлатишни бошлашганида махсулоти кўпайишга ишқор қўллашган. Ишқор Жиззах тоғларида териб олинатиغان махсус ўтлардан олинган. Унга Са-марқанд яқинидан қавлаб олинган қум ҳам қўшилган. Ишқор ўтини ўша ернинг ўзида ёндиришган. Уруғга тайёр қопчимга қолатида олиб келинган бўлиб, сўнг у қум билан биргаликда янчишган. Ҳозирда сир тай-ёрлаш учун иккита тоқча қилинган, тепадагисидан у аралашмага айлан-ган, эритилган сўнг ластки тоқчага оқиб тушган. Кейин бу аралашмани печдан чиқариб тегишмон тошда майдалаб, бўёқлар қўшилган; янчил-ган мисли яшил, темирли – сарик сир чиқариш учун аралаштирилган. Металлар қўшилмаси сир оқ рангда бўлган, бушай усулда бажарилган устанинг икки асари ушбу альбомимизда келтирилган.

ДМ тулчаларида оддий сопол ан- бадий бўлиши

ДТМ гуллагчларида оддий сопол анжомлар билан биргаликда еркин бадиий буюмлар ишлаб чиқарилган ҳудуд - Ўзбекистоннинг турли кулчилик марказлари буюмлари ҳам сақланмоқда. Сирланган сопол буюмлар орасида Хоразм, Фарғона ва Бухоро ўғаларининг ишлари ажратиб турали. Хоразм гуруҳига мансуб маҳсулотларни асосан бу минтақа учун айлانмавий бўлган ливон ёки чуқур лаган - байла талкич этати. Турларишган Гумбаз кўринишидаги чуқур лаган, байла талкич этати. Буюкларца бўлган идишга анча ошмаган. Ошмада бу...

Ошда бу геометрик нақшлар гулларнинг мактабдан расми, анор-
малари, уч доғрагача соддаштирилган. ДТМ тўғрисидаги XIX аср-
нинг охирида ясалган икки нагача 1951 йилдаги экспедиция нақшида
Хонка яқинидаги ҳарид қилинган.

Улар анъанавий tarzda yasalgan bo'lib, usimlikxizmat va geometrik shakllar bilan qoplangan. XX asr yuzalarida Otanazar Bektonov, Zarina Natigova va shu kabir boshka ustalar mazkur mintaqaga mis tayyorlash usulini yanam o'zgartirgan. Ular uzlarining chuqur daganalarini turli barchin tuzlar va geometrik shakllar, ilqichka chizikli tukimlar bilan bezatganlar.

Тарих музейи тўпламларида ўзбек култовчилигининг аниқ катта қис-
минини Фарғона гуруҳи маҳсулотлари ташкил этади. Унга тўпламининг
маънавий буюмлари, шулар қаторида П.И. Шчукин ҳадя қилган гуллар
қурбониданги кўза тасвири тудирилган лаланча ҳам қиради. Бу идиш-
лининг бўйини араб ёзувида хижрий 1285 (милодий 1868 йил) санасти қайд
этилган. Шунинг ўқнаш битиклар Риштон лагаларида кўп учрайди.

Шу миштаканинг энг машхур қўлоқчилик маркази бўлган Гийштёнда тайёриланган насанлар ўзбек қўлоқчиликчилиги «ташриф қозони» ҳисобланади. Маҳаллий қўлоқчиларнинг маҳсулотлари, шу миштакдаги усталар қек ва феруза ранглар уйғунлигида ишлагани маъқул кўришлари билан қарамадиан, ўзининг ёрқин нақшлари ва мураккаб безаклари билан фарқ қилиб турган. Ўсимликларнинг шаклига сояланган расмлари энг машхур безак ҳисобланади. Ҳул, *ишқирлар* (ёйлама), жингалак безаклари цехлари барча маҳсулотларда учрайди¹.

[illegible]

Риштон ҳуқуқчилигининг асосий туғулган жойидан яратилган чинни идишлар киритилган. Улар оқ тусли, оловга чидамли билан ясашиб, оқ сир билан қоплангандан сунг ингичка кўк чичамли билан ясалган. Бу маҳсулотларининг орқа томонига, олдда гардиш билан бўялган. Бу маҳсулотларининг белгилар қўйилган. Бушай Хитой неролифларига ухшайдиган белгилар қўйилган. Бирок шундай маҳсулотлар оддий аҳоли эҳтиёжини қондирган. Бирок шундай буюмлар ҳам ўзида Хитой ва маҳаллий безак унсурларини мукаммал қилиши мумкин бўлган. Масалан, шу усулца бажарилган қосанинг тепа қирраси буюмини ёмон қўздан асраш учун оқилчи - майда белгилар қўйилган билан безатилган.

Буюмларнинг кейинги жамланганини билан
лотчилик марказлари гуруҳига мансуб. Бу минтақанинг кўлончилигини
буз юкорида куриб чиккан асар тардан фарк қилади. Бу гуруҳда махсу-
лотларнинг икки баддий ҳаракат тури бўлиб, биринчиси турга чиқа -
ётган накли билан безатиб, янми ва жанрранг муйкалам тартиб

— 7 —

5. Керимов Т. А., Жапаров Т. А.,
Жапаров Т. А., Тимоненко
Д. Ю. Совершенствование
качества продукции
за счет совершенствования
72 58 00 000

4. Цикли на релаксација се
наведени на табелата
и се наредени според
времетраењето на
својот циклус. Како
како се наредени според
времетраењето на
својот циклус.

7. **Адресация** - выбор домашнего
или рабочего телефона, факса
и т.д.

бўёк берилган шартли расмлар киради. Ургут ва Житзах кулолчилигида шундай ҳолатлар кузатилади. XX асрнинг ўртасидаги устозда кулоллар Маҳкам Облоқулов, Эсамбой Холматов ва Ҳазратқул Одиловларнинг буюмлари шу минтақанинг бадий анъаналари бўйича яратилган.

Ғиждувон, Шахрисабз ва Китобнинг эркин манзарали услубда шикланган маҳсулотлари бошқа гуруҳ таркибига киради. Бу минтақанинг сопол буюмларида анъанавий ўсимлик ва геометрик нақшлар расмоннинг бой фантазияси билан безатилганлигини кўрини мумкин. Усмон Умаров, Файзулла Абдуллаев ва бошқа буюк кулоллар ўзининг маҳсулотларида кўпинча «хаёт дарахти», «Фотима кўли», «товус», «пахта гули» каби қадимги Шарк нақш намуналарини кўрсатиб беришган.

Тарих музейининг ўзбек кулолчилиги тўпламида лойдан ясалган ўйинчоқ ва ҳайкаллар алоҳида ўрин тутди. Бухоронинг Уба қишлоғидан бўлган халқ устаси Ҳамро Раҳимованинг ажойиб ишлари томошабинларни ўзининг гаройиблиги билан хайратга солган. Жайрон, эчки ва кўй тимсоллари унинг кўлида афсонавий дунёда яшовчи жониворларга айланган.

Шунингдек, Хива бадий совға буюмлари фабрикасининг 1970 йиллардаги «Аравақаш» ҳамда «Хўжа Насриддин ва унинг элиги» ҳайкалча-ларини ҳам алоҳида таъкидлаб ўтиш жоиз. Улар ўзида маҳаллий аҳоли вакиллари ташқи кўринишини ифодалайди.

Давлат тарих музейидаги Ўзбекистон кулолчилик буюмлари тўплами ўзида битта маданий-тарихий мажмуани мужассам этиш баробарида халқ усталарининг маҳорати, шунингдек, XX аср ўрталарида фаоллият кўрсатган усталарнинг оммабоп маҳсулотлари билан танишиш имконини беради.

CERAMICS OF UZBEKISTAN OF THE MID-19TH-20TH CENTURIES

D.Y. Tarlygina

Decorative and applied art of Central Asia has established due to the combination and interaction of various cultures. Over time, the synthesis of many beliefs, artistic traditions and household devices has become the basis for one of the most striking manifestations of folk art, which, undoubtedly, is the cultural heritage of modern Uzbekistan.

Ceramic wares are, perhaps, the most obvious example of such an interaction. The main reason is that since ancient times, potters and customers of ceramic products had an idea of clay as a special material "akin" to human nature. Pottery was perceived as having qualities of living beings, because the first man, Adam, was created of clay. In many regions of Uzbekistan, potters had the status of a healer, and their products had healing and talisman functions. There were a number of rituals dating back to pre-Islamic culture, as if it was possible to transfer diseases and misfortunes from a person to a clay bowl - *kosa*¹.

Ceramics full of sacred meaning required a special approach to solving issues of shape and ornamentation. Like a living creature, even in spite of its "holiness," it had to be protected from harmful external influences. For a long time, a whole system of applying certain patterns to earthenware with a protective function was formed. For example, the lattice pattern *chetan-gul*, popular in Rishtan, served as an amulet against shaitans (demons). In other regions of Uzbekistan, potters defended their wares from the evil eye by making paint stains on the surface, believing that colorful dishes were not affected.

Ceramics of Uzbekistan attracted many scholars and collectors, such as S.M. Dudin, P.I. Schukin and M.K. Rakhimov. Bright, full of rich symbolism wares won their hearts with an exotic beauty. Throughout the twentieth century the voluminous literature on the study of ceramics, potters' mode of life, production technology, as well as the art history analysis of earthenware has been published².

1. Pescherova, E.M. Pottery production in Central Asia. Moscow, Leningrad, 1959. Pp. 8, 335-336.
2. Bardakov, N.F. Pottery of Central Asia. St. Petersburg, 1904; G.G. Derviz, I.A. Zhadova, I.A. Zhdanov, D.Yu. Mityansky. Modern ceramics of folk masters of Central Asia. Moscow, 1975; Kubel, F.L. Central Asian ceramics in the collection of the Russian Ethnographic Museum. Handicraft industries in the life of peoples of Uzbekistan 19-20 centuries. Tashkent, 1986; A.S. Morezova, N. Avastova, S.M. Mahkamova. Folk art of Uzbekistan. Tashkent, 1979; E.M. Pescherova. Pottery production in Central Asia. Rakhimov M.K. Art ceramics of Uzbekistan. Tashkent, 1961; Turkistan in old photographs and ceramics. Materials of the exhibition. Moscow, 2002; D.A. Fakhretidinova. Decorative and applied arts of Uzbekistan. Tashkent, 1972.

The collection of the State Historical Museum keeps a collection of ceramics of Uzbekistan, numbered about 200 items. Its formation started owing to the famous collector Pyotr Ivanovich Schukin, who handed three dishes and one *kosa* from Rishtan of the mid-19th century over to the Museum in 1905. Subsequently, scholars of the Historical Museum supplemented this complex. The main part of the collection consists of acquisitions and gifts from the Central Asian historical and folk expeditions of the 1950s and 1970s to study of folk crafts, including pottery in various regions of Uzbekistan³. In addition to wares, the samples of clay and tools were purchased, and potters' stories were recorded.

As a result, to date, the collection of Central Asian ceramics in the State Historical Museum funds is an integral system allowing us to study and see many types of products of pottery centers on the territory of Uzbekistan of the 19th-20th centuries. A part of this ethnographic material, as well as those presented in this book-album, earthenware are being published for the first time.

The peoples of Central Asia have characteristic care of their traditions, and many artisans kept their crafts in secret from prying eyes and, as a rule, passed them on from generation to generation. Sometimes donors of ceramic products noted that the items handed over to the Museum were made by a deceased local craftsman who did not reveal his secret. It is even more amazing how Uzbek potters openly and generously shared their knowledge with members of expeditions.

As an example, we are telling a part of real-life story of the famous potter of the town of Urgut, the hereditary potter Mahkam Ablakulov⁴. In 1951, when the conversation took place, his father, Ablakul Khidirov, was the elder of the potters' artel in Urgut. From his tale we learn that pottery existed since the late 17th century in the village. The local potters produced only jugs, i.e. they were *kuzagars*. Only in the 1880s, the narrator's father, being a 13-year-old boy, learned to make dishes of various shapes from a potter from Karshi who came to their town to work. Afterwards, Ablakul passed his knowledge to other potters. By the early twentieth century in Urgut there were eight pottery workshops.

Mahkam shared the secret of the process as well. The local potters made dishes from three types of clay. The wares made of local clay, mined near a house and mixed with reed fluff - *tuzgak*, were being made on a potter's wheel. Then the dried product was covered with fire white clay - *gil-buta*, which deposits in the Penjikent area were pointed out by the Karshi potter. Then, the product dried in the sun was coated

with liquid red clay - *kizyl-kessak*, also brought by the potter from the Penjikent Mountains. It resulted in a general reddish background, good for further ornamentation of dishes.

A pattern was scratched on a dried product with a special stick with one and two needles at the ends - *kharosh-chuib*. After that, the dishes were painted with a brush, coated with glaze and fired.

The potter noted that until the 1910s, when they began using the lead glaze, the so-called *ishkor* - alkaline glaze was used to coat the wares. *Ishkor* was obtained from herbs rich in potash, which were collected in the Jizak region. The grass for *ishkor* was burned at the gathering place. It was brought to Urgut as a sintered mass, which was ground together with the sand mined in the vicinity of Samarkand. Two niches were made in the kiln to make the glaze: a mixture was put into the upper one, when the mixture melted, it flowed down into the lower niche. Then, potters took mixture out, grinded it on millstones and added dyes: ground copper to get green glaze, and iron to get yellow one. Without the added metals, the glaze was milky white. Two masterpieces of the potter, made in this technique, are presented in this book-album.

The collection of the State Historical Museum contains wares from various pottery centers of Uzbekistan, producing both simple earthenware and impressive artifacts. Among the glazed ceramics, the works by potters of Khorezm, Fergana and Bukhara stand out. The Khorezmian group of wares is the traditional shape of a dish or large bowl - *badia* - deep bowl-dishes in the shape of dome upside down on a high base, painted in blue and turquoise. A pattern of these wares is quite restrained. As a rule, they are geometric, stylized images of flowers, pomegranate fruits, simplified to three circles⁵. Two dishes of the late 19th century from the collection of the State Historical Museum were purchased near Khanka during the 1951 expedition. They were made in the traditional manner and ornamented with a solid floral and geometric pattern. Potters of the mid-20th century, such as Atanazar Bekchanov, Zarib Latypov et al., used this method of making ceramics. They ornamented their *badias* with large four-petal flowers and interweaving of thin lines of geometric shapes.

The largest group of Uzbek ceramics in the collection of the Historical Museum is wares of the so-called Fergana group. It includes the earliest items in the collection, including a dish with a jug on a mirror encircled by flowers, donated by P.I. Schukin. A date in Arabic numerals 1285 (A.H.)/ 1868 is on the neck of a stylized vessel. This is a frequent topic on dishes of Rishtan.

3 The Department of the Historical State Museum has two expedition journals filled with stories about the life and livelihood of potters, the manufacturing technologies and organization of cooperatives. See: SHM Fund 432 Inv. 1 units 1-4.

4 The story of M. Ablakulov is much more comprehensive: the story presented here is only a summary. See: SHM Fund 432 Inv. 1 units 1-4.

5 Modern ceramics pp. 37-38.

Dishes made in the most famous pottery center of the region – Rishtan, are a visiting card of the entire Uzbek ceramics. Wares of local potters are distinguished by vivid painting and complex ornaments, despite the preferences of the potters of this region to use a blue-turquoise color. The most spread ornamentation is the stylized images of plants. Ornaments of *gul* (flower), *shuhra* (lateral sprouts), *jingolyak* (connective ornament of the bindweed type) are on almost every product⁶.

The collection of the State Historical Museum keeps *kosa* made in the technique of *lojuvari*, distinguished by a special type of painting. The pattern was made with a use of white reserve circled by a brown outline on a blue background. The white part of the pattern, resembling *acanthus* leaves, is called *obsamat gul*⁷.

A special group of the Rishtan ceramics is made up of wares *chinni* imitating the imported Chinese porcelain. They were made of white fire clay, coated with white enamel and painted with subtle blue patterns. The marks resembling the Chinese hieroglyphs were made on the reverse side of these wares, as a rule. Such wares could meet the needs of ordinary townsfolk in inexpensive, but presentable dishes. But even such wares could combine the traditional Chinese and local folk patterns. For example, *kosa* made in this technique is ornamented along the upper edge with a strip of small crosses *okikhcha* (superfluous, extreme), protecting the item from evil influences.

The next set of items is attributed to the Bukhara–Samarkand group of pottery centers. The ceramics of this region are very different from the previously reviewed works. It is characterized by two types of artistic making of wares. The first category is wares ornamented with an engraved pattern – *chizma* and coated with green-brown glaze and a conditional pattern in large strokes. Such is the ceramics of Urgut and Jizak. Dishes of the mid-twentieth century made by hereditary potters Mahkam Ablakulov, Esambai Kholmatov and Khazratkul Odilov are of the artistic traditions of the area.

Wares of Gijduvan, Shakhrisabz and Kitab, ornamented in a free pictorial manner, are another category. One may see traditional floral and geometric patterns, complemented by a vivid imagination of the artist, on the ceramics of this region. Outstanding potters Usman Umarov, Fayzulla Abdulaev and many others very often depict ancient oriental symbols on their wares – the tree of life, the hand of Fatima, peacocks, and cotton flowers.

Clay toys are special in the collection of Uzbek ceramics in the Historical Museum. The unique works by artisan Khamro Rakhimova

from the village of Uba amaze the audience with their fantastic nature. Persian gazelles, goats and rams in her hands turn into inhabitants of the fantastic world.

The plastic art of small forms of the Khiva factory of art and souvenirs – “Arbakesh” and “Nasreddin with a donkey” of the 1970s should be mentioned as well. They are collective images of local people.

The collection of ceramics of Uzbekistan in the State Historical Museum is a single cultural and historical complex allowing seeing both unique wares of folk potters, as well as the mass production of potters of the mid-twentieth century.

⁶ The names of the ornaments are given in accordance with the expedition notes with comments from the words of the potters and donors.
⁷ The master to first use the pattern was Obsamat.

КЕРАМИКА УЗБЕКИСТАНА СЕРЕДИНЫ XIX – XX ВЕКОВ

Д.Ю. Тарлыгина

Декоративно-прикладное искусство Средней Азии сложилось благодаря взаимодействию различных культур. С течением времени синтез многих верований, художественных традиций и бытового устройства стал основой для одного из самых ярких проявлений народного творчества, каким, несомненно, является культурное наследие современного Узбекистана.

Керамические изделия служат, пожалуй, наиболее наглядным примером подобного взаимодействия. Это обусловлено прежде всего тем, что с древних времен у гончаров и заказчиков керамических изделий существовало представление о глине как об особом материале, «родственном» человеческому естеству. Керамические изделия наделялись качествами живых существ, ведь из глины был создан первый человек Адам. Именно поэтому во многих регионах Узбекистана гончары обладали статусом целителя, а их творения выполняли лечебную и обереговую функции. Существовал ряд ритуалов, восходящих еще к домусульманской культуре, благодаря которым можно было перенести болезни и несчастья от человека на глиняную косу – чашку¹.

Такая насыщенная сакральным смыслом керамика требовала особого подхода к решениям вопросов формы и декора изделий. Как живое существо, даже несмотря на «святость», ее необходимо было защищать от вредоносного внешнего воздействия. В течение длительного времени сформировалась целая система нанесения определенных орнаментов на глиняные изделия, имевших охранную функцию. Например, популярный в Риштане решетчатый узор *четан-гуль* служил оберегом от *шайтанов* (чертей). В других регионах Узбекистана мастера защищали свои творения от дурного глаза, разместив по поверхности пятна краски, полагая, что пестрая посуда не подвержена его воздействию.

Гончарное искусство Узбекистана привлекало многих ученых и коллекционеров, таких как С.М. Дудин, П.И. Щукин, М.К. Рахимов. Яркие,

насыщенные богатой символикой изделия покорили их своей экзотической красотой. На протяжении XX в. была издана обширная литература по исследованию гончарных промыслов, быта мастеров, технологии производства, а также искусствоведческому анализу самих произведений².

В собрании Государственного исторического музея хранится коллекция керамики Узбекистана, насчитывающая около 200 предметов. Ее формирование началось благодаря известному коллекционеру Петру Ивановичу Щукину, передавшему Музею в 1905 г. из своего собрания три бювета и одну косу риштанского производства середины XIX в. В дальнейшем этот комплекс был дополнен сотрудниками Исторического музея. Основную часть коллекции составляют приобретения и дары, полученные во время Среднеазиатских историко-бытовых экспедиций 1950-х – 1970-х гг., посвященных изучению народных промыслов, в том числе и гончарных в разнообразных регионах Узбекистана³. Помимо самих предметов были приобретены образцы глины, орудия труда, а также записаны рассказы мастеров.

В результате к настоящему моменту коллекция среднеазиатской керамики в фондах ГИМ представляет собой целостную систему, позволяющую нам ознакомиться со многими видами изделий гончарных центров на территории Узбекистана XIX–XX вв. Часть этого этнографического материала, равно как и представленные в настоящей книге альбоме глиняные изделия, публикуются впервые.

Для народов Средней Азии характерно бережное отношение к своим традициям, и многие мастера оберегали свои секреты производства от посторонних глаз и, как правило, передавали из поколения в поколение. Иногда дарители керамических изделий отмечали, что переданные Музею предметы выполнены умершим местным мастером, не раскрывшим своего секрета производства. Тем более удивительно, как открыто и щедро делились узбекские гончары своими знаниями с участниками экспедиций.

В качестве примера мы приведем часть рассказа известного мастера города Ургута, потомственного гончара Махкама Аблакулова⁴. В 1951 г. когда состоялась данная беседа, его отец Аблакул Хидиров был аксаком артели гончаров Ургута. Из его повествования мы узнаем, что в этом селении гончарный промысел существовал с конца XVII в. Местные мастера изготавливали исключительно кувшины, т.е. были *кузга-рами*. Только в 1880-х гг. отец рассказчика, будучи 13-летним мальчиком, научился изготавливать посуду различной формы у мастера из Карни, приехавшего в их город на заработки. Позднее Аблакул передал свои

² Бурдуков П.Ф. Гончарные изделия Средней Азии. – СПб., 1904; Деринг Г.Г., Жалова Т.А., Жалило Н.А., Мининский Л.К. Современная керамика народных мастеров Средней Азии. – М., 1975; Кубеи Г.Г. Среднеазиатская керамика в собрании Российского этнографического музея. Кустарные промыслы в быту народов Узбекистана XIX–XX вв. – Ташкент, 1986; Муртава А.С., Авелова Н.А., Махкамова С.М. Народное искусство Узбекистана. – Ташкент, 1979; Петерсена Е.М. Гончарное производство Средней Азии. Рахимов М.К. Художественная керамика Узбекистана. – Ташкент, 1961; Туркестан в старых photographиях и керамике. Материалы выставки. – М., 2007; Фахретдинова Л.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. – Ташкент, 1972.

³ В ОИИ ГИМ хранятся дневники экспедиции, ценные рассказы о жизни и быте гончаров, технологии производства, устройстве артелей. См. ОИИ ГИМ. Ф. 432. Оп. 1. Л. 1–4.

⁴ Рассказ М. Аблакулова опубликован впервые в настоящей статье. Представлена его сокращенная версия. См. ОИИ ГИМ. Ф. 432. Оп. 1. Л. 1–4. – С. 39.

¹ Петерсена Е.М. Гончарное производство Средней Азии. – М. – Л., 1939. – С. 8, 335, 336.

знания другим мастерам. К началу XX в. в Ургуте было восемь гончарных мастерских.

Махаммат также поделился секретом технологического процесса. Местные мастера изготавливали посуду из трех видов глины. Сами предметы лепились на гончарном круге из местной глины, выкопанной рядом с домом и смешанной с камышовым пухом – *пузгаком*. Затем подсохшее изделие покрывалось огнеупорной белой глиной – *гиль-бута*, на чьи залежи в районе Пенджикента указал каршинский мастер. После этого просушенное на солнце изделие обливали жидкой красной глиной – *кызыл-кессак*, привезенной мастером также из Пенджикентских гор. Это давало общий красноватый фон, подходящий для дальнейшего украшения посуды.

По подсохшему предмету специальной палочкой с одной и двумя иглами на концах – *харош-чуб* – процарапывался орнамент. После этого посуду раскрашивали кистью, обливали глазурью и обжигали.

Мастер отметил, что до 1910-х гг., когда начали использовать синюю глазурь, для покрытия изделий применяли так называемый *ишкор* – щелочную глазурь. Получали *ишкор* из трав, богатых поташем, которые собирали в районе Джизака. Траву для *ишкора* пережигали на месте сбора. В Ургут она поступала уже в виде спекшейся массы, которую перемалывали вместе с песком, добытым близ Самарканда. В печи для приготовления глазури были сделаны две ниши: в верхнюю помещали смесь, которая, расплавившись, стекала в нижнюю нишу. Затем эту массу вынимали, перемалывали на жерновах, добавляли красители: молотую медь для получения зеленой глазури, железо – желтой. Без добавления металлов глазурь была молочно-белой. Два произведения мастера, выполненные в данной технике, представлены в настоящем альбоме.

В собрании ГИМ хранятся предметы различных гончарных центров Узбекистана, изготавливающихся как простую глиняную утварь, так и яркие художественные изделия. Среди глазурованной керамики выделяются работы мастеров Хорезма, Ферганы и Бухары. Хорезмская группа изделий представлена традиционной для этого региона формой – ба-высоком поддоне, расписанное синей и бирюзовой красками. Декор этих изделий довольно сдержан. Как правило, это геометрические орнаменты, стилизованные изображения цветов, плодов граната, упрощенные до трех кругов⁶. Два блюда конца XIX века из коллекции ГИМ были приобретены близ Ханки во время экспедиции 1951 г. Они выполнены в традиционной манере и покрыты сплошным растительным и геометрическим орнаментом. Мастера середины XX в., такие как Атаназар Бекчанов, Зариф Латыпов и другие, используют этот способ изготовления

3. Дервиш Г.Т., Жалова Л.А., Жалова П.А. Исторический ЛК. Современная керамика народов Средней Азии – С. 37–38.

керамики. Они украшали свои *бидии* крупными четырехлепестковыми цветами и переплетениями тонких линий геометрических фигур.

Самую большую группу узбекской керамики в собрании Исторического музея составляют изделия так называемой ферганской группы. В нее входят самые ранние предметы коллекции, в том числе блюдо с изображенным на зеркале кувшином в окружении цветов, подаренное П.И. Щукиным. На горле стилизованного сосуда стоит дата арабскими цифрами 1285 (г.х.), соответствующая 1868 г. Этот сюжет часто встречается на риштанских блюдах.

Блюда, выполненные в самом известном гончарном центре этого региона – Риштане, являются визитной карточкой для всей узбекской керамики. Изделия местных гончаров отличаются яркой росписью и сложными орнаментами, несмотря на предпочтения мастеров этого региона работать в сине-бирюзовой гамме. Самым распространенным декором являются стилизованные изображения растений. Орнаменты *гюль* (цветок), *шухры* (боковые отростки), *джинголак* (соединительный орнамент типа выонка) встречаются практически на каждом изделии⁷.

В собрании ГИМ хранится *коса*, выполненная в технике *лоджувари*, отличающаяся особым типом росписи. Узор изделия создавался с помощью белого резерва, обведенного коричневым контуром на синем фоне. Белая часть орнамента, напоминающая листья аканта, имеет название *обсамат гюль*⁸.

Особую группу риштанской керамики составляют изделия *чинни*, имитирующие привозной китайский фарфор. Они изготавливались из белой огнеупорной глины, покрывались белой эмалью и расписывались тонким синим орнаментом. На оборотной стороне этих изделий, как правило, ставились марки, похожие на китайские иероглифы. Подобные изделия позволяли удовлетворить потребность простых горожан в недорогой, но презентабельной посуде. Но даже такие изделия могли сочетать в себе традиционные китайские и местные народные элементы декора. Например, *коса*, выполненная в этой технике, по верхнему краю украшена полосой небольших крестов *окилча* (лишняя, крайняя), которая служила защитой изделия от дурных воздействий.

Следующий комплект предметов относится к бухаро-самаркандской группе гончарных центров. Керамика этого региона отличается от рассмотренных нами ранее произведений. Для нее характерны два типа художественного исполнения изделий. К первой категории относятся предметы, украшенные гравированным орнаментом – *ишмай* и покрытые зелено-коричневой поливой с условным рисунком крупными маз-

6. Названия орнаментов даны согласно энциклопедическим описаниям предметов, с комментариями гончаров и дарителей.

7. *Обсамат* – имя мастера, впервые применившего данный орнамент.

ками. Таковой является керамика Ургута и Джизака. Блюда середины XX в. потомственных гончаров Махкама Аблакулова, Эсамбая Холматова, Хазраткула Одилова выполнены в духе художественных традиций этой местности.

В другую категорию попадают изделия Гиждувана, Шахрисабза и Китаба, украшенные в свободной живописной манере. На керамике этого региона можно увидеть традиционные растительные и геометрические узоры, дополненные яркой фантазией художника. Выдающиеся гончары Усман Умаров, Файзулла Абдулаев и многие другие очень часто на своих изделиях изображают древние восточные символы – дерево жизни, руку Фатимы, павлинов, цветы хлопчатника.

Особое место в коллекции узбекской керамики Исторического музея занимает глиняная игрушка. Уникальные работы народной мастерицы Хамро Рахимовой из селения Уба поражают зрителя своей фантастичностью. Джейраны, козлы, бараны в ее руках превращаются в обитателей сказочного мира.

Хотелось бы отметить и пластику малых форм Хивинской фабрики художественно-сувенирных изделий – «Арбакеш» и «Насреддин с осликом» 1970-х годов. Они представляют собой собирательные образы местных жителей.

Собрание керамики Узбекистана в Государственном историческом музее представляет собой единый культурно-исторический комплекс, позволяющий увидеть как уникальные предметы народных мастеров, так и массовую продукцию гончаров середины XX в.

4347 фс

Бадия

Модир, Хоразм, 1890-йиллар.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Баландлиги — 7 см; диаметри — 32,5 см.
1951 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

4347 fs

Badia

Madyr, Khorezm, 1890s.
Clay, engobe, glaze;
underglaze painting.
Height — 7 cm; diameter — 32.5 cm.
From the Central Asian historical
and folk art expedition, 1951.

4347 фс

Бадия

Мадыр, Хорезм, 1890-е гг.
Глина, ангоб, глазурь, подглазурная
роспись.
Высота — 7 см, диаметр — 32,5 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1951 года.

4348 фс

Бадия

Модир, Хоразм, 1890-йиллар.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Баландлиги — 7,5 см; диаметри — 31 см.
1951 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

4348 fs

Badia

Madyr, Khorezm, 1890s.
Clay, engobe, glaze; underglaze
painting.
Height — 7.5 cm; diameter — 31 cm.
From the Central Asian historical
and folk art expedition, 1951.

4348 фс

Бадия

Мадыр, Хорезм, 1890-е гг.
Глина, ангоб, глазурь, подглазурная
роспись.
Высота — 7,5 см; диаметр — 31 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1951 года.

5330 фс

Бадия

Янгиарик, 1960-йиллар.
Уста Отаназар Бекчанов.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Баландлиги — 10 см; диаметри — 31,3 см.
1960-йилларда ўзбек кулолчилик
буюмларини тўплаган этнограф
А. Соколованинг тўпламидан.
(1967 йил).

5330 fs

Badia

Yangi-Aryk, 1960s.
By Atanazar Bekchanov.
Clay, engobe, enamel, glaze; underglaze
painting.
Height — 10 cm; diameter — 31.3 cm.
From ethnographer A. Sokolova's
collection of Uzbek ceramics, collected
in the 1960s (in 1967).

5340 фс

Бадия

Хоразм, 1960-йиллар.
Уста Зарип Латипов.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Баландлиги — 10 см; диаметри — 32 см.
1960-йиллардаги ўзбек кулолчилик
буюмларини йиғган этнограф
А. Соколова тўпламидан
(1967 йил).

5340 fs

Badia

Khorezm, 1960s.
By Zarip Latypov.
Clay, engobe, glaze; underglaze painting.
Height — 10 cm; diameter — 32 cm.
From ethnographer A. Sokolova's collection
of Uzbek ceramics, collected in the 1960s
(in 1967).

5330 фс

Бадия

Янги-Арык. 1960-е гг.
Автор: Атаназар Бекчанов.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Высота — 10 см, диаметр — 31,3 см.
Из коллекции этнографа А. Соколовой,
собиравшей узбекскую керамику
в 1960-х годах (1967 г.).

5340 фс

Бадия

Хорезм, 1960-е гг.
Автор: Зарип Латипов.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Высота — 10 см; диаметр — 32 см.
Из коллекции этнографа А. Соколовой,
собиравшей узбекскую керамику
в 1960-х годах (1967 г.).

909 фс
Куза тасвири ва «1285» санаси акс
эттирилган идиш
Риштан, 1868 йил.
Гил, ангоб, сир; сир ости нақши.
Диаметри – 31,8 см.
1905 йилдаги П.И. Щукин
тупламидан.

909 fs
Dish with depicted jar and date "1285"
Rishtan, 1868.
Clay, engobe, glaze; underglaze painting.
Diameter – 31.8 cm.
From P.I. Shchukin's collection,
acquired in 1905.

909 фс
*Блюдо с изображением кувшина
и датой на нем «1285»*
Риштан, 1868 г.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Диаметр – 31,8 см.
Из коллекции П.И. Щукина,
приобретено в 1905 г.

Лаган, обдаста ва қопқоқли коса
Чорку (Риштан?), XIX асрнинг охири.
Гил, ангоб, сир; сир ости нақши.
1952 йилдаги Урта
Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

Dish, jar-abdasta and bowl with lid
Chorku (Rishtan?), late 19th century.
Clay, engobe, enamel, glaze; underglaze
painting.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1952.

**Блюдо, кувшин-обдаста и чаша
с крышкой**
Чорку (Риштан?), конец XIX века.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1952 г.

4323 фс
Чинни лаган

Риштан, XIX асрнинг иккинчи ярми.
Гил, сир; сир ости нақши.
Диаметри – 29 см.
Орка тарафида, четларида гунча
кўринишидаги муаллиф имзоси; тубида
Хитой тамғасига ўхшаган белги.
1952 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

4323 fs
Dish chinni

Rishtan, second half of the 19th century.
Clay, glaze; underglaze painting.
Diameter – 29 cm.
Ceramist's bud-shaped signature on
reverse; imitation of Chinese mark on base.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1952.

4327 фс
Чинни коса

Чорку (Риштан?), XIX аср охири –
XX аср бошлари.
Гил, сир; сир ости нақши.
Баландлиги – 8,5 см; диаметри – 18 см.
Тубида муаллифнинг тушунарсиз имзоси.
1952 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

4327 fs
Bowl (kosa) chinni

Chorku (Rishtan?), late 19th –
early 20th century.
Clay, glaze; underglaze painting
Height – 8.5 cm; diameter – 18 cm.
Ceramist's illegible signature on base.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1952.

4323 фс
Блюдо чинни

Риштан, вторая половина XIX века.
Глина, глазурь; подглазурная роспись.
Диаметр – 29 см.
На обороте по борту авторская подпись в
виде бутона; на дне имитация китайского
клейма.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1952 г.

4327 фс
Миска (коса) чинни

Чорку (Риштан?), конец XIX –
начало XX века.
Глина, глазурь; подглазурная роспись.
Высота – 8,5 см; диаметр – 18 см.
На дне неразборчивая авторская
подпись.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1952 г.

4353 фс
Лаган (лахм-товок)
Ургут, 1951 йил.
Уста Махкам Облокулов.
Гил, рангли сир; чизма.
Диаметри – 42 см.
1951 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

4353 fs
Dish for meat
Urgut, 1951.
By Mahkam Ablakulov.
Clay, colour glaze; chizma.
Diameter – 42 cm.
From the Central Asian historical folk
expedition, 1951.

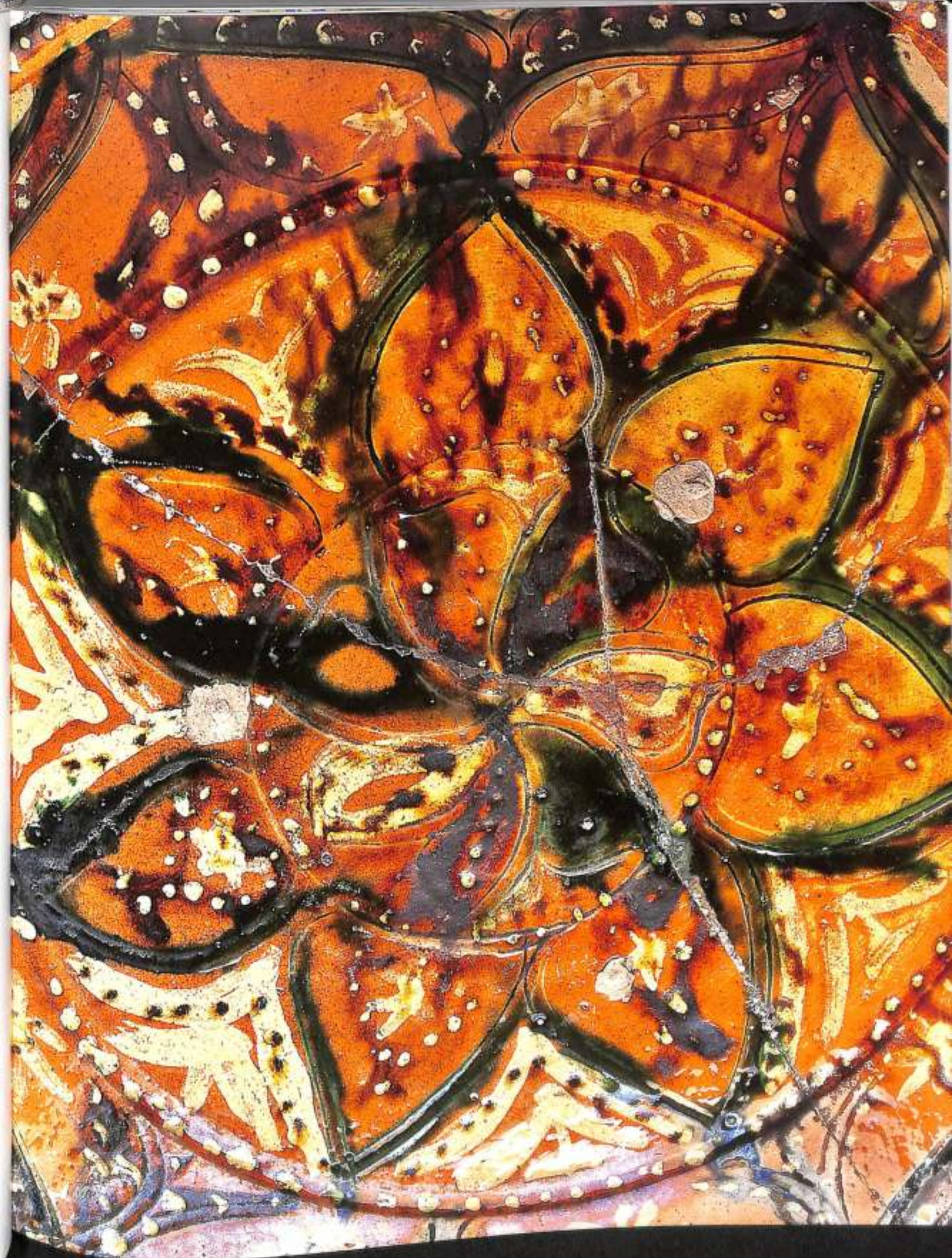
4353 фс
Блюдо для мяса
Ургут, 1951 г.
Автор: Махкам Аблакулов.
Глина, цветная глазурь; чизма.
Диаметр – 42 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1951 г.

5336 фс
Лаган
Ургут шахри, 1947 йил.
Уста Махкам Облокулов.
Чизма, сир ости нақши.
Гил, рангли сир.
Диаметри – 37 см.
1951 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

5336 fs
Dish
Urgut, 1947.
By Mahkam Ablakulov.
Clay, color glaze; chizma, underglaze
painting.
Diameter – 37 cm.
From the Central Asian historical folk
expedition, 1951.

5336 фс
Блюдо
Ургут, 1947 г.
Автор: Махкам Аблакулов.
Глина, цветная глазурь; чизма,
подглазурная роспись.
Диаметр – 37 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1951 г.

5338 фс

Лаган

Жиззах, 1960-йиллар.
Уста Эсамбой Холматов.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Диаметри – 30,5 см.
1960-йилларда ўзбек кулолчилик
буюмларини йиғган этнограф
А. Соколова тўпламидан.
(1967 йил).

5338 fs

Dish

Jizak, 1960s.
By Esambay Kholmatoev.
Clay, engobe, glaze; underglaze painting.
Diameter – 30.5 cm.
From ethnographer A. Sokolova's
collection of Uzbek ceramics, collected in
the 1960s (1967).

5338 фс

Блюдо

Джизак, 1960-е гг.
Автор: Эсамбай Холматов.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Диаметр – 30,5 см.
Из коллекции этнографа А. Соколовой.
собиравшей узбекскую керамику в
1960-х годах (1967 г.)

5331 фс

Лаган

Жиззах, 1960-йиллар.
Уста Хазраткул Одилов.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Диаметри – 36 см.
1960-йиллардаги ўзбек кулолчилик
буюмларини йиғган этнограф
А. Соколова тўпламидан.
(1967 йил).

5331 fs

Dish

Jizak, 1960s.
By Khazratkul Odilov.
Clay, engobe, glaze; underglaze painting.
Diameter – 36 cm.
From ethnographer A. Sokolova's
collection of Uzbek ceramics, collected in
the 1960s (1967).

5331 фс

Блюдо

Джизак, 1960-е годы.
Автор: Хазраткул Одилов.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Диаметр – 36 см.
Из коллекции этнографа А. Соколовой.
собиравшей узбекскую керамику в
1960-х годах (1967 г.).

910 фс

Лаган

Гиждуван, XIX асрнинг иккинчи ярми.
Гил, ангоб, сир; сир ости накши.
Диаметри – 30,5 см.
1905 йилги П.И. Шчукин тўпламидан.

910 fs

Dish

Gijduvan, second half of the 19th century.
Clay, engobe, glaze; underglaze painting.
Diameter – 30.5 cm.
From P. I. Shchukin's collection, purchased
in 1905.

910 фс

Блюдо

Гиждуван, вторая половина XIX в.
Глина, ангоб, глазурь; подглазурная
роспись.
Диаметр – 30,5 см.
Из коллекции П. И. Щукина, приобретено
в 1905 г.

5393 фс

Лаган

Гиждуван, 1967 й.
Уста Усмон Умаров.
Гил, сир; накш.
Диаметри — 34 см.
1968 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

5393 fs

Dish

Gijduvan, 1967.
By Usman Umarov
Clay, enamel, painting.
Diameter — 34 cm.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1968.

5391 фс

Лаган

Гиждуван, 1967 й.
Уста Ибодулло Назруллаев.
Гил, ангоб, сир; чизма, сир ости накши.
Диаметри — 32,3 см.
Орка тарафида муаллифнинг имзоси;
шунингдек, Мавлон исми шогирдининг
исми ёзилган.
1968 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

5391 fs

Dish

Gijduvan, 1967.
By Ibodullo Narzulaev
Clay, engobe, glaze; *chizma*, underglaze
painting.
Diameter — 32.3 cm.
Potter's signature and apprentice
Mavlon's name on reverse.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1968.

5393 фс

Блюдо

Гиждуван, 1967 г.
Автор: Усман Умаров.
Глина, эмаль; роспись.
Диаметр — 34 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1968 г.

5391 фс

Блюдо

Гиждуван, 1967 г.
Автор: Ибодулло Назруллаев.
Глина, ангоб, глазурь; чизма,
подглазурная роспись.
Диаметр — 32,3 см.
Авторская подпись на обороте; а также
процарапано имя ученика — Мавлон.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1968 г.

5399 фс

Коса

Китоб, 1960-йиллар.
Уста Файзулла Абдуллаев.
Сирости чизмали. Гил, ангоб, сир; чизма.
Диаметри — 33 см, баландлиги — 10 см.
Орка тарафида муаллифнинг имзоси.
1968 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

5399 fs

Bowl

Kitab, 1960s.
By Fayzulla Abdullaev.
Clay, engobe, glaze; *chizma*.
Diameter — 33 cm; height — 10 cm.
Potter's name on reverse. From the
Central Asia historical-folk
expedition, 1968.

5399 фс

Миска

Китоб, 1960-е гг.
Автор: Файзулла Абдуллаев.
Подглазурная роспись.
Глина, ангоб, глазурь; чизма.
Диаметр — 33 см, высота — 10 см.
На обороте авторская подпись.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1968 г.

5373 фс

Лаган

Самарканд, 1960-йиллар.
Гил, ангоб, сир; чизма,
сир ости накши.
Диаметри — 32 см.
1968 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

5373 fs

Dish

Samarkand, 1960s.
Clay, engobe, enamel; *chizma*,
underglaze painting.
Diameter — 32 cm.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1968.

5373 фс

Блюдо

Самарканд, 1960-е гг.
Глина, ангоб, эмаль; чизма,
поглазурная роспись.
Диаметр — 32 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1968 г.

6114 фс, 4313 фс

Сув кўзалари: кулкулук ва мургоби (урдак)

Фарғона водийси, XX асрнинг бошлари.
Гил, ганч.
1952 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший экспедициясидан.

6114 fs, 4313 fs

Jars for drinking water – kul-kulyak and murgobi

Fergana Valley, early 20th century.
Clay, handmade.
From the Central Asian historical-folk expedition, 1952.

6114 фс, 4313 фс

Кувшини для питьевой воды – кул-куляк и мургоби (урдак)

Ферганская долина, начало XX века.
Глина, лепка.
Из Среднеазиатской историко-бытовой экспедиции 1952 г.

5429 фс, 5431 фс, 5435 фс

Ғаройиб ҳайвонлар кўринишидаги хуштаклар

Уба, 1968 йил.
Уста Хамро Раҳимова.
Гил, нақш.
1968 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший экспедициясидан.

5429 fs, 5431 fs, 5435 fs

Mythical animal whistles

Uba, 1968.
By Khamro Rahimova.
Clay; painting.
From the Central Asian historical-folk expedition, 1968.

5429 фс, 5431 фс, 5435 фс

Свистульки в виде фантастических животных

Уба, 1968 г.
Автор: Хамро Рахимова.
Глина; роспись.
Из Среднеазиатской историко-бытовой экспедиции в 1968 г.

4372 фс

Хўжалик хуми

Риштон, XIX асрнинг охири – XX асрнинг бошлари.
Гил, ганчкорлик.
Баландлиги – 46,5 см.
диаметри – 26 см.
1952 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший экспедициясидан.

4372 fs

Household jar (khum)

Rishtan, late 19th – early 20th century.
Clay, modelling.
Height – 46.5 cm,
diameter – 26 cm.
From the Central Asian historical-folk expedition, 1952.

4372 фс

Хозяйственный кувшин (хум)

Риштон, конец XIX – начало XX века.
Глина, лепка.
Высота – 46,5 см.
диаметр – 26 см.
Из Среднеазиатской историко-бытовой экспедиции 1952 г.

5417 – 5418 фс

«Отдаги бала», «Туя» ўйинчоқлари

Самарканд, 1960-йиллар.
Уста А. Мухтаров.
Гил, нақш.
Муаллиф исм-шарифи бош харфлари муҳрланган.
1968 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший экспедициясидан.

5417 – 5418 fs

Toys "Boy Riding Horse", "Camel"

Samarkand, 1960s.
By A. Mukhtarov.
Clay; painting.
Craftsman's stamped initials.
From the Central Asian historical-folk expedition, 1968.

5417 – 5418 фс

Игрушки «Мальчик на лошади», «Верблюд»

Самарканд, 1960-е годы.
Автор: А. Мухтаров.
Глина; роспись.
Инициалы автора штампом.
Из Среднеазиатской историко-бытовой экспедиции 1968 г.

6339 фс
«Насриддин ва унинг эшаги»
хайкалча

Хива, Бадий сувенир маҳсулотлари
фабрикаси, 1976 йил.
Уста Бекметов.
Гил; рангли сирлар.
Баландлиги – 11,5 см.
Орка тарафидан муаллифнинг имзоси
ва сана.
1977 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

6339 fs
Sculpture "Nosreddin with donkey"
Khiva, Art and Souvenir Factory, 1976.
By Bekmetov.
Clay; color coating.
Height – 11.5 cm.
Craftsman's name and date on reverse.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1977.

6339 фс
Композиция «Насреддин с ослом»
Хива, Фабрика художественно-
сувенирных изделий, 1976 г.
Автор: Бекметов.
Глина; цветные поливы.
Высота – 11,5 см.
На обороте авторская подпись и дата.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1977 г.

6337 фс
«Аравакеш» хайкалча

Хива, Бадий сувенир маҳсулотлари
фабрикаси, 1977 йил.
Уста Бекметов.
Гил; рангли сир.
Баландлиги – 13,8 см.
Орка тарафидан муаллифнинг имзоси ва сана.
1977 йилдаги Урта Осиё тарихий-маиший
экспедициясидан.

6337 fs
Sculpture "Arbakesh"
Khiva, Art and Souvenir Factory, 1977.
By Bekmetov.
Clay; color coating.
Height – 13.8 cm.
Craftsman's name and date on the reverse.
From the Central Asian historical-folk
expedition, 1977.

6337 фс
Композиция «Арбакеш»
Хива, Фабрика художественно-
сувенирных изделий, 1977 г.
Автор: Бекметов.
Глина; цветные поливы.
Высота – 13,8 см.
На обороте авторская подпись и дата.
Из Среднеазиатской историко-бытовой
экспедиции 1977 г.

ЎЗБЕКИСТОНДА ЯРАТИЛГАН
БУЮМЛАР КОЛЛЕКЦИЯСИ
ҚИММАТБАҲО МЕТАЛЛАР
БЎЛИМИ ТЎПЛАМИДА

THE COLLECTION OF ARTIFACTS
OF UZBEK ORIGIN IN THE DEPARTMENT
OF PRECIOUS METALS

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ УЗБЕКСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА
ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

ЎЗБЕКИСТОНДА ЯРАТИЛГАН
БУЮМЛАР КОЛЛЕКЦИЯСИ ҚИММАТБАҲО
МЕТАЛЛАР БЎЛИМИ ТЎПЛАМИДА

Д.В. Шнолинская

Давлат тарих музейига Ўзбекистоннинг заргарлик санъати намуна-
лари кам тақдим этилган, бироқ улар ажойиб маданий ёдгориқлардир.
Шулардан бири ислом замони

Шулардан бири ислом динининг муқаддас китоби Қуръони Карим учун ясалган ғилоф ҳисобланади. У қумуш, қимматбаҳо тошлар ва сирланган мовий асосда араб имлосида «Бухорои шариф, 1325 хижрий йил» битиги билан безатилган. Китоб Тарих музейига П.И. Щчукин тўплами таркибида келиб тушган. Тақдим этувчи шахс москвалик машҳур савдогарлар, тўловчилар ва санъат ихлосмандлари оиласи вакили бўлиб, кадим рус ва Шарқ ёдгорликларини тўплаб борган. Петр Ивановичнинг шахсан ўзи Шарққа кизиқишини қўйидагича эътироф этади: «Мен нафақат рус буюмларини, балки Шарқ ва Ғарб буюмларини тўплашни ҳам ўз олдига мақсад қилиб қўйдим, шунингдек, ишим якунида рус маданиятига Шарқ ва Ғарб қандай таъсир ўтказганини кўргазмали тарзда намоиш этмоқчиман»¹. Музей ходимлари томонидан тўплам

Музей ходимлари томонидан тўплаш анъаналари урушдан кейинги йилларда ҳам давом эттирилган, тарихий-маиший экспедиция аъзолари 1951-1953, 1959-йилларда Давлат тарихий музейи ва Ҳисор шаҳри (Э.С. Касимов) ўлкасида бўлишган.

1951-1953, 1959-йилларда Давлат тарих музейи илмий ҳошимлари (Э.С. Коган раҳбарлигида Г.И. Боркум, Г.М. Лебедева, Н.Ф. Левкина, Н.Д. Столова, Л.И. Якунина, В.И. Бурлаков) иштирокида Тошкент - Самарканд - Бухоро - Хива, Тошкент - Қўқон - Ленинобод (ҳозирги Хўжанд) - Шаҳрстон - Сталинобод (ҳозирги Душанбе) - Самарканд йўналишлари бўйича сафарлар ташкил этилган. Ушбу тўплам ўзида турли саноат ва ишлаб чиқариш жараёнларини, қишлоқ ҳўжалиги меҳнат қуроқларининг катта тўпламини, турли материаллар (мис, ёғоч, тери, мато, турли кашталардан жсалган майший буюмлар, XIX-XX асрлар қўлоқчилик буюмларининг йирик тўпламини, ўзбек халқининг XX аср биринчи ярмидаги ҳаёти ва турмушини йфодаловчи қўп сонли ҳужжатлар (вақф қилиб берилган ерлар ижараси ҳужжатлари, усталар ҳикоялари, шоғирларнинг қайдлари

ри, шариатни четлаб ўтувчи, судхўрлик кўринишидаги «ернинг тўлиқ-
сиз согуви»да расмийлаштирилган хужжатлар ва шу қабиларни намоён
этади². Экспедиция ходимлари ҳатто қадимий ўймақор эшикни (!) харид
қилинган, Хивада эса заргар уста М. Якубовнинг асбоблари тўтламини
сотиб олунига муваффақ бўлишган.

XIX асрнинг охири – XX аср бошларида қимматбаҳо металлларга ишлов бериш ҳунармандчилигининг ривожланган тармоқларидан бири бўлган. Заргарлик безаклари асосан усталар томонидан маҳаллий савдогарлардан сотиб олинган куйма қумушдан ясалган. Аксарият ҳолларда заргарлар олтин ва қумушни савдогардан бир неча ойга қарзга олиб, аста-секин уни тўлаб боришган. Кўпинча буюртма зебу зийнатлар учун металлнинг буюртмачининг ўзи олиб келган. Баъзан одамлар заргар олдинроқ ясаб қўйган маҳсулотларни ҳам сотиб олишган³.

XX аср бошларида Тошкентда 70 та, Хўжанда тахминан 30 та, Хиёвда 150 тагача заргарлик устaxonалари мавjud бўлган. Барча устaxonалар бир кўчада гуж жойлашган бўлиб, хунармандчилик наслдан наслга ўтувчи сулолавий мазмунга эга бўлган. Заргарларнинг ўз оқсоқоли бўлиб, у ишлаб чиқарилаётган маҳсулотларнинг сифатини назорат қилган, бироқ маҳсулотлар нархиға аралашмаган. Заргар ўз дўкониде устaxonалар лилиларде анъанавий нақишларни макомига келтириб ёки кичик сандон де ишлаб, аёлларнинг турли зеб-зийнатларини яратганлар»⁴.

Тошкентнинг билан заргарлар асбоб-ускуналари биров ўзгариб

Замон ўзгаришини билан заргарлар асбоб-ускуналари бироз ўзгариб бorgan ва махсус асбоблар тўплами ҳамда ўртача катталиқдаги темир-чилик ўчоғидан иборат бўлган.

Эритилган кумуш «режа» деб аталадиган махсус андазага куйилган, у ўртаси уйик, узун тўртбурчак кўринишидаги металл куйиладиган қолипдир. Бир томонида кайрилма чантакли илгак-гуткич, бошқасида гардинисимон овал шаклида кунгурали бўртик мавжуд бўлган.

Металл учун махсус қолипда кумуш юпка гардиш кўринишида қо-
тиб, четлари пастга қийшайтирилган «чоғиш» – болга зарблари туфай-
ли юпка варақ ёки чоркирра металлга айланган. «Чўкичча» – ёғоч со-
ли кичикрок болга енгил такинчокларни қолиплаш учун ишлатилган.
Кири тахтасида бир неча қатор қилиб жойлаштирилган юпка чоркирра
кумушнинг атайин бир оз қийшайтирилган, турли ўлчамдаги учи кенгай-
тирилган думалок тешиклари бор чўзиқ гардишли тешикдан ўтказиб
симни чўзиш мумкин бўлган.

Симни ички четлари ясси, ташқи тарафи юмалок шаклли омбур ёрда-
мида ушлаб чўзишган, омбур сопининг бир чеккаси тўғри ва думалок,
учи конуссимон кенгайтирилган таёкча кўринишида, иккинчиси юма-

[†] Подполковник Н.М. Цариков, инженер-технолог из Ростовского государственного музея, М., 1988, 71-лет.

2. ДТМ ХНБ ф.432.
Оп.1. Сак. б.г.р.
1-4 (1951-1953, 1959 по
Урла Океан тарихни-
манинн исследование
кундалик лар).

3. ДТМ ХНБ ф.432
Ош 1. Сакт. бирч.
2. Н. 43 орк. (Урта Ош) -
тарыхын-машина
жөнөтүүнүн кунданын
1952-жыл.

4. Кустарники преобладают в
большинстве Уйбукенга
XIX, XX ст. Ганкен, 1986
34-бел

ги кумуш растасидан харид қилинган. Тақинчоқ кумушдан, тилла суви юритилган, феруза, маржон ва сердолик тошлари билан безатилган ва иккита чакка халқалари ҳамда бир-бирига майда шокилалар иллингган ингичка сим билан боғланган. Халқаларга ясси сердолик тоши ва ушш ўраб турган ферузаларнинг ҳар бири ёпиштирилган айлана – питрадон кавшарланган. Питрадоннинг пастки қисми марказида халқасимон илгакка бешта нафис турли думалюк шакллардан иборат узун шокилалар иллингган ҳамда майда илгаклар билан безатилган маржонли бурама симлар билан ўзаро боғланган.

Иккинчи шокिला безагининг шакли анча мураккаб. У узун шокилали иккита чакка халқаси бўлиб, учта занжир билан бириктирилган. Қалин симдан ясалган халқаларнинг пастки қисми яшил шина гардиш билан безатилган, уячасига феруза, ямалган жойларига маржон қадалган. Гардишнинг пастки қисмига шокилалар, питрадонлар ва ҳар бирига пахта қўсагини акс эттирувчи нафис турли юмалюк шакллар иллингган майда халқалардан иборат узун шокила ёпиштирилган. Бурама симли маржонли занжирнинг пастки соққасига мастикадан тайёрлаган учбурчак тумор иллингган бўлиб, унинг уячаларига яшил шина ва майда ферузалар қадалган. Учбурчакнинг пастки чеккасига ярим юмалюк қўнғирок шаклидаги учта узун шокила – майда маржонлар ва бодомсимон питрадонлар билан безатилган *ғўза* шаклидаги учта узун шокила иллингган. Жуббаларни бириктирувчи учта занжирда кумуш қопланган йирик овал безак жойлаштирилган бўлиб, юза қисми кизил зарқоғозда печак симдан нақшли гажак билан безатилган.

Ушбу ажойиб зийнат 1951 йилда Хивада Ўзбекистон тарихий-маиший экспедицияси томонидан Матназар Ёкубовдан сотиб олинган, ушбу буюм сотувчининг отаси бўлган уста заргар томонидан ясалган бўлиб, унга тўйида ҳадя қилинган. Шокила нафакат заргарлик буюми, балки ёмон кўздан асровчи, яхшилик рамзи, тўкин-сочинлик, серпунглик ва отанинг ўғлига бўлган меҳрини кўрсатувчи тимсол бўлган.

ДТМдаги қимматбаҳо металллар бўлими тўпламида Ўзбекистонда яратилган ашёлар миқдори унча катта эмаслигига қарамай, XIX–XX асрлар ораллигида Ўзбекистон заргарларининг нафис санъати ва маҳоратига баҳо беришга имкон беради.

THE COLLECTION OF ARTIFACTS OF UZBEK ORIGIN IN THE DEPARTMENT OF PRECIOUS METALS

D.V. Shipolyanskaya

Few, but striking examples represent works of jewelry art of Uzbekistan in the State Historical Museum.

One of them is a binder for the Koran. It is decorated with silver, precious stones and an Arabic inscription against the background of blue enamel: SACRED BUKHARA 1325 AH (1907–1908). This masterpiece entered the Historical Museum as a part of P.I. Schukin's collection. The donor descended from the famous Moscow family of merchants, collectors and patrons and collected the Russian and Oriental antiquities. Pyotr Ivanovich explained the interest in everything Oriental as follows: "I set myself the task of collecting not only Russian artifacts, but also eastern and western ones, and, by collecting the latter, I clearly show how the East and the West influenced on the Russian culture"¹.

The museum scholars continued the collecting traditions in the postwar years, when the historical and folk expeditions worked in many republics, including Uzbekistan. In 1951–1953, 1959 the researchers of the State Historical Museum (N.D. Stolova, L.I. Yakunina and V.I. Burlakov under the guidance of E.S. Kogan) on the routes Tashkent – Samarkand – Bukhara – Khiva and Tashkent – Kokand – Leninabad – Shahrstan – Stalinabad – Samarkand. They made collections of products of various crafts and production processes, a large collection of agricultural tools, household items made of different materials (copper, wood, leather, fabrics, and numerous embroideries), a large collection of ceramics of the 19th–20th centuries, a large number of documents about the Uzbek people's mode of life at the turn of the century and in the early 20th century (documents for the lease of waqf lands, recordings of the artisans' accounts of events, student registers, documents drawn up during the "nonfinal sale of lands" – a type of loan to evade the Sharia, negatively treated usury, and many others)². The expedition members

¹ Polunina, N.M. Dariteli, mecenaty, pokroviteli Rossijskogo istoricheskogo muzeja (Donors, and patrons of the Russian Historical Museum). Moscow, 1908, p. 71 (in Russian).

² SHM Fund 432. Item 1 units 1–4. (1951–53, 1959. Journals of Central Asian Historical-Ethnographic Expedition).

even purchased an old carved door (!), and in Khiva they managed to acquire a collection of tools of master-jeweler M. Yakubov.

In the late 19th – early 20th centuries the precious metal processing was one of the developed branches of handicrafts. Jewelry was made mainly of silver, which the jewelers purchased from local merchants. Frequently, gold and silver were borrowed from a merchant for several months and gradually paid. Often jewelry was made to order from a customer's material. Sometimes people bought from a jeweler items previously made³.

At the beginning of the 20th century in Tashkent there were 70 jewelry workshops, about 30 in Khojent and up to 150 in Khiva. All the workshops were located compactly, in one street and the craft was hereditary-family. Jewelers had their *aksakal* (senior), who was also a jeweler, monitoring the quality of manufactured products, but did not interfere in setting prices. *Zargar* (a jeweler) set up a workshop at his shop and throughout the day "industriously with great patience created various women's jewelry, knocking out traditional ornaments with copper stamps or working on a small anvil"⁴.

The jeweler's toolkit changed slightly over time and consisted of a set of special tools and a small furnace.

The molten silver was poured into a metal mold – *reja* to cast a metal plate in the form of a rectangular bar with a recess in the middle. At one end there is a handle with loop bent like hook, at the other end there is a plate oval ledge with scallops.

Silver solidified in the mold as a thin plate, which, under the blows of a hammer – *chogysh* with ends bent downwards, turned into a sheet or thin bar. A smaller hammer – *chukshicha* with wooden handle, was used for punching the light jewelry. It was possible to drag the wire from a thin silver bar, dragging it through the holes in a special slightly curved elongated plate with widened ends and round holes of various sizes in several rows of the draw plate – *kirya*.

The wire was pulled by pliers *ambur*, gripping it when drawing; the working ends were flat on the inside, and rounded on the outside. One end of the handle like straight round rod with a conical broadened end, the other end with a rounded knob is bent as a semicircle. Measuring the desired length, the jeweler cut the wire with scissors – *kaichi*.

Using the obtained wire of different thickness, the jeweler could make earrings, rings, chains, as well as items with filigree. To insert gems into the sockets, jewelers used tongs – *chiptek* with a flat-widened handle. Three strips and a cross are carved on the obverse side of tongs.

³ SHM Fund 432, Item 1 unit 2, p. 43, (1951–53, 1959, Journals of Central Asian Historical-Ethnographic Expedition).
⁴ Artisanal Crafts in the Everyday Lives of the Peoples of Uzbekistan in the XIX–XX c., Tashkent, 1986, p. 34.

To get an ornament of low relief, the artisans used various forms of chisels, pistils of *menkal-dasta* in the shape of a round rod with an extension at both ends for punching jewelry. Jewelers used the *basma* technique, i.e., the pattern was struck in moulds.

Every jeweler-*zargar* had a whole set of such moulds – *kolib*, the pattern on which the artisan invented and carved himself. For example, jewelers in Khojent did not imitate the Bukhara drawings, but used the Tashkent samples⁵.

Gold jewelry was made less often than silver; only rich people could afford to buy. The townsfolk with more modest income acquired silver and copper items. For example, the rings kept in the department of precious metals in the State Historical Museum are made of silver with a glass insert instead of gemstone and by encircled by a series of false granulation-filigree and turquoise in round sockets. The ornamentation of these items imitates the shape of gold rings decorated with precious stones (rubies, emeralds and diamonds), originating from Bukhara and housed at the moment in the State Hermitage⁶.

The nostril earring – *khalka-burun* is decorated with a graining and a small fragment of blue enamel. It is silver, small, in the shape of a flower of small balls of granulation, soldered on a tiny rectangular plate with a needle. The earring in the nose is considered not only adornment among many nations, but also a talisman, a powerful amulet protecting against evil eyes and curse.

One more talisman in the collection of the department of precious metals in the State Historical Museum is a small box – *noskuti*. This exhibit was acquired by the Uzbek Historical and Folk Expedition of the State Historical Museum from one woman, which belonged to her father. A silver rectangular box with a lifting lid, with light blue, blue, red and green enamel, is decorated with large eight-bladed rosettes with pointed petals, in the center of which, in a circle, is a small six-bladed rosette and leaves. Initially, it was a snuff-box made in Bukhara by order. Later, two loops were soldered to the side wall, to which a thin ring chain was tied and the item turned into an amulet.

Amulets – *tumor* are special among the ancient Uzbek jewelry. They were of various shapes (triangles with apex upward, polygons, rectangles or cylindrical tubes). Amulets were decorated with filigree, granulation and enamels, often with nielloed patterns. People wore *tumor* on a chest with a chain or delicate necklaces. Occasionally, amulets of various shapes could be combined in one piece of jewelry. Frequently, a piece of paper with a prayer-amulet or an inscribed magic spell was hidden in the

⁵ SHM Fund 432, Item 1 unit 2, p. 43 (1951–53, 1959, Journals of Central Asian Historical-Ethnographic Expedition).

⁶ East and West. The Art of the Islamic World. Exhibition Catalogue, St. Petersburg, 2011, p. 78 Cat. 177 (in Russian).

tumor. They believe that jewelers of Khorezm designed *tumors* especially magnificent, decorating the amulet with many gilded pendants with coral beads.

An example of such an amulet is a silver jewelry for a skullcap *takhyatuzi*. This is a silver adornment, gilded on the front side and decorated with carnelian, turquoise, red glass and coral with a square plate lined with silver and faceted tubes with hemispheres attached to it on four sides, with attached rhombic pendants with corals jointed by wire. A round flat carnelian with carved Arabic inscription in a socket encircled by fine turquoise is in the center of the square plate. Even in antiquity people believed that carnelian was a stone of joy and abundance. Uzbek women liked it indeed. They liked turquoise, corals and pearls too.

The paired amulets – *butun tirnok*, as adornments for a female headdress, are richly decorated with turquoise, coral and almandine. The amulets are made in the shape of rectangles, lined with gilded silver on both sides, decorated with five hemispherical bulges with five small turquoises on each budge. Turquoise was also used to decorate the filigree strips along the top and bottom of the rectangles and keeled ends with filigree, supplemented with fine granulation and two oval almandine surrounded by turquoise. The ringing pendants of small rhombic pellets and corals are attached to the amulet along the lower edge of the rectangle and along the side parts. Imperceptibly between the pendants below there are two teeth of the horn, emphasizing the importance of the adornment as a talisman endowed with magical properties.

People wore jewelry from childhood to old age, but age restrictions regulated quantity and composition of the set. Sets of jewelry for girls of marriageable age were especially numerous and varied according to traditions, women worn wedding jewelry before the birth of their first child⁷.

The bride's costume in Khiva was supplemented with the temporal-breast adornment *shokila*. The collection of the Department of Precious Metals in the Historical Museum keeps two such adornments. One was bought from Jobazhiy Bekhchanov for 100 rubles. In turn, he acquired it in Khiva in a silver row. The jewelry is silver, gilded, with turquoise, coral and carnelian, consisting of two temporal rings with pendants, joined by two chains of wire with small pendants. The rings are soldered each to a round decorative plaque with a flat carnelian surrounded by turquoise. In the center of the lower part of the shotgun, a long pendant is suspended from the loop, consisting of five filigree delicate balls connected by wire coils with coral on each and decorated with small pendants.

7. Sycheva N. on certain jewelry of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan on the XIX-XX centuries. From the Collection of the State Museum of Oriental Art. 1984 p. 8.

The second adornment – *shokila* is more complex in composition. It consists of two temporal rings with long pendants, connected by three chains with pendants. The thick wire rings at the bottom are decorated with a plate with green glass, turquoise in sockets and corals. Pendants, decorative plaques and a long pendant are soldered to the lower part of the plate, consisting of three delicate filigree balls personifying a cotton box, with small pendants on each. A triangle – a mastic *tumor* covered with silver, decorated with green glass in sockets and shallow turquoise in sockets is hanging from a lower ball on a chain and a wire spiral with coral. Three long pendants in the shape of hemispherical bells – *goza* decorated with small corals and almond-shaped decorative plaques are suspended from the lower edge of the triangle. On three chains connecting pendants, there is a large oval adornment lined with silver, and its front side decorated with red foil is an ornament of curls of compressed wire.

This wonderful adornment was purchased by the Uzbek historical and folk expedition in Khiva from Matnazar Yakubov in 1951, the seller's father, a jeweler, made and presented for his wedding. *Shokila* was not only a piece of jewelry, but also a talisman, it was a benevolent symbol promising abundance and fertility, a material evidence of father's love for his son.

Despite the fact that the collection of artifacts of Uzbek origin in the collection of the Department of precious metals in the State Historical Museum is small, nevertheless, it allows us to appreciate the delicate art and skill of jewelers of Uzbekistan at the turn of the 19th-20th centuries.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ УЗБЕКСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА
ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Д.В. Шоломская

В Государственном историческом музее произведения ювелирного искусства Узбекистана представлены немногими, но яркими образцами.

Одним из них является переплет для Священного Корана. Он украшен серебром, драгоценными камнями и арабской надписью на фоне голубой эмали, которая гласит: «Священная Бухара 1325 г.х.». Данный объект поступил в Исторический музей в составе коллекции П.И. Щукина. Даритель происходил из знаменитой московской семьи купцов, коллекционеров и меценатов, был собирателем русских и восточных древностей. Сам Петр Иванович так объяснял интерес ко всему восточному: «Я поставил себе задачу собирать не только русские предметы, но также восточные и западные, и, собирая последние, наглядно показать, какое влияние имели Восток и Запад на русскую культуру»¹.

Традиции собирательства были продолжены музейными сотрудни-
ками и в послевоенные годы, когда историко-бытовые экспедиции ра-
ботали во многих республиках, в том числе в Узбекистане. В 1951-1953,
1959 гг. были предприняты выезды научных сотрудников Государствен-
ного исторического музея (Н.Д. Столова, Л.И. Якунина, В.И. Бураков
под руководством Э.С. Коган) по маршрутам Ташкент - Самарканд -
Бухара - Хива; Ташкент - Коканд - Ленинабад - Шахристан - Сталина-
бад - Самарканд. Были собраны коллекции, представлявшие различные
промыслы и производственные процессы, большая коллекция сельско-
хозяйственных орудий труда, предметы быта из различных материалов
(меди, дерева, кожи, тканей, многочисленные вышивки), крупная кол-
лекция керамических изделий XIX-XX вв., большое количество доку-
ментов, отражающих жизнь и быт узбекского народа на рубеже веков и
в первой половине XX в. (документы на аренду вакфных земель, записи
рассказов мастеров, прописи учеников, документы, оформляемые при
«неокончательной продаже земель» - вид займа, чтобы обойти шариат,

отрицательно относившийся к ростовщичеству, и многие другие)². Сотрудники экспедиции приобрели даже старинную резную дверь (!), а в Хиве им удалось купить коллекцию инструментов мастера-ювелира М. Якубова.

В конце XIX – начале XX вв. обработка драгоценных металлов была одной из развитых отраслей ремесла. Ювелирные украшения создавались в основном из серебра, которое мастера приобретали у местных торговцев. Часто золото и серебро брали у купца в долг на несколько месяцев и постепенно его выплачивали. Нередко делали украшения на заказ из материала заказчика. Иногда люди покупали у ювелира заранее изготовленные им предметы⁷.

В начале XX в. в Ташкенте насчитывалось 70 ювелирных мастерских, в Ходженте – около 30, в Хиве – до 150. Все мастерские располагались компактно, на одной улице, ремесло носило наследственно-семейный характер. У ювелиров был свой *аксакал*, который тоже был ювелиром, следил за качеством производимых изделий, но в установление цены не вмешивался. *Заргар* (ювелир) устраивал мастерскую при своей лавке и в продолжение дня «трудолюбиво с большим терпением создавал различные женские украшения, выбивая медными штампами традиционные орнаменты или работая на маленькой наковальне»¹.

Инструментарий ювелира незначительно изменился. Он состоял из набора специальных инструментов и небольшого горна. Расплавленное серебро выливалось в металлическую изложницу *реджа* – форму для отливки пластины из металла в виде прямоугольного бруска с выемкой посередине. На одном конце рукоятка с петлей, загнутой крючком, на другом – пластинчатый овальный с фестонами выступ. Серебро застывало в виде тонкой пластины, которая с помощью концами превращалась в различные изделия.

В изложнице серебро застывало в виде тонкой пластины, которая под ударами молотка — *чогыш* с отогнутыми книзу концами превращалась в лист или тонкий брусочек. Молоток поменьше — *чукшича* на деревянной рукоятке служил для штамповки легких украшений. Из тонкого серебряного бруска можно было волочить проволоку, протаскивая ее через отверстия в специально немного выгнутой удлиненной пластине с расширенными концами и круглыми отверстиями различной величины, расположенными в несколько рядов в волочильной доске — *кырья*.

Проволоку тянули с помощью щипцов-плоскогубцев *амбур*, захватывая ее при волочении; рабочие концы с внутренней стороны были плоские, с наружной стороны – округлые. Один конец рукоятки в виде прямого круглого стержня с коническим расширением на конце, другой

² ОИИ ГИМ Ф. 432, Оп. 1.
Ед.хр. 1-4. (1951-53,
1959 гг. Дневники
Среднеазиатской историко-
бытовой экспедиции).

3. ОГИИ ГИМ Ф. 432. Сд. 1.
Ед.хр. 2. /143 об. (Дивичинки)
Среднеазиатской историко-
бытовой экспедиции.
1952 г.).

4 Кустарниковые промыслы в быту народов Узбекистана XIX-XX вв. - Ташкент, 1986. - с. 34.

1. Поступила в М. - Даритель:
Мечетная, покровительница
Русинского исторического
музея - М., 1908. - с. 71.

конец – с округлой шишечкой, загнут полукольцом. Отмерив нужную длину, мастер обрезал проволоку ножницами – *кайчи*.

Из полученной проволоки разной толщины ювелир мог изготовить серьги, кольца, цепочки, также она могла быть использована при изготовлении предметов со сканью. Для вставления камней в гнезда использовались шипцы *чиптек* с плоско-расширенной рукояткой. На лицевой стороне шипцов вырезаны три полосы и крест.

Для получения орнамента невысокого рельефа мастера использовали различной формы стамески, пестики *менкал-даста* в виде круглого стержня с расширением на обоих концах для штамповки украшений. Ювелиры пользовались басменной техникой, при которой узор выбивался по матрицам.

У каждого *заргара* был целый набор таких матриц – *калибов*, узор на которых мастер выдумывал и вырезал сам. Например, халигентские ювелиры не подражали бухарским рисункам, но пользовались таикентскими образцами⁵.

Украшения из золота изготавливались реже, чем из серебра; их могли себе позволить лишь состоятельные люди. Население с более скромным достатком приобретало серебряные и медные изделия. Например, перстни, хранящиеся в отделе драгоценных металлов ГИМ, изготовлены из серебра со стеклянной вставкой, заменяющей драгоценный камень, и окружены рядом ложной зерни и бирюзой в круглых гнездах. Художественное оформление этих предметов повторяет форму золотых перстней, украшенных драгоценными камнями (рубинами, изумрудами, алмазами), происходящих из Бухары и хранящихся на настоящий момент в Государственном Эрмитаже⁶.

Зерную и небольшим фрагментом голубой эмали украшена сережка в ноздрю – *халка-бурун*. Она – серебряная, маленькая, в виде цветка из шариков зерни, напаянных на крошечную прямоугольную пластинку с иглой. Серьга в носу у многих народов считается не только украшением, но и талисманом, мощным оберегом, который охраняет от дурного глаза и порчи.

Еще одним талисманом в коллекции отдела драгоценных металлов ГИМ является коробочка *поскути*. Этот экспонат был приобретен Узбекской историко-бытовой экспедицией ГИМ у одной женщины и принадлежал ее отцу. Серебряная прямоугольная коробочка с подъемной крышкой, с голубой, синей, красной и зеленой эмалью по оброну украшена крупными восьмилепестными розетками с заостренными лепестками, в центре которых, в круге, небольшая шестилепестная розетка и листья. Изначально это была табакерка, сделанная в Бухаре по заказу.

⁵ ОИИ ГИМ Ф. 432. Сб. 1. Эксп. 2. 1. 43. С. Иованниди. Среднеазиатская историко-бытовая экспедиция. 1952 г.

⁶ Восток и Запад. Покорение великого мира. Каталог выставки. – СПб., 2011. – С. 75. Кат. 177.

Позже к боковой стенке были припаяны две петли, к которым привязали тонкую кольчатую цепь, и предмет преобразовали в амулет.

Среди старинных узбекских ювелирных украшений амулеты-*туморы* занимали особое место. Они были различной формы (в виде треугольников обращенных вершиной вверх, многоугольников, прямоугольников либо цилиндрических трубочек). Амулеты украшались сканью, зерной и эмалью, нередко покрывались черными узорами. *Тумор* носили на груди на цепочке либо подвешивали к ажурным ожерельям. Иногда в одном украшении могли сочетаться амулеты различной формы. Нередко в *тумор* прятали лист бумаги с начертанной на ней молитвой-оберегом или магическим заклинанием. Считается, что ювелиры Хорезма оформляли *туморы* особенно пышно, украшая амулет множеством позолоченных подвесок с коралловыми бусинами.

Примером такого амулета может быть серебряное украшение для плечевки *тахья-тузи*. Это серебряное, с лицевой стороны позолоченное, украшенное сердолком, бирюзой, красными стеклами и кораллами украшение, которое состоит из квадратной пластины, обложенной серебром, и шпение, которое состоит из четырех сторон граненых трубочек с полушариями прикрепленных к ней с четырех сторон граненых бляшек и конна концах, с прикрепленными подвесками из ромбовидных бляшек и кораллов, соединенных проволокой. В центре квадратной пластины – круглый плоский сердолк с вырезанной на нем арабской надписью, в гнезде окруженном мелкой бирюзой. Еще в древности считалось, что сердолк является камнем радости и дарит изобилие. Он пользовался любовью узбекских женщин. Не менее любимы были бирюза, кораллы и жемчуг.

Богато украшены бирюзой, кораллами и алмадинами парные амулеты *бушун тирнок*, которые являлись украшениями для женского головного убора. Сами амулеты сделаны в виде прямоугольников, обложенных с двух сторон позолоченным серебром, декорированных с каждой из двух сторон пятью полусферическими выпуклостями с пятью мелкими бирюзинками на каждой. Бирюзой также украшены сканные полосы по верху и низу прямоугольников и килевидные завершения из скани, дополненные мелкой зерной и двумя овальными алмадинами, окруженными бирюзой. К амулету прикреплены звонкие подвески из мелких ромбовидных дробничек и кораллов по нижнему краю прямоугольника и по боковым частям. Незаметно между подвесками внизу находятся два зубца из рога, подчеркивая этим значение украшения как оберега, наделенного магическими свойствами.

Украшения носили с детства и до старости, но существовали возрастные ограничения, которые регламентировали их количество и разнообразие. Традиционно особенно многочисленными и разнообразными были

комплекты украшений девушек, вошедших в брачный возраст, свадебные украшения, которые носили женщины до рождения первого ребенка.

Костюм невесты в Хиве дополнялся височно-нагрудным украшением *шокила*. В коллекции отдела драгоценных металлов Исторического музея хранятся два таких украшения. Первое было куплено у Джобажия Бехчанова за 100 рублей. В свою очередь, он приобрел его в Хиве в серебряном ряду. Украшение серебряное, позолоченное, с бирюзой, кораллами и сердоликами, состоящее из двух височных колец с подвесками (типа *ряси*), соединенных двумя цепями из проволоки с мелкими подвесками. Кольца припаяны каждое к круглой дробнице с плоским сердоликом, окруженным бирюзой. В центре нижней части дробницы к петле подвешено по длинной подвеске, состоящей из пяти сканных ажурных шаров, соединенных между собой проволоочными спиральками с кораллом на каждой и украшенных мелкими подвесками.

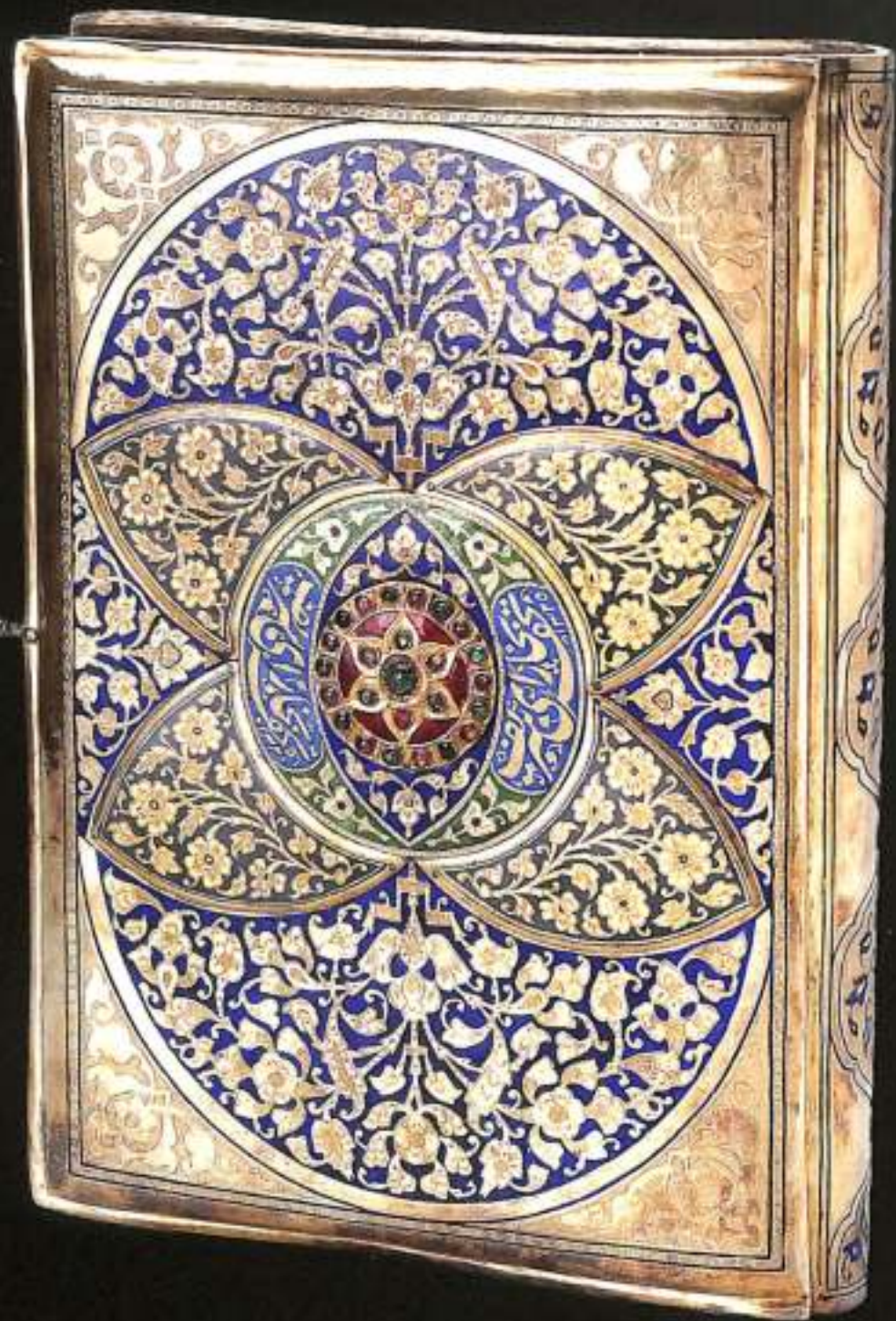
Второе украшение *шокила* – более сложное по композиции. Оно состоит из двух височных колец с длинными подвесками (типа *ряси*), соединенных тремя цепочками с подвесками. Кольца из толстой проволоки в нижней части украшены пластинкой с зеленым стеклом, бирюзой в гнездах и кораллами. К нижней части пластинки припаяны подвески, дробнички и длинная подвеска, состоящая из трех ажурных сканных шаров, олицетворяющих собой хлопковую коробочку, с маленькими подвесками на каждом. К нижнему шару на цепочке и проволоочной спиральке с кораллом подвешен треугольник – *тумор* из мастики, обложенный серебром, украшенный зеленым стеклом в гнезде и мелкой бирюзой в гнездах. К нижнему краю треугольника подвешены три длинные подвески в форме полусферических колокольчиков – *гоза*, украшенные мелкими кораллами и миндалевидными дробничками. На трех цепочках, соединяющих *ряси*, расположено по крупному овальному украшению, обложенному серебром, и с лицевой стороны украшенному по красной фольге орнаментом завитков из плющеной проволоки.

Это замечательное украшение было приобретено Узбекской историко-бытовой экспедицией в Хиве у Матназара Якубова в 1951 г., оно было изготовлено отцом продавца – ювелиром и подарено ему к свадьбе. *Шокила* было не только ювелирным произведением, но и оберегом, становилось благопожелательным символом, сулящим изобилие и плодотворность, вещественным доказательством любви отца к сыну.

Несмотря на то, что коллекция предметов узбекского происхождения в коллекции отдела драгоценных металлов ГИМ невелика, тем не менее, она позволяет нам оценить тонкое искусство и мастерство ювелиров Узбекистана на рубеже XIX–XX вв.

7. Ситова Н. Ювелирные украшения парсов Средней Азии и Казахстана XIX–XX веков. Из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М., 1984. – С. 8.

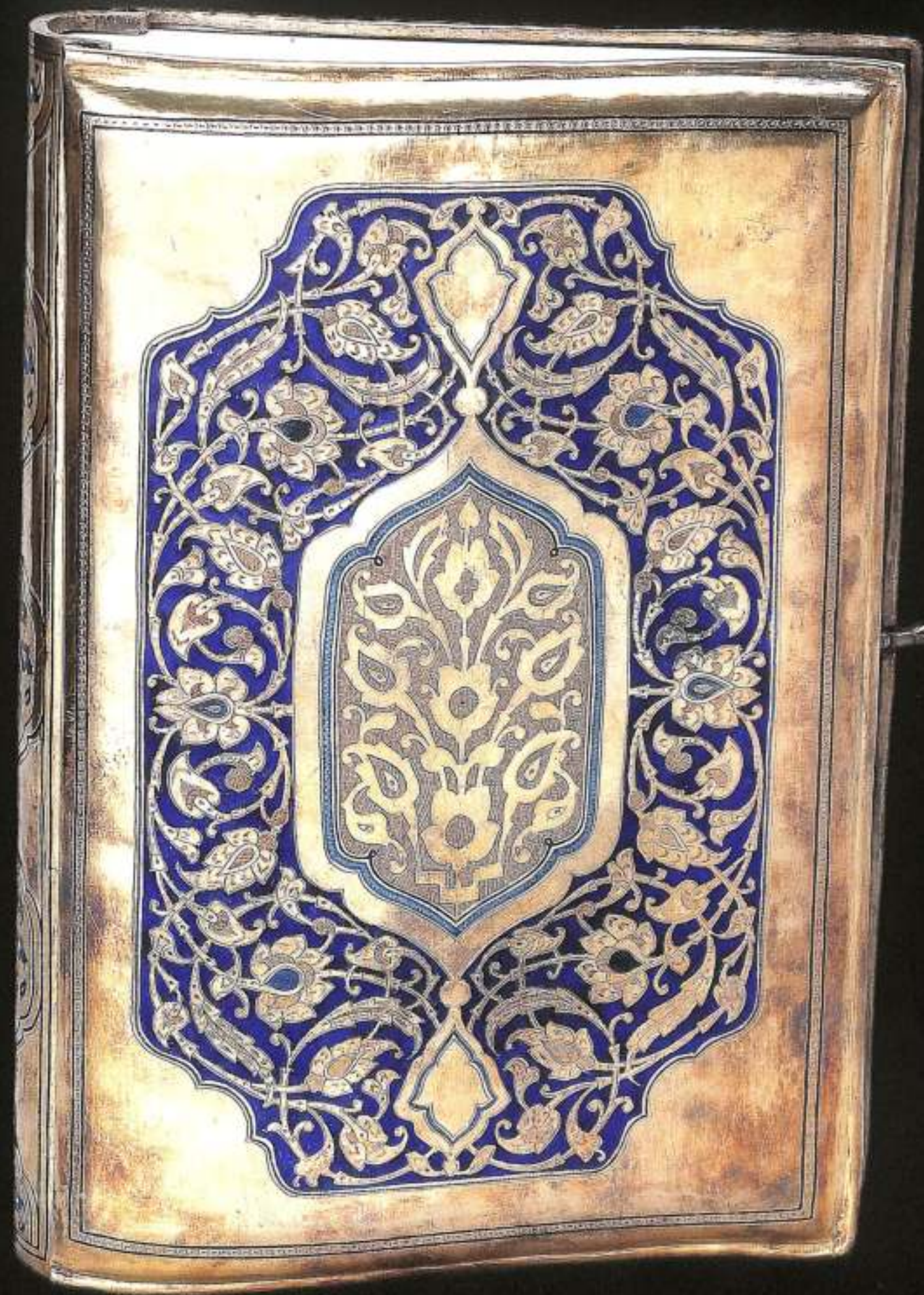

ДТМ 19298шч ОК 4456
Қуръон ғилофи

Бухоро, 1907–1908 йиллар.
Тилла, қумуш, зумрад, турмалин, сир,
қимматбаҳо бўлмаган металл (тамба);
30×21,4 см.
П.И. Шчукин тўпламидан келиб тушган.

SHM 19298shch ОК 4456
The Quran cover

Bukhara, 1907–1908.
Gold, silver, emeralds, tourmaline,
enamel, base metal (fastener);
gold plating, carving.
30×21.4 cm.
From P.I. Shchukin's collection.

ГИМ 19298шч ОК 4456
Переплет для Корана

Бухара, 1907–1908 гг.
Золото, серебро, изумруды, турмалин,
эмаль, недорогой металл (крепёж);
золочение, резьба.
30×21,4 см.
Поступил в составе коллекции
П.И. Щукина.

ДТМ 83521/150 ОК 14174
Носкути

Бухоро, XIX аср.
Кумуш, сир
1,7×6,3×4,4 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/150 ОК 14174
Noskuti box

Bukhara, 19th century.
Silver, enamel.
1,7×6,3×4,4 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/150 ОК 14174
Коробочка носкути

Бухара, XIX в.
Серебро, эмаль.
1,7×6,3×4,4 см.
Приобретена Узбекской
историко-бытовой экспедицией
ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/305 ОК 14175, ДТМ 83521/306
ОК 14176

Узуклар

Урта Осиё (?), XX аср.
Кумуш, феруза, шиша.
1,8×2,9×2,2 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/305 ОК 14175, SHM 83521/306
ОК 14176

Rings

Central Asia (?), 20th century.
Silver, turquoise, glass.
1,8×2,9×2,2 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/305 ОК 14175, ГИМ 83521/306
ОК 14176

Перстни

Средняя Азия (?), XX в.
Серебро, бирюза, стекло.
1,8×2,9×2,2 см.
Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/123 ОК 14177
«Халка-бурун» – бурун зираги

Урта Осиё, XIX аср.
Кумуш, сир, донадорлаш.
0,8×0,8 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/123 ОК 14177
Nose ring khalka burun

Central Asia, 19th century.
Silver, enamel, granulation.
0,8×0,8 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/123 ОК 14177
Украшение для носа халка-бурун

Средняя Азия, XIX в.
Серебро, эмаль, зернь.
0,8×0,8 см.
Приобретено Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/268 ОК 14178
Тахья-тузи дўппи безаги

Хива, XIX аср.
Кумуш, сердолик, феруза, шиша,
марварид, тилла суви юритилган.
11,3×11,3 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/268 ОК 14178
Skullcap decoration takhya-tuzi

Khiva, 19th century.
Silver, carnelian, turquoise,
glass, coral, gold plating.
11.3×11.3 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/268 ОК 14178
**Украшение для тюбетейки
тахья-тузи**

Хива, XIX в.
Серебро, сердолик, бирюза,
стекло, коралл, золочение.
11,3×11,3 см.
Приобретено Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/264 ОК 14179, ДТМ 83521/263
ОК 14180

**Бутун тирнок-бош кийимнинг жуфт
безаклари**

Хива, XIX аср.
Уста Ёкубов.
Кумуш, феруза, альмандинлар, маржон,
шоҳ, мастика (мумсимон модда), тилла
суви юритилган, нафис тўқима.
17,5×6×1 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/264 ОК 14179, SHM 83521/263
ОК 14180

Pair Temple-ear adornments butun tirnok

Khiva, 19th century.
Crafted by Yakubov.
Silver, turquoise, almandines, coral, horn,
jeweller's putty, gold plating, filigree.
17.5×6×1 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/264 ОК 14179, ГИМ 83521/263
ОК 14180

**Парные височно-наушные украшения
бутун тирнок**

Хива, XIX в.
Мастер Якубов.
Серебро, бирюза, альмандины, коралл,
рог, мастика, золочение, скань.
17,5×6×1 см.
Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/276 ОК 14181
**Шокила – аёлларнинг кукрак-чакка
безаги**

Хива, XX аср бошлари.
Кумуш, феруза, сердолик, маржон, тилла
суви юритилган, нафис тўқима.
Узунлиги – 25,2 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маънавий
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/276 ОК 14181
Shokila breast-temple adornment

Khiva, early 20th century.
Silver, turquoise, cornelian,
coral, gold plating, filigree.
Length – 25.2 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/276 ОК 14181
Нагрудно-височное украшение шокила

Хива, начало XX в.
Серебро, бирюза, сердолик, коралл,
золочение, скань.
Длина – 25,2 см.
Приобретено Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/262 ОК 14182
**Шокила – аёлларнинг кукрак-чакка
безаги**

Хива, XIX аср.
Уста Ёкубов.
Кумуш, феруза, маржон, шиша, тилла
суви юритилган, нафис тўқима.
Узунлиги – 41 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маънавий
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/262 ОК 14182
Shokila breast-temple adornment

Khiva, 19th century.
Crafted by Yakubov.
Silver, turquoise, coral, glass,
gold plating, filigree.
Length – 41 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/262 ОК 14182
Нагрудно-височное украшение шокила

Хива, XIX в.
Мастер Якубов.
Серебро, бирюза, коралл, стекло,
золочение, скань.
Длина – 41 см.
Приобретено Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/239 МЖ 4423

Сандонча

Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.

10,5×3,5×2,8 см.

ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/239 MZh 4423

Anvil

Khiva, late 19th – early 20th century.
Iron.

10,5×3,5×2,8 cm.

From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/239 МЖ 4423

Наковаленка

Хива, конец XIX – начало XX вв.
Железо.

10,5×3,5×2,8 см.

Приобретена Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/208 МЖ 4420, ДТМ 83521/202
МЖ 4422, ДТМ 83521/239 МЖ 4423

Болеалар ва сандонча

Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир, ёғоч.

ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/208 MZh 4420, SHM 83521/202
MZh 4422, SHM 83521/239 MZh 4423

Hammers and anvil

Khiva. Late 19th – early 20th century.
Iron, wood.

From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/208 МЖ 4420, ГИМ 83521/202
МЖ 4422, ГИМ 83521/239 МЖ 4423

Молотки и наковаленка

Хива. Конец XIX – начало XX вв.
Железо, дерево.

Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/200 МЖ 4419

Қопип

Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.

40×3 см.

ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/200 MZh 4419

A mould

Khiva, late 19th – early 20th century.
Iron.

40×3 cm.

From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/200 МЖ 4419

Изложница

Хива, конец XIX – начало XX вв.
Железо.

40×3 см.

Приобретена Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/205 МЖ 4418

Ўзиш тахтаси

XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.

24,5×6,5 см.

ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маиший
экспедицияси томонидан 1951 йилда
сотиб олинган.

SHM 83521/205 MZh 4418

Draw plate

Late 19th – early 20th century.
Iron.

24,5×6,5 cm.

From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/205 МЖ 4418

Волочильная доска

Конец XIX – начало XX вв.
Железо.

24,5×6,5 см.

Приобретена Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/207 МЖ 4424
Кускич (парча)
Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.
18×3 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маънавий
экскурсияси томонидан 1951 йилда
собиб олинган.

SHM 83521/207 MZh 4424
Tongs (fragment)
Khiva, late 19th – early 20th century.
Iron.
18×3 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ДТМ 83521/207 МЖ 4424
Щипцы (фрагмент)
Хива, конец XIX – начало XX вв.
Железо.
18×3 см.
Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/206 МЖ 4426, ДТМ 83521/203
МЖ 4429, ДТМ 83521/205 МЖ 4418
**Кадучи, қисқиччи омибур ва чўзиш
тақтаси**
Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маънавий
экскурсияси томонидан 1951 йилда
собиб олинган.

SHM 83521/206 MZh 4426, SHM 83521/203
MZh 4429, SHM 83521/205 MZh 4418
Scissors, pliers and a draw plate
Khiva, late 19th – early 20th century.
Iron.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ДТМ 83521/206 МЖ 4426, ГИМ 83521/203
МЖ 4429, ГИМ 83521/205 МЖ 4418
**Ножницъ, щипцы-плоскогубцы и
волоочильная доска**
Хива, конец XIX – начало XX вв.
Железо.
Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/226 МЖ 4427
Сумга нақш берувчи шакл (парча)
Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.
16,8×1,8×1,5 см.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маънавий
экскурсияси томонидан 1951 йилда
собиб олинган.

SHM 83521/226 MZh 4427
Wire shaping mould (fragment)
Khiva, late 19th – early 20th century.
Iron.
16,8×1,8×1,5 cm.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/226 МЖ 4427
**Форма для придания узора проволоке
(фрагмент)**
Хива, конец XIX – начало XX вв.
Железо.
16,8×1,8×1,5 см.
Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ДТМ 83521/212 МЖ 4431, ДТМ 83521/226
МЖ 4427, ДТМ 83521/207 МЖ 4424
**Кон, сумга нақш берувчи шакл, қисқич
Пестик, проволоке, щипцы**
Хива, XIX аср охири – XX аср бошлари.
Темир.
ДТМнинг Ўзбекистон тарихий-маънавий
экскурсияси томонидан 1951 йилда
собиб олинган.

SHM 83521/212 MZh 4431, SHM 83521/226
MZh 4427, SHM 83521/207 MZh 4424
Pestle, wire shaping mould, tongs
Khiva, late 19th – early 20th century.
Iron.
From the SHM Uzbek historical-folk
expedition, 1951.

ГИМ 83521/212 МЖ 4431, ГИМ 83521/226
МЖ 4427, ГИМ 83521/207 МЖ 4424
**Пестик, форма для придания узора
проволоке, щипцы**
Хива, конец XIX – начало XX вв.
Железо.
Приобретены Узбекской историко-
бытовой экспедицией ГИМ в 1951 г.

ЎЗБЕК ГАЗЛАМА ТЎПЛАМЛАРИ
THE UZBEK TEXTILE COLLECTIONS
УЗБЕКСКИЕ ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

ЎЗБЕК ГАЗЛАМА ТЎПЛАМЛАРИ

О.Г. Гордеева, О.Е. Кузьменко

Давлат тарих музейининг газлама тўпламлари кенг қўламли ва хилма-хил. Унинг таркибида руслар, Европа ва Шарққа мансуб бўлган уч юз мингдан ортиқ ипак, зигирпой ва пахтадан яратилган гулдор нақшли газламалар мавжуд. Тўпلامда каштачилик, тўр, рус ва Шарқ тўпламлари, Европа безакли газлама (гобелен)лари тақдим этилган. Унинг жамғармасида ибодат либослари, ўша пайтда урф бўлган асилзодалар либоси ва деҳқонларнинг анъанавий кийимлари сақланади. Тўпламлар XII–XXI асрларга мансубдир.

1883 йилда музей очилгандан бери тарихий воқеалар, давлат арбобларининг шахсий буюмлари, ҳарбий қўмондонлар ҳамда фан, маданият ва санъатнинг атоқли намояндалари буюмлари тўпланган. Музейда мухтазам равишда нафакат руслар, балки Россия билан тарихий тақдир умумий боғланган халқларнинг ашёлари, портретлари, расм ва ҳужжатли маълумотлари ҳам тўплаб келинган. Бутун бошли XX аср давомида газлама тўпламларидаги буюмлар илмий ҳодимлар томонидан ўрганиб чиқилиб, музей заллари, мамлакат ва чет элларда ўтказилган кўплаб кўргазмаларда намойиш этилган.

Тарих музейига ўрта Осиёдан келиб тушган илк ашёларнинг сонини кўп бўлмаган. 1914 йилда музей ўртача катталиқдаги кашта гулди ёпинчикни сотиб олган. Музейнинг инвентарь китобига «Савдогарлардан сотиб олинган. Шахрисабз» деган қайд киритилган. Бундай қайдиар асосан музей учун буюмни осори атикалар сотиладиган дўконлардан сотиб олинганда ёзилган. Эҳтимол, ёпинчик юқори бадший сифати билан эътиборни тортгандир. Кашта саржа каби тўкилган ип газламага ранг-баранг ипак иплар билан ишланган. Расмнинг четлари занжирли чок билан қилинган. Марказий сахнига ўртасида гуж гулбаргли ўсимлик новдаларидек шакллантирилган бирикма тагдўзи қилиб тикилган тўрта ромбсимон медальон белгиси жойлантирилган. Бундай медальонлар кенг ҳошия ҳосил қилган. Вазмин тусли майин ранглар уйғунлигини

ҳосил қилувчи ипак иплар табиий бўёқлар билан бўялган. Нафис нақшлар, равшан уйғунлик ва умумий латиф колорит чизмачи ва кашта тўқувчининг маҳоратидан далолат беради.

XIX асрнинг охирида Строганов номдаги императорлик Марказий санъат ва саноат билан юртидан¹ Тарих музейига от анжомлари келтирилган. Музейнинг инвентарь китобига бу ҳақда фақат 1922 йилдагина аниқ маълумот ва сана кўрсатилмаган ҳолда қайд киритилган.

Буюмларни ўрганиш жараёнида у зардўзи тикилган сўкма бахмал экани, от ёпинчигининг бир қисми эканлиги маълум бўлган. Нақшда икки катта бурама чизикка ўралган майда барг, гул ва мевадан ноҳа чизилган. Поялари пастидан катта гул ва мевадан ҳар хил чоклар билан ётқизилиб тикилган, фон эса уни янада ёркинроқ кўрсатиб туриши учун зичлаб ялтироқ темиртошлар қадалган. Унинг астари эса абр ипак газмолдан тайёрланган.

Газламага сурат маҳоратли рассом томонидан чизилган, зардўзини эса шубҳасиз моҳир уста тиккан. Мато, техника ва наққошлик санъати Ўзбекистон давлат санъат музейида сақланаётган «даврий-гардиш» жулни эслатади. Ёпинчик XIX асрнинг 50–60-йилларига мансуб. Зардўзи санъатининг тадқиқотчилари от ёпиқлари XIX аср ўртасида Бухоро амриятининг тадқиқотчилари от ёпиқлари XIX аср ўртасида Бухоро амриятининг саройида тикилган ва фақат амир ҳамда унинг мулозимлари тантаналар пайтида фойдаланган деб ҳисоблашади².

Отлар гулдор зарҳал ёпиқларида қандай кўрингани ва зарлари қуёшда қандай ярқираганини тасаввур қилиш мумкин.

Машҳур осори атикалар ва нодир китоблар шайдоси А.П. Бахрушинининг (1853–1904) катта тўплами таркибига аниқ аломатларга эга бўлмаган иккита пахта абр матолари келтирилган. Ўхшашлиги ва техник сифатларига қараб уларни XIX асрнинг иккинчи ярмида яшаган усталарнинг иши деб ҳисоблаш мумкин. Кашта катта маҳорат билан тайёрланган бўлиб, қадимий мураккаб абр нақши анъаналарини ўзида акс эттиради. Биринчи намунанинг нақшида кизил шакллар оқ асосда ва сариқ шакллар яшил асосда шахмат тартибида алмашланиб туради. Бошқасида – мураккаб нақш тўрт рангда: қора, кизил, сариқ ва кўк рангларда яратилган.

1919 йилдан 1920 йилгача Москвада «1840 йилларнинг маънавий музеи» мавжуд бўлган. У машҳур славяншунос А.С. Хомяковнинг ҳовлиси уйида жойлашган бўлиб, Москва золагонлари уйига ҳос шароитли тўла сақлаб қолган. Ушбу музей Тарих музейининг филиали бўлган. У тарқатиб юборилгандан сўнг барча тўпламлари ДТМ фондида ўтган. Четларига яшил бахмал тасма тикилган, безакли кашта солинган сариқ харир ипак мато – *канавит* ҳам шу тўпلامга мансуб. Кашта асоси тўртта

1. Строганов билан юртидан
граф С. И. Строганов
томонидан Москва
шаҳрида 1825 йилда
ташкил этилган.
2. Гаврилова Н. А.
Бошқоқчилик ва тақдир
Бухоро – Тошкент, 1986 –
9. Ўзбеклар.

1951–1953 йиллардаги экспедиция Музейга 20 дона безакни кашта олиб келган. 1951 йилда Бухоро вилоятининг Гиждувон туманидан сўзана сотиб олинган. Эгасининг сўзларига кўра, у XIX асрнинг 80-йилларига тегишли бўлиб, унда оқ ип-газламага рангли ипаклар ишлатилган холда занжир чок билан нақш тикиб чиқилган. Маркази ва ҳошияси илмий адабиётда «Хирот занжири» деб таърифланган нақш билан тўндирилган. Нақш йирик думалок тўнбарггул ва нафис барги ҳошияларнинг навбат алмашишидан иборат бўлган. Уларнинг орасида думлама кўринишидаги барглар кия тарзда жойлашган. Халқда уларни ханжарга ўхшатишган ва турли ёмон кўзлардан асрашга умид қилинган. Нақш қадимий тарихга эга бўлиб, Хирот рассомлик мактабига бориб тақалади. Композицияни маҳаллий рассом ишлагани бонс, мумтоз нусхага кўра соддалаштирилган.

«Хирот занжири» нақши XVI асрдан ҳозирги пайтгача Яқин Шарқ, Кавказорти ва Туркменистонда машҳурдир. Ўзбек халқ амалий санъати орқали бу қадимий нақш ҳозирги кунларгача етиб келган. Сўзананинг ранглар қоришмаси обдан бўялган ипларининг турфа тусларига қарама-масдан ўзаро уйғунлик касб этган.

1953 йилда ип-газламага ипак билан гул солинган сўзана сотиб олинган. Каштадаги расм четлари занжир кашта чоки билан, асосий унсурлар эса турли хил чоклар билан текис тикиб чиқилган. Композициянинг марказида махсус баргли чамбардан ҳосил бўлган доиранинг ичидда юлдузлар билан хошияланган катта тўк қизил рангли тўнбарггул жойлашган. Марказдан тўрт бурчагига қараб, ўзига хос шохли лирасимон бичимларда тўнбарггул ва кўп қиррали юлдуз жойлашган. Бутун асос бўйлаб жойлашган новда ва ўралиб ётган гажаклардан чиқаётган қурчалар композицияни бирлаштиради. Ўртаси кенг нақшли ука билан хошияланган, четлари эса қора мато ва шаклдор чок билан тикиб чиқилган. Кашта композициясида маҳобатли кўриниш акс этади. Ранглар қоришуви анчагина одми.

Сўзана композицияси оловнинг асровчи кучи, уй ўчоғи рамзини акс эттирувчи «чорширок» мавзусида ишланган.

Экспедиция аъзолари Самарканд вилояти Ургут туманининг Ёус қишлоғида яшовчи, сўзананинг эгаси Бердиевнинг хикоясини ёзиб олинган.

Поялар рангларини таърифлашда мислима, яъни камалак сўзи ишлатилган. Майда қора гажаклар эса *гажакча* деб номлаган. *Косагул* деб аталган думалок тўнбарггуллар гўёки косаларни акс эттирган. Уларнинг орасидаги патнига ўхшайдиган қора гажаклар *лолагул* дейилган. Марказдаги катта атиргулларни *беш дола*, уларнинг орасидаги иккита юлдуз *юлдузгул* деб аташган⁷. Дала шароитида олинган материалларда

улар ёзиб олинган пайтдаги маҳаллий муқаддас нарсалар ҳақидаги тушунчалар сақланиб қолган. XX аср бошларига келиб бу тушунчаларнинг қадимий маънолари унутилиб, улар янги мазмун ва маънолар касб эта бошлаган.

Экспедицияда эркак ва аёлларнинг анъанавий либослари ҳам тўп-ланган. Коллекцияда жамиятнинг ҳар хил қатламларига оид кишиларнинг кийим-кечаклари ўрин олган. Қўқон ва Бухоро аҳолисининг кийим-кечаклари ўрин олган. Қўқон ва Бухоро аҳолисининг кийимлари билан ёнма-ён туради. Тўпلامдан ўрин олган кийимларнинг умумий сонни 98 тани ташкил қилади. Ранг-баранг гиламканша ва зардўзи шилта услубида тикилган, қора асосга оқ нафис кашта билан тикилган дўппиларнинг ҳам катта тўплами мавжуд. Эркакларнинг чорсилари ва қўлда ишланган қовушлар ҳам алоҳида аҳамият касб этади.

XX аср ўрталарида истеъмолдан чиққан қадимий кўринишдаги кийимлар катта тарихий ва маданий аҳамиятга эга. Бухоро вилоятининг Ойтуғди қишлоғидан олинган *мурса* ҳам шулар жумласига киради. Ушбу кийим майда нақшли маҳаллий оқ ипак матодан тикилган бўлиб, унга рангли ипак ва зардўзи иплар билан кашта тикилган. Чиройли, мо-ний ва қизил туслар билан товланиб турадиган матога майда геометрик ва ўсимлик унсурлари туширилган. Нақшда анор ва бодомнинг мевала-ри акс этган. Бодом ёмон кўздан асровчи, анор эса ҳосилдорлик белгиси ҳисобланган.

Мурсак андаси орқаси текис халатнинг мураккаблашган кўрини-шидир. Яқини тикилган мурсак уни кийган аёлга ўзгача жозиба, нафосат, салобат бағишлайди. Мурсак оддий чопонлардан тикма ёка йўқлиги би-лан ажралиб туради. Ёка кўкрак қисмига озор чўзилган, шунинг учун унинг остидан кийилган кийим кўриниб туради. Енгларнинг тағида бурама ёки аниқроғи биттага йиғилган тах мавжуд. Кийимнинг тугма қадаланиган қисми бўйлаб этакдан кўкраккача адип тикилган⁸. Мурсак четларидан ипакдан нақшли жияк тикиб чиқилган ҳамда маҳаллий абр ипагидан ёрқин ва безатилган этакоти уламаси мавжуд. Астари русча аловон чигдан тикилган. XIX асрнинг ўрталаридан рус тўқимачилик фабрикалари Осиё дўконлари учун шарқона нақшли мато ва рўмонлар ишлаб чиқаришни бошлаганлар. «Барановлар газлама ширкати», «Савва Морозов фабрикасининг Никольск ширкати», «Богородск-Глухов ширка-ти» ва бошқа машҳур корхоналар маҳсулотларига талаб катта бўлган.

Мурсак эгасининг гапига кўра, у 1880 йилларда тикилган бўлиб, ав-лоддан авлодга мерос қилиб қолдирилган ва авайлаб асралган. Аёлларнинг *саяк* устки кийими Хоразм вилояти Қўшқўпир тумани-нинг Қўкта қишлоғидан келтирилган. У Бухоро ипак абр матосидан ти-

8. Сухарева О.А. Опыт анализа творчества традиционных «тунискобранион-среднеазиатской одежды» в плане их истории и эволюции // В сб. Костюм народов Средней Азии. – М., 1979.

килган. Накшда бодом, анор меваси ва тумор тасвирлари мавжуд. Мато улугвор ва сипо ранглар қоринмасида бўялган. Тўн қавилган майда чоклар катта махорат билан қўлда бажарилган. Кийим текис, анъанавий бичимда тикилган. Астари ва этак уламаси рус читидан қилинган. Ёзувларда бу чопоннинг дехқон аёлга тегишли бўлгани кўрсатилган¹. Ипак ва чит хусусиятидан келиб чиқиб тўн XIX асрнинг охирига оид бўлган дея тахмин қилиш мумкин.

Бухородан тўй либоси харид қилинганлиги 1951 йилдаги экспедициянинг катта муваффақияти дея ҳисоблаш мумкин (ДТМ 83521/143 Б-1791, ДТМ 83521/142 Б-1792, ДТМ 83521/146 Б-2529). Либос жами етти қисмдан иборат. *Қўйлакча* деб аталган ички кийим оқ маҳаллий ип-газламадан тикилган. Бичими текис, анъанавий, кўкрагида қангта билан безатилган катта йирмочи бор. Узун ва кенг енглар харир инглиз докаси билан узайтирилган, унинг нафис нақши занжир чок билан тикилган.

«*Куртаи зардўзи*» деб аталган устки кийими ялтироқ ингичка тасмали майин пушти рангли ипакдан тикилган. Ўсимликсимон нақш кўринишидаги зардўзи безаклар тўй либосининг асосий безаги саналган. Этагида қўшларнинг тасвири хошия билан тикиб чиқилган, енгларнинг четларида зарҳал ип билан яхши тилаклар битилган. Қўшлар тўй тантанасининг муҳим рамзларидан бири саналган ва қадимги исломгача бўлган ақидаларни ўзида ифодалаган. Эзгу тилаклар эса исломий маданият белгиси ҳисобланади. Кийимлар тўпламини занжир чокли «зех» ипак тасма билан безатилган, оқ яшил духобадан тикилган аёл лозими тўлдириб туради. Бу жамланмани қаймоқрангли духобадан тикилган зарҳал ип ва рангли ипак қаштали *зехи курта* номли кўкрак безаги якунлайди.

«*Қўлтанўшак*» деб аталувчи кокилли дўппи ҳам жамланманинг таркибий қисмидир. Дўппининг таги ва кокил қалпоғи қангта билан безатилган, нақшлари умумий кўринишга эга. Четлари ўрилган тасма билан тикиб чиқилган.

«*Пешонабанд*» рус фабрикасида ишланган ипак рўмон ва зарҳал ип, рангли ипак билан тикилган бахмал тасмадан иборат. Накшга думалок тилла қадама безаклар ва зарҳал богичлар ҳам киритилган. Одатда бундай рўмонлар тўйдан кейин бола туғилгунга қалар ўраб юрилган. Кўчага чиқиш учун *паранжи* буюртирилган. «*Изан гор*» номли кийим яшил олача ипак матосидан тикилган ва зех тасмаси билан безатилган.

Бу серхашам кийим Бухоро мол бозори солиқ йиғувчисининг хотинига тегишли бўлган. Тўй либосининг эгаси унинг бадний қадрини тушуниган ҳолда уни Тарих музейига сотишга рози бўлган.

Келин кўйлаги ва бош кийимларини безовчи ажойиб қангтани кўздан кечириб, нима учун Бухорони кўн асрлар давомида олтин шаҳар

деб атаганини аниқлаш мумкин. Зардўзлик касби билан асосан эркаклар шуғулланишган. Бухоронинг жануби-ғарбида бутун бошли маҳалла зардўзлик билан машғул бўлган. Уларнинг асосий қисми фақат амир саройи устaxonаларида ишлаган, аммо буюртмага ишлайдиган кўпгина хусусий устaxonалар ҳам бўлган. У ерда аёл ва эркакларнинг бош кийимлари, байрам либослари безаклари ва оёқ кийимлари тикишган.

XX асрнинг 70-йилларида музей яна Ўрта Осиёга ўз экспедициясини юборган. Бунда атоқли маданият арбобларининг буюмларини йиғиш анъанаси ҳам давом эттирилган. Музейга Ўзбекистон халқ ёзувчиси Мусо Тошмуҳаммад ўғли – Ойбекнинг (1905–1968) шахсий буюмлари тўплами олиб келинган.

ДТМнинг газламалар бўлимида унинг 60 йиллик юбилейи кунда совға қилинган, XIX асрнинг охириларида русча эски парча матосидан тикилган тўн сақланмоқда. Безаги ипак, тўқилган, нақшли, зех тасмаси ишлатилган. Ўзбекистонда қадимда ҳурмат тариқасида серхашам тўн ҳадя қилиш анъанаси халигача сақланиб келмоқда.

Музейда биринчи ўзбек актрисаси Тамарахоним (Тамара Артемовна Петросян)нинг (1906–1991) концерт либоси ҳам сақланади. Тамарахоним Фарғона вилоятининг Марғилон шаҳрида туғилган. Машхур раққоса, ашулачи ва хореограф Тамарахоним тахаллуси билан сахнага чиққан. Унинг концерт либоси *хонатлас*дан тикилган. Қўйлакнинг устидан йўлда Самарқанд мусика ва драма театрида ишлаганда, шу либосда «Ойи-жон» алласини қўйлагани ҳақида экспедиция аъзоларига хикоя қилиб берган.

Тарих музейидаги ўзбек мато тўпламлари бошқа халқларнинг буюмлари тўпламларидан кўра, маиший маданият ва анъанавий санъатни кенг қамраб олган. Тўплаганга оддий буюмлар каторида анъанавий санъат дурдоналари ҳам киритилган. Тарих музейининг залларида намоён этилган ёрқин бўёқли миллий либос ва ажойиб қашталар хорижда (Япония, Корея) ўтказилган кўргазмаларда иштирок этган рассомлар ва халқ моддий маданияти талқинотчилари диққатини доимий равишда жалб этиб келган. Ўзбекистоннинг қадимий заминини ҳунармандчиликнинг гуллаган боғи, деб бежиз айтишмайди. Барҳаёт анъаналар эса XXI асрда ҳам гуллаб яшнайверади.

THE UZBEK TEXTILE COLLECTIONS

O.G. Gordeeva, O.E. Kuzmenko

The textile collection of the State Historical Museum is vast and diverse. It is more than three hundred thousand items such as samples of silk, linen and cotton patterned fabrics of the Russian, European and Oriental production. The collection includes embroideries, laces, Russian and Oriental carpets, and European tapestries. The fund houses the church vestments, a fashionable secular costume and traditional peasant clothes. The chronological frame of the collection is the 12th–21st centuries.

Since the opening in 1883, the Museum has accumulated items related to historical events, personal belongings of statesmen, military leaders and prominent representatives of science, culture and art. The museum has always collected artifacts, portraits, photographs and documentary materials not only of the Russian people, but also of peoples associated with Russia by a common historical destiny. Throughout the 20th century, artifacts of the textile collection were studied by the museum scholars, exhibited in the Museum halls and at numerous exhibitions in the country and abroad.

The first arrivals of artifacts from Central Asia to the Historical Museum were few in number. In 1914, the Museum purchased a small embroidered curtain (Fig. 15–16 SHM 49106 T-143). An entry in the inventory book was "bought at auction, Shakhrisabz." Such records were made for an item bought from antique dealers for the Museum. The curtain probably attracted attention with high artistic qualities. The embroidery is made on cotton (?) of twill weave with multicolor silk threads. The outline of pattern is embroidered with the chain stitch. In the central part there are four rhombic medallions formed by plant shoots, with multi-petal flowers in the center, embroidered with satin stitching fastened with *basma* stitch. The same medallions form a wide border. The color range of gentle restrained tones, silk threads are dyed with natural dye stuff. The graceful drawing,

clear composition and the overall delicate color of the embroidery are the evidence of the high skill of the draftsman and embroiderer.

At the end of the 19th century a piece of horse harness from the Imperial Stroganov College of Art and Industry¹ entered the Historical Museum (Fig. 7–8 SHM 53142 T-524). It was recorded in the inventory books of the Museum only in 1922 without an exact definition and dating.

Studying the item, scholars revealed that this was a detail of blanket made of artisanal velvet with embroidery of spun gold threads. The ornamentation is two large shoots curled into a spiral with small leaves, flowers and fruits. The stems are embroidered on lining, large floral shapes and fruits are attached with various stitches, the background is densely sewn with metal sequins, as additional play of light and shadow. The lining is silk *ikat* fabric.

The drawing on the fabric was made by a professional artist, and gold embroidery was certainly done by the most skilled craftsman. The material, technique and ornamentation are similar to a blanket like *daurimardish* kept in the State Museum of Art of Uzbekistan. A horse blanket dates from 1850s–60s. Researchers of gold embroidery art believe that such blankets were made in the mid-19th century in a workshop at the court of the emir of Bukhara and were used during the ceremonial trips of the emir and his retinue². It is possible to imagine how spectacular the horses looked in embroidered with gold blankets, how sequins played in the sun.

The large collection of the famous antiquary and bibliophile A.P. Bakhrushin (1853–1904) received two samples of cotton *ikat* cloth without exact attribution (Fig. 11 SHM 43606 A-1281, SHM 43606 A-1280). By analogy and the nature of technique and ornamentation, they can be attributed to the products of Uzbek artisans of the late 19th century. The fabrics are skillfully made and reflected the ancient traditions of making the complex multi-color *ikat* patterns. Red figures alternate in a checkerboard pattern on a white background and yellow pieces on a green background in the pattern of one sample. In another one, a complex ornament is made in four colors: black, red, yellow, and blue.

From 1919 to 1929 in Moscow there was the Household Museum of the 1840s. It was located in the mansion of the famous Slavophil A.S. Khomyakov, completely preserving the atmosphere of the Moscow noble house. The museum was a branch of the Historical Museum. After its breaking-up, all collections were passed to the State Historical Museum funds. A decorative embroidery on a thin yellow silk fabric – *kanausu*, trimmed around the edge with a strip of green velvet is from

1. Stroganoff College.
2. P. A. Goncharova. Gold Embroidery Art of Bukhara. Tashkent, 1986. Pp. 9–13.

this collection (Fig. 19–20 SHM 70488 Г-347). The embroidery background is assembled of four narrow panels (the width of the panel is 48 cm). The lining is the printed cotton fabric. Embroidery is the colored silk. Black and white with a delicate inclusion of blue and red tones predominates. All elements of the pattern are sewn with a chain stitch, making the surface an additional decorative texture. Twelve flowering bushes are arranged in rows along the central field. Researchers of Uzbek embroidery believe that this composition appeared in Samarkand only in the late 19th – early 20th centuries³. Branches with round and swirl rosettes alternate in the pattern. The central field is framed on three sides by a narrow ornamental border with curly shoots and buds. Some elements of the pattern previously applied to the fabric remained unstitched on the surface of the silk. From written sources it is known that this is not carelessness in work, but the evidence of the tradition of leaving unstitched elements for joyful events to never end in the house, and for the craftswomen to continue working⁴. The destination of embroidery in museum documents is not clear, but the literature defines it as a bedspread for newlyweds.

In the 1950s, the Museum faced the task of constructing an exposition on the history of the Russian state in the last quarter of the 19th century. In 1951–53 the expedition trips to large cities and rural areas of Central Asia were organized. The route ran through Kokand, Margilan, Fergana, Samarkand, Bukhara, and Tashkent.

The 1951 expedition started activities in Samarkand. Members of the expedition worked in such well-known centers of textile production as Urgut, Kitab, Nurata, in Bukhara and environs. The collected materials were transferred to the fund departments of the Museum. The department of metal received tools used in weaving. And hand looms, spindles, beetle as the necessary equipment of the weaver entered the department of wood. The workshop charters of weavers and cloth printers of the mid-19th century were handed over to the department of written sources.

The museum scholars kept a scientific diary during the expedition. They recorded the accounts of events by old masters born in the 1880s. They described in detail the organization of weaving, provided valuable information about the methods of hand weaving and the local names of various varieties of silk and cotton fabrics.

An elderly master-dyer told that he began working at the age of fourteen. Dyers were his grandfather and father. He noted that, unlike weavers, dyers were not united in guilds. The master described the complex process of dyeing yarn with natural dyes and revealed some special features of this production.

3 G.L. Chepelevetskaya, *Suzanis of Uzbekistan*, Tashkent, 1961, p. 31.
4 F. Gicul, *Condens of Heaven and of Earth*, Moscow, 2013, p. 32.

Informants talked about the guild organization of weavers, the role of elected foremen of the guild – *bobo* and *aksakal*. The first was moral authority, and the second was an intermediary between customers and craftsmen⁵.

In 1955, scientific reports were published on the results of the 1951–1953 expeditions⁶. However, the objects of material culture collected by the expeditions are still waiting for their researcher and publisher.

About two hundred samples of artisanal and factory silk and cotton fabrics were received from the Central Asian expeditions to the Department of fabrics in the State Historical Museum (Fig. 12, 13, 14 SHM 67012 A-4567, SHM 75396/100 A-36167, SHM 75396/17 A-36083, SHM 83916/21 A-38173, SHM 83521/106 A-38040, SHM 83916/20 A-38172, SHM 83521/91 A-37995, SHM 83521/90 A-37996, SHM 83521/117 A-38021). One can say that a section of textile production was recorded in the middle of the 20th century. The masters were organized in artels and preserved significantly the technology of dyeing threads traditional for a particular center, the originality of patterns and weaving techniques. The collection of Uzbek fabrics is also of great scientific importance because time and the place of their production are precisely determined in field materials. In some cases, the names of draftsmen and weavers were written down. The museum keeps this unique information for future generations of researchers.

The traditional Uzbek fabrics have an ancient history and differ in unique patterns and colors. The skill and freedom of imagination of draftsmen and weavers, making thousands of unique patterns, are amazing.

The Museum collection includes fine silk – *shoi*, and dense iridescent *ikat* atlases, and precious *khan-atlas*. The modest cotton *ikat* adras and striped *bekasab* are not inferior in ingenuity of pattern. Uzbek fabrics are genuine treasures of folk culture. In 1970–2000 the museum continued to replenish the collection of Uzbek fabrics with samples of factory and handicraft production from Margilan, Namangan and some other centers. The continuous tradition is not lost, but carefully preserved and continued in the present.

The great miracle and treasure of folk art are large decorative embroideries – *suzani*. They decorated townsfolk's and peasants' house, giving the interior of the Uzbek house unique warmth and color. The ancient art of embroidery had pronounced local features in Uzbekistan. The art of making large *suzani* required knowledge and skill. The creation of a masterpiece combined the art of specially trained draftsmen – *chizmakash* or *kalamikash* and the subtle sense of color of embroiderers – *chukchi*.

5 OPI SHM, Fond 1-432, op. 1.
6 E.S. Kozlov, G.I. Borkun, A.B. Zaks, *Central Asian History and Household Items Expedition of 1951–1963*, in the collected works of the State History Museum, issue 28, Moscow, 1975.

The expeditions of 1951–1953 brought twenty decorative embroideries to the Museum.

In 1951, in Gijduvan District of the Bukhara Province, *suzani* was acquired (Fig. 17 SHM 83521/189 G-717). According to the owner, it dates from the 1880s. On white cotton fabric with colored silk ornament embroidered with a vestibule seam. The central field and the border are filled with ornaments described in the scientific literature as the "herati chain." The pattern consists of an alternation of large round rosettes framed by narrow elegant leaves. Between them, lanceolate leaves are located diagonally. In the people they were associated with knives and were perceived as a talisman. The ornament has an ancient history and comes from the art school of Temurid Herat. Composition in comparison with classical samples is simplified, as it was done by a provincial artist.

Ornament – the *Herati* chain – from the 16th century today it is known in the Middle East, Transcaucasia, Turkmenistan. Folk art of Uzbekistan has conveyed to this day this ancient ornamental motif.

The color scheme of the *suzani* is balanced, despite the deep rich tone of the threads.

In 1953, *suzani*, embroidered on white cotton fabric with silk threads (Fig. 18 SHM 84155/16 G-741), was purchased. The embroidery was done with a chain stitch along the contour of the pattern and various stitches with stitch to fix the main elements. In the center of the composition is a circle formed by a stylized leaf wreath, inside there is a large raspberry rosette with a patterned star. From the central circle at four angles come lyrical figures formed by stylized branches, with a rosette and a multi-ray star. The whole background is filled with shoots with curly curls and outgoing tendrils, linking the entire ornamental composition into a single whole. The centerpiece is framed by a wide ornamental border. The edges are trimmed with black fabric with curly stitching. The embroidery composition is monumental. The color scheme is quite restrained.

The composition of *suzani* is a chor-chirog motif, which symbolizes the protective power of fire and the hearth.

The expedition members recorded an interesting story by Berdyeva, the owner of *suzani* from the village of Gus, Urgut district, Samarkand region.

When describing the color of the stems, she used the word *mislama* – rainbow. She called black small curls a *gadjak-gul* (a *gadjak* is a lock made by a girl getting married at the temple). Round rosettes in the rim are named by her *braid-gul* and supposedly depict cups. Between them, black curls – *lola-gul*, imitating the pattern of trays. She called central large outlets *beshi-*

lola (tulips), between them two stars – *yulduz-gul*. Field materials recorded a popular interpretation of ancient sacred motifs that existed at the time of recording. By the beginning of the 20th century the archaic meaning of motives was forgotten, and they were endowed with new meanings and names of well-known everyday objects.

The expedition actively collected traditional men's and women's clothing. The collection presents clothes of various walks of life. Brocade robes for the citizens of Kokand and Bukhara are adjacent to the everyday work clothes of Dekhan. The total number of garments is 98. A large collection of skullcaps made in various techniques has been assembled – a pilt, with multi-color carpet embroidery, with gold embroidery and elegant white embroidery on a black background. A collection of men's belt scarves and handicraft shoes – *kauchi* has been compiled.

Of great historical and cultural interest are clothes of ancient forms, which by the middle of the 20th century was out of use. Such is the outer clothing of the *Munisak* from the village of Otyyugdy, Bukhara region (Fig. 1 SHM 84155/2 B-2163). The clothes are sewn of local silk fabric with a fine pattern, woven colored silk and gold thread. Beautiful, shimmering in blue and red, the fabric is woven with small geometric and floral elements in the ornament – the fruits of pomegranate and almond. Almonds were considered a talisman that could scare away evil spirits, and pomegranate was perceived as a symbol of fertility.

The *munisak* cut is a sophisticated form of a dressing gown with a straight back. *Munisak* has no analogues in a men's suit.

A well-sewn *munisak* is one of the most beautiful types of clothing, very feminine, giving shape to harmony. *Munisak* differs from ordinary bathrobes in the absence of a sewn-in collar. On the chest of the gate, they are somewhat elongated, so that the clothes worn underneath are visible. Under the sleeves there are assemblies, or rather, folds gathered in one bundle. Wedges are sewn from the hem to the chest⁷. *Munisak* along the edge is lined with silk patterned tapes and has bright, elegant subfloors made of local ikat silk, the lining of crimson calico of Russian work. Since the mid-19th century the Russian textile manufactories began to produce fabrics and scarves with an "oriental" pattern, designed for Asian markets. Products of such well-known companies as the Association of Manufactures of Baranovs, the Partnership of Nikolsky Manufactory of Savva Morozov, the Bogorodsk-Glukhov Manufactory and others, were in great demand.

According to the owner, the *Munisak* was sewn in the 1880s, carefully stored and inherited.

⁷ Filed inventory 84155/16.
⁸ O.A. Sukhareva. Analysis of Traditional Tunic-like Central Asian Clothing Cuts as Related to their History and Evolution. In the collection of works "Costume of the Central Asia" Moscow, 1979.

The upper women's clothing was brought from the village of Kokta, Koshkupyrsky District, Khorezm Region. (Fig. 2 SHM 83521/258 B-1788). They are silk *ikat* Bukhara fabric with patterns of fruits of almonds, pomegranate, and *tumors* (amulets). The fabric is designed in a noble, restrained color scheme. Quilted robe, fine stitch made by hand with great skill. The cut of clothes is straight, traditional. Lining and cushions made of patterned calico of Russian work. It was noted in the field inventory that the dressing gown belonged to the peasant's wife⁹. By the nature of silk and calico, it dates from the end of the 19th century.

The great success of the 1951 expedition can be considered the acquisition of a wedding suit complex from Bukhara (SHM 83521/143 B-1791, SHM 83521/142 B-1792, SHM 83521/146 V-2529). It includes seven items. Kuilakcha shirt is sewn from local white cotton fabric. Cut a straight traditional, deep cut on the chest, decorated with embroidery. The long, wide sleeves are overlaid with a transparent fabric, called "English muslin" in the field inventory, and a light pattern is embroidered with a vestibule.

The *kurtai-zarduzi* upper dress is sewn of delicate pink silk with elaborate narrow stripes. The main decoration of the wedding attire is magnificent gold embroidery in the form of individual hallmarks of a floral pattern. Along the hem is a wide embroidered border depicting birds, along the edges of the sleeves a benevolent inscription is embroidered with gold thread. Birds are one of the important symbols of the wedding ceremony, reflecting the ancient pre-Islamic beliefs, and the benevolent inscription is an element of Islamic culture.

The costume is complemented by female trousers of bright green velvet with chain stitch embroidery trimmed with woven silk braid *ze*. The costume is completed with the breastplate - *zei-kurta* of cream-colored velvet, embroidered with gold thread and colored silk.

The set includes a cap with a plait cover *kalta-pushak* (Fig. 5 SHM 83521/196 E-787). It is made of cream-colored velvet. The bottom of the skullcap and plait cover are embroidered in gold, the pattern is stylized, floral. The edges are trimmed with woven braid.

The forehead band - *peshonoband* consists of a Russian factory silk scarf and a velvet strip embroidered with gold thread and colored silk (Fig. 6 SHM 83521/197 E-788). The pattern includes gold round pendants and a gold lace. Generally, these scarves were tied after wedding and worn before the birth of the baby.

A head dressing gown with false paranja sleeves was ordered for outing. It is sewn of silk green fabric *alacha izan gor* and trimmed with woven braid *ze*.

This luxurious costume belonged to wife of a tax collector in the livestock market in Bukhara. The owner, realizing the artistic value of wedding clothes, agreed to give it to the Historical Museum.

Observing the amazing embroidery adorning the bride's dress and hats, one understands why Bukhara has been called the golden city for many centuries. Men were engaged in gold sewing craft. In the southwestern part of Bukhara, the entire quarters were occupied by workshops of gold embroiderers - *zarduz*. Many of them worked only in the workshop at the court of the emir, but there were numerous private workshops working to order. They embroidered male and female hats, adornments for festive dresses and shoes.

In the 1970s, the museum launched an expedition to Central Asia once again. The collection of memorial items of prominent cultural figures was continued. The museum received a set of materials about the people's poet and writer of Uzbekistan Aibek (1905-1968). Aibek is the literary pseudonym of Musa Tashmukhamedov.

A dressing gown, presented to him for the 60th anniversary, sewn of Russian old brocade fabric of the late 19th century, is kept in the department of fabrics of the State Historical Museum. (Fig. 9 SHM 104025/147 B-3579). The trimming is silk, woven, patterned braid - *ze*. The ancient custom to present a luxurious robe as a sign of respect has been preserved in Uzbekistan to this day.

The Museum holds a concert costume of the famous Uzbek actress Tamara Khanum (1906-1991) (Fig. 10 SHM 104621/11 B-3622 B-3623). Tamara Artyomovna Petrosyan was born in Margilan, the Fergana Province. The famous dancer, singer and choreographer performed under the name Tamara Khanum. The concert costume is made of *khan-atlas*. A short sleeveless jacket made of striped *bekasab* was worn over the dress. The actress told the expedition that in this costume she performed the lullaby "Oyjon" in the early 1930s, when she worked at the Samarkand Music and Drama Theater.

The Uzbek textile collection of the Historical Museum is comprehensive in comparison with collections of objects of other peoples and represents everyday culture and traditional art. The collection included simple everyday items and genuine masterpieces of folk art. Colorful folk costume and magnificent embroideries were exhibited in the halls of the Historical Museum, participated in foreign exhibitions (Japan and the Republic of Korea). They always attracted the attention of artists and researchers of folk material culture. No wonder the ancient land of Uzbekistan is called the blooming garden of crafts. Living tradition does not dry out in the 21st century.

УЗБЕКСКИЕ ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

О.Г. Гордеева, О.Е. Кузьменко

Текстильное собрание Государственного исторического музея обширно и многообразно. Оно насчитывает более трехсот тысяч предметов и включает образцы шелковых, льняных и хлопчатобумажных узорных тканей русского, европейского и восточного производства. В коллекции представлены вышивки, кружево, русские и восточные ковры, европейские гобелены. В фонде хранятся церковные облачения, модный светский костюм и традиционная крестьянская одежда. Хронологические рамки собрания – XII–XXI вв.

С момента открытия в 1883 г. Музей аккумулировал предметы, связанные с историческими событиями, личные вещи государственных деятелей, военачальников и выдающихся представителей науки, культуры и искусства. Музей всегда собирал артефакты, портреты, фотографии и документальные материалы не только русского народа, но и народов, связанных с Россией общностью исторических судеб. На протяжении всего XX в. предметы из текстильного собрания изучались научными сотрудниками, экспонировались в залах Музея и на многочисленных выставках в стране и за рубежом.

Первые поступления в Исторический музей артефактов из Средней Азии были немногочисленны. В 1914 г. Музей закупил небольшую вышитую завесу (Ил. 15–16 ГИМ 49106 Г-143). В инвентарной книге была сделана запись – «Куплена на торгу. Шахрисабз». Такие записи делались, когда предмет для Музея покупался в торговых рядах, где существовали лавки антикваров. Вероятно, завеса привлекла внимание своими высокими художественными качествами. Вышивка выполнена по хлопчатобумажной (?) ткани саржевого переплетения многоцветными шелковыми нитями. Контур рисунка вышит тамбурным швом. На центральном поле размещены четыре ромбовидных медальона, сформированные растительными побегами, с многолепестковыми цветами в центре, вышитыми гладью вприкреп – швом

бисма. Такие же медальоны образуют широкую кайму. Цветовая гамма мягких сдержанных тонов, шелковые нити окрашены натуральными красителями. Изящный рисунок, четкая композиция и общий нежный колорит вышивки свидетельствуют о высоком мастерстве рессовальщицы и вышивальщицы.

В конце XIX в. из Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища¹ в Исторический музей поступил предмет конского убранства (Ил. 7–8 ГИМ 53142 Г-524). Он был записан в инвентарные книги Музея только в 1922 г. без точного определения и датировки.

При изучении предмета было установлено, что это деталь попоны из кустарного бархата с вышивкой прямыми золотными нитями. В орнаменте два крупных завитых в спираль побега с мелкими листьями, цветами и плодами. Стебли вышиты по подложке, крупные цветочные формы и плоды – различными швами вприкреп, фон густо зашит металлическими блестками, что придает дополнительную игру света и тени. Подкладка из шелковой абровой ткани.

Рисунок нанесен на ткань рукой художника-профессионала, а золотное шитье выполнено, безусловно, искуснейшим мастером. Материал, техника и орнаментация аналогичны попоне типа *даури-гар-диш*, хранящейся в Государственном музее искусств Узбекистана. Попона датируется 50–60 гг. XIX в. Исследователи золотошвейного искусства считают, что подобные попоны создавались в середине XIX в. в мастерской при дворе эмира Бухары и использовались во время торжественных выездов эмира и его свиты². Можно представить, как эффектно выглядели кони в расшитых золотом пополах, как играла на солнце россыпь блесков.

В состав большой коллекции известного антиквара и библиофила А.П. Бахрушина (1853–1904) поступили два образца хлопчатобумажной абровой ткани, не имевшие точной атрибуции (Ил. 11 ГИМ 43606 А-1281, ГИМ 43606 А-1280). По аналогии и характеру техники и орнамента их можно отнести к изделиям узбекских мастеров второй половины XIX в. Ткани выполнены с большим мастерством и отражают древние традиции создания сложных многоцветных абровых узоров. В орнаменте одного образца чередуются в шахматном порядке красные фигуры на белом фоне и желтые фигуры на зеленом фоне. В другом – сложный орнамент выполнен в четыре цвета: черный, красный, желтый, синий.

С 1919 по 1929 гг. в Москве существовал «Бытовой музей 1840-х годов». Он размещался в особняке известного славянофила А.С. Хомякова и

¹ Строгановское училище было основано графом С.Г. Строгановым в Москве в 1825 г.
² Гюкарова Н.А. Золотошвейное искусство Бухары. – Ташкент, 1986. – С. 9–13.

полностью сохранял обстановку московского дворянского дома. Музей являлся филиалом Исторического музея. После его расформирования все коллекции перешли в фонды ГИМ. Из этого собрания происходит декоративная вышивка по тонкой желтой шелковой ткани – *капачу*, обшитая по краю полосой зеленого бархата (Ил. 19-20 ГИМ 70488 Г-347). Фон вышивки собран из четырех узких полотнищ (ширина полотнища 48 см). Подкладка из хлопчатобумажной набивной ткани. Вышивка – цветным шелком. Преобладают черные и белые цвета с деликатным включением голубого и красного тонов. Все элементы рисунка зашиты тамбурным швом, что придает поверхности дополнительную декоративную фактуру. По центральному полю рядами размещены двенадцать цветущих кустов. Исследователи узбекской вышивки считают, что эта композиция появилась в Самарканде только к концу XIX – началу XX вв.³ В узоре чередуются ветви с круглыми и вихревыми розетками. Центральное поле с трех сторон обрамлено узкой орнаментальной каймой с выющимися побегами и бутонами. На поверхности шелка остались незашитыми некоторые элементы рисунка, предварительно нанесенные на ткань. Из литературных источников известно, что это небрежность в работе, а свидетельство традиции оставлять незашитые элементы, чтобы в доме никогда не завершались радостные события, а у мастериц – продолжалась работа⁴. Назначение вышивки в музейных документах не прояснено, но в литературе определяется как покрывало на постель новобрачных.

В 1950-е гг. перед Музеем встали задачи построения экспозиции по истории Российского государства последней четверти XIX в. В 1951–53 гг. были организованы экспедиционные выезды в крупные города и сельские районы Средней Азии. Маршрут пролегал через Коканд, Маргилан, Фергану, Самарканд, Бухару и Ташкент.

Экспедиция 1951 г. начала работу в Самарканде. Члены экспедиции работали в таких известных центрах текстильного производства, как Ургут, Китаб, Нурата, в Бухаре и ее окрестностях. Собранные материалы передавались в фондовые отделы Музея. В отдел металла поступили инструменты, применяемые в ткацком деле. В отдел декоративных тканей – ручные ткацкие станки, веретена, колотушки – необходимый инвентарь ткача. В отдел письменных источников были сданы напечатанные еще в середине XIX в. цеховые уставы ткачей и набойщиков.

В экспедиции музейные сотрудники вели научный дневник. На его страницах записаны рассказы старых мастеров, родившихся в 80-е гг. XIX в. Они подробно описали организацию ткацкого производства, сообщили ценные сведения о способах ручного ткачества и

3 Член-корреспондент Г. Т. Сулейманов. Узбекская вышивка. Ташкент, 1961. – С. 31.

4 Гюль-Э. Салы небесных и земли земные. – М., 2013. – С. 32.

местные названия различных сортов шелковых и хлопчатобумажных тканей.

Пожилой мастер-красильщик рассказал, что начал работать с четырнадцати лет. Красильщиками были его дед и отец. Он отметил, что, в отличие от ткачей, красильщики не были объединены в цеха. Мастер описал сложный процесс окрашивания пряжи натуральными красителями и раскрыл некоторые особенности этого производства.

Информаторы рассказывали о цеховой организации ткачей, о роли выборных старшин цеха – *бобо* и *аксакала*. Первый был нравственным авторитетом, а второй – посредником между заказчиками и мастерами⁵.

В 1955 г. были опубликованы научные отчеты о результатах экспедиций 1951–1953 гг.⁶ Однако предметы материальной культуры, собранные экспедициями, еще ждут своего исследователя и публикатора.

Вотдел тканей ГИМ из среднеазиатских экспедиций поступило около двухсот образцов кустарных и фабричных шелковых и хлопчатобумажных тканей (Ил. 12, 13, 14 ГИМ 67012 А-4567, ГИМ 75396/100 А-36167, ГИМ 75396/17 А-36083, ГИМ 83916/21 А-38173, ГИМ 83521/106 А-38040, ГИМ 83916/20 А-38172, ГИМ 83521/91 А-37995, ГИМ 83521/90 А-37996, ГИМ 83521/117 А-38021). Можно сказать, что был зафиксирован срез текстильного производства середины XX в. Мастера были организованы в артели и в значительной мере сохраняли традиционную для того или иного центра технологию окрашивания нитей, своеобразие узоров и приемов ткачества. Большую научную значимость коллекция узбекских тканей имеет еще и потому, что в полевых материалах точно определено время и место их производства. В ряде случаев записаны имена рисовальщиков и ткачей. Музей хранит эти уникальные сведения для будущих поколений исследователей.

Традиционные узбекские ткани имеют древнюю историю и отличаются неповторимыми орнаментами и цветовой гаммой. Поражает мастерство и свобода воображения рисовальщиков и ткачей, создающих тысячи неповторимых узоров.

В коллекции Музея представлены и тонкие шелка *шон*, и плотные переливчатые абровые атласы, и драгоценный *хан-атлас*. Им не уступают по изобретательности орнамента скромные хлопчатобумажные абровые *адасы* и полосатые *бекасыбы*. Узбекские ткани – подлинное сокровище народной культуры. В 1970–2000 гг. Музей продолжил пополнять коллекцию узбекских тканей образцами фабричного и кустарного производства из Маргилана, Намангана и некоторых других

5 ОЕИ ГИМ фонд. ф-432, оп. 1.

6 Коган Э. С., Боркуз Г. П., Зюс А. Б. Среднеазиатская историко-бытовая экспедиция 1951–1953 гг. // Группы Государственного исторического музея. Материалы 28. – М., 1955.

центров. Непрерывная традиция не утрачена, а бережно сохранена и живет в современности.

Таким же чудом и сокровищем народного искусства являются большие декоративные вышивки – *сузани*. Они украшали дома горожан и сельских жителей, придавая внутреннему убранству узбекского дома неповторимую теплоту и красочность. В Узбекистане древнее искусство вышивки имело ярко выраженные местные особенности. Искусство создания больших *сузани* требовало знаний и мастерства. В создании шедевра соединились искусство специально обученных рисовальщиц – *чизмакан* или *каламкан* и тонкое чувство цвета вышивальщиц – *чокчи*.

Экспедиции 1951–1953 гг. привезли в Музей двадцать декоративных вышивок.

В 1951 г. в Гиждуванском районе Бухарской области было приобретено *сузани* (Ил. 17 ГИМ 83521/189 Г-717). Со слов владельца, оно датируется 80-ми годами XIX в. По белой хлопчатобумажной ткани цветным шелком вышит орнамент тамбурным швом. Центральное поле и бордюр заполнены орнаментом, описанным в научной литературе как «цепь *герати*». Узор состоит из чередования крупных круглых розеток в обрамлении узких изящных листьев. Между ними диагонально расположены ланцетовидные листья. В народе они ассоциировались с ножами и воспринимались как оберег. Орнамент имеет древнюю историю и происходит из художественной школы темуридского Герата. Композиция по сравнению с классическими образцами упрощена, так как выполнена провинциальным художником.

Орнамент – цепь *герати* – с XVI в. по наше время известен на Ближнем Востоке, в Закавказье, Туркмении. Народное искусство Узбекистана донесло до наших дней этот старинный орнаментальный мотив.

Цветовая гамма *сузани* уравновешена, несмотря на глубокий насыщенный тон нитей.

В 1953 г. закуплено *сузани*, вышитое по белой хлопчатобумажной ткани шелковыми нитями (Ил. 18 ГИМ 84155/16 Г-741). Вышивка выполнена тамбурным швом по контуру рисунка и различными швами гладью вприкреп основных элементов. В центре композиции круг, образованный стилизованным лиственным венком, внутри крупная малиновая розетка с узорной звездой. От центрального круга на четыре угла отходят лировидные фигуры, образованные стилизованными ветвями, с розеткой и многолучевой звездой. Весь фон заполнен побегами с вьющимися завитками и отходящими усиками, связывая всю орнаментальную композицию в единое целое. Средник обрамлен широкой орнаментальной каймой. Края обшиты черной тканью

с фигурной строчкой. Композиция вышивки носит монументальный характер. Цветовая гамма довольно сдержанна.

Композиция *сузани* представляет собой мотив *чор-чирог*, который символизирует охранительную силу огня, домашний очаг.

Участники экспедиции записали интересный рассказ владелицы *сузани* Бердыевой из кишлака Гус Ургутского района Самаркандской области.

При описании расцветки стеблей она употребляла слово *мислима* – радуга. Черные мелкие завитки называла *гаджак-гюль* (*гаджак* – локоп, который делает на виске девушка, выходящая замуж). Круглые розетки в кайме названы ею *коса-гюль* и якобы изображают чашки. Между ними черные завитки – *лола-гюль*, имитирующие узор подносов. Центральные крупные розетки она называла *беш-лола* (топыланы), между ними две звезды – *кларозетки* она называла *беш-лола* (топыланы), между ними две звезды – *кларозетки*. Полевые материалы зафиксировали народное осмысление древних сакральных мотивов, существующее на момент записи. К началу XX в. их сакральный смысл, существующий на момент записи. К началу XX в. их сакральный смысл мотивов забывался, и они наделялись новыми значениями и названиями хорошо знакомых бытовых предметов.

В экспедиции активно собирали традиционную мужскую и женскую одежду. В коллекции представлена одежда различных слоев общества. Парчовые халаты горожан из Коканда и Бухары соседствуют с будничной рабочей одеждой декхан. Общее количество предметов одежды – 98. Собрана большая коллекция тюбетеек, выполненных в различной технике – *пильта*, с ковровой многоцветной вышивкой, с золотным шитьем и изящной белой вышивкой по черному фону. Собрана коллекция мужских поясных платков и обуви кустарного производства – *кауши*.

Большой историко-культурный интерес представляют одежды старинных форм, которые к середине XX в. вышли из употребления. Такова верхняя одежда *мунисак* из кишлака Ойтюгды Бухарской области (Ил. 1 ГИМ 84155/2 Б-2163). Одежда сшита из местной шелковой ткани с мелким узором, вытканном цветным шелком и золотом нитью. Красивая, переливающаяся голубым и красным оттенком ткань заткана мелкими геометрическими и растительными элементами. В орнаменте – плоды граната и миндаля. Миндаль считался оберегом, способным отпугивать злых духов, а гранат воспринимался как символ плодородия.

Покрой *мунисака* – это усложненная форма халата с прямой спинкой. *Мунисак* не имеет аналогов в мужском костюме. Хорошо сшитый *мунисак* – один из красивейших видов одежды, очень женственный, придающий фигуре стройность. *Мунисак* отлич-

7 Покрой описан 84155/16
8 Сухарева С.А. Опыт
анализа покроя
традиционной
узбекской одежды
с целью их истории и
эстетичности // Костюм
национальный и
модерн. М., 1979

чается от обычных халатов отсутствием пришитого воротника. На груди ворот несколько вытянут, так что видна надета под ним одежда. Под рукавами имеются сборки или, вернее, собранные в один пучок складки. От подола до груди пришиты клинья, увеличивающие запах⁸. *Мунисак* по краю обшит шелковой узорной тесьмой *жияк* и имеет яркие, нарядные подполки из местного абрового шелка. Подкладка из кумачового ситца русской работы. С середины XIX в. русские текстильные мануфактуры стали выпускать ткани и платки с «восточным» узором, предназначенные для азиатских рынков. Изделия таких известных фирм, как Товарищество мануфактур Барановых, Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Богородско-Глуховской мануфактуры и других, пользовались широким спросом.

Со слов владельца, *мунисак* был сшит в 1880-х г., бережно хранился и передавался по наследству.

Верхняя женская одежда *елак* привезена из кишлака Кокта Кошкуньского района Хорезмской обл. (Ил. 2 ГИМ 83521/258 Б-1788). Сшита из шелковой абровой бухарской ткани. В узоре – плоды миндаля, граната, изображение *тумуров* (амулетов). Ткань выдержана в благородной, сдержанной цветовой гамме. Халат простеган, мелкая стежка выполнена вручную с большим мастерством. Покрой одежды прямой, традиционный. Подкладка и подполки из узорного ситца русской работы. В полевой описи отмечено, что халат принадлежал жене крестьянина⁹. По характеру шелка и ситца датируется концом XIX в.

Большой удачей экспедиции 1951 г. можно считать приобретение комплекса свадебного костюма из Бухары (ГИМ 83521/143 Б-1791, ГИМ 83521/142 Б-1792, ГИМ 83521/146 Б-2529). В него входят семь предметов. Нижняя рубашка *куйлакча* сшита из белого местного хлопчатобумажного полотна. Покрой прямой традиционный, на груди глубокий разрез, украшенный вышивкой. Длинные широкие рукава надставлены прозрачной тканью, названной в полевой описи «английской кисеей», легкий узор вышит тамбуром.

Верхнее платье *куртаи-зардузи* сшито из шелка нежного розового цвета, с выработкой блестящими узкими полосами. Главное украшение свадебного наряда – великолепная золотная вышивка в виде отдельных клейм растительного узора. По подолу – широкая вышитая кайма с изображением птиц, по краям рукавов золотной нитью вышита благопожелательная надпись. Птицы – один из важных символов свадебного обряда, отражающих древние доисламские верования, а благопожелательная надпись – элемент исламской культуры.

Наряд дополняют женские штаны из ярко-зеленого бархата с тамбурной вышивкой, отделанные тканой шелковой тесьмой *зе*. Завершает наряд нагрудное украшение *зеи-курта* из бархата кремового цвета, с вышивкой золотной нитью и цветным шелком.

В комплексе входят шапочка с накосником *култа-пушак* (Ил. 5 ГИМ 83521/196 Е-787). Сшита из бархата кремового цвета. Донышко тюбетейки и накосник украшены золотным шитьем, узор стилизованный, растительный. Края обшиты плетеной тесьмой.

Налобная повязка *пешонобанд* состоит из шелкового платка русской фабричной работы и бархатной полосы, расшитой золотной нитью, битью и цветным шелком (Ил. 6 ГИМ 83521/197 Е-788). В узор включены золотные круглые бляхи и золотный шнурок. Обычно подобные платки повязывались после свадьбы и носились до рождения ребенка.

Для выхода на улицу был заказан головной халат с ложными рукавами *паранджа*. Сшит из шелковой зеленой ткани *алача изан гор*. Отделан тканой тесьмой *зе*.

Этот роскошный наряд принадлежал жене сборщика налогов на скотном рынке в Бухаре. Владелец, понимая художественную ценность свадебной одежды, согласился передать ее в Исторический музей.

Рассматривая изумительную вышивку, украшающую платье и головные уборы невесты, понимаешь, почему Бухара на протяжении многих веков именовалась золотым городом. Золотошвейным ремеслом занимались мужчины. В юго-западной части Бухары целые кварталы были заняты мастерскими вышивальщиков золотом – *зардузов*. Многие из них работали только в мастерской при дворе эмира, но существовали многочисленные частные мастерские, работавшие на заказ. Они вышивали мужские и женские головные уборы, украшения к праздничным платьям, обувь.

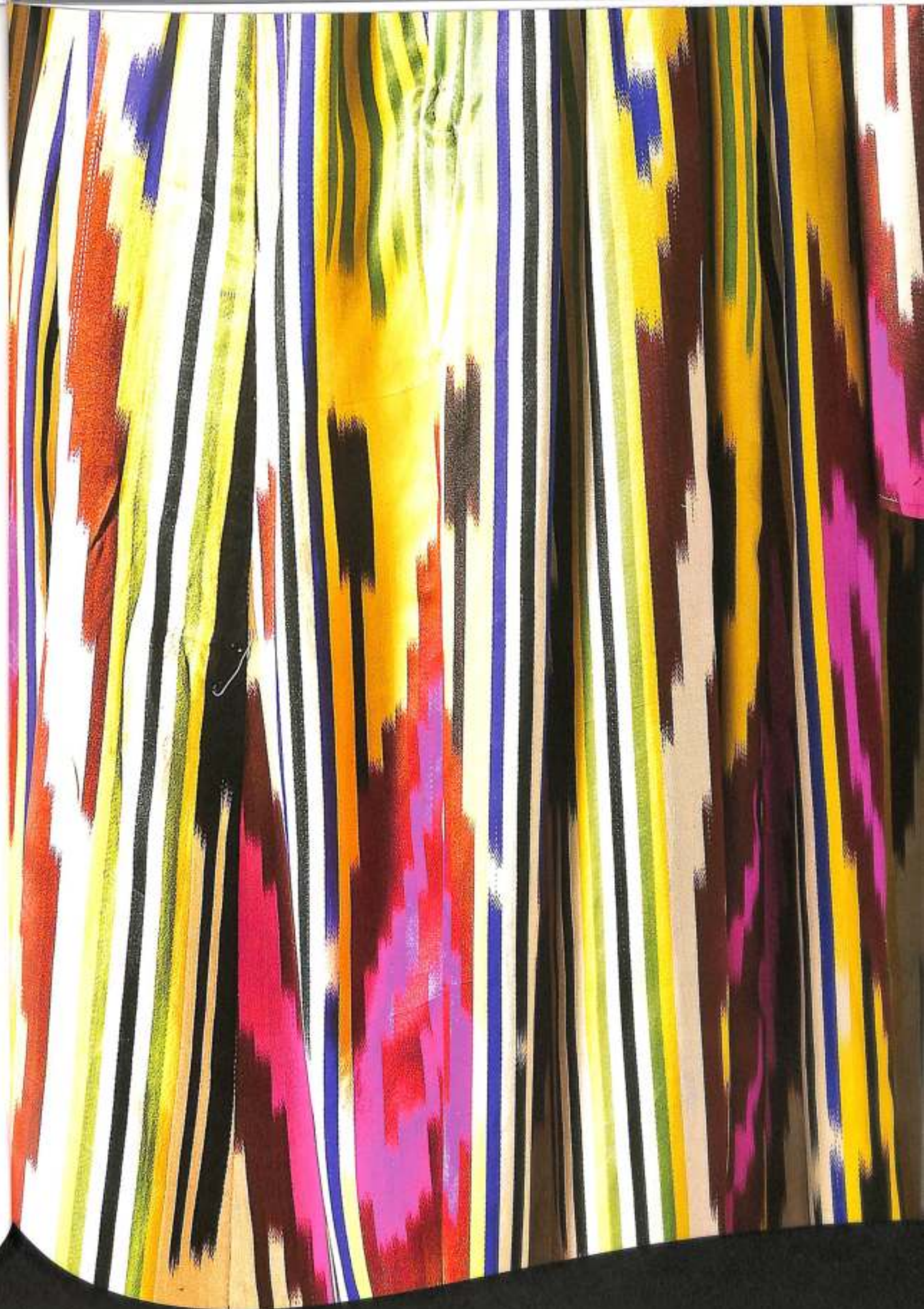
В 70-е гг. XX в. Музей снова направил экспедицию в Среднюю Азию. Был продолжен сбор мемориальных предметов выдающихся деятелей культуры. В Музей поступил комплект материалов о народном поэте и писателе Узбекистана Айбеке (1905–1968). Айбек – литературный псевдоним Мусы Ташмухамедова.

В отделе тканей ГИМ хранится халат, преподнесенный ему в день 60-летнего юбилея, сшитый из старинной парчовой ткани русской работы конца XIX в. (Ил. 9 ГИМ 104025/147 Б-3579). Отделка шелковой тканой, узорной тесьмой *зе*. Древний обычай дарить в знак уважения роскошный халат сохранился в Узбекистане до наших дней.

В Музее хранится концертный костюм известной узбекской актрисы Тамары Ханум (1906–1991) (Ил. 10 ГИМ 104621/11 Б-3622 Б-3623). Тамара

Артемовна Петросян родилась в городе Маргилане Ферганской области. Знаменитая танцовщица, певица и хореограф выступала под именем Тамары Ханум. Концертный костюм сшит из *хан-атласа*. Поверх платья надевалась короткая безрукавка из полосатого *бексаба*. Актриса рассказала участникам экспедиции, что в этом костюме она исполняла колыбельную песню «Ойжон» в начале 1930 гг., когда работала в Самаркандском музыкально-драматическом театре.

Узбекская текстильная коллекция Исторического музея по сравнению с коллекциями предметов других народов всеобъемлющая, представляет бытовую культуру и традиционное искусство. В собрание вошли простые предметы будничного обихода и подлинные шедевры народного творчества. Красочный народный костюм и великолепные вышивки экспонировались в залах Исторического музея, участвовали в зарубежных выставках (Япония, Республика Корея). Они всегда привлекали внимание художников и исследователей народной материальной культуры. Древнюю землю Узбекистана недаром называют цветущим садом ремесел. Живая традиция не иссякает и в XXI веке.

ДТМ 49106 Г-143
Ним сӯзана
Шахрисабз, XIX аср ўрталари.
Ип-газлама, иппак, кашта.
115×99 см.

SHM 49106 G-143
Nim-suzani
Shahrisabz, mid-19th century.
Cotton fabric (?), silk, embroidery.
115×99 cm.

ГИМ 49106 Г-143
Ним-сузани
Шахрисабз, середина XIX в.
Хлопчатобумажная ткань (?), шелк,
вышивка.
115×99 см.

ДТМ 83521/189 Г-717
Сузана
Бухоро вилояти, Гиждувон тумани,
XIX асрнинг охири.
Ип-газлама, иппак иппар, кашта.
242×161 см.

SHM 83521/189 G-717
Suzani
Gijduvan district, Bukhara region,
late 19th century.
Cotton fabric, silk thread, embroidery.
242×161 cm.

ГИМ 83521/189 Г-717
Сузани
Гиждуванский район, Бухарская область,
конец XIX века.
Хлопчатобумажная ткань, шелковые
нити, вышивка.
242×161 см.

ДТМ 84155/16 Г-741
Сузани

Самарканд вилояти, Ургут тумани,
Гус кишлоғи, XX асрнинг бошлари.
Ип-газлама, ипак иплар, кашта.
246×209 см.

SHM 84155/16 G-741
Suzani

Gus, Urgut district, Samarkand region,
early 20th century.
Cotton fabric, silk thread, embroidery.
246×209 cm.

ГИМ 84155/16 Г-741
Сузани

Кишлак Гус, Ургутский район,
Самаркандская область, начало XX века.
Хлопчатобумажная ткань, шелковые
нити, вышивка.
246×209 см.

ДТМ 70488 Г-347
Чойшаб

Самарканд, XIX аср охири –
XX асрнинг бошлари.
Ипак мато, духоба, ип-газлама,
ипак иплар, занжир чок.
247×194 см.

SHM 70488 G-347
Choishab

Samarkand, late 19th – early 20th centuries.
Silk fabric, velvet,
cotton fabric with silk thread,
chain stitch.
247×194 cm.

ГИМ 70488 Г-347
Чойшаб

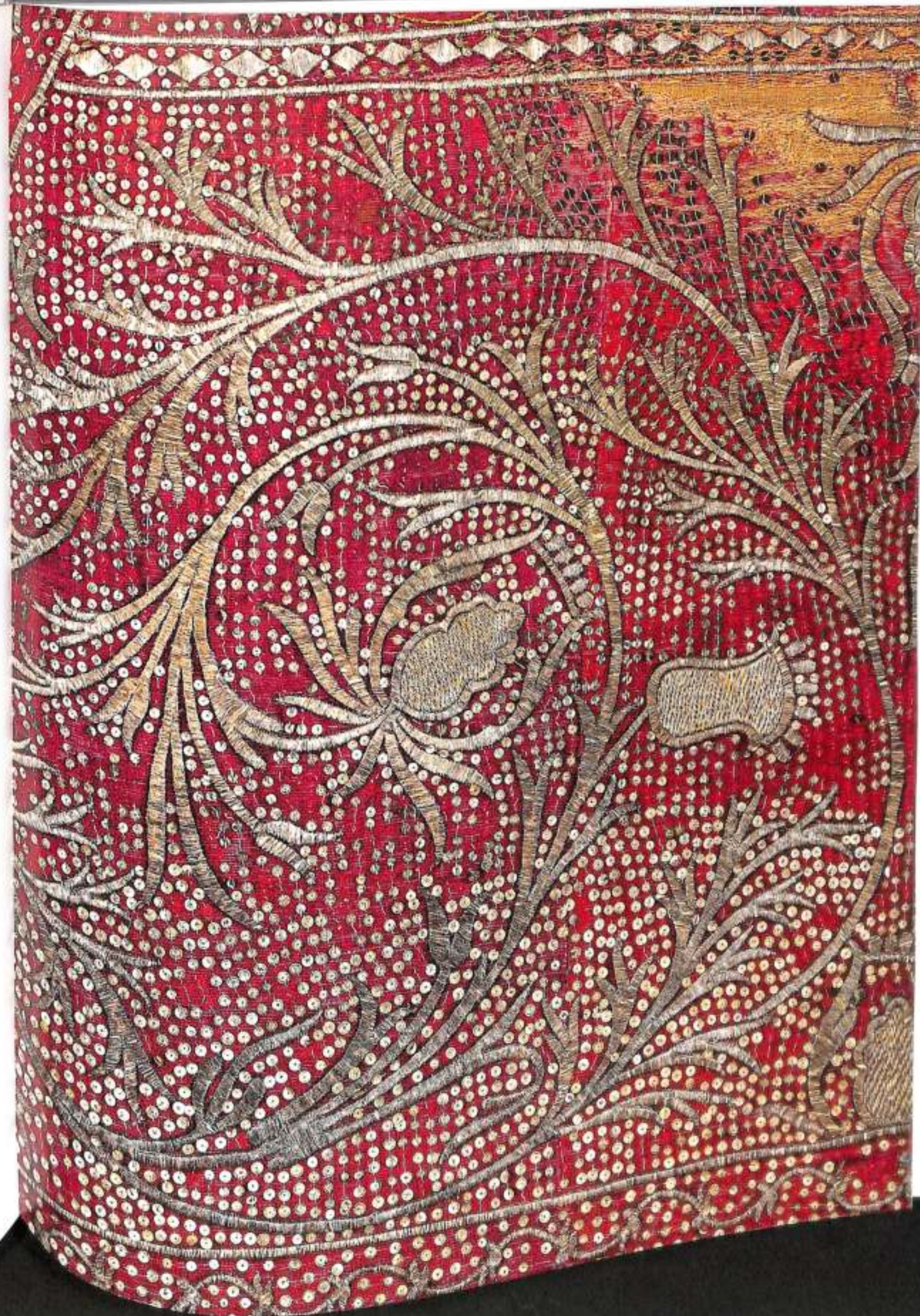
Самарканд, конец XIX – начало XX вв.
Шелковая ткань, бархат,
хлопчатобумажная ткань,
шелковые нити, тамбур.
247×194 см.

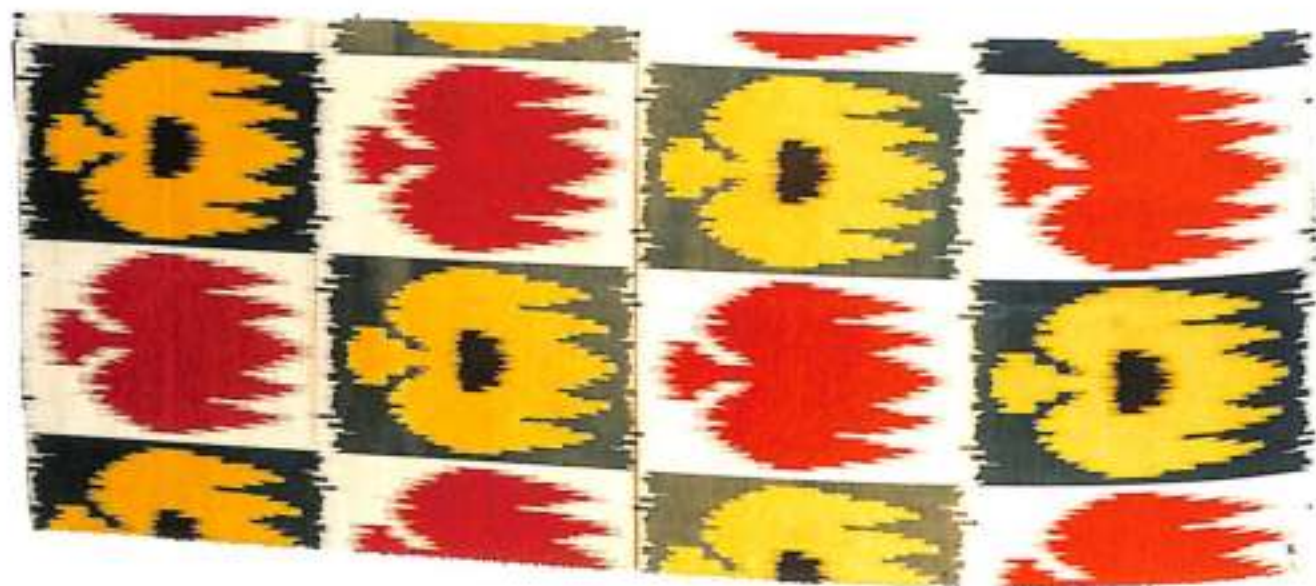

ДТМ 53142 Г-524
Епинчик (киса)
 Бухоро, 1850–1860 йиллар.
 Духова, зардўзлик, абр матоси.
 184×71 см.

SHM 53142 G-524
Horse cloth (fragment)
 Bukhara, 1850s–1860s.
 Velvet, gold embroidery, ikat fabric.
 184×71 cm.

ГИМ 53142 Г-524
Попона (деталь)
 Бухара, 1850–1860-е гг.
 Баркат, золотное шитье, абровая ткань.
 184×71 см.

ДТМ 43606 А-1281
Абрли ип-газлама намунаси
Урта Осиё, XIX асрнинг охири.
Эни – 33 см.

SHM 43606 A-1281
Sample of ikat cotton fabric
Central Asia, late 19th century.
Width – 33 cm.

ГИМ 43606 А-1281
Образец абровой хлопчатобумажной ткани
Средняя Азия, конец XIX века.
Ширина – 33 см.

ДТМ 43606 А-1280
Абрли ип-газлама намунаси
Урта Осиё, XIX асрнинг охири.
Эни – 33 см.

SHM 43606 A-1280
Sample of ikat cotton fabric
Central Asia, late 19th century.
Width – 33 cm.

ГИМ 43606 А-1280
Образец абровой хлопчатобумажной ткани
Средняя Азия, конец XIX века.
Ширина – 33 см.

ДТМ 67012 А-4567
Гул босилган газлама
Урта Осиё.
40×29 см.

ДТМ 75396/100 А-36167
Гул босилган газлама
Урта Осиё.
40×29 см.

ДТМ 75396/17 А-36083
Гул босилган газлама
Урта Осиё.
40×29 см.

SHM 67012 A-4567
A printed pattern
Central Asia.
40×29 cm.

SHM 75396/100 A-36167
A printed pattern
Central Asia.
40×29 cm.

SHM 75396/17 A-36083
A printed pattern
Central Asia.
40×29 cm.

ГИМ 67012 А-4567
Набойка
Средняя Азия.
40×29 см.

ГИМ 75396/100 А-36167
Набойка
Средняя Азия.
40×29 см.

ГИМ 75396/17 А-36083
Набойка
Средняя Азия.
40×29 см.

ДТМ 83916/21 А-38173

Шойи

Кўкон шаҳри, 1952 йил.
Муқимий номидаги уюшма.
Тоқувчи Мирмахмуд Мирзакиров.
Эни — 52 см.

ДТМ 83521/106 А-38040

Атлас

Китоб, 1951 йил.
«Қизил Октябрь» ипак
тўқиш уюшмаси.
Расм устаси Асад Турсунов.
Тоқувчи Урак Латипов.
Эни — 49,5 см.

ДТМ 83916/20 А-38172

Атлас

Кўкон, 1952 йил.
Эни — 52 см.

SHM 83916/21 А-38173

Шой

Коканд, 1952.
Mukimi cooperative craft society.
Woven by Mirmahmud Mirzakirov.
Width — 52 cm.

SHM 83521/106 А-38040

Сатин

Китоб, 1951.
Silk weaving cooperative craft society
Krasny Oktyabr.
Decorated by Tursunov.
Woven by Urak Latipov.
Width — 49.5 cm.

SHM 83916/20 А-38172

Сатин

Коканд, 1952.
Width — 52 cm.

ГИМ 83916/21 А-38173

Шой

Коканд, 1952 г.
Артель имени Муқими.
Тоқач: Мирмахмуд Мирзакиров.
Ширина — 52 см.

ГИМ 83521/106 А-38040

Атлас

Китоб, 1951 г.
Шелкотнаққая артель
«Қарасный Октябрь».
Мастер рисунка: Асад Турсунов.
Тоқач: Урак Лятипов.
Ширина — 49,5 см.

ГИМ 83916/20 А-38172

Атлас

Коканд, 1952 г.
Ширина — 52 см.

ДТМ 83521/91 А-37995

Адрас

Ургут шаҳри, 1951 йил.
Оқунбабаев номидаги уюшма.
Эни — 59 см.

ДТМ 83521/90 А-37996

Адрас

Ургут шаҳри, 1951 йил.
Оқунбабаев номидаги уюшма.
Эни — 60 см.

ДТМ 83521/117 А-38021

Олача

Китоб, 1951 йил.
«Қизил Октябрь» уюшмаси.
Расм устаси Асад Турсунов.
Тоқувчи М. Зарипов.
Эни — 61 см.

SHM 83521/91 А-37995

Адрас

Urgut, 1951.
Akhunbabaev cooperative craft society.
Width — 59 cm.

SHM 83521/90 А-37996

Адрас

Urgut, 1951.
Akhunbabaev cooperative craft society.
Width — 60 cm.

SHM 83521/117 А-38021

Алача

Китоб, 1951.
Krasny Oktyabr cooperative craft society.
Decorated by Asad Tursunov.
Woven by M. Zaripov.
Width — 61 cm.

ГИМ 83521/91 А-37995

Адрас

Ургут, 1951 г.
Артель им. Ахунбабаева.
Ширина — 59 см.

ГИМ 83521/90 А-37996

Адрас

Ургут, 1951 г.
Артель им. Ахунбабаева.
Ширина — 60 см.

ГИМ 83521/117 А-38021

Алача

Китоб, 1951 г.
Артель «Қарасный Октябрь».
Мастер рисунка: Асад Турсунов.
Тоқач: М. Зарипов.
Ширина — 61 см.

ДТМ 84155/2 Б-2163

Мунисак – оёлларнинг устки кийими

Бухоро вилояти, Ойтуғди кишлоғи,
XIX асрнинг охири.
Ипак мато, чит, абр ипак, тасма.
Узунлиги – 123 см,
енг узунлиги – 67 см.

SHM 84155/2 Б-2163

Women's outerwear Munisak

Oytyugdi, Bukhara region,
late 19th century.
Silk fabric, calico, ikat silk, lacing.
Length – 123 cm,
sleeve length – 67 cm.

ГИМ 84155/2 Б-2163

Женская верхняя одежда мунисак

Кишлак Ойтуғди, Бухарская область,
конец XIX века.
Шелковая ткань, ситец, абровый шелк,
тесьма.
Длина – 123 см, длина рукава – 67 см.

ДТМ 83521/258 Б-1788

Елак – оёлларнинг устки кийими

Хоразм вилояти, Кушкўпир тумани,
Кокта кишлоғи, XIX асрнинг охири –
XX асрнинг бошлари.
Ипак мато, чит, илгак.
Узунлиги – 135 см,
енг узунлиги – 74 см.

SHM 83521/258 Б-1788

Women's outerwear Elak

Kokta, Kushkupir district,
Khorezm region, late 19th century,
early 20th century.
Silk fabric, calico, stitch.
Length – 135 cm, sleeve length – 74 cm.

ГИМ 83521/258 Б-1788

Женская верхняя одежда елак

Кишлак Кокта Кошкўпирского р-на
Хорезмской области,
конец XIX – начало XX в.
Шелковая ткань, ситец, стежка.
Длина – 135 см, длина рукава – 74 см.

ДТМ 83521/143 Б-1791
Кўйлакча
Ип-газлама, дока,
кашта.
Узунлиги 112 см, енг узунлиги – 106 см.

ДТМ 83521/142 Б-1792
Куртаи зардўзи кўйлаги
Ипак мато, зардўзи.
Узунлиги – 118 см, енг узунлиги – 72 см.

ДТМ 83521/146 Б-2529
Зеби-курта кўкрак беаги
Духоба, зардўзи.
Узунлиги – 121 см.

SHM 83521/143 Б-1791
Undershirt Kuylakcha
Cotton fabric, muslin,
embroidery.
Length – 112 cm, sleeve length – 106 cm.

SHM 83521/142 Б-1792
Dress Kurta-i-zarduzi
Silk fabric, orphrey.
Length – 118 cm, sleeve length – 72 cm.

SHM 83521/146 В-2529
Breast adornment Zebi-kurta
Velvet, orphrey.
Length – 121 cm.

ГИМ 83521/143 Б-1791
Нижняя рубашка куйлакча
Хлопчатобумажная ткань, кисей,
вышивка.
Длина – 112 см, длина рукава – 106 см.

ГИМ 83521/142 Б-1792
Платье курта-и-зардўзи
Шелковая ткань, золотная вышивка.
Длина – 118 см, длина рукава – 72 см.

ГИМ 83521/146 В-2529
Нагрудное украшение зеби-курта
Бархат, золотная вышивка.
Длина – 121 см.

ДТМ 83521/196 E-787
**Култапушак – аёлларнинг
 бош кийими**
 Духоба, зардўзлик, тасма.
 Узунлиги – 53 см.

SHM 83521/196 E-787
**Women's headdress
 Kul'ta-pushak**
 Velvet, orphrey, lacing.
 Length – 53 cm.

ГИМ 83521/196 E-787
**Шапочка с накосником
 култа-пушак**
 Бархат, золотная вышивка,
 тесьма.
 Длина – 53 см.

ДТМ 83521/197 E-788
Пешонобанд
 Фабрикада ишлаб чиқарилган ипак,
 духоба, зардўзлик, олтин тўка, богич.
 Рўмон ўлчами 83×83 см.
 Кашта ўлчами 57×11 см.

SHM 83521/197 E-788
Peshonoband – frontlet
 Factory – made silk, velvet,
 orphrey, gold plates, lace.
 Kerchief size 83×83 cm.
 Embroidery size 57×11 cm.

ГИМ 83521/197 E-788
Налобная повязка пешонобанд
 Фабричный шелк, бархат, золотная
 вышивка, золотные бляхи, бить, шнурок.
 Размер платка 83×83 см.
 Размер вышивки 57×11 см.

ДТМ 104025/147 Б-3579
Ойбекнинг 60 йиллик юбилейида ҳадя қилинган чопон
Тошкент, XIX асрнинг охири.
Парча матоси, тасма.
Узунлиги – 129 см, енг узунлиги – 48 см.

SHM 104025/147 Б-3579
Men's robe presented to poet Aibek for his 60th birthday
Tashkent, late 19th century.
Brocade, lacing.
Length – 129 cm, sleeve length – 48 cm.

ГИМ 104025/147 Б-3579
Мужской халат, подаренный поэту Айбеку к 60-летию юбилею
Ташкент, конец XIX в.
Парчовая ткань, тесьма.
Длина – 129 см, длина рукава – 48 см.

ДТМ 104621/11 Б-3622 Б-3623
Тамарахонимнинг концерт либоси
Самарканд, 1930-йиллар.
Хонатлас, бекасам, тасма.
Кўйлак, узунлиги – 115 см,
енг узунлиги – 62 см.
Нимча узунлиги – 40 см.

SHM 104621/11 Б-3622 Б-3623
Tamara Khanum's concert costume
Samarkand, 1930s.
Khan-atlas, bekasam, lacing.
Dress length – 115 cm,
sleeve length – 62 cm.
Sleeveless jacket length – 40 cm.

ГИМ 104621/11 Б-3622 Б-3623
Концертный костюм Тамары Ханум
Самарканд, 1930-е гг.
Хан-атлас, бекасаб, тесьма.
Платье, длина – 115 см,
длина рукава – 62 см.
Безрукавка, длина – 40 см.

**ЎЗБЕКИСТОН САНЪАТИ
БУТУНРОССИЯ АМАЛИЙ-БЕЗАК
ВА ХАЛҚ САНЪАТИ МУЗЕЙИ
ТЎПЛАМИДА**

THE HERITAGE OF UZBEKISTAN
IN THE COLLECTION OF THE ALL-RUSSIAN
MUSEUM OF DECORATIVE, APPLIED
AND FOLK ART

ИСКУССТВО УЗБЕКИСТАНА
В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО
МУЗЕЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
И НАРОДНОГО ИСКУССТВА

ЎЗБЕКИСТОН САНЪАТИ БУТУНРОССИЯ АМАЛИЙ-БЕЗАК ВА ХАЛҚ САНЪАТИ МУЗЕЙИ ТЎПЛАМИДА

Г.Б. Андреева, О.И. Брюзгина, Т.О. Рикова

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи (БРАБХСМ) XVII асрдан то бугунги кунларгача бўлган халқ амалий-безак санъати намуналарини ўзида жамлаган Россиядаги ягона музей ҳисобланади.

Музей Москва марказидаги қадимий қўрғончада жойлашган. Бино граф Остерманнинг уйи сифатида машҳур бўлиб, ушбу архитектура ёдгорлиги XVIII–XX асрларга оиддир. Музей ушбу иншоотга 1981 йил июль ойида жойлаштирилиб, ўз эшиklarини ташриф буюрувчиларга илк бор ўша йили очган.

Бугун музейда 250 мингга яқин ашё тўпланган бўлиб, улар орасида Россия ва Мустақил давлатлар ҳамдўстлиги (МДХ)нинг халқ амалий санъати намуналарини, шунингдек, бадиий ҳунармандчилик соҳаларини ўзида мужассамлаштирган.

Музей тўпламида халқ ҳунармандлари ҳамда замонавий усталарнинг ишлари, амалий ҳунармандчилик тарихига оид тасвирий материаллар, ноёб китоб ва қўлёзмалар сақланади.

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи (БРАБХСМ) тўпламлари халқ амалий санъатининг ривожланиш босқичлари, бадиий ҳунармандчиликнинг манбаи сифатида юзага келиши ва ривожланиши ҳамда янги марказлар ҳақида кенг тасаввур беради.

1999 йилда музей тўпламига С.Т. Морозов номидаги халқ санъати музейининг тўплами қўшилди.

У 1885 йилда Москва губернияси ерларининг ҳунармандчилик ишлари савдо-саноат музейи сифатида ташкил қилиниб, XX аср бошларида халқ амалий санъати ҳунармандчилиги усталарининг ишларини сақлаш ҳамда ривожлантиришда муҳим роль ўйнади.

1930 йили унинг негизида, кейинчалик Халқ амалий санъати музейига айланган ҳамда унинг таркибий қисмига қирувчи Бадиий ҳунармандчилик ишлаб чиқариш илмий тадқиқот институти (БХИЧИТИ) ташкил қилинган.

БХИЧИТИнинг ўн йиллик фаолияти мобайнида мутахассислар томонидан тўпланган илмий архив материаллар ҳам музей фонди таркибига киритилган.

Москва губерния бошқарув кенгашининг ҳунармандчилик ишлари савдо-саноат музейи тўпламларининг асосий қисмини 1882 йил Москвада Бутунроссия бадиий саноат кўргазмасининг ҳунармандчилик бўлими тўплами ташкил қилган.

Музейдаги халқ амалий санъатининг айрим асарлари унинг вассийи Сергей Тимофеевич Морозов томонидан тақдим этилган. Музей тижоратдаги тўплам доимо тўлдириб, кенгайтириб борилган. Музей тижорат билан бир каторда, ҳунарларни тарғиб этиш орқали оммалаштириш мақсадида жуда кўп ҳунармандчилик-саноат кўргазмаларида иштирок этган. 1910 йилда у тизимли равишда ҳунармандларга ёрдам берган.

Ушбу даврда музей ўзига хос бадиий ҳунармандчилик марказига айланган: бир томондан ҳунармандчилик маҳсулотларини сотиш йўлга қўйилган бўлса, иккинчи томондан ижодкор раҳбарларга ҳунармандчилик саноати йўналишларини нафақат Москвада, балки бошқа кўплаб губернияларда ҳам татбиқ этишлари ташкиллаштирилди.

Шунга ўхшаш жараёнлар Ўрта Осиё ҳудудларида ҳам юз берган.

XX аср бошларида ер эгалари ҳозирги Ўзбекистон ҳудудида бадиий ҳунармандчиликни ривожлантириш ҳамда асраш йўналишида бир қанча чора-тадбирлар ишлаб чиққанлар.

Масалан, 1914–1917 йилларда Тошкентда кулолчилик мактабини ташкил қилмоқчи бўлишган. 1915 йилда қисқа муддат фаолият кўрсатган Туркистон ҳунармандчилик мактабига асос солиниб, у тўлиқ ҳамда режали тартибда айрим ҳунарларни тадқиқ этиш ва қўллаб-қувватлаш мақсадида иш юритиб келган.

1920 йилларда бадиий ҳунармандчилик фаолиятини йўлга қўйиш аввалгидек ташкиллаштирилган. Бунда айрим ҳунармандларга ёрдам берилиб, улар артелларга бирлаштирилган, ихтисослаштирилган бадиий мактаблар очилган.

1918–1920 йилларда Ҳунармандчилик қўмитаси қошида Тошкентда Ўлка ҳунармандчилик ташкилоти тузилган. У ўқув-кўргазмали устахона ва ҳунармандчилик намуналари музейини ўз ичига олган бутун мажмуадан иборат бўлган.

1930 йилларнинг бошида Ўзбексаноат уюшмаси тизими (Ўзбекистон саноат-кредит ширкатларининг республика уюшмаси)да ўнлаб ҳунармандчилик устахоналари ва артеллар мавжуд бўлган.

1938 йилда бадий хунармандчилик соҳалари барча касаначилик артелларини ўзида бирлаштирган Ўзбекистон бадий саноат уюнимаси ихтиёрига берилган.

Шунингдек, амалий-безак санъати усталарини тайёрлаш ҳам унинг вазифасига кирган. Бунинг учун жумладан, Самарқандда Халқ усталари мактаби ҳамда Тошкентда Бадий хунармандчилик саноатининг ўқув-ишлаб чиқариш комбинати ташкил қилинган.

Комбинатда ўнта цех мавжуд бўлиб, уларда таниқли халқ усталари раҳнамолигида шогирдлар кўплаб ўзига хос амалий-безак санъати намуналарини яратишган.

Халқ амалий санъати буюмларини тўплаш ва сақлашдан таниқли хунармандларни услубий жиҳатдан қўллаб-қувватлаш ҳамда буюмларини сотишни йўлга қўйиш ҳам Тошкент музейининг вазифаларига кирган.

1923 йилда Москвада очилган I Бутуниттифок кишлоқ хўжалиги ва хунармандчилик-саноат кўргазмасига тайёргарлик кўриш ҳамда унда хунармандчилик бўлими кўргазмасини ташкил қилиш ўтган асрнинг 20-йилларида Москва хунармандчилик музейи тарихидаги муҳим воқеа бўлган.

Бу кенг миқёсда ўтказилган илк маданий тадбир бўлиб, унда мамлакат ҳудудидаги халқ хунармандчилиги биринчи марта чуқур анъаналари ва тарихий илдизлари билан бирга миллий санъат ҳамда бадий ижод намуналари сифатида самарали замонавий кўринишда намоён этилган.

Халқ санъати музейи учун ушбу кўргазма нафақат Россия, балки бошқа мамлакатлар санъати ва бадий хунармандчилигини ўрганиш борасидаги илмий-амалий фаолиятнинг янги босқичи бўлди.

Кўргазма якунланган пайтда унда 8000 дан ортиқ ашёлар бўлган ва улар тегишли мамлакатларнинг халқ хўжалиги кенгашларига қайтарилган ёки халқ санъати миллий тўпламларининг шаклланишида асос бўлган ҳолда республика санъат музейларига келиб тушган.

Ўзбек усталарининг алоҳида илк ишлари музейга 1923 йил Москвада ўтказилган кишлоқ хўжалик ва хунармандчилик ишлаб чиқариш кўргазмасидан келиб тушган ва улар жуда юқори баҳоланган.

Ёғоч курсига ишланган ўйма безаклари учун уста Алижон Қосимжон I даражали диплом билан тақдирланган (Афсуски, ушбу курсининг ҳозир қаердалиги номаълум).

1920 йилларда Марказий хунармандчилик музейида халқ санъатининг янги кўргазмаси ташкил қилиниб, ундаги буюмлар тури ва ишлаб чиқариш материаллига қараб гуруҳлаштирилган.

Ўрта Осиё амалий-безакли санъати намуналари Доимий саноат-хунармандчилик кўргазмасида ҳам кўп марта намоён қилинган.

Музейнинг ўзбек хонадони ички деворларини ҳашамдор яратишда қўлланиладиган безаклар ҳамда анъанавий меъморчилик унсурлари асосида безатилган бир қанча залларида, гилам, сўзана, гул босилган газламалар, қашта, сопол ва нақш солинган металл идишлар, ўймакорлик асосида яратилган нақшли мебеллар, мусика асбоблари намоён қилинган.

Шулардан келиб чиққан ҳолда ушбу кўргазма «Шарқ хонаси» номини олган.

Ўзбек усталарининг маҳсулотлари хорижий кўргазмаларда, шу жумладан 1925 йил Парижда ўтказилган Халқаро замонавий безак ва саноат кўргазмасида, 1937 йил айнан ўша ерда ўтказилган Бутунжаҳон кўргазмасида, шунингдек, 1939 йилда Нью-Йоркдаги кўргазмада кўрсатилиб, бу ишлар фахрий дипломлар билан тақдирланган.

Айнан 1937 йилда ўтказилган Париждаги халқаро кўргазма ҳозирги Ўзбекистон усталари учун муҳим воқеа бўлган. Унинг якунларига кўра, усталар бешта мукофот билан тақдирланишган. Булар: иккита Гран-при, битта олтин ва иккита кумуш медаллардир. Кўргазмада таъин қилинган халқ усталарининг бир талай ишлари намоён қилиниб, улар орасида Ёқубжон Рауфов ва Алижон Қосимжоннинг ишлари ҳам бўлган.

Париж кўргазмаси тугаганидан сўнг унда намоён қилинган буюмлар – ўйма ва безакли мебеллар, халқ мусика асбоблари, газламалар, қашталар, миллий либослар, заргарлик буюмлари музей тўпламини тўлдирган.

Турли илмий экспедициялар натижасида музей фондига катта миқдордаги ҳар хил материаллар келиб тушган. Россия ва бошқа мамлакатларнинг турли ҳудудларига 1920 йилданок турфа сафарлар уюштирилган. Кейинги ўн йилликда ушбу фаолият янада кенгайтирилган. Бадий саноат илмий-тадқиқот институти ҳамда унга яқин ташкилотларнинг мутахассислари иштирокидаги экспедиция ташкил қилинган. Экспедиция ишлари 1930 йилларга келиб кенгайган.

1939 йилда Г.Б. Дзагуров раҳбарлигида Ўзбекистонга уюштирилган йирик экспедиция аъзолари Самарқанд, Бухоро, Фарғона, Хива, Тошкент ва бошқа марказлардаги бадий хунармандчилик устaxonалари фаолияти билан батафсил танишганлар.

Мохир рассомлар С.В. Ильинская, В.Н. Сенькина ва М.Г. Власова томонидан бажарилган кўп сонли расмлар ва фотосуратлардан таниқли мутахассислар музей фондига тўлдирган эликка яқин турли амалий-безак санъати буюмларини олиб қайтишган.

1930 йилларда айрим ишлар алоҳида шахслардан келиб тушган.

Шундай қилиб музейнинг ўзбек амалий-безак санъати тўплами асосий қисми 1930 йиллар охирига келиб анча шаклланган.

У ҳозирги Ўзбекистон ҳудудининг XX аср 30 йилларигача бўлган даврдаги бадий хунарандчилик намуналарини ўзида акс эттиради.

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейида Ўзбекистон халқ амалий-безак санъатига тегишли бўлган бадий газламалар, сопол буюмлар, заргарлик намуналари, бадий металл, ёғочга безак бериш ва ўймакорлик, мусика асбоблари намойиш қилинган.

Ўзбекистон мавзуси россиялик муаллифларнинг папье-машеда локланган тасвирлари ва патнисларда ҳам акс этган.

2014 йил Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи кўп йилга мўлжалланган «Ҳамдўстлик мероси. Келажак анъаналари» мажмуавий дастури ташаббуси билан чиқди.

Дастурнинг мақсади – МДХ мамлакатларининг маданият муассасалари ва музейлари билан ҳамкорликни мустаҳкамлаш ҳамда ривожлантириш, БРАБХСМ ва МДХ жамланмалари тақдим этган бой маданий меросни кенг оммага таништиришдан иборатдир. «Ҳамдўстлик мероси. Келажак анъаналари» дастури куйидагиларни ўз олдига мақсад қилиб олган: Россия ҳамда МДХ мамлакатларида ўзаро ҳамкорликда Халқ санъати ва халқ амалий-безак санъатига оид анъаналарнинг уйғунлиги, келажакда ривожланиш истикболлари юзасидан кўргазма ва ҳамкорликдаги кўргазмаларни ташкил этиш; каталог ва альбомларни рус ва МДХ давлатлари тилларида чоп этиш; маданий меросни ривожлантириш ҳамда сақлаш йўналишларида истеъдодли рассом ва усталарни, бадий хунарандчилик ҳамда касаначилик марказларини қўллаш, амалий-безак санъатининг муҳим соҳаларини ривожлантириш ҳамда тажриба алмашиш мақсадида йўналтирилган маҳорат дарслари, семинар, амалий машгулотлар ўтиш.

БРАБХСМ 2016–2017-йилларга мўлжалланган дастур асосида Россия Федерациясининг маданият вазирлиги, МДХнинг Давлатлараро гуманитар ҳамкорлик жамғармаси (ДГХЖ), Халқаро музейлар кенгашининг Россия кўмитаси (ИКОМ – Россия) кўмагида, ҳамкор музейлар ҳамда хомийларнинг қўллаб-қувватлаши асосида Озарбайжон, Қирғизистон, Ўзбекистон билан бир қанча лойиҳаларни амалга оширди, Қозоғистон билан ҳамкорликка киришди.

Третьяков давлат галереяси, Давлат шарқ музейи ҳамда хусусий коллекциячилар билан ҳамкорликда ўтказилган кўргазма ва БРАБХСМ фондларида Ўзбекистон маданий мероси дурдоналарини тақдим этувчи альбомнинг чоп этилиши ушбу дастурнинг 2016 йил куз мавсумида амалга оширилган муҳим ҳолисаларидан бири бўлди¹.

2016 йилдаги кўргазма ва ноширлик жараёнидаги ишлар кўп жилдли фундаментал нашр туркумига кирувчи «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» халқаро лойиҳасининг бир қисмига айланиши мумкин бўлган архив ва ижодий материалларини юзага чиқариш имконини берди.

Бу йўналишдаги мазкур китоб-альбомга Ўзбекистон амалий санъатига оид 100 дан ортиқ ашё киритилган бўлиб, уларнинг айримлари ҳали ҳеч қаерда эълон қилинмаган буюмлар, архив материаллари ҳамда БРАБХСМ фондининг фотосуратларидир.

¹ Сокровища культурного наследия Узбекистана. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. Альбом к выставке. – Москва, 2016.

THE HERITAGE OF UZBEKISTAN IN THE COLLECTION OF THE ALL-RUSSIAN MUSEUM OF DECORATIVE, APPLIED AND FOLK ART

G.B. Andreyeva, O.I. Bryuzgina, T.O. Rykova

The All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art is the only museum in Russia housing decorative-applied and folk artwork from the 17th century up to the present.

The Museum is located in the heart of Moscow in a centuries-old mansion. The building, known as the house of Count Ostermann, is an architectural monument of the 18th-20th centuries. The Museum opened its doors to visitors 36 years ago, in July 1981.

The collection keeps nearly 250,000 pieces, representing folk, decorative and applied art, as well as artistic craftwork from Russia and countries from Commonwealth of Independent States (CIS).

The funds include the works of folk arts and crafts, as well as compositions by contemporary artists, graphic artworks related to the history of handicraft, rare books and manuscripts. The All-Russian Decorative Art Museum collections portray a broad picture of stages in the evolution of decorative, Applied and Folk Art, formation and development of both traditional and new centers of arts and crafts.

In 1999, the Museum's collection was enriched with a collection from the S.T. Morozov Museum of Folk Art. The latter was established in 1885 as the Trade and Industry Museum of Craft Products of Moscow county council, and in the early 20th century it played a significant role in the preservation and development of the traditional art of painters and craftsmen. In the 1930s the Research Institute of Art Industry (RIAI) was set up on this foundation, and its core part consequently became the Museum of Folk Art. Scientific archives and materials collected by staff at RIAI over decades of its work were also incorporated into the museum collection of the All-Russian Decorative Art Museum.

The collection from the All-Russian Art and Industrial Exhibition of 1882 in Moscow became the basis of the Trade and Industry Museum of Craft Products of Moscow county council's collection. Some compositions

of folk art were donated to the Museum by its trustee Sergey Timofeyevich Morozov. The collection was gradually enriched and expanded. The Museum took part in numerous trade shows, both with a commercial purpose and educational one, promoting the popularity of the handicraft industry. In the 1910s it started to assist craftspeople systematically.

Then the Museum became a kind of center of artistic handicrafts: on the one hand, by organizing marketing of handicraft articles, and on the other, by taking on the role of a creative manager, running the whole business of the handicraft industry not only in Moscow, but also in many other counties. Similar processes also took place in Central Asia.

In the early 20th century, district activists undertook a range of measures aimed at preserving and developing arts and crafts in the territory of contemporary Uzbekistan. Thus, in 1914-1917 they attempted to organize a school of ceramics in Tashkent. In 1915, the Turkestan Handicraft Committee was founded (it functioned shortly), which started a detailed and systematic research of several some in order to support them.

In the 1920s, art handicrafts continued advancement on the same basis: by assisting certain handicraftsmen, bringing them together into work associations, opening specialized art schools and so on. In the 1918-1920 the Regional Handicraft Organization was established under the Handicraft Committee in Tashkent. It was an integrated complex consisting of an educational and exhibition workshop and museum of the craft industry.

By the early 1930s, the Uzbek Republic Union of Industrial and Credit Cooperation included dozens of craft-shops and cooperatives. In 1938, arts and crafts were assigned to the Uzbek Art and Industrial Union, which combined almost all the existing handicraft cooperatives. Its tasks also were the training of new artisans for decorative and applied arts. The School of Folk Masters in Samarkand and the Work Training Center of the Art and Craft Industry in Tashkent were establishment. The center had nine workshops, where the students created many unique pieces of decorative and applied arts under the supervision of reputable masters of folk arts and crafts.

In addition to direct collecting and preservation of pieces of decorative and applied art, the tasks of the Tashkent Museum included the systematic support of artisans and the organization of product marketing.

An important event in the history of the Moscow Crafts Museum in the 1920s was the preparation and organization of an exhibition of the

handicraft section of the First All-Union Agricultural and Handicraft Industrial Exhibition, which was opened in Moscow in 1923.

This was the first extensive cultural event of an all-Union scale, at which national crafts of the country's regions were first presented in a wide and versatile manner as a very promising modern kind of national art and artistic creativity with deep roots in historical tradition.

For the Museum of Folk Art, this exhibition marked the beginning of a new stage of a large-scale scientific and practical activity in the study of folk art and art crafts not only in Russia, but also in other countries. After the exhibition, more than 8,000 exhibits were either returned to relevant republics or entered the republican art museums, forming the basis for national collections of folk art.

The first separate works of Uzbek masters arrived at the museum straight after the Agricultural and Handicraft Industrial Exhibition of 1923 in Moscow, where they were highly appreciated. In this way, for the painting of a wooden table, the master Alijan Kasijan was awarded a first-class diploma (unfortunately the current location of the table is unknown).

In the 1920s, a new exposition of folk art emerged in the Central Craft Museum, where exhibits were grouped in accordance with materials and typology. Decorative and applied art from Central Asia was also well-represented at the Permanent Handicraft Industry Exhibition. In several halls of the museum, which had been decorated to reproduce the elegant interior in an Uzbek house and containing elements of traditional architectural decor, such as carpets, *suzani*, printed fabrics, embroidery, ceramic and chased dishes, carved and painted furniture and musical instruments. Subsequently, this exposition was called the "Eastern Room."

Works of Uzbek masters were showcased at foreign expositions, including the Paris International Exhibition of Contemporary Decorative and Industrial Arts in 1925, the World Exhibition of 1937 held in the same place, as well as the New York Exhibition in 1939, at which the works were awarded an honorary diploma.

However, it was the World Exhibition in Paris in 1937 that became an important milestone for the artists of modern Uzbekistan. They were awarded five prizes: two Grands Prix, one gold and two silver medals. The exhibition displayed many works of famous folk artists, including paintings on wood by Yakubjan Raufov and Alijan Kasijan. After the end of the Paris exhibition, the objects displayed – painted and carved furniture, folk musical instruments, fabrics, embroidery, national clothes, jewelry – were added to the museum collection.

Considerable and diverse material entered the museum funds as a result of scientific expeditions. The initial trips to various areas of Russia and other countries took place as far back as in the 1920s. In the next decade, the work was expanded: staff from the Research Institute of Art Industry and related organizations took part in expeditions. The field activities activity was at its zenith towards the end of the 1930s. In 1939, a large expedition to Uzbekistan was made under the direction of G.B. Dzagurov, which studied in details in detail the crafts cooperatives in Samarkand, Bukhara, Fergana, Khiva, Tashkent and other artisan centers. In addition to a large number of sketches made by professional artists S.V. Ilyinskaya, V.N. Senkina and M.G. Vlasova, as well as photographs, employees brought about 50 samples of arts and crafts in various materials and replenished the collection of museum. Several works in the 1930s were obtained from private individuals.

Thus, the bulk of the museum's collection of Uzbek arts and crafts was obtained by the end of the 1930s. It reflects the diversity of art crafts that existed in the territory of modern-day Uzbekistan in the 1930s.

Types of arts and crafts from Uzbekistan represented in the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art collection are art textiles, ceramics, jewelry, metalwork, carved and painted wood, musical instruments.

The theme of Uzbekistan is reflected in lacquer paintings on papier-mâché and trays by the Russian artists.

In 2014, the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art unveiled a complex, multi-year program "Heritage of the Commonwealth. Traditions for the future." The purpose of the program is to lay out and consolidate cooperation with museums and cultural institutions of the CIS countries, as well as popularize the rich cultural heritage represented in their funds and stocks of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art.

The program "Heritage of the Commonwealth. Traditions for the Future" includes the organization of exhibitions and joint expositions of decorative and folk art in Russia and the CIS nations, showing the community of traditions and prospects for future development; the publication of catalogs and albums in Russian and in languages of the Commonwealth states; conduct of master classes, seminars, practical classes aimed at preserving and promoting cultural heritage, sharing experience and advancing the most important spheres of arts and crafts, art crafts and craft centers, and supporting the talented artists and craftspeople.

Within the framework of the Program, the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art, with the support of the Ministry of Culture of the Russian Federation, the Intergovernmental Foundation for Educational, Scientific and Cultural Cooperation of the CIS (IFESCO), the Russian National Committee of the International Council of Museums (ICOM), as well as partner museums and sponsors, implemented projects in 2016–2017 with Azerbaijan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, and begun cooperation with Kazakhstan.

One of the most noteworthy events of the program was an exhibition in the autumn of 2016 prepared in cooperation with the State Tretyakov Gallery, the State Museum of Oriental Art, and with the participation of private collections, as well as the publication of an album showcasing the treasures of cultural heritage of Uzbekistan from the funds of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art.¹

The work on the exhibition and its publication in 2016 made it possible to reveal the most fascinating artistic and archival material which was worthy of inclusion in the series of volumes of the fundamental publication, and in turn to become a part of the large-scale international project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

The album in this series includes over 100 items of arts and crafts of Uzbekistan and rare (including those previously unpublished) archival materials and photographs from the funds of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art.

¹ Treasures of Uzbekistan's cultural heritage. All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. Album for the exhibition. Moscow, 2016.

ИСКУССТВО УЗБЕКИСТАНА В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО И НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Г.Б. Андреева, О.И. Брюзгина, Т.О. Рыкова

Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства (ВМДПНИ) – единственный в России музей, объединяющий в своем собрании произведения декоративно-прикладного и народного искусства с XVII в. до наших дней.

Музей находится в центре Москвы в старинной усадьбе. Здание, известное как дом графа Остермана, – памятник архитектуры XVIII–XX вв. Музей расположился здесь и открыл двери для посетителей 36 лет назад, в июле 1981 г.

Сегодня музейное собрание насчитывает около 250 тысяч экспонатов, представляющих народное и декоративно-прикладное искусство, а также художественные промыслы России и стран Содружества Независимых Государств (СНГ).

В коллекциях музея хранятся работы народных мастеров и произведения современных авторов, изобразительные материалы по истории художественных промыслов, редкие книги и рукописи. Коллекции ВМДПНИ дают широкое представление об этапах развития декоративно-прикладного и народного искусства, о становлении и развитии как традиционных очагов художественных промыслов, так и новых центров.

В 1999 г. в состав музейного собрания вошли коллекции Музея народного искусства имени С.Т. Морозова. Основанный в 1885 г. как Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства, в начале XX в. он сыграл значительную роль в сохранении и развитии традиционного искусства художников-кустарей. В 1930-х гг. на его основе был создан Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП), составной частью которого впоследствии и стал Музей народного искусства. Научные архивы и материалы, собранные сотрудниками НИИХП за десятилетия его работы, также вошли в состав музейных фондов ВМДПНИ.

Основой коллекции Торгово-промышленного музея кустарных изделий Московского губернского земства стало собрание кустарного отдела Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 года в Москве. Некоторые произведения народного искусства передал в дар музею его попечитель Сергей Тимофеевич Морозов. Собрание постепенно пополнялось и расширялось. Музей принимал участие во многих кустарно-промышленных выставках как с коммерческой целью, так и с просветительской, содействуя популяризации промыслов. В 1910-е гг. он начал систематически помогать кустарям.

В это время музей становится своеобразным центром художественных ремесел: с одной стороны, организуя сбыт кустарных изделий, а с другой – выступая творческим руководителем, направляющим все дело кустарного производства не только Московской, но и многих других губерний. Схожие процессы происходили и в Средней Азии.

В начале XX в. земские деятели принимают ряд мер по сохранению и развитию художественных промыслов на территории современного Узбекистана. Так, в 1914–1917 гг. была предпринята попытка организовать в Ташкенте керамическую школу. В 1915 г. был основан Туркестанский кустарный комитет (просуществовал непродолжительное время), который начал подробное и планомерное исследование некоторых промыслов с целью их поддержки.

В 1920-е гг. развитие художественных промыслов продолжало строиться на тех же началах: помощь отдельным кустарям, объединение их в артели, открытие специализированных художественных школ и т.д. В 1918–1920 гг. при Кустарном комитете в Ташкенте была создана Краевая кустарная организация. Она представляла собой целостный комплекс, состоявший из учебно-показательной мастерской и Музея кустарных промыслов.

К началу 1930-х гг. в системе Узпромсоюза (Узбекского республиканского союза промыслово-кредитной кооперации) существовали десятки кустарных мастерских и артелей. В 1938 г. художественные промыслы были выделены в Узхудожпромсоюз, объединивший почти все существовавшие на тот момент кустарные артели. Также в его задачи входила подготовка молодых мастеров декоративно-прикладного искусства. Для этого были организованы Школа народных мастеров в Самарканде и Учебно-производственный комбинат художественной кустарной промышленности в Ташкенте. Комбинат имел девять цехов, где под руководством признанных народных мастеров учащиеся создавали немало уникальных образцов декоративно-прикладного искусства.

В задачи Ташкентского музея, кроме непосредственного собирания и хранения предметов декоративно-прикладного искусства, входили методическая поддержка мастеров и организация сбыта изделий.

Важным событием в истории Московского кустарного музея в 1920-е гг. стала работа по подготовке и организации экспозиции кустарного раздела I Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, которая была открыта в Москве в 1923 г.

Это было первое масштабное культурное событие, на котором народные промыслы регионов страны впервые были представлены широко и многопланово как очень перспективный современный вид национально-го искусства и художественного творчества с глубокими традициями и историческими корнями.

Для Музея народного искусства эта выставка стала началом нового этапа масштабной научно-практической деятельности по изучению народного искусства и художественных промыслов не только России, но и других стран. После окончания выставки более 8000 экспонатов были возвращены соответствующим странам или поступили в республиканские художественные музеи, став основой для формирования национальных коллекций народного искусства.

Первые отдельные работы узбекских мастеров поступили в Музей именно после сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. в Москве, на которой они были по достоинству оценены. Так, за роспись деревянного столика мастер Алиджан Касыджан был удостоен диплома I степени (к сожалению, в настоящее время место нахождения столика неизвестно).

В 1920-х гг. в Центральном кустарном музее появилась новая экспозиция народного искусства, в которой предметы были сгруппированы по материалам и типологии. Декоративно-прикладное искусство Средней Азии довольно полно было представлено также на Постоянной кустарно-промышленной показательной выставке. В нескольких залах музея, воспроизводивших нарядное оформление интерьера в узбекском доме и украшенных элементами традиционного архитектурного декора, были показаны ковры, *сузани*, набойные ткани, вышивка, керамическая и чепоканная посуда, резная и расписная мебель, музыкальные инструменты. Впоследствии эта экспозиция получила название «Восточная комната».

Изделия узбекских мастеров экспонировались и на зарубежных выставках, в том числе на Парижской международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в 1925 г., Всемирной выставке 1937 г., проходившей там же, а также Нью-Йоркской выставке 1939 г., на которой работы были отмечены почетным дипломом.

рижской выставки экспонировавшиеся на ней предметы – расписная и резная мебель, народные музыкальные инструменты, ткани, вышивка, национальная одежда, ювелирные изделия – дополнили музейное собрание.

Большой и разнообразный материал поступал в фонды Музея в результате научных экспедиций. Первые выезды в различные регионы России и других стран состоялись уже в 1920-е гг. В следующем десятилетии эта работа еще более расширилась: в экспедиции выезжали сотрудники Научно-исследовательского института художественной промышленности и смежных организаций. Наибольший размах экспедиционная деятельность приобрела к концу 1930-х гг. В 1939 г. состоялась крупная экспедиция в Узбекистан под руководством Г.Б. Дзагурова, которая подробно ознакомила с артелями художественных промыслов в Самарканде, Бухаре, Фергане, Хиве, Ташкенте и других центрах. Помимо большого числа зарисовок, выполненных профессиональными художниками С.В. Ильинской, В.Н. Сенькиной и М.Г. Власовой, фотоснимков, сотрудники привезли около 50 образцов декоративно-прикладного искусства в различных материалах, пополнивших фонды музея. Отдельные работы в 1930-е гг. поступали от частных лиц.

Таким образом, основная часть коллекции узбекского декоративно-прикладного искусства в собрании музея сформировалась к концу 1930-х гг. Она отражает все многообразие художественных промыслов, существовавших на территории современного Узбекистана в первой трети XX столетия.

Виды декоративно-прикладного искусства Узбекистана, представленные в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства – художественный текстиль, керамика, ювелирные украшения, художественный металл, резное и расписное дерево, музыкальные инструменты.

Тема Узбекистана была отражена и в лаковых росписях на папье-маше и подносах российских авторов.

В 2014 г. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства инициировал многолетнюю комплексную программу «Наследие Содружества. Традиции для будущего». Цель программы – развитие

общности традиций и перспективы будущего развития, издание каталогов и альбомов на русском языке и языках государств Содружества; проведение мастер-классов, семинаров, практических занятий, направленных на сохранение и продвижение культурного достояния, на обмен опытом и развитие важнейших сфер декоративно-прикладного искусства, художественных промыслов и ремесленных центров, на поддержку талантливых художников и мастеров.

В рамках Программы в 2016–2017 гг. ВМДПНИ при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран-участниц СНГ (МФГС), Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ России), музей-партнеров и спонсоров реализовал проекты с Азербайджаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, приступил к сотрудничеству с Казахстаном.

Одним из самых значимых событий Программы осенью 2016 г. стала выставка, подготовленная совместно с Государственной Третьяковской галереей, Государственным музеем Востока при участии частных коллекций, а также издание альбома, представившего сокровища культурного наследия Узбекистана из фондов ВМДПНИ¹.

Работа над выставкой и изданием 2016 г. позволила выявить интересный художественный и архивный материал, достойный включения в серию томов фундаментального издания и стать частью масштабного международного проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

В данную книгу-альбом этой серии включено свыше 100 предметов декоративно-прикладного искусства Узбекистана и редкие, в том числе ранее не публиковавшиеся, архивные материалы и фотографии из фондов ВМДПНИ.

¹ Сокровища культурного наследия Узбекистана. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. Альбом к выставке. – М.: 2016.

**ХІХ АСР ОХИРИ - ХХ АСРДА
ЎЗБЕКИСТОН КУЛОЛЧИЛИГИ**

CERAMICS OF UZBEKISTAN
IN THE LATE 19TH-20TH CENTURIES

КЕРАМИКА УЗБЕКИСТАНА
КОНЦА ХІХ - ХХ ВЕКОВ

XIX АСР ОХИРИ – XX АСРДА ЎЗБЕКИСТОН КУЛОЛЧИЛИГИ

Е.М. Ворущилина, С.В. Елкина

Кулолчилик санъати Ўзбекистон анъанавий ҳунармандчилигида муҳим ўрин эгаллайди. Асрлар давомида Бухоро, Рингтон, Самарқанд, Ғаждувон, Хоразм (Хонқа, Модир, Каттабўғ), Андижон, Тошкент асосий кулолчилик марказлари ҳисобланган ва уларнинг ҳар бирида ўзига хос нақш услублари, бадий-техник ёндашувлар сақланиб қолган.

Усталар, асосан ошхона ва ҳўжалик идишларини ясаган. Кулолчилик дастгоҳида ясалган идишлар асосан бир хил кўринишда бўлган. *Лаган*, *гулдон*, *пиёла*, *коса*, *чуқур лаган* – *бадия*, *хум* сингари турли ҳажмдаги ва ҳар хил мақсадлар учун ишлатиладиган идишлар шулар жумласидандир.

Безак бериш пайтида ялтироқ сирти остидаги ранги қандай бўлишидан қатъи назар усталар ангоб ва сир (ишқор ва кўрғошин қоринмаси) ишлатишган.

Фарғона водийси ва Хоразм кулолчилик буюмлари учун мовий-ок-яшил ранглар уйғунлигини ҳосил қилишда *ўшшон* ўсимлиги қулидан *ишқорли* сир сифатида фойдаланилган. Асосан кўрғошинли сирдан фойдаланиб келинган Самарқанд, Бухоро ва Тошкент кулолчилиги намуналари сарик, қизил, жигарранг туста бўялган.

Нақшларда геометрик ва ўсимликсимон шакллар, хусусан гул, барг, мева (айниқса анор) тасвирлари етакчилик қилган. Камдан-кам ҳўшларда ҳайвонлар ва қўшлар тасвирлари ҳам қўлланган. Уй-рўзгор буюмлари композициясидан ҳам гоҳида нақш мавзуси сифатида фойдаланилганини кўриш мумкин.

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейининг ўзбек кулолчилиги тўплами асосан 1937 йилдаги Халқаро Париж кўргазмасида намойиш қилиш учун тайёрланган 1930-йилларнинг буюмларини ўз ичига олади.

1920–1930-йилларда усталар кўп асрлар мобайнида шаклланган анъаналарни сақлаб ривожлантирганлар. Ушбу даврга оид сопол буюмларида асосан анъанавий нақшлар ёрдамида сайқал беришда давом этилган.

Бироқ, айрим буюмларда амалий санъат намуналари таркибини кенгайтиришга хос умумий тамойиллар таъсири остида пайдо бўлган йўналишлар ва унсурлар кўриниб туради.

Париж кўргазмасида Тошкент бадий-саноат ишлаб чиқариш комбинатида ясалган сопол идишларининг намуналари ҳам тақдим этилган.

Аксарият буюмлар устозда кулол, Ўзбекистонда бир қатор мохир ҳунармандларга устозлик қилган Туроб Миралиев томонидан яратилган.

Ушбу уста ижодининг гуллаган даври 1920–1930-йилларга тўғри келган. Уста ўз ишларида ўзбек кулолчилигининг икки анъанавий услуби – тасвир ва ўйма нақшнинг уйғунлигини қўллаган. Т. Миралиев 1930-йилларда алоҳида, Тошкент усулида безак бериш услубини шакллантирган. Бундай буюмларда ўсимликсимон нақшлар бирмунча геометрик шаклларга солинган ва улар чекка қисмидаги хошияларда алоҳида безаклар берилгани билан ажралиб турган.

Тошкент кулолчилигида асосий композицияларнинг бир қанча турларини кўрсатиш мумкин. Уларда нақшлар жуда содда кўринишда ва нисбатан кам ишлатилган. Улар ўз оти билан *содда* ва *қурок* деб номланган.

Паргори композицияси ҳам кенг тарқалган бўлиб, унинг асоси циркуль ёрдамида чизилган ҳамда айлана, ярим айлана бирикмаларидан тўзилган.

Шунингдек, Тошкентда *ислимий* композицияси ҳам машҳур бўлиб, унда йирик-йирик ўсимлик нақшлари идишнинг ички ва ташқи қисмида яққол кўзга ташланиб туради. 1930-йилларда Самарқанд ва Тошкентда мавзули битик ва портретлар акс этган буюмлар яратилган. Халқ услубида мавзули битик ва портретлар акс этган буюмлар яратилган. Халқ услубида мавзули битик ва портретлар акс этган буюмлар яратилган. Халқ услубида мавзули битик ва портретлар акс этган буюмлар яратилган.

Ўзбекистоннинг майда сопол ўйинчоқлари музей тўпламида унчалик кўп эмас ва улар афсонавий-зооморф мазмундаги ҳайкалча, анъанавий сувенирлар тўпламида намойиш қилинган.

Қадимдан Ўба қишлоғида ҳунармандлар лойни қуйдириб, пишитиб ажойиб ҳайкалча тайёрлашган ва уларга табиий бўёқлар билан сайқал берилган.

Ўйинчоқларнинг асосий қисmini чала пишirilган лойдан ясалган фид, ит, кўй ёки от ҳайкалчалари ташкил этади ва улар қизил, яшил, сарик, тўқ жигаррангга бўялган. Музей тўпламида таниқли усталар Ҳамро Раҳимова, Фатилло Саъдуллаев, Кубаро Бобоева ясаган сопол ўйинчоқлар сақланмоқда. Ўзига хос сопол ўйинчоқлар Самарқандда ҳам тайёрланган. Бу ерда ўз мактаби ва йўналишини яратган таниқли рассом, кулол Умаркўл Жўрақулов фаолият олиб бorgan.

КЕРАМИКА УЗБЕКИСТАНА КОНЦА XIX – XX ВЕКОВ

Е.М. Ворущилина, С.В. Елкина

Среди традиционных промыслов Узбекистана керамика занимает важное место. Главными керамическими центрами Узбекистана, на протяжении веков сохранявшими своеобразие традиционных орнаментальных мотивов и отдельных художественно-технических приемов исполнения, были Бухара, Самарканд, Гиждуван, Шахрисабз, Ринган, Андижан, Ташкент, селения Хорезма (Ханка, Мадыр, Каттабог).

В основном мастера делали столовую и хозяйственную посуду. Формы сосудов, изготовленных на гончарном круге, были однотипными: *ляган* – блюдо для плова, *гулдон* – ваза для цветов, пиала, коса, *бадия* – чаши разных размеров и предназначения, *хум* – большой сосуд для хранения зерна, воды или вина и др.

При росписи в зависимости от цвета подглазурной краски мастера применяли ангобы (глины) и глазури (щелочные и свинцовые). Для керамики Ферганской долины и Хорезма, где применяли щелочную глазурь (*ишкор*), получаемую из золы травы *ушпан*, характерна сине-бело-зеленая цветовая гамма. В районах, где традиционно использовали свинцовую глазурь, – Самарканде, Бухаре и Ташкенте – преобладали желто-красно-коричневые цвета.

В орнаментике первенствовали геометрические узоры и растительные мотивы – цветы, листья, плоды (особо почитался гранат). Несколько реже применяли стилизованные изображения животных и птиц. Встречаются и композиции с предметами домашнего обихода, которые также используются как орнаментальный мотив.

Коллекция узбекской керамики Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства включает в основном изделия 1930-х гг., изготовленные для экспонирования на Всемирной выставке в Париже 1937 г.

Мастера 1920–1930-х гг. смогли сохранить и развить традиции, выработанные за многовековую историю. Основная часть керамики этого пе-

риода продолжала оформляться в традиционном орнаментальном стиле. Однако в некоторых изделиях видны черты и нового направления, возникшего под влиянием общей тенденции к расширению содержания произведений прикладного искусства.

На Парижской выставке были представлены образцы гончарной посуды, выполненные на Ташкентском учебно-производственном комбинате художественной промышленности. Большинство изделий создано потомственным мастером Турабом Миралиевым. Расцвет творчества данного мастера пришелся на 1920–1930-е гг. Умело используя в своей работе сочетание двух традиционных приемов узбекской керамики – росписи и гравировки, Миралиев к 1930-м гг. сформировал особый, ташкентский стиль росписи. Преимущественно растительный орнамент подобных изделий несколько геометриззован и отличается особой четкостью благодаря окантовке его гравированной контурной линией.

В декоре ташкентской керамики выделилось несколько видов основных композиций. Композиции керамических изделий, скупо орнаментированных простыми узорами, носят название «простая» (*соди*) и «лоскутная» (*курэк*). Очень распространена «циркульная» композиция (*паргори*), основа которой строится при помощи циркуля и состоит из кругов и полукругов в различных комбинациях. Столь же популярна в Ташкенте композиция *исилин*, в которой опорными орнаментами выступают довольно крупные растительные узоры, равномерно располагающиеся по бортам и на зеркале блюда.

В 1930-е гг. в Самарканде и Ташкенте создавались изделия с тематическими росписями и портретами. В большинстве тематических работ народных мастеров был заметен контраст между совершенством передачи привычных элементов растительных орнаментов и неумелой орнаментально-декоративной интерпретацией вновь вводимых изображений. Но росписи эти покорили непосредственностью и свежестью.

Мелкая керамическая пластика Узбекистана представлена в коллекции Музея небольшим набором традиционной игрушки сказочно-зооморфного содержания и жанровыми сувенирами. Издавна в кишлаке Уба народные умельцы делали из глины причудливые фигурки, которые обжигали и расписывали. Основные виды игрушек – фигурки слона, собаки, барана или лошади из слабообожженной глины, расписанные красной, зеленой, желтой, темно-коричневой красками. В собрании Музея хранятся керамические игрушки известных мастеров Хамро Рахимовой, Фатилло Сагдуллаева, Кубаро Бабаевой. Свообразные керамические игрушки делали и в Самарканде. Здесь работал известный керамист и художник Умаркул Джуракулов, создавший свою самобытную школу.

КП МНИ-17366

Гулдон

Узбекистан, XIX аср охири.
Гил, ангоб, сир, махсус
куполчилик усули, накш.
41,3×26 см.

КР МНИ-17366

Guldon vase

Uzbekistan, late 19th century.
Clay, engobe, glaze, pottery,
painting.
41.3×26 cm.

КП МНИ-17366

Ваза-гулдон

Узбекистан, конец XIX в.
Глина, ангоб, глазурь,
гончарная техника, роспись.
41,3×26 см.

КП МНИ-17367

Гулдон

Узбекистан, XIX аср охири.
Гил, ангоб, сир, махсус
куполчилик усули, накш.
36,5×23,3 см.

КР МНИ-17367

Guldon vase

Uzbekistan, late 19th century.
Clay, engobe, glaze, pottery,
painting.
36.5×23.3 cm.

КП МНИ-17367

Ваза-гулдон

Узбекистан, конец XIX в.
Глина, ангоб, глазурь,
гончарная техника, роспись.
36,5×23,3 см.

КП МНИ-17368

Гулдон

Хўжанд, XIX аср охири – XX аср
бошлари.
Гил, ангоб, сир, махсус
куполчилик усули, сир ости
накши.
22,5×13,5 см.

КР МНИ-17368

Guldon vase

Khojent, late 19th – early 20th
century.
Clay, engobe, glaze,
pottery, underglaze
painting.
22.5×13.5 cm.

КП МНИ-17368

Ваза-гулдон

Ходжент, конец XIX – начало
XX вв.
Глина, ангоб, глазурь,
гончарная техника,
подглазурная роспись.
22,5×13,5 см.

КП МНИ-17369

Лаган

Бухара (?), XX аср бошлари.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
4,8×33,2 см.

КП МНИ-17369

Дish

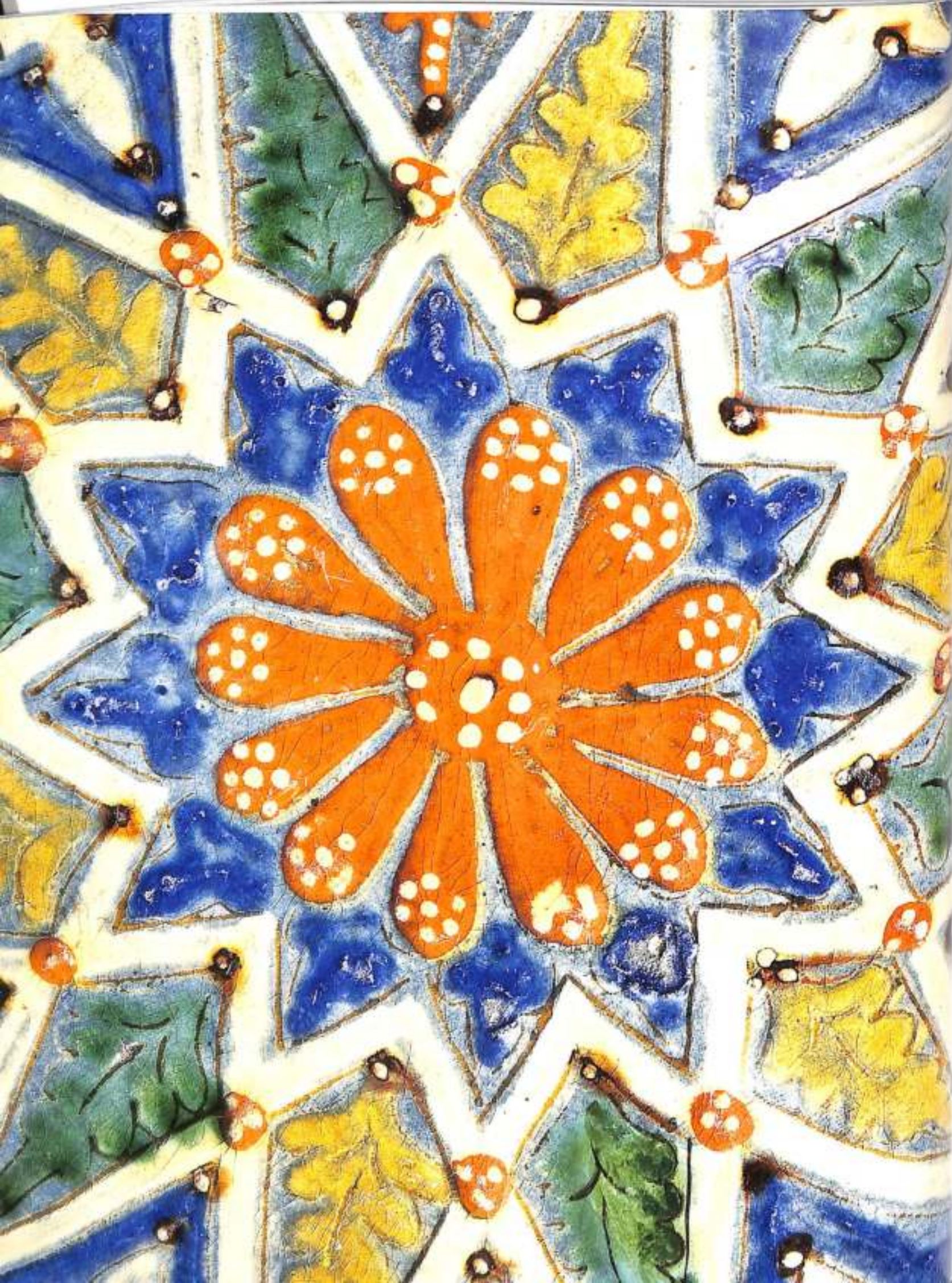
Bukhara (?), early 20th century.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
4,8×33,2 см.

КП МНИ-17369

Блюдо

Бухара (?), начало XX в.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
4,8×33,2 см.

МХП-6085
Лаган

Бухара, 1935 йил.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5,3×34,5 см.

МНР-6085
Даш

Бухара, 1935.
Clay, engobe, glaze, pottery,
engraving, painting.
5,3×34,5 cm.

МХП-6085
Блюдо

Бухара, 1935 г.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
5,3×34,5 см.

МХП-6101 НКК-140
Лаган (Бухоро услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Расм муаллифи Мусо Исмаилов.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5,5×34,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намойиш қилинган.

МНП-6101 НКК-140
Дिश (Бухара style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Painted by Musa Ismailov.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
5,5×34,5 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6101 НКК-140
Блюдо (бухарского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Автор рисунка Муса Исмаилов.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
5,5×34,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6089
**Товус расми туширилган лаган
намунаси (Самарқанд услуби)**

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Т. Камол.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5,0×31,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намойиш қилинган.

МНП-6089
**Dish with image of peacock
(Samarkand style)**

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan T. Kamal
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,0×31,5 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6089
**Блюдо с изображением павлина
(самаркандского образца)**

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Т. Камал.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
роспись.
5,0×31,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6090

Лаган (Самарканд услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулочилик усули, ўйма нақш, безакли нақш.
5,5×32,8 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

MHP-6090

Dish (Samarkand style)

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,5×32,8 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6091

Лаган (Самарканд услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулочилик усули, ўйма нақш, безакли нақш.
5,0×33,0 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

MHP-6091

Dish (Samarkand style)

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,0×33,0 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6090

Блюдо (самаркандского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
5,5×32,8 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 года.

МХП-6091

Блюдо (самаркандского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
5,0×33,0 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

МХП-6092

Лаган (Самарканд услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулочилик усули, ўйма нақш, безакли нақш.
4,7×32,7 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

МХП-6092

Dish (Samarkand style)

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
4,7×32,7 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6093

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулочилик усули, ўйма нақш, безакли нақш.
5,5×32,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

MHP-6093

Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,5×32,5 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6092

Блюдо (самаркандского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
4,7×32,7 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

МХП-6093

Блюдо (риштанского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
5,5×32,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

МХП-6094

Лаган

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев, Т. Камол.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
4,7×33,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоиш қилинган.

МНР-6094

Dish

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisans: Turab Miraliev, T. Kamal.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
4,7×33,5 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6094

Блюдо

Тошкент, Тошкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастера: Тураб Миралиев, Т. Камал.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
4,7×33,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6096

Лаган (Бухара услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1932 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5×32,5 см.

МНР-6096

Dish (Bukhara style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1932.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
5×32,5 cm.

МХП-6096

Блюдо (бухарского образца)

Тошкент, Тошкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1932 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
5×32,5 см.

МХП-6095

Лаган

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
6×33 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоиш қилинган.

МНР-6095

Dish

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
6×33 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6095

Блюдо

Тошкент, Тошкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
6×33 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6097 НКК-148

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
безакли накш.
5,5×33,0 см.

МНР-6097 НКК-148
Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,5×33,0 cm.

МХП-6097 НКК-148

Блюдо (риштанского образца)

Тошкент, Тошкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
роспись.
5,5×33,0 см.

КП МНИ-17370
Лаган
Узбекистон, XIX аср охири.
Гил, ангоб, сир, махсус
куполчилик усули, безакли нақш.
7,5×35 см.

КП МНИ-17370
Dish
Uzbekistan, late 19th century.
Clay, engobe, glaze, pottery,
painting.
7,5×35 cm.

КП МНИ-17370
Блюдо
Узбекистан, конец XIX в.
Глина, ангоб, глазурь,
гончарная техника, роспись.
7,5×35 см.

МХП-6098

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
безакли накш.
6×33 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўғазмасида намойиш қилинган.

МНП-6098

Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
6×33 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6098

Блюдо (риштанского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
роспись.
6×33 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6099

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев (?).
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
безакли накш.
5×32 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўғазмасида намойиш қилинган.

МНП-6099

Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev (?).
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5×32 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6099

Блюдо (риштанского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев (?).
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
роспись.
5×32 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6100

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1934 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
безакли накш.
5,5×33,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўғазмасида намойиш қилинган.

МНП-6100

Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1934.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,5×33,5 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6100

Блюдо (риштанского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1934 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
роспись.
5,5×33,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6103

Ҳўроз тасвири туширилган лаган

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
ўйма накш, безакли накш.
6,3×43 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўғазмасида намойиш қилинган.

МНП-6103

Dish with image of rooster

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
6,3×43 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

МХП-6103

Блюдо с изображением петуха

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
6,3×43 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

МХП-6106

Лаган (Хўжанд услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев (?).
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, уйма нақш, безакли нақш.
6,5×37,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

МНП-6106

Lyagan dish (Khojent style)

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev (?).
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving, painting.
6,5×37,5 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6106

Блюдо (ходжентского образца)

Тошкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев (?).
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, гравировка, роспись.
6,5×37,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

МХП-6107

Лаган

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, уйма нақш, безакли нақш.
6,8×43 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

МНП-6107

Dish

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving, painting.
6,8×43 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6107

Блюдо

Тошкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, гравировка, роспись.
6,8×43 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

МХП-6108

Лаган

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Усталар Туроб Миралиев, Т. Камол.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, уйма нақш, безакли нақш.
5×35,7 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

МНП-6108

Dish

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisans: Turab Miraliev, T. Kamal.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving, painting.
5×35,7 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

МХП-6108

Блюдо

Тошкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастера: Тураб Миралиев, Т. Камал.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, гравировка, роспись.
5×35,7 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

КП МНИ-145

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати.
1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, безакли нақш.
4,8×33 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

КР МНИ-145

Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
4,8×33 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

КП МНИ-145

Блюдо (риштанского образца)

Тошкент, Ташкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
4,8×33 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

КП МНИ-146

Лаган (Риштон услуби)

Тошкент, Тошкент бадиий саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Тураб Миралиев.

Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
безакли нақш.

6×34 см.

1937 йили Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намоиш қилинган.

КР МНИ-146

Dish (Rishtan style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.

Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
6×34 cm.

Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

КП МНИ-146

Блюдо (риштанского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.

Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
роспись.

6×34 см.

Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

КП МНИ-150

Лаган

Тошкент, Тошкент бадийи саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5×32,5 см.

1937 йилги Париж ва 1951 йилдаги Берлин
Бутунжаҳон кўргазмаларида намоиш
қилинган.

КП МНИ-150

Dish

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.

Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.

5×32,5 cm.

Exhibit at the World's Fairs in Paris in 1937 and
in Berlin in 1951.

КП МНИ-150

Блюдо

Тошкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.

Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.

5×32,5 см.

Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г. и в Берлине 1951 г.

КП МНИ-152

Лаган

Тошкент, Тошкент бадийи саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати,
1936 йил.

Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5×35,5 см.

1937 йилги Париж ва 1951 йилдаги Берлин
Бутунжаҳон кўргазмаларида намоиш
қилинган.

КП МНИ-152

Dish

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.

Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.

5×35,5 cm.

Exhibit at the World's Fairs in Paris in 1937 and
in Berlin in 1951.

КП МНИ-152

Блюдо

Тошкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности,
1936 год.

Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.

5×35,5 см.

Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 года и в Берлине 1951 г.

КП МНИ-148

Лаган (Бухоро услуби)

Тошкент, Тошкент бадийи саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати,
1936 йил.

Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5,2×35,5 см.

1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоиш қилинган.

КП МНИ-148

Dish (Bukhara style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.

Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.

5,2×35,5 cm.

Exhibited at the World's Fair in Paris in
1937.

КП МНИ-149

Лаган (Бухоро услуби)

Тошкент, Тошкент бадийи саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.

Гил, ангоб, сир, махсус кулолчилик усули,
уйма накш, безакли накш.
5×32,5 см.

1937 йилги Париж ва 1952 йилдаги Берлин
Бутунжаҳон кўргазмаларида намоиш
қилинган.

КП МНИ-149

Dish (Bukhara style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.

Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.

5×32,5 cm.

Exhibit at the World's Fairs in Paris in 1937 and
in Berlin in 1951.

КП МНИ-148

Блюдо (бухарского образца)

Тошкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.

Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.

5,2×35,5 см.

Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

КП МНИ-149

Блюдо (бухарского образца)

Тошкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.

Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.

5×32,5 см.

Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г. и в Берлине 1951 г.

КП МНИ-156

Лаган (Хўжанд услуби)

Тошкент, Тошкент бадийи саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Тураб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулполчилик усули,
уйма нақш, безакли нақш.
6,3×38,5 см.

КП МНИ-157

Лаган (Хўжанд услуби)

Тошкент, Тошкент бадийи саноат ўқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Тураб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус кулполчилик усули,
уйма нақш, безакли нақш.
5,8×38,8 см.

КП МНИ-156

Dish (Khojent style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
6,3×38,5 cm.

КП МНИ-157

Dish (Khojent style)

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
5,8×38,8 cm.

КП МНИ-156

Блюдо (ходжентского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
6,3×38,5 см.

КП МНИ-157

Блюдо (ходжентского образца)

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
5,8×38,8 см.

КП МНИ-158

Лаган

Ташкент, Ташкент бадий саноат уқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Тураб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма нақш, безакли нақш.
5,5×34,5 см.

КП МНИ-158

Дिश

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
5,5×34,5 см.

КП МНИ-158

Блюдо

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
5,5×34,5 см.

КП МНИ-159

Лаган

Ташкент, Ташкент бадий саноат уқув-
ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Тураб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули,
уйма нақш, безакли нақш.
6,5×38,2 см.

КП МНИ-159

Дिश

Tashkent, Tashkent Training and Production
Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, engraving,
painting.
6,5×38,2 см.

КП МНИ-159

Блюдо

Ташкент, Ташкентский учебно-
производственный комбинат
художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника,
гравировка, роспись.
6,5×38,2 см.

МХП-6104
Гулдон (Риштон услуби)
Тошкент, Тошкент бадий
саноат ўқув-ишлаб
чиқариш комбинати,
1936 йил.
Гил, ангоб, сир, махсус
куполчилик усули, безакли
нақш.
22,2×12 см.

MHP-6104
**Guldon vase
(Rishtan style)**
Tashkent, Tashkent Training
and Production Combine of
Art Industry, 1936.
Clay, engobe, glaze, pottery,
painting.
22.2×12 cm.

МХП-6104
**Ваза-гулдон
(риштанского образца)**
Ташкент, Ташкентский
учебно-производственный
комбинат художественной
промышленности, 1936 г.
Глина, ангоб, глазурь,
гончарная техника,
роспись.
22,2×12 см.

МХП-6105
Гулдон (Риштон услуби)
Тошкент, Тошкент бадий
саноат ўқув-ишлаб
чиқариш комбинати,
1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус
куполчилик усули, безакли
нақш.
22,8×12,5 см.

MHP-6105
**Guldon vase
(Rishtan style)**
Tashkent, Tashkent Training
and Production Combine of
Art Industry, 1936.
Clay, engobe, glaze, pottery,
painting.
22.8×12.5 cm.

МХП-6105
**Ваза-гулдон
(риштанского образца)**
Ташкент, Ташкентский
учебно-производственный
комбинат художественной
промышленности, 1936 г.
Глина, ангоб, глазурь,
гончарная техника,
роспись.
22,8×12,5 см.

КП МНИ-137
Гулдон (Уратена услуги)
Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Ёқубжон Рауфов.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, безакли нақш.
23,5×13,5 см.
1937 йилги Париж ва 1951 йилги Берлин Бутунжаҳон кўргазмаларида намойиш қилинган.

КР МНИ-137
Guldan vase (Ura-Tyube style)
Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Yakubjan Raufov.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
23,5×13,5 cm.
Exhibit at the World's Fairs in Paris in 1937 and in Berlin in 1951.

КП МНИ-137
Ваза-гулдон (ура-тюбинского образца)
Тошкент, Тошкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Якубджан Рауфов.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
23,5×13,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г. и в Берлине 1951 г.

КП МНИ-140
Гулдон (Риштон услуги)
Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, безакли нақш.
20,5×13,7 см.

КР МНИ-140
Guldon vase (Rishtan style)
Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
20,5×13,7 cm.

КП МНИ-140
Ваза-гулдон (риштанского образца)
Тошкент, Тошкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
20,5×13,7 см.

КП МНИ-138
Гулдон (Риштон услуги)
Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Туроб Миралиев.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, безакли нақш.
22×13 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

КР МНИ-138
Guldan vase (Rishtan style)
Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Turab Miraliev.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
22×13 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

КР МНИ-138
Ваза-гулдон (риштанского образца)
Тошкент, Тошкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Тураб Миралиев.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
22×13 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

КП МНИ-139
Гулдон (Уратена услуги)
Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Ёқубжон Рауфов.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, безакли нақш.
22,5×13,5 см.
1937 йилги Париж ва 1951 йилги Берлин Бутунжаҳон кўргазмаларида намойиш қилинган.

КР МНИ-139
Guldon vase (Ura-Tyube style)
Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Yakubjan Raufov.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
22,5×13,5 cm.
Exhibit at the World's Fairs in Paris in 1937 and in Berlin in 1951.

КП МНИ-139
Ваза-гулдон (ура-тюбинского образца)
Тошкент, Тошкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Якубджан Рауфов.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
22,5×13,5 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г. и в Берлине 1951 г.

КП МНИ-144
Лаган (Уратена услуги)
Тошкент, Тошкент бадий саноат ўқув-ишлаб чиқариш комбинати, 1936 йил.
Уста Ёқубжон Рауфов.
Гил, ангоб, сир, махсус куполчилик усули, безакли нақш.
5,6×32,7 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон кўргазмасида намойиш қилинган.

КР МНИ-144
Dish (Ura-Tyube style)
Tashkent, Tashkent Training and Production Combine of Art Industry, 1936.
Artisan Yakubjan Raufov.
Clay, engobe, glaze, pottery, painting.
5,6×32,7 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

КП МНИ-144
Блюдо (ура-тюбинского образца)
Тошкент, Тошкентский учебно-производственный комбинат художественной промышленности, 1936 г.
Мастер Якубджан Рауфов.
Глина, ангоб, глазурь, гончарная техника, роспись.
5,6×32,7 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже 1937 г.

HB-6746

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Хамро Рахимова.
Сопол, ганчкорлик, накш.
13,9×13,5×7,3 см.

HB-6746

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Khamro Rakhimova.
Clay, painting, modeling.
13,9×13,5×7,3 cm.

HB-6746

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Хамро Рахимова.
Глина, роспись, лепка.
13,9×13,5×7,3 см.

HB-6750

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Хамро Рахимова.
Сопол, ганчкорлик, накш.
17,9×15,3×6,4 см.

NY-6750

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Khamro Rakhimova.
Clay, modeling, painting.
17,9×15,3×6,4 cm.

HB-6750

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 год.
Мастер Хамро Рахимова.
Глина, лепка, роспись.
17,9×15,3×6,4 см.

NY-6745

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Khamro Rakhimova.
Clay, modeling, painting.
17×15,7×6,5 cm.

HB-6745

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Хамро Рахимова.
Глина, лепка, роспись.
17×15,7×6,5 см.

HB-6751

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Хамро Рахимова.
Сопол, ганчкорлик, накш.
14,8×13,6×5,5 см.

NY-6751

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Khamro Rakhimova.
Clay, modeling, painting.
14,8×13,6×5,5 cm.

HB-6751

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Хамро Рахимова.
Глина, лепка, роспись.
14,8×13,6×5,5 см.

HB-6747

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Хамро Рахимова.
Сопол, ганчкорлик, накш.
14,2×14,5×5,5 см.

NY-6747

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Khamro Rakhimova.
Clay, modeling, painting.
14,2×14,5×5,5 cm.

HB-6747

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Хамро Рахимова.
Глина, лепка, роспись.
14,2×14,5×5,5 см.

HB-6749

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Фатилло Саъдуллаев.
Сопол, ганчкорлик, накш.
19×15,2×8,4 см.

NY-6749

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Fatillo Sagdullaev.
Clay, modeling, painting.
19×15,2×8,4 cm.

HB-6749

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Фатилло Саъдуллаев.
Глина, лепка, роспись.
19×15,2×8,4 см.

HB-6748

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Хамро Рахимова.
Сопол, ганчкорлик, накш.
14,5×13,7×6,2 см.

NY-6748

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Khamro Rakhimova.
Clay, modeling, painting.
14,5×13,7×6,2 cm.

HB-6748

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 год.
Мастер Хамро Рахимова.
Глина, лепка, роспись.
14,5×13,7×6,2 см.

HB-6752

Хуштак

Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Фатилло Саъдуллаев.
Сопол, ганчкорлик, накш.
23,8×19,2×12,7 см.

NY-6752

Khushtak – Whistle

Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Fatillo Sagdullaev.
Clay, modeling, painting.
23,8×19,2×12,7 cm.

HB-6752

Хуштак – свистулька

Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Фатилло Саъдуллаев.
Глина, лепка, роспись.
23,8×19,2×12,7 см.

HB-6753
Хуштак
Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Фатилло Саъдуллаев.
Сопол, ганчкорлик, накш.
24×20,6×8,1 см.

NY-6753
Khushtak – Whistle
Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Fatillo Sagdullaev.
Clay, painting, modeling.
24×20,6×8,1 cm.

HB-6753
Хуштак – свистулька
Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Фатилло Сагдуллаев.
Глина, роспись, лепка.
24×20,6×8,1 см.

HB-6731
Хуштак
Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1970–1980 йиллар.
Уста Фатилло Саъдуллаев.
Сопол, ганчкорлик, накш.
10,2×8,6×3,7 см.

NY-6731
Khushtak – Whistle
Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1970s–1980s.
Artisan Fatillo Sagdullaev.
Clay, modeling, painting.
10,2×8,6×3,7 cm.

HB-6731
Хуштак – свистулька
Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1970–1980-е гг.
Мастер Фатилло Сагдуллаев.
Глина, лепка, роспись.
10,2×8,6×3,7 см.

HB-6754
Хуштак
Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Фатилло Саъдуллаев.
Сопол, ганчкорлик, накш.
22,8×15,5×11,2 см.

NY-6754
Khushtak – Whistle
Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Fatillo Sagdullaev.
Clay, modeling, painting.
22,8×15,5×11,2 cm.

HB-6754
Хуштак – свистулька
Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Фатилло Сагдуллаев.
Глина, лепка, роспись.
22,8×15,5×11,2 см.

HB-6743
Хуштак
Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1970 йиллар.
Уста Кубаро Бобоева.
Сопол, ганчкорлик, накш.
20,8×14×8,3 см.

NY-6743
Khushtak – Whistle
Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1970s.
Artisan Kubaro Babaeva.
Clay, modeling, painting.
20,8×14×8,3 cm.

HB-6743
Хуштак – свистулька
Бухарская обл., Вабкентский район, кишлак Уба, 1970-е гг.
Мастер Кубаро Бабаева.
Глина, лепка, роспись.
20,8×14×8,3 см.

HB-6755
Хуштак
Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1975 йил.
Уста Фатилло Саъдуллаев.
Сопол, ганчкорлик, накш.
25×18,4×15 см.

NY-6755
Khushtak – Whistle
Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1975.
Artisan Fatillo Sagdullaev.
Clay, modeling, painting.
25×18,4×15 cm.

HB-6755
Хуштак – свистулька
Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1975 г.
Мастер Фатилло Сагдуллаев.
Глина, лепка, роспись.
25×18,4×15 см.

HB-6744
Хуштак
Бухоро вилояти, Вобкент тумани, Уба кишлоғи, 1970 йиллар.
Уста Кубаро Бобоева.
Сопол, ганчкорлик, накш.
23×15,5×8,1 см.

NY-6744
Khushtak – Whistle
Uba village, Vobkent District, Bukhara region, 1970s.
Artisan Kubaro Babaeva.
Clay, modeling, painting.
23×15,5×8,1 cm.

HB-6744
Хуштак – свистулька
Бухарская обл., Вабкентский р-он, кишлак Уба, 1970-е гг.
Мастер Кубаро Бабаева.
Глина, лепка, роспись.
23×15,5×8,1 см.

HB-6733

«Аждар» ўйинчоги

Самарканд, 1946 йил.
Уста Умаркул Жўракулов
(1894–1973).
Сопол, ганчкорлик,
қолип.
7,3×12,5×5 см.

NY-6733

“Dragon” toy

Samarkand, 1946.
Artisan Umarkul
Jurakulov (1894–1973).
Clay, modeling, stamp.
7.3×12.5×5 cm.

HB-6733

Игрушка «Дракон»

Самарканд, 1946 г.
Мастер Умаркул
Джуракулов
(1894–1973).
Глина, лепка, штамп.
7,3×12,5×5 см.

HB-6735

«Йўлбарс» ўйинчоги

Самарканд, 1946 йил.
Уста Умаркул Жўракулов
(1894–1973).
Сопол, ганчкорлик,
қолип.
7,7×9,1×5,4 см.

NY-6735

“Tiger” toy

Samarkand, 1946.
Artisan Umarkul
Jurakulov (1894–1973).
Clay, modeling, stamp.
7.7×9.1×5.4 cm.

HB-6735

Игрушка «Тигр»

Самарканд, 1946 г.
Мастер Умаркул
Джуракулов
(1894–1973).
Глина, лепка, штамп.
7,7×9,1×5,4 см.

HB-6736

«Эшак ва хўтиқча» ўйинчоги

Самарканд, 1970
йиллар.
Уста Умаркул Жўракулов
(1894–1973).
Сопол, ганчкорлик,
қолип.
6,6×7,9×2,9 см.

NY-6736

“Donkey and foal” toy

Samarkand, 1970s.
Artisan Umarkul
Jurakulov (1894–1973).
Clay, modeling, stamp.
6.6×7.9×2.9 cm.

HB-6736

Игрушка «Осел с ослинком»

Самарканд, 1970-е гг.
Мастер Умаркул
Джуракулов
(1894–1973).
Глина, лепка, штамп.
6,6×7,9×2,9 см.

HB-6740

«Туя» ўйинчоги

Самарканд, 1970
йиллар.
Уста Умаркул Жўракулов
(1894–1973).
Сопол, ганчкорлик,
нақш, қолип,
ўймакорлик.
9,6×10,4×6,2 см.

NV-6740

“Camel” toy

Samarkand, 1970.
Artisan Umarkul
Jurakulov (1894–1973).
Clay, modeling, painting,
stamp, engraving.
9.6×10.4×6.2 cm.

HB-6740

Игрушка «Верблюд»

Самарканд, 1970-е гг.
Мастер Умаркул
Джуракулов
(1894–1973).
Глина, лепка, роспись,
штамп, гравировка.
9,6×10,4×6,2 см.

HB-6737

«Эшак» ўйинчоги

Самарканд,
1970–1980 йиллар.
Уста Абдурахим
Мухтаров (1931 й.т.).
Сопол, ганчкорлик,
қолип.
5×6,7×4 см.

NY-6737

“Donkey” toy

Samarkand,
1970s–1980s.
Artisan Abdurakhim
Mukhtarov (born in
1931).
Clay, modeling, stamp.
5×6.7×4 cm.

HB-6737

Игрушка «Ослик»

Самарканд,
1970–1980-е гг.
Мастер Абдурахим
Мухтаров (1931 г.р.).
Глина, лепка, штамп.
5×6,7×4 см.

HB-6741

«Аждар» ўйинчоги

Самарканд,
1970–1980 йиллар.
Сопол, ганчкорлик,
нақш.
11,9×14,9×6,2 см.

NV-6741

“Dragon” toy

Samarkand,
1970s–1980s.
Clay, modeling, painting.
11.9×14.9×6.2 cm.

HB-6741

Игрушка «Дракон»

Самарканд,
1970–1980-е гг.
Глина, лепка, роспись.
11,9×14,9×6,2 см.

**ХІХ-ХХ АСРЛАРДА
ЎЗБЕКИСТОНДА БАДИИЙ МЕТАЛЛ**

ARTISTIC METAL OF UZBEKISTAN
IN THE 19TH-20TH CENTURIES

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ
УЗБЕКИСТАНА XIX-XX ВЕКОВ

XIX-XX АСРЛАРДА ЎЗБЕКИСТОНДА БАДИИЙ МЕТАЛЛ

М.О. Юдин

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейида металлдан ишланган ўзбек бадий буюмлари унча кўп эмас. Тўпламдаги барча буюмлар 2000 йилда музей тўпламига Халқ санъати музейи (аввалги Хунармандчилик музейи)¹ томонидан тақдим этилган.

Ўзбекистонга оид металл буюмлар тўпламини йигини 1930-йиллардан бошланган. Уша даврда музей Бадий хунармандчилик санъати институти тузилмасининг бўлими ҳисобланарди.

Бир қатор буюмлар музейга 1937 йилдаги Халқаро Париж кўргазмаси (Замонавий ҳаётда санъат ва техника Бутунжаҳон кўргазмаси)дан сўнг берилди. Унинг вакиллари европаликларни ҳозирги МДХ республикаларидаги амалий санъат анъаналари билан таништириб, 95 та Гран-при мукофоти, шунингдек, 70 та олтин, 40 та кумуш, 6 та бронза медал, 50 та фахрий ёрлик билан тақдирланишди². Кўргазмадан сўнг келиб тушган буюмлар орасида анъанавий шаклда ишланган ювинини мослама-си – *дастий* ниҳоятда ажойиб ишлангани билан ажралиб туради. Унга ўйиб ёзилган битикда устанинг исм-шарифи «А.С. Хомидуев» ҳамда идиш ишланган аниқ сана (1936 йил 5 октябры) кўрсатилган.

Музей тўпламини тўлдириб турувчи яна бир муҳим манба сифатида БСИТИ экспедицияларини кўрсатиш мумкин. Унинг аъзолари фақатгина «жойлардаги усталар билан ишлаш» эмас, балки қадимий ва замонавий безакли амалий санъат буюмларини қўлга киритишни ҳам ўз олдига мақсад қилиб қўйган эди.

1939 йил Қўқон шаҳрида ўтказилган мана шундай экспедиция пайтида институт ходими С.В. Ильинская музей тўпламини юз йил аввал номалум уста томонидан ишланган «сарик мисдан ҳар тарафи ўйма нақш билан безатилган қопқоқли кўза» билан тўлдирган³.

Шунингдек, музейда XIX асрга тегишли деб топилган анъанавий шаклдаги *чойдони* ва *оғтоба* ҳам мавжуд. Уларнинг иккаласи ҳам 1940-йилларнинг охири 1950-йилларнинг бошида Шарқ маданияти му-

зейи (ҳозир бу музей Шарқ давлат музейи деб аталади) тўпламига тақдим этилган.

Ўзбекистон бадий саноат кенгаши орқали келиб тушган буюмлар орасида 1930 йилда «Большевик» артелида тайёрланган *чилм* алоҳида ажралиб туради. Унга ишлов беришда анъанавий ўйма нақш ҳамда безаклардан ташқари қора кумуш ва Шарқда алоҳида қадрланган фе-руза тошдан фойдаланилган.

Уста Муҳаммад Халилов 1980 йилда ўзи ясаган патнисни музейга совға қилган. Унинг сирти ўйма нақш ва пахта чаноғи тасвири билан безатилган.

Шундай қилиб музейда тўпланган бадий металлнинг унчалик катта бўлмаган тўплами ўзбек халқ амалий-безак санъатининг энг қадимий ва қизикарли турининг ривожланиши ҳақида тасаввур беради.

Бунда асосан буюмнинг асрлар давомидаги анъанавий шаклига ҳамда уни безатишдаги дид қондаларига эътибор қаратилади⁴. Айни пайтда хунармандчиликнинг муттасил ривожланиши оқибатида унинг шакл ва кўринишлари ҳам тақомиллашди.

Одатда, бундай буюмлар уч йўналишдаги усталар томонидан тайёрланган: мингарлар буюмнинг шаклини, металл қуювчилар дастаси, тумшуги, қопқоғи ва бошқа деталларини ишлашган, ўймакорлар эса уни интичка тасвир ва нақш билан безатишган.

Ўйма нақш унсурлари билан безак бериш ўзбек халқ амалий-безак санъатининг барча кўринишлари учун ҳосил. Булар асосан ўсимликсимон, геометрик, баъзан зооморф нақшлар, хаттотлик намуналари, миний буюмларнинг тасвиридир.

Тадқиқотчиларнинг фикрича, ўзбек нақшнинг энг кўп тарқалган тури – ўсимлик тасвирини ифодаловчи «ислимий» нақш бўлиб, бунда поя, гул ва барглари ифодаланган⁵. «Ислимий» нақшнинг турфа хили билан медальон, тақсимча, геометрик шакллар безатилган. Анъанавий ёндоршувга қарамай, ҳар бир уста ўзи ёқтирган «ислимий» нақшлардан фойдаланган. Зооморф тасвирлар ҳам турли шаклларда қўлланилади. Булар энди ҳайвон шакли эмас, балки уларнинг аъзолари: булбул кўзи, кўй шох, балик тангаси ва бошқалардир. Буюмларнинг тумшуги ва дастасида қўлланган қуш ва ҳайвон шакллари сингари натуралистик чизмалар бундан мустасно. Геометрик нақш ўйма нақшда кўпроқ ишлатилиб, айрим геометрик нақшлар («иштча», «тоқча», «занжирлар») тўғридан-тўғри меъморий безакларда ишлатилган. Ушбу жиҳат, шунингдек, ўзбек санъатининг умумий йўналишларида бадий металл санъатининг ривожланишдан далолат беради ҳамда ўз навбатида жаҳон маданият меъросининг ажралмас узвий қисми ҳисобланади.

1. Қаран. Постановление Правительства РР от 05.08.1989 № 1232-Р.

2. Карл. Фохретдинов, Л.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. Ташкент, 1972. – 53-бет.

3. 1939 йил УССР Бадий санъатини таъқиқ, таълим ва тарқатиш оид бўлган ушбу тўғрисида қарар қабул қилинган (11 / IX-дан 27 / шавбат). Ушбу буюм муҳаббат / / Бадий саноат институти таъқиқотчилик институти архиви (БСИТИ). – ВМДНИИнинг ҳужжатлари ва унинг ҳужжатлари бўлими. 82. Векторизация (ПХМ) ИИИИИ. 1981.2. Ушбу буюм. 1981.2. 1981.2. 1981.2.

4. Ўзбекистонда ясалган асрий буюмларнинг муқаббат Шарқи Туркистон, Хиндустон, Эрон, Кавказ ва Туркия халқлари буюмлари орасида ҳам мавжуд бўлиб, халқлар ўртасидаги ўзаро маданият алоқалар ҳақида ушбу нақшнинг турли йўналишда, ишлатилишда мақсадлар мунозарасининг аниқлиги. Анъанавий саноатнинг ишлатилиш кучи бу нақш, хаттотлик ва геометрик нақшлар билан таъқиқотчилик институти архивида нақш безатилган.

5. Таъқиқотчи Каран. Айтулов Л.А. Фохретдинов, Л.А. Халилов А.А. Постов. 1981.2. Ташкент, 1981.

ARTISTIC METAL OF UZBEKISTAN IN THE 19TH-20TH CENTURIES

M.O. Yudin

The collection of Uzbek artistic metal works displayed at the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art is not very big. All the items of this type were transferred to the museum as part of the collection of the Museum of People's Art (former Central Museum of Handmade Articles)¹.

The collection of Uzbek metal articles began to form in the 1930s. At that time the museum became a subdivision of the Institute of Artistic Crafts.

A number of items arrived in the museum after the International Exposition in Paris (International Exposition of Art and Technology in Modern Life - Exposition Internationale des Arts et Techniques dans la Vie Moderne) in 1937 (95 Grand Prix, 70 gold, 40 silver and 6 bronze medals and over 50 honorary diplomas), at which Europe became acquainted with the unique art of the present-day CIS countries. Uzbek masters were also granted awards². Among the articles that were brought to the museum after the exhibition, one of the most interesting is a traditional-shape washing bowl *dastshuy*. The inscription engraved on it imparts the name of the master (A.S. Khomiduyev) and production date (5 October 1936).

Another source that helped increase the museum collection was the Research Institute of Artistic Crafts. The institute organised expeditions with the purpose of 'cooperation with craftsmen in their native environment' and obtainment of antique and modern examples of decorative and applied arts. During one of these expeditions, in the city of Kokand in 1939 S. V. Ilyinskaya, a researcher from the institute, obtained a 'massive engraved vase with a lid/made of yellow copper/by an unknown master about a hundred years ago.'³

Two traditional-shape jugs, *choydishi* and *oftoba*, are also dated to the 19th century. Before they were transferred to the museum in the

late 1940s-early 1950s, they had been kept at the Museum of Oriental Cultures (currently State Museum of Oriental Art).

Among the items that came from the Uzbek *promkhusovet* (the Council of Artistic Crafts of the Uzbek SSR), one of the most interesting is a smoking set made by the *artel* (a cooperative association of craftsmen) Bolshevik in the 1930s. Alongside traditional chasing and engraving, it is decorated with niello and turquoise - one of the most popular mineral in the East.

Master Magomed Khalilov presented the museum with a tray he made in 1980. The decoration of the tray consisted of an engraved ornament with an applied low-relief image of a cotton-bowl.

The small collection of artistic metal items kept at the museum demonstrates the evolution of one of the oldest and most interesting types of decorative and applied art. The century-old adherence to traditional forms and aesthetic canons in the decoration of the items is what makes them especially remarkable⁴. At the same time, the continuous development of forms and *décor* allowed masters to achieve a very high level of skill.

Usually, three types of specialists were involved in the production: coppersmiths made bodies, casters - handles, spout tips, hinges and other parts, while engravers decorated the items with fine chasing and engraving.

Decorative elements in chased items were typical of all other kinds of Uzbek decorative and applied art. They basically included vegetal and geometric motifs, more rarely zoomorphic elements, calligraphic inscriptions and images of household objects.

According to numerous researchers, the commonest motif in Uzbek ornaments is *islimi* - a vegetal motif of twining stems, flowers and leaves⁵. Medallions, rosettes and geometric figures are usually filled with various *islimi* patterns. Despite the traditionalism of techniques used, each artist interprets a vegetal motif in their own way. Zoomorphic patterns are usually stylised and represented not by whole animals, but, rather, their parts, such as a nightingale's eye, a ram's horn, fish's scales and other. The exceptions are birds and animals on handles and sprouts, which are more naturalistic. Geometric patterns are usually engraved for some practical purposes, while some of the motifs of this type (bricks, niches and chains) are borrowed directly from architectural *décor*. This fact makes it possible to easily trace the development of artistic metal as a branch of Uzbek art, which forms an inseparable part of the global cultural heritage.

1. See: Russian Federation Government Executive Order of August 5, 1999, No. 1232-6.

2. See: D.A. Fakhretdinova, *Decorative and Applied Arts of Uzbekistan*, Tashkent, 1972, p. 53.

3. General activity report on researching artistic craftwork in UzSSR in 1939 (for the period from September 11th until October 27th of this year) // Archive of the Research Institute of Art Industry (RIAI) - Manuscripts and research documents Department of The All-Russian Museum of Art, Fund No. 143, Inventory 4a, File 82, All-Soviet Union Producers' Co-operative Society Council of RIAI sheet 2, Ibid. File 80 sheet 55.

4. Many types of crockery are similar to items by other peoples in East Turkistan, India, Iran, the Caucasus and Turkey, which is attributable to the interaction of cultures and the practicality of the traditional vessel shapes, and commonality of their everyday application. The tradition was so strong that imposed factory-made trays and even Tula samovars had been decorated with ornamental carvings before they were put on the market.

5. For more detail, see: I.A. Abdulaev, D.A. Fakhretdinova, A.A. Hakimov, *Song in the Metal*, Tashkent, 1986.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ УЗБЕКИСТАНА XIX-XX ВЕКОВ

М.О. Юдин

Коллекция узбекского художественного металла во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства относительно немногочисленна. Все предметы, хранящиеся в собрании, были переданы в Музей в 2000 г. в составе коллекции Музея народного искусства (бывшего Центрального кустарного музея).

Начало комплектования коллекции узбекского металла относится к 1930-м гг. В это время Музей становится структурным подразделением Института художественной кустарной промышленности.

Ряд предметов был передан в Музей после Всемирной выставки в Париже (Всемирная выставка искусства и техники в современной жизни) 1937 г. (95 Гран-при, 70 золотых, 40 серебряных, 6 бронзовых медалей и более 50 почетных дипломов), познакомившей Европу с самобытным искусством нынешних стран СНГ. Узбекские мастера также получили награды¹. Среди поступивших после выставки предметов интересен умывальник традиционной формы – *дистилуи*. Выгравированная на нем надпись позволяет узнать имя мастера – А.С. Хомидуев – и точную дату изготовления изделия – 5 октября 1936 г.

Другим важнейшим источником пополнения музейной коллекции были экспедиции НИИХП, имевшие целью не только «работу с мастерами на местах», но и приобретение в качестве образцов старинных и современных произведений декоративно-прикладного искусства. Во время одной из таких экспедиций в 1939 г. в городе Коканде сотрудница института С.В. Ильинская смогла пополнить коллекцию музея «массивной чеканной вазой с крышкой / желтой меди / неизвестного мастера столетней давности»².

Также XIX в. датируются два кувшина традиционных форм – *чой-диш* и *офтоб*. Оба они были переданы в конце 1940-х – начале 1950-х гг. из коллекции профильного Музея восточных культур (сейчас Государственный музей Востока).

1. См. Распоряжение Правительством РСФСР от 05.08.1939 № 1232-р.

2. См. Фахретдинова Л.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. Ташкент, 1972. – С. 83.

3. Книжка отчет о проведенной работе по обследованию художественных промыслов УССР в период (за период с 11 / IX по 27 / X с.г.) // Архив Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП). – Стелет рукописей и документов, документов ВМДНП. Фонд 1943. Оп. 40. Д. 80. 82. Векторизован (НХП) НИИХП. Точ. 2. Точ. 80. Д. 80. Точ. 55.

4. Многие виды посуды Узбекистана имеют аналогичные формы и другие паровые. Восточного Туркестана, Индии, Ирана, Кавказа и Турции, что объясняется взаимовлиянием культур, не исключая форм традиционных форм посуды, общностью их утилитарного назначения. О том, насколько быт и сны традиций, говорит тот факт, что привозные фабричные посуда и даже тульские самовары, прежде чем поступить в продажу, обязательно украшаются орнаментами и резьбой.

5. Подобные см. Абдуллаев Л.А., Фахретдинова Л.А., Халилов А.А. Пути и методы – Ташкент, 1980.

Из вещей, поступивших через Узбекский промхудовет, выделяется курительный прибор, изготовленный в 1930-е гг. артелью «Большевик». В его декоре наряду с традиционными чеканкой и гравировкой использованы чернь и любимый камень Востока – бирюза.

В дар от мастера Магомеда Халилова был получен изготовленный им в 1980 г. поднос, украшенный гравированным орнаментом и накладкой с рельефным изображением коробочки хлопка.

Таким образом, собранная в Музее небольшая коллекция художественного металла дает представление об эволюции одного из самых древних и интересных видов узбекского декоративно-прикладного искусства. Здесь прежде всего обращает на себя внимание вековая традиционность форм и эстетических канонов оформления изделий. В то же время во многом благодаря непрерывности развития мастерство их исполнения достигло совершенства.

Как правило, произведения создавались мастерами трех специальностей: медники изготавливали формы, литейщики – ручки, кончики носителей, шарниры и другие детали, чеканщики украшали изделия тонкой чеканкой и гравировкой.

Элементы орнамента чеканных изделий характерны для всех видов узбекского декоративно-прикладного искусства. В основном это растительные, геометрические и реже зооморфные узоры, каллиграфические надписи, изображения бытовых предметов.

По мнению исследователей, наиболее распространенный мотив узбекского орнамента – растительный *ислими*, состоящий из выходящих стеблей, цветов и листьев³. Разнообразными узорами *ислими* заполняются медальоны, розетки, геометрические фигуры. Несмотря на традиционность приемов, каждый мастер использует свою трактовку растительного декора. Зооморфные изображения предстают в стилизованном виде. Это уже не животные, а их части: глаз соловья, рог барана, рыба чешуя и др. Исключение составляют более натуралистичные воспроизведения птиц и зверей на ручках или носиках предметов. Геометрический орнамент несет в чеканке чаще всего служебную нагрузку, а некоторые геометрические узоры («кирпичики», «ниши», «цепочки») напрямую заимствованы из архитектурного декора. Этот факт также наглядно свидетельствует о развитии художественного металла в общем русле узбекского искусства, которое, в свою очередь, является неотъемлемой частью мирового культурного наследия.

МХП-16219 НМЕТ-313
Обдаста

Узбекистон, XIX аср.
Мис, окартириш, санчма ва
уйма нақш.
45×23×14 см.

МНР-16219 НМЕТ-313
**Vessel for washing hands
obdasta**

Uzbekistan, 19th century.
Copper, tinning, tapping,
engraving.
45×23×14 cm.

МХП-16219 НМЕТ-313
**Сосуд для мытья рук
обдаста**

Узбекистон, XIX в.
Медь, лужение, выколотка,
гравировка.
45×23×14 см.

МХП-16321 НМЕТ-314
Офтоба

Узбекистон, XIX аср.
Латунь, куйма, окартириш,
уйма нақш.
37×26×17,5 см.

МНР-16321 НМЕТ-314
**Vessel for washing
hands oftaba**

Uzbekistan, 19th century.
Brass, casting, tinning, engraving.
37×26×17.5 cm.

МХП-16321 НМЕТ-314
**Сосуд для мытья рук
офтоба**

Узбекистон, XIX в.
Латунь, литье, лужение,
гравировка.
37×26×17,5 см.

МХП-16323 НМЕТ-315
Чойдиш

Узбекистон, XIX аср.
Латунь, санчма ва уйма накш,
окартириш, куйма.
35,5×17×11,6 см.

MHP-16323 NMET-315
Choydish – jug for tea

Uzbekistan, 19th century.
Brass, tapping, engraving,
tinning, casting.
35.5×17×11.6 cm.

МХП-16323 НМЕТ-315
Чойдиш – кувшин для чая

Узбекистон, XIX век.
Латунь, выколотка,
гравировка, лужение, литье.
35,5×17×11,6 см.

МХП-16344 НМЕТ-319
Чилим

Узбекистон. «Большевик»
артели, 1920–1930 йиллар.
Латунь, феруза, бамбук,
мис, зарб бериш, санчма ва
уйма накш, ниллий коришма.
44×16×10 см.

MHP-16344 NMET-319
Chilim pipe

Uzbekistan. Bolshevik
cooperative, 1920–1930s.
Brass, turquoise, bamboo,
copper, tapping, embossing,
engraving, niello.
44×16×10 cm.

МХП-16344 НМЕТ-319
Курительный прибор чилим

Узбекистон. Артель
«Большевик», 1920–1930-е гг.
Латунь, бирюза, бамбук,
медь, выколотка, чеканка,
гравировка, чернь.
44×16×10 см.

МХП-16324/1-2 НМЕТ-334/1-2

Дастшуй

Бухара, «Кизил маъданчи» артели,
1936 йил.
Латуни, уйма нақш, санчма, кесма,
окартириш.
15,5×35,5×35,5 см.

МНП-16324/1-2 НМЕТ-334/1-2

Dastshuy – a basin used for washing hands

Bukhara, Kizil Magdanchi cooperative, 1936.
Brass, engraving, tapping, punching,
tinning.
15,5×35,5×35,5 cm.

МХП-16324/1-2 НМЕТ-334/1-2

Тазик дастшуй, использующийся при мытье рук

Бухара, артель «Кизил маъданчи», 1936 г.
Латуни, гравировка, выколотка, просечка,
лужение.
15,5×35,5×35,5 см.

КП МНИ-1867/1-2 НМЕТ-597/1-2

Қопқокли идиш

Ўзбекистон, XIX аср.
Латуни, санчма, қуйма, окартириш,
зарб бериш.
44×42×37 см.

КР МНИ-1867/1-2 НМЕТ-597/1-2

Dish with lid

Uzbekistan, 19th century.
Brass, tapping, casting,
tinning, embossing.
44×42×37 cm.

КП МНИ-1867/1-2 НМЕТ-597/1-2

Сосуд с крышкой

Ўзбекистон, XIX век.
Латуни, выколотка, литье,
лужение, чеканка.
44×42×37 см.

КП МНИ-22685 НМЕТ-347
Патнис (лаъли)

Тошкент, 1980 йил (?).
Уста Мухаммад Халилов.
Латунь, пластмасса, кандакорлик.
2×48×48 см.

КР МНИ-22685 НМЕТ-347
Salver – lali

Tashkent, 1980 (?).
Artisan Magomet Khalilov.
Brass, plastic, engraving.
2×48×48 cm.

КП МНИ-22685 НМЕТ-347
Поднос (лали)

Тошкент, 1980 г. (?)
Автор Магомед Халилов.
Латунь, пластмасса, гравировка.
2×48×48 см.

XX АСРДА ЎЗБЕКИСТОНДАГИ
АНЪАНАВИЙ ЗАРГАРЛИК
БУЮМЛАРИ

TRADITIONAL JEWELRY OF UZBEKISTAN
IN THE 20TH CENTURY

ТРАДИЦИОННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ
УЗБЕКИСТАНА XX ВЕКА

XX АСРДА ЎЗБЕКИСТОНДАГИ АНЪАНАВИЙ
ЗАРГАРЛИК БУЮМЛАРИ

О.И. Брюзгина

Ўзбекистоннинг заргарлик санъати намуналари БРАБХСМ тўпла-
мининг аёллар тақинчоқлари жамланмасида тақдим этилган бўлиб,
1935-1936-йилларда Тошкент ва Бухоро заргарлик устахоналари вақит-
лари томонидан Париждаги Халқаро кўргазмада намоён қилиниши
учун Ўзбексаноат кенгаши буюртмаси асосида тайёрланган¹.
Архив материалларида музей тўплами

Архив материалларида музей тўпламида сақланаётган буюмларни ясаган тошкентлик усталарнинг номлари сақланмаган. Бухоронинг «Қизил маъданчи» заргарлар устахонасидан Париж анжуманида Шариф Бақоев, Максим Мухторов, Мирхўжа Мадаминов, Мухиддин Заудинов ва Аҳад Самадовлар иштирок этишган².

1920-йиллар охири - 1930-йиллар бошларида Ўзбек заргарлари артелларга бирлаша бошлаган. Шу тарика заргарлик касби эски бадийий марказларнинг худудий ўзига хосликларини сақлаган, янгиликлар билан бойитилган ҳолда ривожлана бошлаган.

1935-1936-йилларда...

1935-1936-йилларда олиб борилган экспедициялар натижасида Саноат кенгаши ва Бадний саноат илмий-тадқиқот институти (БСИТИ) мутахассисларида Тошкент ҳамда Бухородаги ўз марказларидаги анъаналарини сақлаб қолган усталарнинг тилла ва қумушдан ишлаган медалари катта қизиқиш уйғотган.

Икки шаҳар вакиллари кўргазмада қатнашиш учун таклиф этилди. Ўша пайтдаги хунармандчилик саноати ташкилотчилари илгари сурган буюмнинг сифати ҳамда ташқи кўринишига нисбатан муҳим ижтимоий-сиёсий вазифалар асосида келиб чиққан қатъий талабларга қарамай, усталар ўз халқи заргарлик санъати ютуқларининг ёрқин жиҳатларини намоён эта олинди.

Уларнинг босма нақш, ўйма нақш, безак ва қоплама зарсим, қадима нақш ҳамда рангли сир қопланган ишлари барчанинг олқишига сазовор бўлди.

1 Устазлар руҳини 1937-
йилда С. алоқачилик
тарафидан Халқ саноати
мувоҳидоти ташкиридан
бузим тар тавсифига
берилади. (Қарин: С.
Мирзонов номин ХСМ
№1 МХИ руҳини ошми
китоби. 170-171-бетлар).
1938 йил 11-майда
—Қапит М. Ўзбекистон
чиқариши пукани
салоҳиат У. Ўзбекистон
маданияти саноати тар
увоғимасларне қари
руҳини кирмаган.
(Қарин: У. Ўзбекистон
маданияти саноати тар
увоғимасларне қари
1938 йил 10-октябрини
—У. Ўзбекистон
хушамантининки
руҳини тарини
тақдир тар халқини
181-сонини қарор).

[illegible]

Усталар халқаро даражада икки заргарлик маркази иштини ўзига хос тарафларини муваффақият билан намойиш қилганлар¹.

Қайд этиш жоизки, заргарлик буюмлари халқ санъати асарининг ўзига хослиги жиҳатидан алоҳида кўринишга эга бўлиб, халқ заковати ҳамда нафосати талабларининг ижодий шаклини ўзида акс эттиради. Заргарлик тақинчокларига дастлаб келиб чиқиши жиҳатидан қадимий одатларга кўра ижтимоий рамз, тумор, ёмонликлардан ҳимоя қилувчи восита сифатида қаралган. Асрлар давомида юзага келган, халқ маданиятининг тамаддуулараро ривожланган муҳим жиҳатлари уларнинг шакли, тузилиши, тақиш жиҳатлари, безатишдаги ўзига хосликларининг бадиий шаклида ифода қилинган. Тақинчокдаги ҳар бир қисм ва нақшли мавзу илмий ҳамда техник тафаккурнинг ривожланиш босқичларини, миллий нафосат ва диний дунёқарашларни намоён этган.

Кўргазма ашёлари бўлмиш тақинчолардан тибқи ҳаётнинг ўзига
нақш, безак ва қоплама зарсим, қадама нақш ҳамда рангли сир қоплан-
ган юза усталарга заргарлик санъатининг ёрқин шаклини нафақат рес-
публикада, балки жаҳон даражасида ҳам икки ҳудудий санъат макта-
бининг ўзига хос усулини танитиш ҳамда юксак маҳоратини намойиш
этишга имкон яратган.

Нақшлар, тош ёки шишалар, заргарлик безаклари шакли – буларнинг ҳаммаси биргаликда асрлар мобайнида сайқал топган бежиримлик, композиция ҳамда ранг уйғунлиги мужассамлигини ташкил этади. Буюмдаги асосий моҳиятни факатгина ашёнинг қимматбаҳолиги эмас, буюмнинг шакли, ранг рамзи ҳамда тошнинг ўзига хос табиий хусусияти ҳам белгилайди. Унинг кимёвий хусусиятлари, келиб чиқиши, ташки тавсифи ер ва сувнинг сеҳрли кучига оид қарашлар билан боғлиқ⁴. Наттижада ҳар бир буюм ўзига хос бежирим микроинотнинг, Борлик ва инсоннинг ўзаро иттифоқи ҳамда алоқадорлигининг фалсафий моделини ижодкорона акс эттирган.

Хозирги кунда Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музе-
йи (БРАБХСМ) ўзбек халқ санъати тўпламида сақланаётган заргарлик
буюмлари ҳар тарафлама халқ амалий санъати анъаналари ҳамда мил-
лий санъат мактабининг бой ижодий имкониятларини намоён этиб
келмоқда.

3. Карант Фахриддинова, Д.А.
Декоративно-прикладное
искусство Узбекистана.
Ташкент, 1972. - 29 бет.

4 Кар. Умарсиза.

TRADITIONAL JEWELRY OF UZBEKISTAN IN THE 20TH CENTURY

O.I. Bryuzgina

The jewelry of Uzbekistan in the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art is represented by a collection of women's adornments ordered by Uzpromsovet for the International Exposition in Paris and made in 1935–1936 by workers from jewelers' artels in Tashkent and Bukhara. Archives do not contain the names of masters from Tashkent whose items are found in the museum collection. The Bukharan jewelers' artel Kyzyl Magdanchi was represented at the Paris Exposition by Sharif Bakayev, Maksin Mukhtarov, Mirhojan Madalinov, Mukhudzin Zaudinov and Agat Samadov¹.

In the late 1920s–early 1930 jewelers in Uzbekistan began to unite into artels, while jewelry as art continued to develop, preserving local features characteristic of old artistic craft centres and acquiring new contemporary elements. Scientific research into the ethnography and crafts of Central Asian peoples was also continued².

During the 1935–1936 expeditions the interest of specialists from the Promsovet and Research Institute of Artistic Crafts was drawn to artists in Bukhara and Tashkent working with gold and silver, who in their art adhered to the traditions of their respective schools. Representatives of these two cities were invited to take part in the exhibition.

The social and political importance of the task set by the organisers before the handmade craft of that time and the strict quality and appearance requirements the items displayed at the international exhibition were to meet did not prevent Uzbek craftsmen from presenting the highest achievements of their traditional art in the brightest and most expressive way.

The works demonstrated the creators' extreme skills in stamping and chasing, making openwork and applied filigree, inlaying and colour-glazing, engraving and gilding.

1. The list of masters is indicated in the description of items donated to the Museum of Folk Art by the Chamber of Trade in 1937 (See: The Book of Record MHP No. 1 of the Museum of Folk Arts named after S. I. Morozov, pp. 171–171). The activities of the Kyzyl Magdanchi masters are especially interesting because this cooperative was not included in the Uzpromsovet list of cooperatives "due to the lack of production" by the end of 1938. (See Resolutions of the Presidium of the Uzpromsovet dated 10. 10. 38, No. 181 "On measures to develop arts in Uzbekistan".)

2. Expeditions aiming to study the state of crafts on the ground were organized by the Central Council of Producers' cooperatives and the Uzpromsovet in the mid-1930s due to preparation of the VSI IV exposition in Moscow and the USSR Pavilion at Expo 1937 in Paris. (See: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) dated February 17, 1935 "On the Organization of the All-Union Agricultural Exhibition in Moscow" and Resolution on the preparation of the exhibition for the Paris exposition in 1937.) Based on the results of expedition reports provided by the staff of the Research Institute of Art Industry (RIAI) in 1937 it was decided to prepare and publish the scientific research findings of Uzbekistan by the opening of the VSI IV in 1939. (See: Minutes of Meeting of RIAI dated August 10–11, 1937. // Art industry of Uzbekistan. Folder No. 6. Archive of RIAI. Vol. 245 (15).)

Thus, the masters succeeded in acquainting the world with the two unique jewelry centres characterised by a highly expressive and original style³.

Jewelry is a unique people's art, a special form of expressing a national genius and personal aesthetic qualities.

Initially, jewelry was associated with ancient cults and related amulets and talismans. For many centuries jewelry's forms, functions and wearing styles have accumulated ideas most important for traditional culture. Each element or ornamental motif reflects the evolutionary stages of aesthetic and religious concepts.

Filigree and engraved patterns, inserted precious stones and coloured glass, the shapes of pieces of jewelry – they all together represent a thought-out system of colours and motifs that have developed for centuries. The properties of metals and stones used were also highly important. They were associated with the ancient ideas of the magical power of the earth and water. The belief in the mystic properties of jewelry was very stable⁴. The result was that each piece was an elegant and fine philosophic model, where the man stayed in trustful union and harmony with the Universe.

Pieces of traditional Uzbek jewelry kept at the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art demonstrate the universal character of people's traditions and the strong artistic potential of local jewelry schools in Uzbekistan.

3. See: D.A. Fakhretdinova. Decorative and Applied Arts of Uzbekistan. Tashkent, 1972. P. 29.

4. Ibid.

В целом мастера с успехом продемонстрировали наличие на мировом уровне двух самобытных центров ювелирного дела с выразительным и узнаваемым творческим почерком³.

Ювелирные украшения, уникальные по художественному содержанию произведения народного искусства – это особая творческая форма выражения национального гения и личностных эстетических качеств.

Изначально происхождение украшений было связано с архаическими культами, появлением связанных с ними амулетов и оберегов. В форме, назначении, принципах ношения, особенностях оформления ювелирных изделий на протяжении веков аккумулировались наиболее важные и значимые для народной культуры представления. Каждая деталь или орнаментальный мотив отражали этапы эволюции эстетических и религиозных воззрений.

Филигранные и чеканные узоры, вставки драгоценных камней или цветного стекла, сама форма украшений – все эти составляющие в совокупности представляли стройную, веками выверенную систему композиционных приемов и цветовых композиций. Важное значение придавалось свойствам использовавшихся металлов и камней. С ними были связаны древние представления о магической силе земли и водной стихии. Вера в мистические свойства украшений была очень устойчива⁴. В результате каждое изделие представляло собой изящную, художественно выполненную философскую модель, где человек пребывал в доверительном союзе и гармонии со Вселенной.

Украшения из коллекции узбекского народного искусства, хранящиеся в ВМДПНИ, демонстрируют универсальность народных традиций и мощный творческий потенциал локальных ювелирных школ Узбекистана.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА XX ВЕКА

О.И. Брюссина

Ювелирное искусство Узбекистана представлено в собрании ВМДПНИ коллекцией женских украшений, выполненных в 1935–1936 гг. мастерами ташкентской и бухарской ювелирных артелей по заказу Узпромсовета для экспонирования на Всемирной выставке в Париже. В архивных материалах не сохранились имена ташкентских мастеров, чьи изделия оказались в музейной коллекции. Бухарскую артель ювелиров «Кизил магданчи» представляли на парижском форуме Шариф Бакаев, Максим Мухтаров, Мирходжан Мадалинов, Мухудзин Заудинов и Агат Самадов¹.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. ювелиры Узбекистана стали объединяться в артели, ювелирное искусство продолжало развиваться, сохраняя локальную специфику старинных художественных центров и одновременно наполняясь новым, современным содержанием. Продолжились и научные исследования в области этнографии и ремесел народов Средней Азии².

В результате экспедиций, проведенных в Узбекистане в 1935–1936 гг., у специалистов Промсовета и Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) большой интерес вызвали золотых и серебряных дел мастера Ташкента и Бухары, которые сохраняли в творчестве приверженность традициям собственных центров. Представители этих двух городов и были приглашены для участия в выставке.

Важность общественно-политической задачи, которую возлагали организаторы на раздел кустарной промышленности того времени, жесткие требования к качеству и внешнему виду изделий международной экспозиции не помешали узбекским мастерам ярко и выразительно воплотить лучшие достижения ювелирного искусства своего народа.

Их работы восхитили виртуозным владением техникой тиснения, чеканки, ажурной и накладной филигранью, инкрустацией и цветной эмалью, гравировкой и золочением.

¹ Список мастеров указан в описании предметов, переданных Торговой палатой в 1937 г. в МНП (см.: Книга учета МНП № 1 МНП им. С. Морозова. Стр. 170, 171). В конце 1938 года «Кизил магданчи» уже не вошла в перечень артелей Узкнупромсовета – за отсутствием производства (см.: Постановление президиума Узпромсовета от 10. X. 38 № 181 – «О мероприятиях по развитию художественных промыслов в Узбекистане»).

² Экспедиции для изучения состояния промыслов были организованы в 1930-х гг. Промсоветом и Узпромсоветом в связи с подготовкой экспозиции ВСХВ в Москве и Павильона СССР в Париже (см.: Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1935 «Об организации ВСХВ в Москве» и Постановление о подготовке экспозиции парижской выставки к 1937 г.). По результатам исследований сотрудников НИИ художественной промышленности (НИИХП) в 1937 г. было решено подготовить и издать к открытию ВСХВ в 1939 г. материалы исследования по Узбекистану (см.: Протокол Совещания НИИХП от 10–7 августа 1937 г. // Художественная промышленность Узбекистана. Книга № 6. Архив НИИХП. Т. 745(с. 5).

³ См.: Фазретинова Д.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. – Ташкент, 1972. – С. 29.

⁴ См.: Там же.

МХП-1019
Зебигардан

Тошкент, заргарлик артели,
1930-йиллар ўрталари.
Кумуш, шиша, садаф мунчоклар,
маржон, тилла суви юритилган.
Узунлиги – 470 мм.

МНР-1019
Zebi-gardan necklace
Tashkent, jewelry cooperative,
mid-1930s.
Silver, glass, pearl (beads),
coral, gold-plating.
Length – 470 mm.

МХП-1019
Ожерелье зеби-гардан
Ташкент, ювелирная артель,
середина 1930-х гг.
Серебро, стекло, перламутровые
бусины, коралл, золочение.
Длина – 470 мм.

МХП-1020
Нози-гардон – кўрак безаги
 Бухоро, «Кизил маъданчи»
 заргарлик артели,
 Уста Ахат Самадов.
 Кумуш, маржон (115 дона), сир, тўкима.
 930×77×5 мм.

МНР-1020
Nozi-gardan necklace
 Bukhara, Kizil Magdanchi
 jewelry cooperative.
 Artisan Agat Samadov.
 Silver, coral (115 pieces), enamel, weaving.
 930×77×5 mm.

МХП-1020
Ожерелье нози-гардан
 Бухара, ювелирная артель
 «Кизил маъданчи».
 Мастер Агат Самадов.
 Серебро, коралл (115 шт.), эмаль, плетение.
 930×77×5 мм.

МХП-992

«Боло-абру» (тиллақош)

Бухоро, 1930-йиллар ўрталари.
«Кизил маъданчи» заргарлик артели.
Усталар Максин Мухтаров,
Мирхўжан Мадаминов.
Кумуш, рангли шиша, рангли паста, феруза,
копип, ўйма накш.
235×50×9 мм.

МНР-992

Bolo-abru forehead pendant

Bukhara, mid-1930s.
Kzyl Magdanchi jewelry cooperative.
Artisans: Maxim Mukhtarov,
Mirkhojan Madaminov.
Silver, colored glass, colored paste, turquoise,
stamp, engraving.
235×50×9 mm.

МХП-992

Налобное украшение боло-абру

Бухара, ювелирная артель «Кизил
магданчи», середина 1930-х гг.
Мастера: Максин Мухтаров,
Мирходжан Мадаминов.
Серебро, цветное стекло, цветная паста,
бирюза, штамп, гравировка.
235×50×9 мм.

МХП-1014/1-2
«Гаджак» осма тақинчоги
 Тошкент, заргарлик артели,
 1930-йиллар ўрталари.
 Металл, кумуш, шиша, дур.
 60×62×6 мм.

МНР-1014/1-2
Gadjak forehead jewelry
 Tashkent, jewelry cooperative,
 mid-1930s.
 Metal, silver, glass, pearls.
 60×62×6 mm.

МХП-1014/1-2
Височные украшения гаджак
 Ташкент, ювелирная артель,
 середина 1930-х гг.
 Металл, серебро, стекло, жемчуг.
 60×62×6 мм.

МХП-998/1-2
Зирак

Бухоро «Кизил маъданчи» заргарлик
артели, 1930-йиллар ўрталари.
Уста Шариф Бакаев.
Кумуш, ўйма нақш,
сунъий дур (шиша), рангли шиша,
65×25×10 мм.

МНР-998/1-2
Zirak earrings

Bukhara, Kzyl Magdanchi jewelry
cooperative, mid-1930s.
Artisan Sharif Bakaev.
Silver, embossing, artificial
pearls (glass), colored glass,
65×25×10 mm.

МХП-999/1-2
Зирак

Бухоро «Кизил маъданчи» заргарлик
артели, 1930-йиллар ўрталари.
Уста Шариф Бакаев.
Кумуш, пушти кварц, зумрад (2 дона),
турмалин, рангли шиша,
67×20×10 мм.

МНР-999/1-2
Zirak earrings

Bukhara, Kzyl Magdanchi
jewelry cooperative, mid-1930s.
Artisan Sharif Bakaev.
Silver, pink quartz, emerald (2 pieces),
tourmaline, colored glass,
67×20×10 mm.

МХП-998/1-2

Серьги зирак

Бухара, ювелирная артель «Кизил
магданчи», середина 1930-х гг.
Мастер Шариф Бакаев.
Серебро, чеканка, искусственный
жемчуг (стекло), стекло цветное.
65×25×10 мм.

МХП-999/1-2

Серьги зирак

Бухара, ювелирная артель «Кизил
магданчи», середина 1930-х гг.
Мастер Шариф Бакаев.
Серебро, кварц розовый, изумруд (2 шт.),
турмалин, стекло цветное.
67×20×10 мм.

МХП-991/1-2
Балдоқ

Тошкент, заргарлик артели,
1930-йиллар ўрталари.
Олтин (750 проба), сафсартош, дур,
зумрад, зарсим, донаторлаш.
125×25×8 мм.

МНР-991/1-2
Earrings

Tashkent, jewelry cooperative,
mid-1930s.
Gold (18-carat), amethyst, pearl,
emerald, filigree, granulation.
125×25×8 mm.

МХП-991/1-2
Серьги

Ташкент, ювелирная артель,
середина 1930-х гг.
Золото (проба 750), аметист, жемчуг,
изумруды, филигрань, зернь.
125×25×8 мм.

МХП-995/1-2
Балдоқ

Тошкент, заргарлик артели,
1930-йиллар ўрталари.
Кумуш, шиша, маржон,
дур, садаф.
9×11×5 мм.

МНР-995/1-2
Earrings

Tashkent, jewelry cooperative,
mid-1930s.
Silver, glass, corals, pearl,
mother of pearl.
9×11×5 mm.

МХП-995/1-2
Серьги

Ташкент, ювелирная артель,
середина 1930-х гг.
Серебро, стекло, коралл,
жемчуг, перламутр.
9×11×5 мм.

МХП-1021

Пешона-чакка тақинчоги

Бухоро, «Кизил маъданчи» заргарлик артели.
Уста Шариф Бакаев.
Кумуш, сир, рангли шиша, қолип.

МНР-1021

Forehead-temporal jewelry

Bukhara, Kzyl Magdanchi jewelry cooperative.
Artisan Sharif Bakaev.
Silver, enamel, colored glass, stamp.

МХП-1021

Набно-височное украшение

Бухара, ювелирная артель «Кизил маъданчи».
Мастер Шариф Бакаев.
Серебро, эмаль, цветное стекло, штамп.

МХП-1021

Зебигардон медальони

Бухоро, «Кизил маъданчи» заргарлик артели.
Уста Шариф Бакаев.
Кумуш, сир, рангли шиша, қолип.

МНР-1021

Medallion of breast adornment

Bukhara, Kzyl Magdanchi jewelry cooperative.
Artisan Sharif Bakaev.
Silver, enamel, colored glass, stamp.

МХП-1021

Медальон от нагрудного украшения

Бухара, ювелирная артель «Кизил маъданчи».
Мастер Шариф Бакаев.
Серебро, эмаль, цветное стекло, штамп.

МХП-1021

Зебигардон медальони

Бухоро, «Кизил маъданчи» заргарлик артели.
Уста Шариф Бакаев.
Кумуш, сир, рангли шиша, қолип.

МНР-1021

Medallion of breast adornment

Bukhara, Kzyl Magdanchi jewelry cooperative.
Artisan Sharif Bakaev.
Silver, enamel, colored glass, stamp.

МХП-1021

Медальон от нагрудного украшения

Бухара, ювелирная артель «Кизил маъданчи».
Мастер Шариф Бакаев.
Серебро, эмаль, цветное стекло, штамп.

МХП-997

Уч кўзли узук

Бухоро, «Кизил маъданчи» заргарлик артели.
1930-йиллар ўрталари.
Усталар Максин Мухторов, Мирхўжан Мадаминов.
Кумуш, куйма, ўйма нақш, мовий рангли нозик муночок кадалган.
25×25×19 мм.

МНР-997

Uchkuz ring

Bukhara, Kzyl Magdanchi jewelry cooperative, mid-1930s.
Artisans: Maxim Mukhtarov, Mirkhojan Madaminov.
Silver, casting, embossing, inlay of blue-colored paste.
25×25×19 mm.

МХП-997

Кольцо учкуз

Бухара, ювелирная артель «Кизил маъданчи», середина 1930-х гг.
Мастера: Максин Мухтаров, Мирхўджан Мадаминов.
Серебро, литье, чеканка, вставка цветной пасты голубого цвета.
25×25×19 мм.

МХП-993

Билагузук

Бухоро, «Кизил маъданчи» заргарлик
артели, 1930-йиллар ўрталари.
Уста Мухидзин Заудинов.
Кумуш, маржонлар, зарсим, тўқима.
62×62×22 мм.

МНР-993

Bracelet

Bukhara, Kzyl Magdanchi jewelry
cooperative, mid-1930s.
Artisan Mukhudzin Zaudinov.
Silver, coral, filigree, braiding.
62×62×22 mm.

МХП-993

Браслет

Бухара, ювелирная артель «Кизил
магданчи», середина 1930-х гг.
Мастер Мухудзин Заудинов.
Серебро, кораллы, филигрань, плетение.
62×62×22 мм.

XX АСРДА ЎЗБЕКИСТОН
АНЪАНАВИЙ ТЎҚИМАЧИЛИК
БУЮМЛАРИ

TRADITIONAL ARTISTIC TEXTILE
OF UZBEKISTAN IN THE 20TH CENTURY

ТРАДИЦИОННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТИЛЬ
УЗБЕКИСТАНА XX ВЕКА

XX АСРДА ЎЗБЕКИСТОН АНЪАНАВИЙ
ТЎКИМАЧИЛИК БУЮМЛАРИ

С.В. Исраелова, И.А. Нечин

Ўзбекистон бадиий тўқимачилиги намуналари тўпламининг Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи (БРАБХСМ) газламалар бўлимида пайдо бўлиши Халқ санъати музейининг 1999 йили БРАБХСМга берилган тўқимачилик буюмлари тўплами шаклланиши тарихи билан боғлиқ. Ундан 200 дан ортиқ буюмлар – жамгармаларда сақланаётган қантла, газлама ва либослар ўрин олган. 1930-йилларга оид дўппи, шойи ва ярим инак мато-лар, ўрма нақшли дастурхон, чойшаб, дарпардалар ҳамда 1930-йиллар охи-ридан 1950 йилгача бўлган сўзана, ёстиқжилд ва бошқа буюмларга тикил-ган кашталар ушбу тўпلامдан ўрин олган. Шунингдек, унда ўша даврдаги ўзига хос либослар, чопон ва нимчалар тақдим этилган.

Халк санъати музейининг ҳисобот кайдларига кўра, 1937 йилдаги тўшамга Париждаги кўргазмага мўлжалланган ашё сифатида 60 дан ор-
тик дўппи келиб тушган. Улар 1936 йилда Ўзбекистоннинг турли ҳудуд-
лари - Марғилон, Шахрисабз, Чуст, Фарғона, Қўқондаги артелларнинг
усталари томонидан тайёрланган.
Афсуски, ҳар...

Афсуски, ҳар доим ҳам уни тайёрлаган устанинг, артелнинг номи, тайёрланган жойи кўрсатилмаган.

Ушбу экспедиция маълумотларига асосан Б. Ҳасановий хунармандчилик музейи (аввалги Хунармандчилик музейи)¹ ҳам кирган.

Ушбу экспедиция маълумотларига асосан Ўзбекистон ва Ўрта Осиё анъанавий хунармандчилигининг ҳолатлари, умуман, ҳулуқларига нисбатан чиқарилган бадний буюмлар ҳақида тавсифоланган.

Уларга асосан тўқимачилик устaxonаларида дўппи ва анъанавий усулда қапта тикилган палак – сўзана тайёрлаш йўналишида фаолият олиб бораётган устaxonалар ҳақидаги маълумотлар маъжуд.

[illegible]

Музей тўпламида айлана ва тўртбурчак, зардўзи, анъанавий «ироки» чоклари туширилган, думалок, рангли, ипак чокли кашта тикилган, гулли-ўсимликсимон безакли тўртбурчак ва «бодринг» (гоҳида бу шакллар калампир ёки бодомга ҳам ўхшатилади) шакли туширилган алоҳида безакли, пахтали, оқ ипда қора матога тикилган тўртбурчак дўппилар бор.

Табиий буюёқлардан фойдаланилган сипо кашталар билан қиёсланганда XIX асрнинг иккинчи ярмида ип ишлаб чиқариш саноатининг ривожланиши, аниқ буюёқларнинг қўлланилиши анъанавий каштачилик санъатининг ўзига хос кўринишини яратган.

Ўрта Осиё ҳудудида қадимдан маълум бўлган зарғўзлик санъати Ўзбекистон тўқимачилик саноатида асосий ўринни эгаллайди.

Металл ипларнинг каштада турли кўринишда ишлатилиши - зар ўралган (ингичка илга спиралсимон ўраш оркали), битлар (ингичка ясси сим), қантеллар (спиралсимон ўралган ингичка сим) кўринишда қўлланилиши зардўзлик безакларининг ўзига хослигини таъминлаган.

Ўзбекистоннинг тўқимачилик буюмлари тўплами орасида XIX асрда Бухорода тайёрланган ҳамда музей тўпламига 1930 йилларда келиб тушган эркаклар чопони алоҳида эътиборни тортади.

Ипак астарли бахмал чопоннинг четлари ипакдан туқилган жияк билан безатилган, бой зарҳал нақшлар билан сайқалланган анъанавий либоснинг ўзига хос намунаси сифатида зардушлик санъатининг бетакрор хусусиятларини ўзида намойён этади.

Архив материалларида, шунингдек, шойи ва ярим ипак матоларини ишлаб чиқарувчи артелларнинг сони ҳам кайд этилган; Тошкент бандий хунармандчилик саноати ўқув-ишлаб чиқариш комбинати қошидаги Ўзбекистоннинг матога гул босиш бўйича етакчи усталари бўлган Абдурахим Ғафуров (Абдуғафуров) ва унинг ўғли Ҳаким Абдурахимовлар раҳбарлигида 1930-йилларда фаолият олиб борган гул босиш цехи ҳақида ҳам маълумот келтириб ўтилган.

Музей тўпламида 1930-йилларда, ушанча пайтдаги газламаларга гулган чили кўрни ва лабрекен дарпардалар тўплами бор.

Архив материалларида ёзилган даврларда фойдаланилган ушбу тил босишда, инкилобдан олдинги даврларда фойдаланилган ушбу тиллар – қоллардан фойдаланиб, матоларнинг ўзига хос композициясини яратилган. Ҳақиқатда, ушбу тилларда пайдо бўлган, чиқиқли тил

Шойи ва ярим-ипак газламалар тўқиб
ланиб келган. Абр нақшили (тўқиш жараёнида пайдо бўлган, ички
кинсимон нақш) матолар алоҳида қизиқиш уйғотиб, уларнинг бадний
хусусиятларини тўқимачилик бўйича мутахассислар ҳар доим таъкид-
лаб келинган ва юкори баҳолаган.

375

Йирик, ранг-баранг тасвирий қурилмалар, нақшети ва маъхум безак-
лар эркин ҳамда дадил ифодаланганлиги билан, қўлда тукилган мато-
лар эса ўзининг машаққатли меҳнат талаб этадиган юқори сифати билан
хайратга солиб келган.

Музей фондида шойи ва ярим ишак матоларининг 150 га яқин намуна-
налари сақланади. Улар 1930 йилларда Кўкон, Самарқанд, Марғилон,
Наманган ва Ўзбекистоннинг бошқа жойларидаги усталар томонидан
тайёрланган. Бу газламаларда маҳаллий ишакчилик анъаналарининг
сақлангани ва янги шароитларда такомилланигани ақс этган.

Ўзбекистон бадийий тўқимачилик тўплами тузилишини таҳлил қилиш жараёнида Халқ санъати музейи ҳужжатларига асосланиб айтиш мумкинки, 1930 йилларнинг охирида яратилган буюмларнинг келиб тушиши асосан 1937 йилда Парижда ўтказилган Халқаро кўргазмага тайёрланиш ва БСИТИнинг 1939 йилда Ўзбекистонга амалга оширган экспедицияси билан боғлиқ. 1938 йилда келиб тушган буюмлар манбаи сифатида Ўзбексаноат кенгаши ва Ўзбекистон Халқ ҳўжамаси кўрсатилган.

1950 йилларнинг бошида яратилган буюмлар гуруҳи (канта маҳсулотлари – сўзана, ёстиқжилд, канта намуналари, либослар) музей қўرғамалар жамғармасидан Халқ санъати музейи тушаминга доимий сакланиш учун 1960 йилда келиб тушган.

TRADITIONAL ARTISTIC TEXTILE OF UZBEKISTAN IN THE 20TH CENTURY

S.V. Israelova, N.A. Nechai

The Uzbek textile items were transferred to the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art from the Museum of People's Art in 1999 together with other textile articles. The Uzbek collection consists of over 200 items of embroidery, textile and clothing, Skullcaps, silk and semi-silk fabrics and printed tablecloths, bedspreads and curtains made in the late 1930s and embroidered articles (*suzani*, pillowcases, pillows and other) produced in the late 1930s and early 1950s predominate in the collection. It also includes individual items of clothing (robes, waistcoats).

According to the records of the Museum of People's Art, it received over 60 skullcaps in 1937 to display at the International Exposition in Paris. They were manufactured in 1936 by craftsmen from various artels in various regions across Uzbekistan - Margilan, Shakhrisabz, Chust, Fergana, Kokand. Unfortunately, not every skullcap is provided with information on its manufacturer and artist. The archives of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art contains documents informing about expeditions carried out in 1939 and 1945 by the Research Institute of Artistic Crafts, a part of which the Museum of People's Art (former Central Museum of Handmade Articles) was until 1999¹. The results of the expeditions were used to write a series of comprehensive analytical and statistical reports on the situation in the traditional crafts sector in Uzbekistan and entire Central Asia and the quality and artistic value of items produced in the region. These reports contain information on artels in the textile sector, many of which were engaged in the manufacturing of skullcaps and traditional *suzanis* - embroidered bedspreads and wall hangings.

The collection of skullcaps in the museum is highly diverse: round and square gold-embroidered skullcaps, round caps filled with traditional *iroki* embroidery, quadrangular ones with floral and vegetal motifs

1. Gosplanisovet Scientific and Research Institute of Art Industry. R.Y. Veimarn. Report on art crafts in Central Asia. M., 1945.
Department of printed sources and visual materials of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. RIAI. R.Y. Veimarn. Folk art of Tajikistan and Uzbekistan (photo album). II. Ceramics. Metal. Embroidery. Department of printed sources and visual materials of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. RIAI. Uzbek embroidery of the 19-20th centuries. Photo. Material from the expedition of 1939. Folder 733. Department of printed sources and visual materials of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. All-Soviet Union Producers' Co-operative Society Council. RIAI. G.A. Vlasov, S.V. Ilyinskaya. General report of the survey of the work of art crafts of Uzbekistan for 1939. Department of manuscripts and scientific documentation of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. Fund No. 643.

2. У претходном – У складу са
У С С Р - хуларом и хулар
кооперативизације кооператив
У С С Р - хуларом и хулар
кооперативизације кооператив
Политички организације

embroidered with coloured silk threads and quadrangular skullcaps of black fabric embroidered with white-cotton 'oriental cucumbers' motifs (known as *kalampir* or *bodom*). New aniline dyes, which became popular since the second half of the 19th century, were boldly bright in comparison to deep and reserved natural pigments and made traditional embroideries sound in a different way. Gold embroidery which was popular in Central Asia since very ancient times occupies a very important place in artistic Uzbek textile. The use of various metal threads in embroidery – gilded ones (with a thin wire spiralled around the thread), *biti* (thin flattened wire), cannetille (thin spiralled wire) – made gold-embroidered articles particularly expressive.

The collection of textiles from Uzbekistan includes a very interesting man's robe made in Bukhara in the early 20th century and brought to the museum in the late 1930s. The velvet robe with a silk lining decorated with woven silk bands along the edges is a fine example of traditional clothes richly decorated with gold-embroidered patterns and demonstrating the high level of embroidery with gilded thread.

Archival documents also inform about a large number of artels specialising in the production of silk and semi-silk textiles, as well as about the production-and-training art industry enterprise in Tashkent, which included a printing workshop managed by Abdurakhim Gafurov (Abdugafurov), a well-known and revered master at traditional cloth printing, and his son Khakim Abdurakhimov, an outstanding specialist in this trade. The museum collection also includes a bedspread (*kurpachi*) and a set of curtains with lambrequins made by master Gafurov in the 1930s. The archival documents also mention that in that period craftsmen often printed unique compositions on textiles using old *kalybs* – printing boards produced before the 1917 Socialist Revolution.

The production of silk and semi-silk fabrics was a traditional craft in Central Asia. *Ikat* textiles (textiles with zigzag contour patterns made during the weaving), which have always been noted and appreciated by textile specialists for their outstanding artistic qualities, deserve special mentioning. Large bright and multi-coloured, ornamental and abstract compositions are bold and unreserved. The production quality of these handmade items, which required long and scrupulous work, is extremely high. The museum possesses about 150 examples of these silk and semi-silk textiles manufactured in the late 1930s by artels in Kokand, Samarkand, Margilan and Namangan, where masters did their best to preserve and develop local silk weaving traditions under the changed circumstances.

The analysis of the collection of Uzbek artistic textiles and the history of its formation within the Museum of People's Art as part of its textile collection allows us to conclude that most of the items in the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art manufactured in the late 1930s were forwarded to the 1937 International Exposition in Paris or obtained during the expedition of the Research Institute of Artistic Crafts to Uzbekistan in 1939. The sources, from which the items arrived in 1938, were Uzpromsovet and the Museum of People's Economy of the Uzbek SSR². The group of articles (decorated with embroidery – *suzanis*, pillowcases, embroidered cloths and items of clothing) made in the early 1950s was transferred to the Museum of People's Art from the museum's exhibition fund in 1960.

² The Uzpromsovet is the Council of Producers' Cooperatives of the Uzbek SSR (the republic department of the Tsentrpromsovet, the Central Council of Producers' cooperatives of the USSR).

ТРАДИЦИОННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТИЛЬ УЗБЕКИСТАНА XX ВЕКА

С.В. Исраилова, Н.А. Печни

Появление коллекции художественного текстиля Узбекистана в отделе тканей Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства (ВМДПНИ) связано с историей формирования текстильной коллекции Музея народного искусства (МНИ), переданной ВМДПНИ в 1999 г. Она насчитывает более 200 предметов, хранящихся в фондах вышивки, тканей и одежды. Основу коллекции составляют тюбетейки, шелковые и полушелковые ткани, набойка (скатерти, покрывала, занавеси) конца 1930-х гг. и вышивка (*сузани*, наволочки на подушки и др.) конца 1930-х и начала 1950-х гг. Также представлены и отдельные единичные предметы одежды (халаты, жилеты).

Согласно записям в учетных документах Музея народного искусства более 60 тюбетеек поступили в собрание в 1937 г. как экспонаты для Всемирной выставки в Париже 1937 г. Они были созданы в 1936 г. мастерами разных артелей из различных регионов Узбекистана: Маргилана, Шахрисабза, Чуста, Ферганы, Коканда. К сожалению, не всегда указаны мастера, названия артелей и места изготовления тюбетеек. В архивных документах и материалах, хранящихся во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, содержится информация об экспедициях, предпринятых в 1939 и 1945 гг. сотрудниками Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП), в структуре которого до 1999 г. находился Музей народного искусства (бывший Центральный кустарный музей)¹. По данным этих экспедиций были сделаны серьезные аналитические доклады по состоянию традиционных промыслов в Узбекистане и Средней Азии в целом, различные статистические данные. В них, в частности, содержится информация об артелях, работавших в текстильном секторе, многие из которых занимались изготовлением тюбетеек и традиционных вышитых покрывал и настенных панно – *сузани*.

1 Научно-исследовательский институт художественной промышленности. Доклад о художественных промыслах в Средней Азии. М., 1945. Отчет печатных историков и изобразительных материалов ВМДПНИ. НИИХП. Ветмарн Г.В. Народное искусство Узбекистана и Узбекистана (фотоальбом). В. Керамика. Металл. Вышивка. Отчет печатных историков и изобразительных материалов ВМДПНИ. НИИХП. Узбекистан. Материалы экспедиции 1939 г. Парк. 333. Отчет печатных историков и изобразительных материалов ВМДПНИ. Восточный промысел (НИИХП). НИИХП. Власов Г.В. Печникова С.Р. Сборник отчетов об экспедициях работников Узбекистана в 1939 г. Отчет о работе и научном документальном ВМДПНИ. Формат № 643.

В коллекции Музея находятся тюбетейки различного типа: круглые и четырехугольные с золотной вышивкой, круглые, заполненные узорами, выполненными швом традиционной вышивки *проки*, четырехугольные с цветочно-растительными рисунками, вышитыми цветными шелковыми нитями, и четырехугольные из ткани черного цвета с вышивкой белыми хлопчатобумажными нитями с узором в виде отдельных «восточных огурцов» (мотивы, известные как *каламтир* или *бодом*). По сравнению с вызывающей яркостью анелиновых, получивших распространение в производстве нитей со второй половины XIX в., обусловила новое звучание искусства традиционной вышивки. Значительное место в художественном текстиле Узбекистана занимает золотошвейное искусство, издавна известное на территории Средней Азии. Использование в вышивке различных по фактуре металлических нитей – пряленых, золотных (намотанная по спирали на нитку расплюснутая тонкая проволока), *биши* (тонкая расплюснутая проволока), *каштели* (тонкая проволока, свернутая в спираль) – приносило в золотошвейный узор особую выразительность.

В коллекции текстильных предметов из Узбекистана несомненный интерес представляет мужской халат, изготовленный в Бухаре в начале XX в. и поступивший в музейное собрание в конце 1930-х гг. Бархатный халат на шелковой подкладке, отделанный по краям плетеной тесьмой из шелковых нитей, являет собой прекрасный образец традиционной одежды, богато украшенной золотным узором, демонстрирующей искусство золотного шитья.

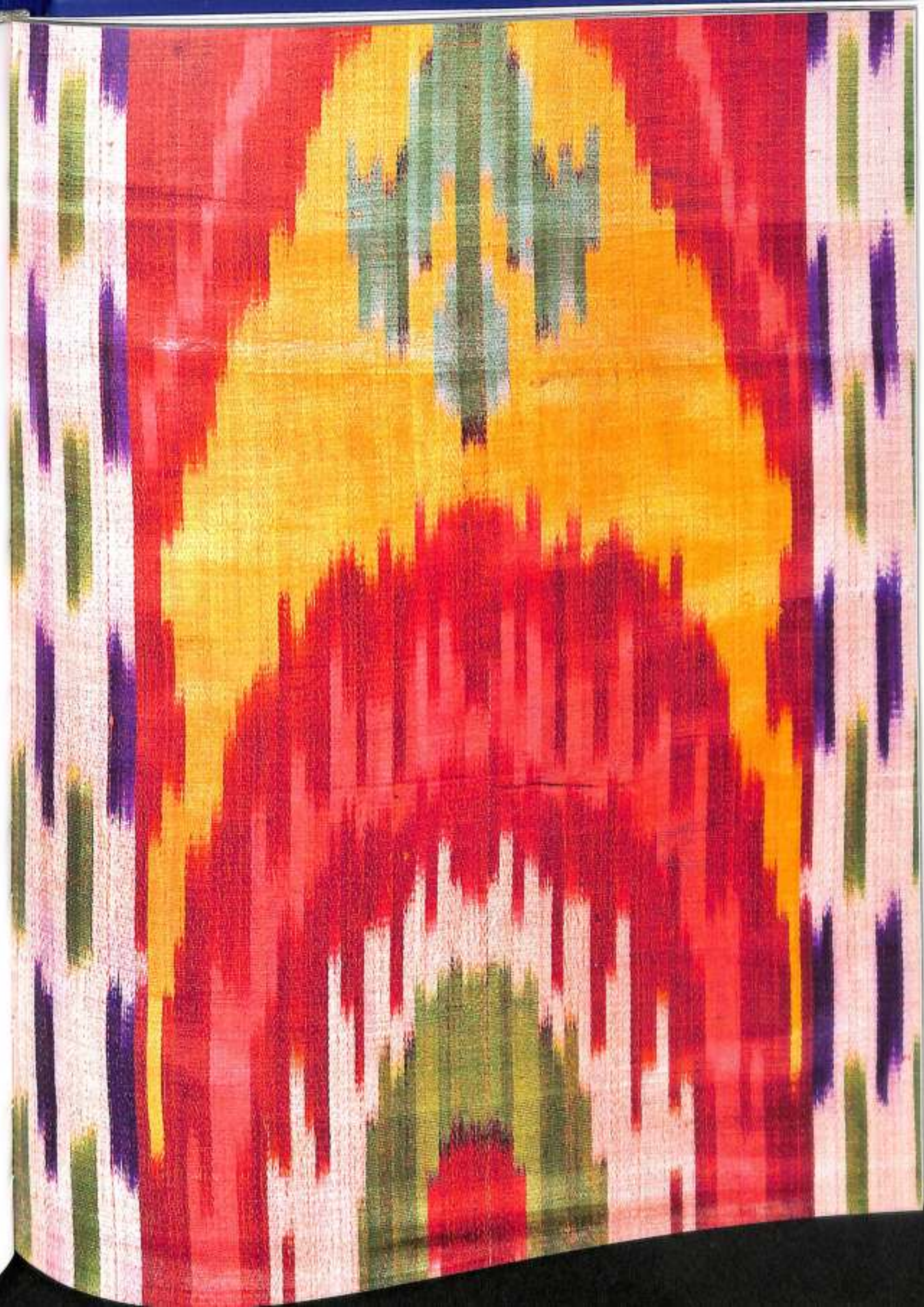
В архивных документах также перечислялось значительное количество артелей по производству шелковых и полушелковых тканей, сообщалось о деятельности Ташкентского учебно-производственного комбината художественной кустарной промышленности, где в 1930-х гг. работал набойки Абдурахимом Гафуровым (Абдугафуровым) и его сыном Хакимом Абдурахимовым – видным мастером набойки в Узбекистане. В коллекции Музея находятся покрывало (*курпачити*) и комплект занавесок с ламбрекеном, изготовленные в 1930-е гг. мастером Гафуровым. В архивных материалах отмечается, что в тот период мастера создавали оригинальные композиции набивных тканей, используя старые, еще дореволюционные набойные доски – *калыбы*.

Производство шелковых и полушелковых тканей в Средней Азии являлось одним из традиционных видов ремесла. Особый интерес представляли ткани с абровыми узорами (узор с расплывчатым зигзагообразным

разным контуром, образованным в процессе ткачества), художественное своеобразие которых всегда подчеркивали и высоко оценивали специалисты по текстилю. Крупные живописные многоцветные композиции, орнаментальные или абстрактные, поражают своей свободой и смелостью, а ткачество изготовленных вручную тканей – высоким качеством, требовавшим скрупулезного труда. В фондах Музея хранится около 150 образцов шелковых и полушелковых тканей, созданных в конце 1930-х гг. мастерами артелей в Коканде, Самарканде, Маргилане, Намангане и других регионах Узбекистана, сохранявших и развивавших в новых условиях традиции местного шелкоткачества.

Проведя анализ состава коллекции художественного текстиля Узбекистана и истории ее формирования в рамках текстильного собрания Музея народного искусства, можно сказать, что основные поступления предметов, созданных в конце 1930-х гг., согласно документации МНИИ, были связаны с подготовкой к Всемирной выставке в Париже 1937 г. и экспедицией НИИХП в Узбекистан в 1939 г. Среди источников поступлений 1938 г. указаны Узпромсовет и Музей народного хозяйства УзССР². Группа предметов (вышитые изделия – *сузани*, наволочки на подушки, образцы вышивки, предметы одежды), созданных в начале 1950-х гг., поступила в собрание Музея народного искусства на постоянное хранение в 1960 г. из выставочного фонда музея.

² Узпромсовет – Совет промышленной кооперации Узбекской ССР (республиканское подразделение Центрального совета промышленной кооперации СССР).

МХП-15453
Канавуз – ипак мато намунаси
Узбекистон, 1930-йиллар охири.
Ипак, кўл тўқимачилиги.
508×53 см.

MHP-15453
Silk fabric sample (kanaus)
Uzbekistan, late 1930s.
Silk, hand weaving.
508×53 cm.

МХП-15453
Образец шелковой ткани канавуз
Узбекистан, конец 1930-х гг.
Шелк, ручное ткачество.
508×53 см.

КП МНИ-244
Хонатлас – ипак мато намунаси
Кўкон, Ф. Хўжаев номидаги артель,
1936 йил.
Уста Юнус Махмудов.
Ипак, кўл тўқимачилиги.
595×52 см.
1937 йилдаги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намойиш қилинган.

КП МНИ-244
Silk fabric sample (khan-atlas)
Kokand, F. Khojayev cooperative, 1936.
Artisan Yunus Makhmudov.
Silk, hand weaving.
595×52 cm.
Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

КП МНИ-244
Образец шелковой ткани хан-атлас
Коканд, артель им. Ф. Ходжаева, 1936 г.
Мастер Юнус Махмудов.
Шелк, ручное ткачество.
595×52 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

МХП-12556
Яримипак мато намунаси
Карши тумани, 1936 йил.
Ипак, пахта, кўл тўқимачилиги.
312×57 см.
1937 йилдаги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намойиш қилинган.

MHP-12556
Sample of semi-silk fabric
Karshi District, 1936.
Silk, cotton, hand weaving.
312×57 cm.
Exhibit of the World's Fair
in Paris of 1937.

МХП-12556
Образец полушелковой ткани
Каршинский район, 1936 г.
Шелк, хлопок, ручное ткачество.
312×57 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

МХП-12566/1
Хонатлас – ипак мато намунаси
Маргилан, Сталин номидаги артель,
1936 йил.
Уста Тешабоев.
Ипак, кўл тўқимачилиги.
388×37 см.
1937 йилдаги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намойиш қилинган.

MHP-12566/1
Sample of silk fabric (khan-atlas)
Margelan, Stalin cooperative, 1936.
Artisan Tishabayev.
Silk, hand weaving.
388×37 cm.
Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

МХП-12566/1
Образец шелковой ткани хан-атлас
Маргилан, артель им. Сталина, 1936 год.
Мастер Тишабаев.
Шелк, ручное ткачество.
388×37 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-240
Хонатлас – ипак мато намунаси
Маргилон, 1936 йил.
Ипак, қўл тўқимачилиги.
587×48 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўرғазмасида намоиш қилинган.

КР МНИ-240
Sample of silk fabric (khan-atlas)
Margilan, 1936.
Silk, hand weaving.
587×48 cm.
Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

КП МНИ-240
Образец шелковой ткани хан-атлас
Маргилан, 1936 г.
Шелк, ручное ткачество.
587×48 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

МХП-12551
Хонатлас – ипак мато намунаси
Маргилон, 1936 йил.
Ипак, қўл тўқимачилиги.
595×51 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намоиш қилинган.

МНР-12551
Sample of silk fabric (khan-atlas)
Margilan, 1936.
Silk, hand weaving.
595×51 cm.
Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

МХП-12551
Образец шелковой ткани хан-атлас
Маргилан, 1936 г.
Шелк, ручное ткачество.
595×51 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-246
Хонатлас – ипак мато намунаси
Наманган, 1936 йил.
Ипак, қўл тўқимачилиги.
594×51,5 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намоиш қилинган.

КР МНИ-246
Sample of silk fabric (khan-atlas)
Namangan, 1936.
Silk, hand weaving.
594×51.5 cm.
Exhibit of the Paris exhibition of 1937.

КП МНИ-246
Образец шелковой ткани хан-атлас
Наманган, 1936 г.
Шелк, ручное ткачество.
594×51,5
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-245
Хонатлас – ипак мато намунаси
Маргилон, Сталин номидаги артель,
1936 йил.
Уста Худойров.
Ипак, қўл тўқимачилиги.
589×51 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намоиш қилинган.

КР МНИ-245
Sample of silk fabric (khan-atlas)
Margelan, Stalin cooperative, 1936.
Artisan Khudoyarov.
Silk, hand weaving.
589×51 cm.
Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

КП МНИ-245
Образец шелковой ткани хан-атлас
Маргилан, артель им. Сталина, 1936 г.
Мастер Худояров.
Шелк, ручное ткачество.
589×51 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-243

Хонатлас – ипак мато намунаси

Маргилон, Сталин номидаги артель,
1936 йил.

Ипак, кўл туқимачилиги.

586×51 см.

1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намоён қилинган.

КП МНИ-243

Sample of silk fabric (khan-atlas)

Margelan, Stalin cooperative, 1936.

Silk, hand weaving.

586×51 cm.

Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

КП МНИ-243

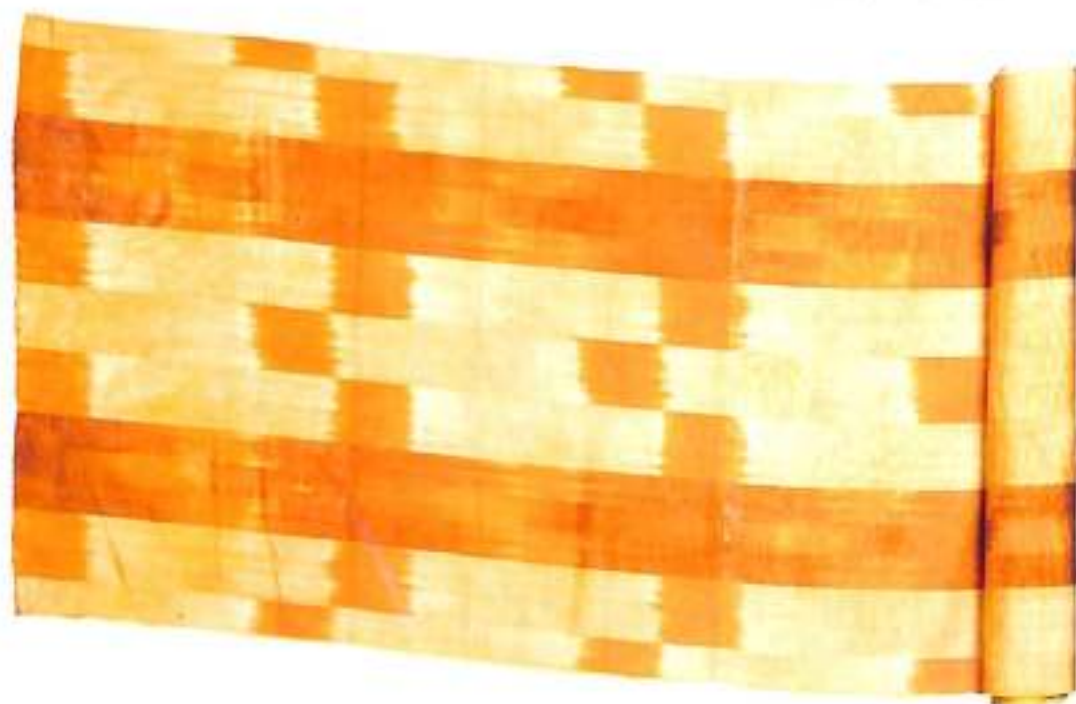
Образец шелковой ткани хан-атлас

Маргилан, артель им. Сталина, 1936 г.

Шелк, ручное ткачество.

586×51 см.

Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

МХП-12557

Яримипак мато намунаси

Карши тумани, 1936 йил.

Ипак, пахта, кўл туқимачилиги.

382×57 см.

1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намоён қилинган.

МХП-12557

Sample of semi-silk fabric

Karshi District, 1936.

Silk, cotton, hand weaving.

382×57 cm.

Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

МХП-12557

Образец полушелковой ткани

Каршинский район, 1936 г.

Шелк, хлопок, ручное ткачество.

382×57 см.

Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-248

Хонатлас – ипак мато намунаси

Наманган, 1936 йил.

Ипак, кўл туқимачилиги.

415×36 см.

1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намоён қилинган.

КП МНИ-248

Silk fabric sample (khan-atlas)

Namangan, 1936

Silk, hand weaving.

415×36 cm.

Exhibit of the World's Fair in Paris of 1937.

КП МНИ-248

Образец шелковой ткани хан-атлас

Наманган, 1936 г.

Шелк, ручное ткачество.

415×36 см.

Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

МХП-12473 НТО-18
Дўппи
Ўзбекистон, 1936 йил.
Пахта газлама, чит, сатин,
пахта иппи, кашта, чок,
тўжима.
14×13,5 см
(тахланганда).

МНР-12473 НТО-18
Skullcap
Uzbekistan, 1936.
Cotton fabric, calico,
satin, cotton threads,
embroidery, quilting,
braiding.
14×13.5 cm (folded).

МХП-12473 НТО-18
Тюбетейка
Ўзбекистон, 1936 г.
Ткань хлопчатобумажная,
ситец, сатин, нити
хлопчатобумажные,
вышивка, стежка,
плетение.
14×13,5 см
(в сложенном виде).

МХП-12479
Аёллар дўпписи
Маргилан, 1936 йил.
Дўппидўз Хожихон
Мухиддинова.
Духоба, иппак, чит, иппак
иппар, чок, кашта.
12×13,5 см
(тахланганда).
1937 йилги Париж
Бутунжахон
курғазмасида намойиш
килинган.

МНР-12479
Woman's skullcap
Margilan, 1936.
Artisan Mukhutdinov
Koriyakhon.
Velvet, silk, calico,
silk threads, quilting,
embroidery.
12×13.5 cm (folded).
Exhibit of the World's Fair
in Paris of 1937.

МХП-12479
Тюбетейка женская
Маргилан, 1936 г.
Мастер Мухутдинова
Ходжихон.
Бархат, шелк, ситец,
шелковые нити, стежка,
вышивка.
12×13,5 см
(в сложенном виде).
Экспонат Всемирной
выставки в Париже
1937 г.

МХП-12491

Дўппи
Маргилан, 1936 йил.
Дўппидўз Корияхон
Мирзоева.
Духоба, иппак, чит, иппак
иппар, чок, кашта.
12,5×14 см
(тахланганда).
1937 йилги Париж
Бутунжахон
курғазмасида намойиш
килинган.

МНР-12491
Skullcap
Margilan, 1936.
Artisan Mirzoyeva
Koriyakhon.
Velvet, silk, calico,
silk threads, quilting,
embroidery.
12.5×14 cm (folded).
Exhibit of the World's Fair
in Paris of 1937.

МХП-12491
Тюбетейка

Маргилан, 1936 г.
Мастер Мирзоева
Корияхон.
Бархат, шелк, ситец,
шелковые нити, стежка,
вышивка.
12,5×14 см
(в сложенном виде).
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

КП МНИ-231
Дўппи

Фаргона, 1936 йил.
Духоба, чит, иппак, пахта
иппи, чок, кашта.
12,5×14 см
(тахланганда).
1937 йилги Париж
Бутунжахон
курғазмасида намойиш
килинган.

КР МНИ-231
Skullcap
Fergana, 1936.
Velvet, calico, silk threads,
cotton threads, quilting,
embroidery.
12.5×14 cm (folded).
Exhibit of the World's Fair
in Paris of 1937.

КП МНИ-231
Тюбетейка

Фергана, 1936 г.
Бархат, ситец, шелковые
нити, хлопчатобумажные
нити, стежка, вышивка.
12,5×14 см
(в сложенном виде).
Экспонат Всемирной
выставки в Париже
1937 г.

МХП-12482
Дўппи

Маргилан, 1936 йил.
Дўппидўз Рахимабиби
Дадажоева.
Духоба, иппак, чит, иппак
иппар, чок, кашта.
12,5×13,5 см
(тахланганда).
1937 йилги Париж
Бутунжахон
курғазмасида намойиш
килинган.

МНР-12482
Skullcap
Margilan, 1936.
Artisan Dodazhanova
Rahima bibi.
Velvet, silk, calico,
silk threads, quilting,
embroidery.
12.5×13.5 cm (folded).
Exhibit of the World's Fair
in Paris of 1937.

МХП-12482
Тюбетейка

Маргилан, 1936 г.
Мастер Додажанова
Рахимабиби.
Бархат, шелк, ситец,
шелковые нити, стежка,
вышивка.
12,5×13,5 см
(в сложенном виде).
Экспонат Всемирной
выставки в Париже
1937 г.

МХП-15738
Дўппи
Ўзбекистон, 1930 йиллар
охири.
Духоба, чит, пахта ип,
иппак, чок, кашта.
12,5×14 см
(тахланганда).

МНР-15738
Skullcap
Uzbekistan, late 1930s.
Velvet, calico, silk threads,
cotton threads, quilting,
embroidery.
12.5×14 cm (folded).

МХП-15738
Тюбетейка
Ўзбекистон, охири
1930-х гг.
Бархат, ситец,
хлопчатобумажные нити,
шелковые нити, стежка,
вышивка.
12,5×14 см
(в сложенном виде).

КП МНИ-221

Дўппи

Узбекистон, 1937 йилгача.
Духоба, ипак, ипак ип,
пахта ип, чок, кашта,
12,5×13 см
(тахланганда).
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон кўргазмасида
намойиш қилинган.

КР МНИ-221

Skullcap

Uzbekistan, before 1937.
Velvet, silk, silk threads,
cotton threads, quilting,
embroidery.
12.5×13 cm (folded).
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-221

Тюбетейка

Узбекистон, до 1937 г.
Бархат, шелк, шелковые
нити, хлопчатобумажные
нити, стежка, вышивка.
12,5×13 см
(в сложенном виде).
Экспонат Всемирной
выставки в Париже
1937 г.

МХП-12500

Дўппи

Шахрисабз, «Хужум»
артели, 1936 йил.
Чит, пахта ип, ироки чок.
Айлана узунлиги – 54 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон кўргазмасида
намойиш қилинган.

MHP-12500

Skullcap

Shahrisabz, Khujum
cooperative, 1936.
Printed cotton, cotton
threads, Iroki stitch.
Circumference – 54 cm.
Exhibit of the World's Fair in
Paris of 1937.

МХП-12500

Тюбетейка

Шахрисабз, артель
«Худжум», 1936 г.
Ситец,
хлопчатобумажные нити,
шов ироки.
Длина окружности –
54 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

МХП-12504

Дўппи

Шахрисабз, «Хужум»
артели, 1936 йил.
Чит, пахта ип, ироки.
Айлана узунлиги – 52 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон кўргазмасида
намойиш қилинган.

MHP-12504

Skullcap

Shahrisabz, Khujum
cooperative, 1936.
Printed cotton, cotton
threads, Iroki stitch.
Circumference – 52 cm.
Exhibit of the World's Fair in
Paris of 1937.

МХП-12504

Тюбетейка

Шахрисабз, артель
«Худжум», 1936 г.
Ситец, хлопчатобумажные
нити, шов ироки.
Длина окружности –
52 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

МХП-12477

Дўппи

Шахрисабз, «Хужум»
артели, 1936 йил.
Чит, пахта ип, ироки чок.
Айлана узунлиги – 53 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон
кўргазмасида намойиш
қилинган.

MHP-12477

Skullcap

Shahrisabz, Khujum
cooperative, 1936.
Printed cotton, cotton
threads, Iroki stitch.
Circumference – 53.
Exhibit of the World's Fair in
Paris of 1937.

МХП-12477

Тюбетейка

Шахрисабз, артель
«Худжум», 1936 г.
Ситец,
хлопчатобумажные нити,
шов ироки.
Длина окружности –
53 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

МХП-12502

Дўппи

Шахрисабз, «Хужум»
артели, 1936 йил.
Чит, пахта ип, ироки
кашта.
Айлана узунлиги –
53,5 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон кўргазмасида
намойиш қилинган.

MHP-12502

Skullcap

Shahrisabz, Khujum
cooperative, 1936.
Printed cotton, cotton
threads, Iroki stitch.
Circumference – 53.5 cm.
Exhibit of the World's Fair in
Paris of 1937.

МХП-12502

Тюбетейка

Шахрисабз, артель
«Худжум», 1936 г.
Ситец, хлопчатобумажные
нити, шов ироки.
Длина окружности –
53,5 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

МХП-12496

Дўппи

Шахрисабз, «Хужум»
артели, 1936 йил.
Чит, пахта ип, ироки чок.
Айлана узунлиги – 57 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон
кўргазмасида намойиш
қилинган.

MHP-12496

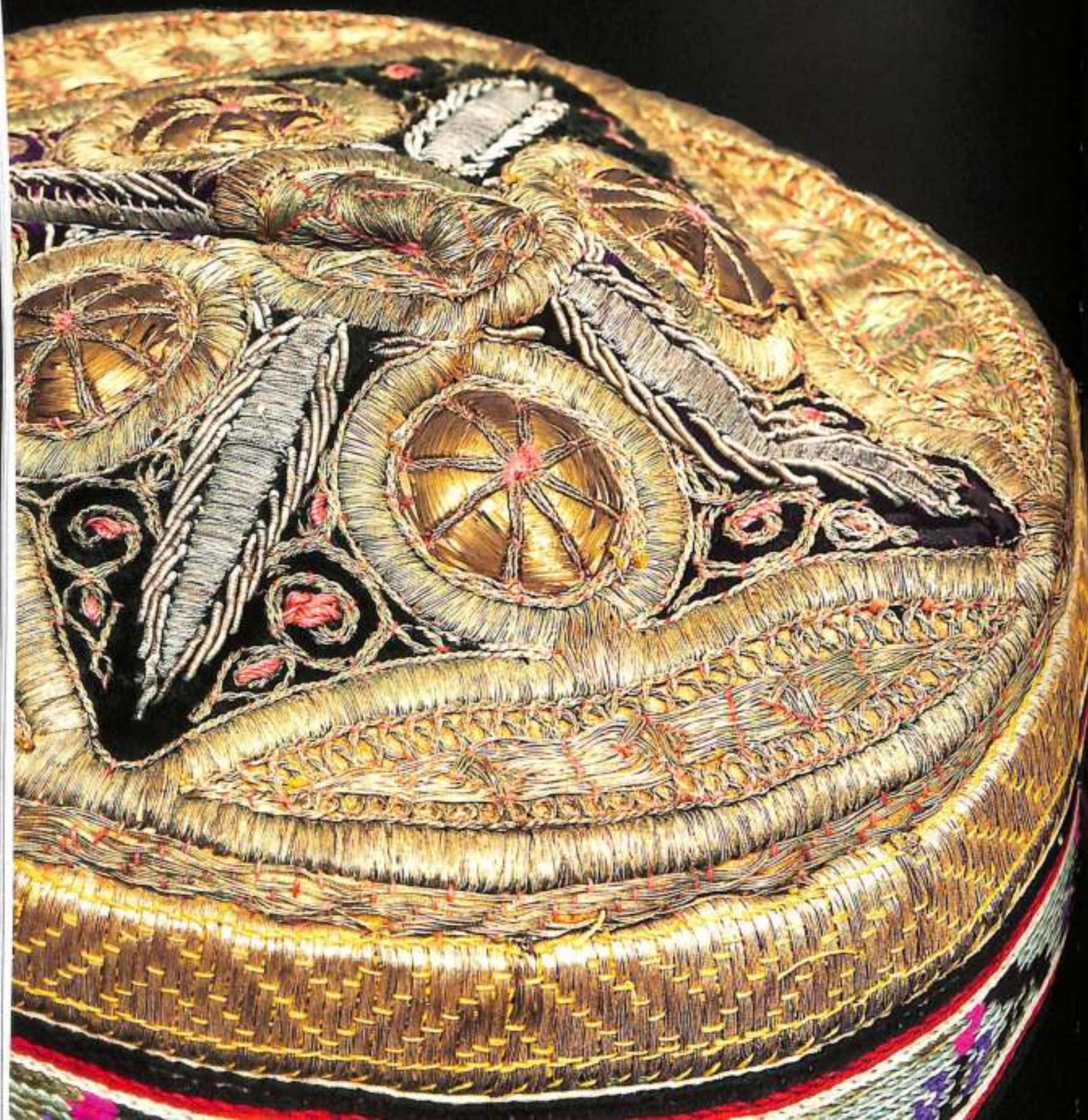
Skullcap

Shahrisabz, Khujum
cooperative, 1936.
Printed cotton, cotton
threads, Iroki stitch.
Circumference – 57 cm.
Exhibit of the World's Fair in
Paris of 1937.

МХП-12496

Тюбетейка

Шахрисабз, артель
«Худжум», 1936 г.
Ситец,
хлопчатобумажные нити,
шов ироки.
Длина окружности –
57 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

КП МНИ-220
Kallapushi zarduzi –
zarduzi duple
Узбекистон, 1937 йилгача.
Духоба, ярим ипак
газлама, зар ип, кумуш
ип, ипак, тепма чок, зар,
кашта.
5×17×19 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон кўргазмасида
намойиш қилинган.

КР МНИ-220
Kallapushi zarduzi –
golden-embroidered
scullcap
Uzbekistan, before 1937.
Velvet, semi-silk fabric, gold
threads, silver threads, silk
threads, flattened wire, gold
twisted thread, embroidery.
5×17×19 cm.
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-220
Kallapushi zarduzi
– *золотошвейная*
тюбетейка
Узбекистан, до 1937 г.
Бархат, полушелковая
ткань, золотые нити,
серебряные нити,
шелковые нити, бить,
канитель, вышивка.
5×17×19 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

КП МНИ-10372
Kallapushi zarduzi –
zarduzi duple
Узбекистон, 1950-йиллар.
Духоба, ип-газлама, зар
ип, кумуш ип, ипак, зар,
кашта.
5×16,5×15,5 см.

КР МНИ-10372
Kallapushi zarduzi –
golden-embroidered
scullcap
Uzbekistan, 1950s.
Velvet, cotton fabric, gold
threads, silver threads, silk
threads, gold twisted thread,
embroidery.
5×16,5×15,5 cm.

КП МНИ-10372
Kallapushi zarduzi
– *золотошвейная*
тюбетейка
Узбекистан, 1950-е гг.
Бархат, хлопчатобумажная
ткань, золотые нити,
серебряные нити,
шелковые нити, канитель,
вышивка.
5×16,5×15,5 см.

КП МНИ-219
Kallapushi zarduzi –
zarduzi duple
Узбекистон, 1937 йилгача.
Духоба, ярим ипак
газлама, зар ип, кумуш
ип, ипак, тепма чок, зар,
кашта.
5×17,5×18 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон кўргазмасида
намойиш қилинган.

КР МНИ-219
Kallapushi zarduzi –
golden-embroidered
scullcap
Uzbekistan, before 1937.
Velvet, semi-silk fabric, gold
threads, silver threads, silk
threads, flattened wire, gold
twisted thread, embroidery.
5×17,5×18 cm.
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-219
Kallapushi zarduzi –
золотошвейная
тюбетейка
Узбекистан, до 1937 г.
Бархат, полушелковая
ткань, золотые нити,
серебряные нити,
шелковые нити, бить,
канитель, вышивка.
5×17,5×18 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже 1937 г.

МХП-12525

Эркаклар зарчопони

Бухоро (?), XX аср бошлари.
Духоба, шойи, зар ип, кумуш ип, ипак,
тўкилган тасма,
кашта, гул ёпиштириш.
148×214 см.

МНП-12525

Zarchapan – men's golden-embroidered robe

Bukhara (?), early 20th century.
Velvet, silk, gold threads, silver threads,
silk threads, woven braid,
embroidery, applique.
148×214 cm.

МХП-12525

Зарчопан – мужской золототканый халат

Бухара (?), начало XX в.
Бархат, шелк, золотные нити, серебряные
нити, шелковые нити, плетеная тесьма,
вышивка, аппликация.
148×214 см.

КП МНИ-259

Аёллар зарчопони

Ўзбекистон,
1930-йиллар охири.
Духоба, ярим ипак газлама,
чок, зар ип, кумуш ип,
тезма чок, ипак ип, тўкилган
тасма, кашта, гул ёпиштириш.
143×150 см.

КР МНИ-259

Zarchapan – woman's golden-embroidered robe

Uzbekistan,
late 1930s.
Velvet, semi-silk fabric, calico,
gold threads, silver threads,
flattened wire, silk threads,
woven braid, embroidery, applique.
143×150 cm.

КП МНИ-259

Зарчопан – женский золототканый халат

Ўзбекистон, конец
1930-х гг.
Бархат, полушелковая ткань,
ситец, золотные нити, серебряные
нити, бить, шелковые нити, плетеная
тесма, вышивка, аппликация.
143×150 см.

КП МНИ-8487
Аёллар нимчаси
Узбекистон, 1950-йиллар.
Пахта, шойи, ипак, ироки
чок.
44×47 см.

КР МНИ-8487
Woman's waistcoat
Uzbekistan, 1950s.
Cotton, silk, silk threads,
Iroki stitch.
44×47 cm.

КП МНИ-8487
Жилет женский
Узбекистон, 1950-е гг.
Хлопок, шелк, шелковые
нити, шов ироки.
44×47 см.

КП МНИ-8490
Аёллар нимчаси
Узбекистон, 1950-йиллар.
Пахта, шойи, ипак, ироки
чок.
44×46 см.

КР МНИ-8490
Woman's waistcoat
Uzbekistan, 1950s.
Cotton, silk, silk threads,
Iroki stitch.
44×46 cm.

КП МНИ-8490
Жилет женский
Узбекистон, 1950-е гг.
Хлопок, шелк, шелковые
нити, шов ироки.
44×46 см.

КП МНИ-8488
Аёллар нимчаси
Узбекистон, 1950-йиллар.
Пахта, шойи, ипак, ироки
чок.
54×48 см.

КР МНИ-8488
Woman's waistcoat
Uzbekistan, 1950s.
Cotton, silk, silk threads,
Iroki stitch.
54×48 cm.

КП МНИ-8488
Жилет женский
Узбекистон, 1950-е гг.
Хлопок, шелк, шелковые
нити, шов ироки.
54×48 см.

КП МНИ-10370
Аёллар нимчаси
Узбекистон,
1950-йиллар.
Духоба, сатин,
зар ип, кумуш ипи,
зартикма, кашта, гул
ёпиштириш.
49×47 см.

КР МНИ-10370
Woman's waistcoat
Uzbekistan, 1950s.
Velvet, sateen, golden
threads, silver threads,
gold twisted thread,
embroidery, applique.
49×47 cm.

КП МНИ-10370
Жилет женский
Узбекистон, 1950-е гг.
Бархат, сатин, золотые
нити, серебряные нити,
канитель, вышивка,
аппликация.
49×47 см.

КП МНИ-8489
Аёллар нимчаси
Узбекистон, 1950-йиллар.
Пахта, шойи, ипак, ироки
чок.
44×45 см.

КР МНИ-8489
Woman's waistcoat
Uzbekistan, 1950s.
Cotton, silk, silk threads,
Iroki stitch.
44×45 cm.

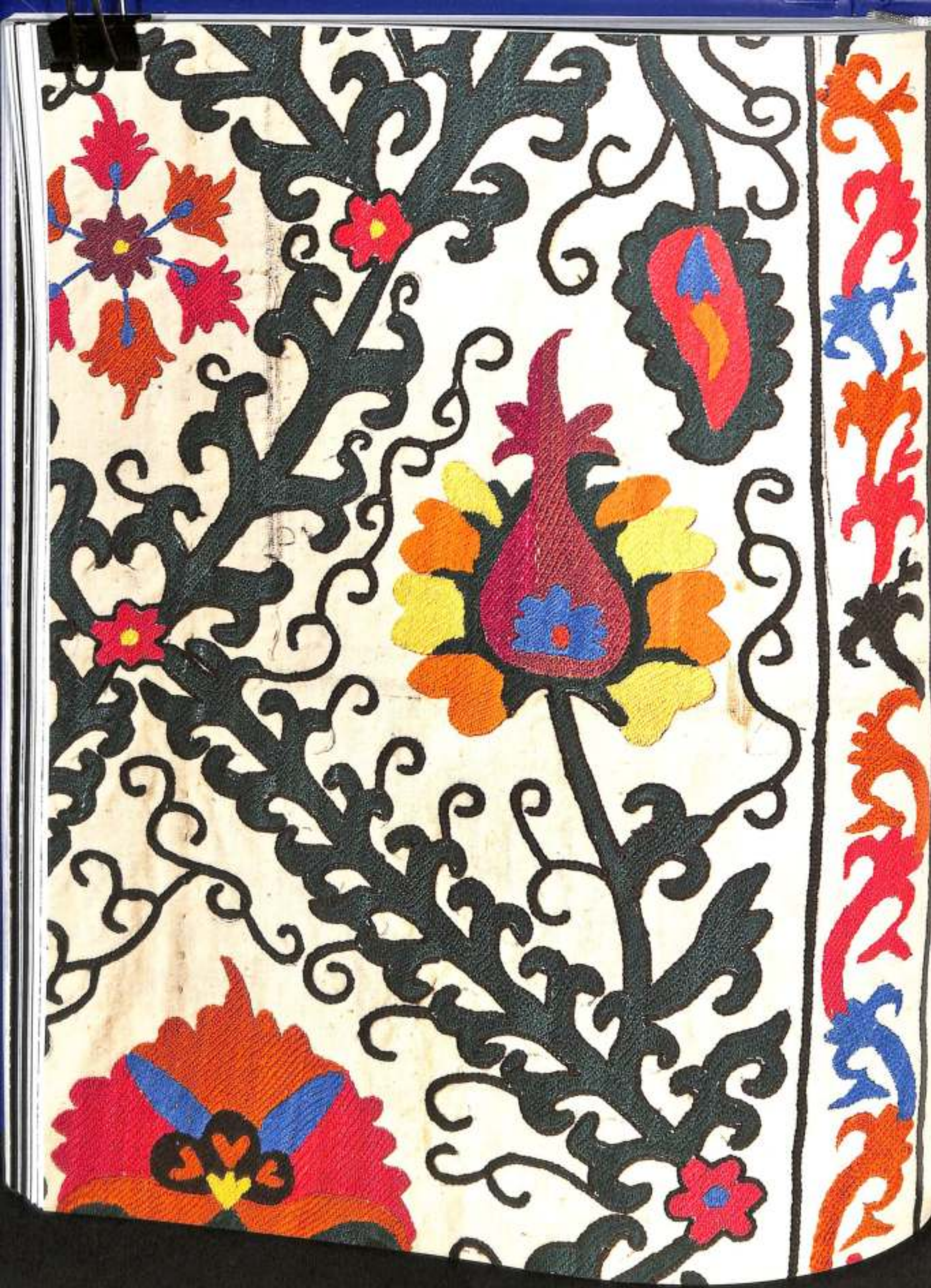
КП МНИ-8489
Жилет женский
Узбекистон, 1950-е гг.
Хлопок, шелк, шелковые
нити, шов ироки.
44×45 см.

КП МНИ-10371
Аёллар нимчаси
Бухоро, Молотов
номидаги артель,
1950-йиллар.
Духоба, атлас, зар ип,
кумуш ип, зартикма,
ипак, кашта, гул
ёпиштириш.
51×51 см.

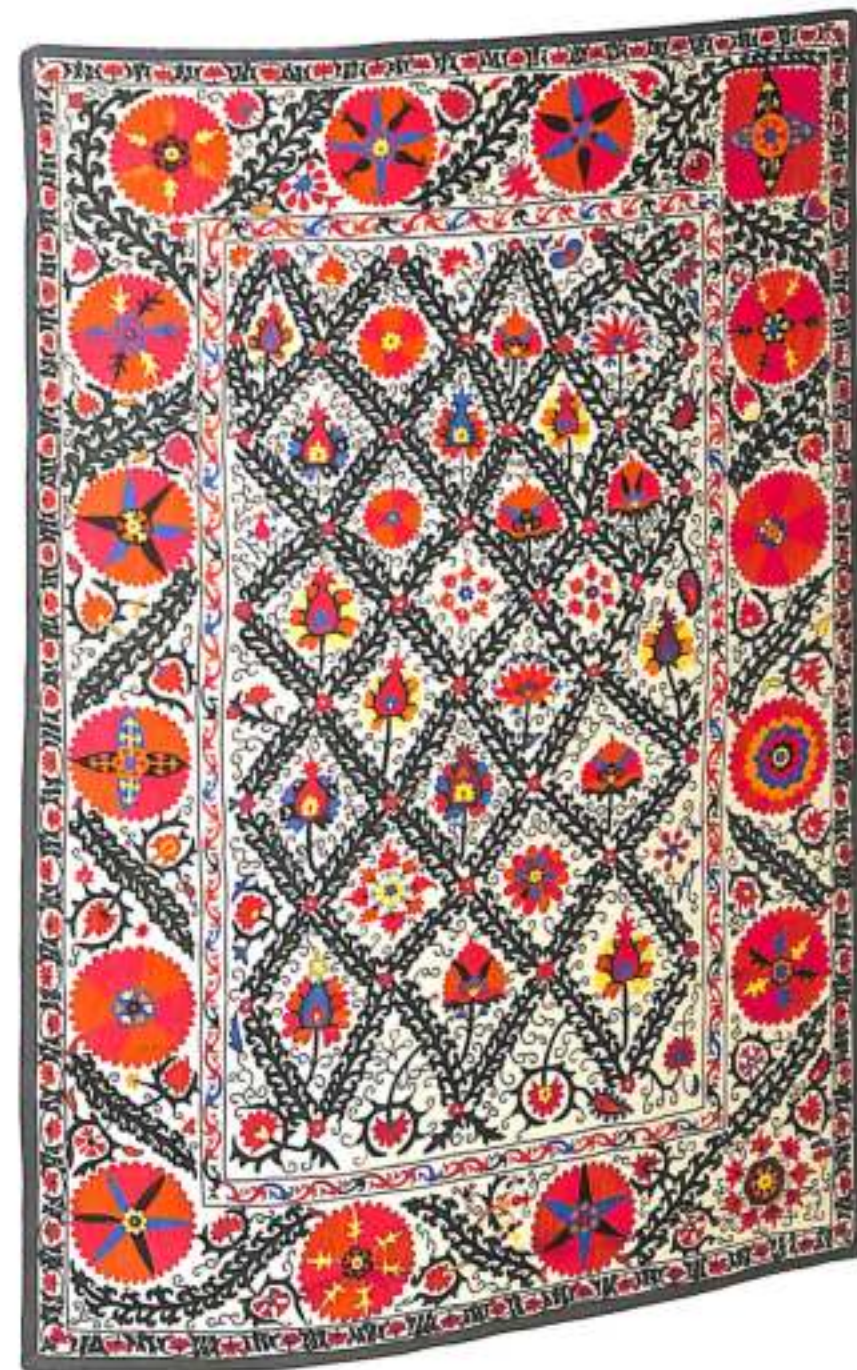
КР МНИ-10371
Woman's waistcoat
Bukhara, Molotov
cooperative, 1950s.
Velvet, satin, golden
threads, silver threads,
gold twisted thread, silk
threads, embroidery,
applique.
51×51 cm.

КП МНИ-10371
Жилет женский
Бухара, артель
им. Молотова, 1950-е гг.
Бархат, атлас, золотые
нити, серебряные нити,
канитель, шелковые
нити, вышивка,
аппликация.
51×51 см.

КП МНИ-3050
Сузани

Бухоро, 1930-йиллар охири –
1940 йиллар боши.
Чевар М. Хамидова.
Ип газлама, ипак, занжир чок,
босма чок.
212×154 см.

КП МНИ-3050
Suzani

Bukhara, late 1930s – early 1940s.
Artisan M. Khamidova.
Cotton fabric, silk threads, chain stitch, bosma
stitch.
154×212 cm.

КП МНИ-3050
Сузани

Бухара, конец 1930 – начало 1940-х гг.
Мастер М. Хамидова.
Хлопчатобумажная ткань,
шелковые нити, тамбурный шов,
шов босма.
212×154 см.

КП МНИ-1065

Сузана

Узбекистон, 1936 йил.
Ип газлама, шойи, ироки чок.
226×123 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намойиш
қилинган.

КП МНИ-1065

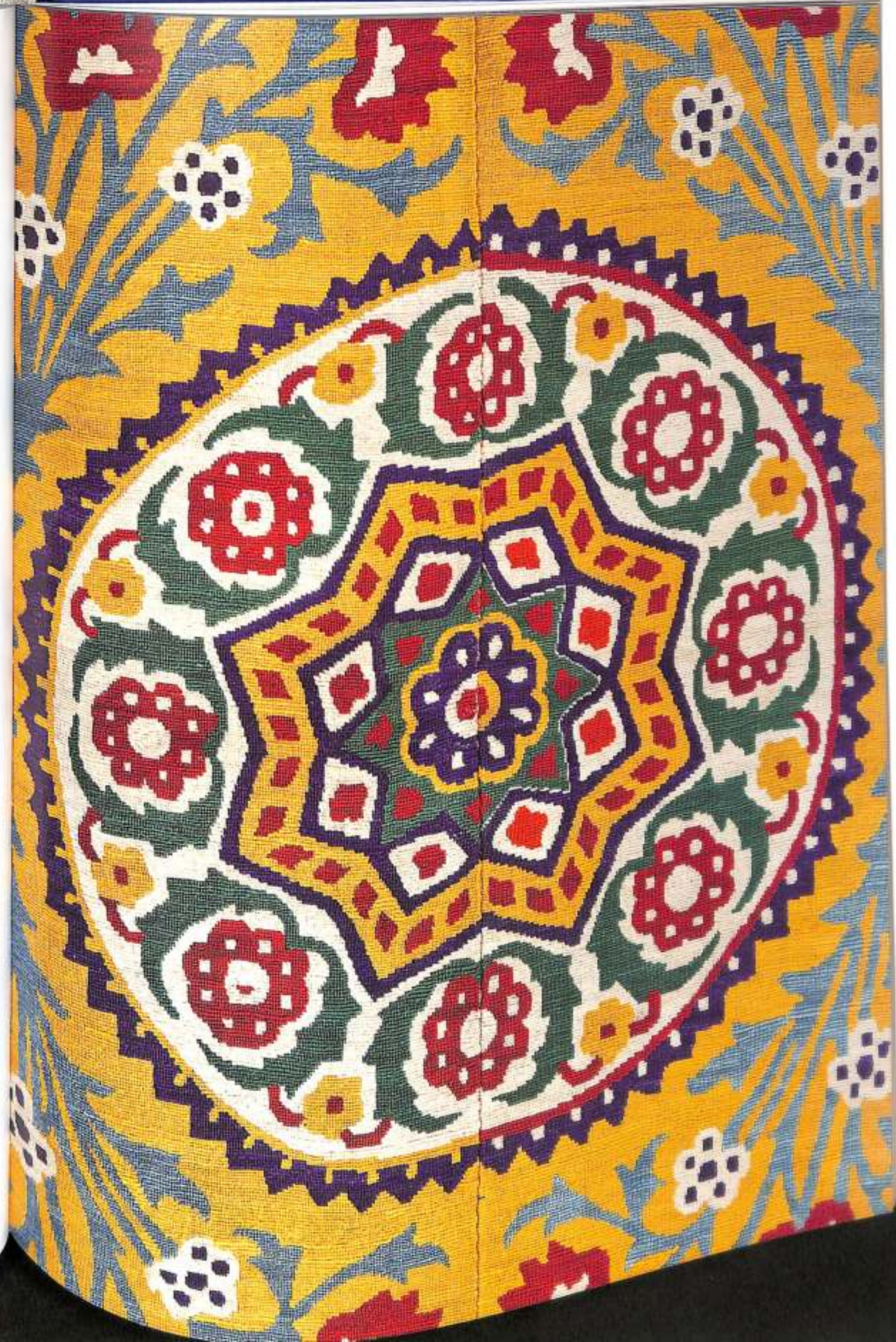
Suzani

Uzbekistan, 1936.
Cotton fabric, silk, silk threads,
iroki stitch.
226×123 cm.
Exhibit of the World's Fair in Paris
of 1937.

КП МНИ-1065

Сузани

Узбекистон, 1936 г.
Хлопчатобумажная ткань, шелк,
шелковые нити, шов ироки.
226×123 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

МХП-12523

Сузана

Кашкадарё вилояти,
1930-йиллар.
Ип-газлама, адрас, ип тасма,
ипак, ироки чок,
164×162 см.

МНП-12523

Сузани

Kashkadariya District, 1930s.
Cotton fabric, adras semi-silk fabric,
cotton lacing, silk threads, Iroki
stitch.
164×162 cm.

МХП-12523

Сузани

Кашкадарьинский область, 1930-е гг.
Хлопчатобумажная ткань, полушелковая
ткань адрас, хлопчатобумажная тесьма,
шелковые нити, шов ироки.
164×162 см.

МХП-15698
**Каштали ёстиқ
жилд**
Ўзбекистон,
1930–1940-йиллар.
Зигир, ипак, босма чок.
39×40 см.

MHP-15698
**Couch cushion
pillowcase**
Uzbekistan,
1930s–1940s.
Linen, silk threads,
bosma stitch.
39×40 cm.

МХП-15698
**Наволочка для
диванной подушки**
Узбекистан,
1930–1940-е гг.
Лен, нити шелковые,
шов босма.
39×40 см.

МХП-15755
**Каштали ёстиқ
жилд**
Самарканд, «Аёллар
меҳнати» артели,
1930–1940-йиллар.
Зигир, ипак,
босма чок.
39×40 см.

MHP-15755
**Couch cushion
pillowcase**
Samarkand, Woman's
Labor cooperative,
1930s–1940s.
Linen, silk threads,
bosma stitch.
39×40 cm.

МХП-15755
**Наволочка для
диванной подушки**
Самарканд, артель
«Труд женщины».
1930–1940-е гг.
Лен, нити шелковые,
шов босма.
39×40 см.

МХП-15699
Каштали ёстиқ жилд
Самарканд, «Аёллар меҳнати» артели,
1930–1940-йиллар.
Чевар Санофар Сайфитдинова.
Зигир, ипак, босма чок.
39×39 см.

MHP-15699
Couch cushion pillowcase
Samarkand, Woman's Labor cooperative,
1930s–1940s.
Artisan Saifetdinova Sonovar.
Linen, silk threads, bosma stitch.
39×39 cm.

МХП-15699
Наволочка для диванной подушки
Самарканд, артель «Труд женщины»,
1930–1940-е гг.
Мастер Санофар Сайфитдинова.
Лен, нити шелковые, шов босма.
39×39 см.

МХП-12519
**Каштали ёстиқ
жилд**
Самарканд, 1930-йиллар.
Шойи, ипак, босма
чок.
42,5×50 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон
қўрғазмасида намоиш
қилинган.

MHP-12519
**Couch cushion
pillowcase**
Samarkand, 1930s.
Silk, silk threads, bosma
stitch.
42.5×50 cm.
Exhibited at the World's
Fair in Paris in 1937.

МХП-12519
**Наволочка для
диванной подушки**
Самарканд, 1930-е гг.
Шелк, нити шелковые,
шов босма.
42,5×50 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже
1937 гг.

МХП-12528
Каштали ёстиқ жилд
Қарши тумани, 1936 йил.
Чевар Султон Розикова.
Зигир, ипак, босма чок.
39×40 см.
1937 йилги Париж
Бутунжаҳон
қўрғазмасида намоиш
қилинган.

MHP-12528
**Couch cushion
pillowcase**
Karshi District, 1936.
Artisan Razykova Sultan.
Linen, silk threads, bosma
stitch.
39×40 cm.
Exhibited at the
World's Fair in Paris in
1937.

МХП-12528
**Наволочка для
диванной подушки**
Қаршинский район,
1936 г.
Мастер Султан Разыкова.
Лен, нити шелковые, шов
босма.
39×40 см.
Экспонат Всемирной
выставки в Париже
1937 г.

КП МНИ-185/1

Дарпарда (жамланма)

Тошкент, Бадий хунармандчилик
санъатининг ўқув-ишлаб чиқариш
комбинати, 1936 йил.
Уста Абдурахим Гафуров (Абдугафуров)
Пахта, қўл тепма чок,
58×158 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
курғазмасида намоиш қилинган.

КП МНИ-185/1

Drapery (a set)

Tashkent, Educational and Industrial
Combine of the Handicraft
Art Industry, 1936.
Artisan Abdurakhim Gafurov (Abdugafurov).
Cotton, hand-printed pattern.
58×158 cm.
Exhibited at the World's Fair in
Paris in 1937.

КП МНИ-185/1

Ламбрекен (комплект)

Тошкент, учебно-производственный
комбинат художественной кустарной
промышленности, 1936 г.
Мастер Абдурахим Гафуров (Абдугафуров)
Хлопок, ручная набойка.
58×158 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-185/2

Дарпарда жамланмасининг ён қисми

Тошкент, Бадий хунармандчилик
саноатининг ўқув-ишлаб чиқариш
комбинати, 1936 йил.
Уста Абдурахим Гафуров (Абдугафуров).
Пахта, қўл тепма чок.
212×38 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намойиш қилинган.

КП МНИ-185/2

Side part of a set with drapery

Tashkent, Educational and Industrial Combine
of the Handicraft Art Industry, 1936.
Artisan Abdurakhim Gafurov (Abdugafurov).
Cotton, hand-printed pattern.
212×38 cm.
Exhibited at the World's Fair in Paris in 1937.

КП МНИ-185/2

**Боковая часть комплекта
с ламбрекеном**

Ташкент, учебно-производственный
комбинат художественной кустарной
промышленности, 1936 г.
Мастер Абдурахим Гафуров (Абдугафуров).
Хлопок, ручная набойка.
212×38 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-185/3

Тупламнинг ён қисми

Тошкент, Бадий хунармандчилик
саноатининг ўқув-ишлаб чиқариш
комбинати, 1936 йил.
Уста Абдурахим Гафуров (Абдугафуров).
Пахта, қўл тепма чок.
212×38 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
қўрғазмасида намойиш қилинган.

КП МНИ-185/3

Side part of a set with drapery

Tashkent, Educational and Industrial Combine
of the Handicraft Art Industry, 1936.
Artisan Abdurakhim Gafurov (Abdugafurov).
Cotton, hand-printed pattern.
212×38 cm.
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-185/3

**Боковая часть комплекта
с ламбрекеном**

Ташкент, учебно-производственный
комбинат художественной кустарной
промышленности, 1936 г.
Мастер Абдурахим Гафуров (Абдугафуров).
Хлопок, ручная набойка.
212×38 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-278
Оқ баскур

Каракалпокистон АССР. Қорақалпоқ саноат
кеңгаши, 1936 йил.
Жуун ил, пахта ил, тукли ҳамда туксиз кўл
туқимачилиги, туқима.
1475×45 см.

КР МНИ-278
Оқ баскур

The Karakalpak Autonomous Soviet Socialist
Republic, Karakalpak Central Council of
Producers' cooperatives, 1936.
Woolen threads, cotton threads, piled and
pileless hand weaving, braiding.
1475×45 cm.

КП МНИ-278
Ақ баскур

Каракалпокистон АССР, Каракалпакский
происовет, 1936 г.
Нити шерстяные, нити хлопчатобумажные,
ворсовое и безворсовое ручное ткачество,
плетение.
1475×45 см.

КП МНИ-4001

**Ички жанбау (утовни безатиш
учун ишлатиладиган гилам
тури)**

Каракалпокистон АССР,
Чимбой тумани,
1935 йил.

Жун ил, пахта ил, тукли ва туксиз кўл
тукимачилиги, тукима.
225×14 см, боғичлар — 47 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоиш қилинган.

КР МНИ-4001

**Ishki zhanbau (carpet used to
decorate a yurt)**

Chimbay District, Karakalpak
Autonomous Soviet Socialist Republic,
1935.

Woolen threads, cotton threads, piled
and pileless hand weaving, braiding
225×14 cm, ties — 47 cm.
Exhibited at the World's Fair in
Paris in 1937.

КП МНИ-4001

**Ишки жанбау (ковровое изделие
для украшения юрты)**

Каракалпакская АССР,
Чимбайский район, 1935 г.

Нити шерстяные, нити
хлопчатобумажные, ворсовое и
безворсовое ручное ткачество,
плетение.
225×14 см, завязки — 47 см.
Экспонат Всемирной выставки в
Париже 1937 г.

КП МНИ-4002

**Ички жанбау (утовни безатиш
учун ишлатиладиган гилам
тури)**

Каракалпокистон АССР,
Чимбой тумани, 1935 йил.

Жун ил, пахта ил, тукли ва туксиз кўл
тукимачилиги, тукима.
213×15 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоиш
қилинган.

КР МНИ-4002

**Ishki zhanbau (carpet used
to decorate a yurt)**

Chimbay District, the Karakalpak
Autonomous Soviet Socialist
Republic, 1935.

Woolen threads, cotton threads,
piled and pileless hand weaving,
weaving
213×15 cm.
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-4002

**Ишки жанбау (ковровое изделие
для украшения юрты)**

Каракалпакская АССР,
Чимбайский район, 1935 г.

Нити шерстяные, нити
хлопчатобумажные, ворсовое и
безворсовое ручное ткачество,
плетение.
213×15 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-4003
Ички жанбау
Каракалпокистон АССР, Чимбой тумани,
1935 й.
Жун ип, пахта ип, тукли ва туксиз кўл
тўқимачилиги, тўқима.
127×50 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоён қилинган.

КР МНИ-4003
Ishki Zhanbau
Chimbay District, the Karakalpak
Autonomous Soviet Socialist Republic, 1935.
Woolen threads, cotton threads, piled and
pileless hand weaving, weaving.
127×50 cm.
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-4003
Ички жанбау
Каракалпакская АССР,
Чимбайский район, 1935 г.
Нити шерстяные, нити хлопчатобумажные,
ворсовое и безворсовое ручное ткачество,
плетение.
127×50 см.
Экспонат Всемирной выставки
в Париже 1937 г.

КП МНИ-656
Жамодон
Тошкент, Узсаноаткенгаз, 1936 йил.
Табиий чарм, чарм ип, метал илмок, ипак
матоси, елим оркали ёпиштирилган, шаклга
солинган, тикилган.
59×33 см.
1937 йилги Париж Бутунжаҳон
кўргазмасида намоён қилинган.

КР МНИ-656
Suitcase
Tashkent, Industry Board of Uzbekistan, 1936.
Leather, leather threads, metal loops, silk
fabric; gluing, forming, sewing.
59×33 cm.
Exhibited at the World's Fair
in Paris in 1937.

КП МНИ-656
Чемодан
Тошкент, Узпромсовет, 1936 г.
Кожа натуральная, нити кожаные,
петли металлические, ткань шелковая;
склеивание, формование, пошив.
59×33 см.
Экспонат Всемирной выставки в Париже
1937 г.

РОССИЯ РАССОМЛАРИ ИЖОДИДА
ЎЗБЕКИСТОН.
ПАПЬЕ-МАШЕДАГИ ЛОКЛИ
РАСМЛАР

UZBEKISTAN IN THE CREATIVE WORK
OF THE RUSSIAN ARTISTS.
LACQUER PAINTING ON PAPIER-MACHE
ЎЗБЕКИСТАН В ТВОРЧЕСТВЕ
РОССИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ.
ЛАКОВАЯ РОСПИСЬ НА ПАПЬЕ-МАШЕ

РОССИЯ РАССОМЛАРИ ИЖОДИДА
ЎЗБЕКИСТОН

A.A. Furodo

Россия va Ўзбекистоннинг ягона маданий мухити va табиати Евро-осиё кенгликларида кудратли Евроосиё тамалдони негизда пайдо бўлиб, шакллانган. Айнан шу мухит уларнинг тарихий ривожланишидаги қоришиқлигининг асосий омилли бўлган. Икки мамлакатнинг салтанат va маданияти инсониятнинг минг йиллик маданий бой меросини ўзига сингдирган.

Россия ва Ўзбекистон ўртасидаги ҳамкорликнинг пайдо бўлиши бир неча юзйилликлар билан ўлчанади. Тарихчи Абулғоли Баҳодурхоннинг гувоҳлик беришича, Россия ва Ўзбекистон ўртасидаги алоқаларнинг таърихи тахминан 1603 йилдан бошланган. XVII асрда Россияга 12 нафар хивалик ва яна шунча бухоролик элчилар таъриф буюришган. Россия томонидан ҳам худди шу тахлит жавоб қайтарилган. 1620 йилда Москвадан Бухорога элчи юборилган.

1620 йилда Москвадан Бухорога Иван Хохлов раҳбарлигида ilk Россия элчилари юборилган, 1669 йилда эса дворян Иван Федотов ва Матвей Муромцев Хивага элчи бўлиб келишган. Ўзбек амалий-бизак санъати ишлари Россияга элчиларга қилинган тухфалар, савдогарлар орқали бориб қолган. Ўзбек ғиламлари ва газламалари, сопол ва металл идишлари рус шохлари, боярлари, олийинасаб зодагонлар, бой савдогарлар ва шаҳарликлар хонадониди ишлатилган.

Рус расом ва усталарини ўзбек нақшларининг безаклари, ранг-баранглиги ўзига жалб қилган, ўз навбатида кейинчалик бу ранг-баранглик рус халқ амалий санъати намуналарига ҳам кўча бошлаган. Айнан ушбу табиийлик ва қадимий минораклик ҳам Ўзбекистоннинг тарихий қадимий минораклигига асос бўлиб қолган.

Айнан ушбу табиийлик ва қадимий илдиэларга эга бўлган мушга-
раклик ҳам Ўзбекистонда, ҳам Россияда ўзаро уйғунлашувга замин ярат-
ган. Кўпинча, рус санъати ва маданиятида наққошлик услублари тари-
хийлик йўналишларининг асосий унсури сифатида Ўзбекистоннинг
маданий ва ижодий меросига таянганини кўриш мумкин.

Рус сайёҳлари билан картографик ва географик экспедицияларда
рассомлар ҳам ҳамроҳлик қилиб, ўзлари билан Ўзбекистоннинг қадим

нинг ҳамда бой меросидан дарак берувчи илмий ва тасвирий материал-
ларни оlib қайтириган.

Ушбу экспедиция ва тадқиқотларнинг натижаси рус жамиятида катта қизиқиш уйғотиб, рассомлар тасаввурини жонлантирган. Шарк мавзуси узининг нақшлари, ранг-баранглиги, руслар иншоидagi ноодатий нақшлар, миллий нафаси, Шарқнинг адабий, шеърый мероси билан Россия санъатига кириб келган. Рус рассомлари Ўзбекистоннинг маданий ва бадиий мероси билан қизиқа бошлаганлар.

XIX asrning oxiri va XX asrning boshlarida rassomlar Markaziy Osiyoga kelib qatnashgan va u yerda asarlarida Sharq mavzusini ilmiy hamda badiiy-amaliy san'at nuktan nazaridan yoritib berishgan.

XX асрда ҳам ушбу қизқичқин асло сўнамдди, аксинча ривожланишнинг янги босқичларига ўтди. Ушбу давр рассомлари ижодидаги Шарқ мавзуси амалий-бевақ санъатида дониш мавжуд бўлиб келган. 1932 йилда Бадиий-саноат шўъмий тадқиқот институти (БСИТ)га амалий-бевақ санъати бўлими-ларини учун экспорт намуналарини ишлаб чиқиш вазифаси топширилди. Шўъма тадқиқот институтининг фаолияти фақатгина эстрадага эмас, балки мохир

Бадний саноат шимий талдикот институтининг асрашга эмас, балки мохир Уйбекистон халқ амалий-бадний санъатининг асрашга эмас, балки мохир рассомлар ижодий иттифоқи билан ҳамкорликда иш олиб бориб анъанавий маданият ва бадний меросни XX асрнинг нафосати ва ижоди талабларига мослаштиришга ёрдам берган.

М. Нестерова, И.Г. Фрих-Хар ва бошқа мохир рассомларнинг ишлари арт-деко санъатига монанд уйғунлик касб этгани ва уларнинг Шарк ун-сурларини ўзига инсонларнинг ҳам тасодиф эмас, Россия чини завоқла-рида чойнак, шёна, идишлар намуналарининг ўзбек нақшлари билан ўзбек сонюк идишлари рангида ишлаб чиқарилиши эса, ўзбек рассом ва куюллари ҳамда гиламдўзарининг ишларига кизиқишни кучайтирган.

Иккинчи жаҳон урушидан аввал ҳамда унинг давомида маърузачи кўрсатиб беришга эришилди ва Балиний элчи ҳам ушундан фойдаланиб, кўрсатиб беришга эришилди ва

XX асрда Ўзбекистонда махсус таълим тизими шакллантиришга эришилди ва академиянинг фаол иштирокида юрак иктилдорли ҳамда устаси бўлган рассомлар жамоасини шакллантиришга эришилди. миллий рассомлик мактаби яратилди.

1960–1980-йилларга оид бўлган, Ўзбекистонда
 маданий рассомлик мактаби яратилган. Ўзбекистон
 сакданаётган муаллифлик безакли амалий санъатининг ва маъжуд
 халқларимиз ўртасида муштарак маданий муҳит яратилгани ва маъжуд
 бўлганини, унда Россия ва Ўзбекистондаги кўп сонли истеъодли рас-
 сомлар ҳар икки томонга бирдек тегишли муаммоларни ижодий ҳамда
 маданий ўқитидан келиб чиқиб ҳал қилганини кўрсатади.

ПАПЬЕ-МАШЕДАГИ ЛОКЛИ РАСМЛАР

Л.Л. Пирогова

Рус лок миниатюраси 1930 йилларда бир канча кишлоклар – Федоскино (Москва вилояти), Мстёра (Владимир вилояти), Палех ва Холуй (Иваново вилояти)да ривожланган. Бу марказларнинг ҳар бирида тасвирий санъатнинг ўз услублари ва техникаси юзага келган. Маҳаллий усталар тупланган анъана ва тажрибалар йўқолмаслиги ва ўз анъаналарининг ижодий шароитда давом эттириш учун артелларда бириктириб фаоллият олиб борганлар.

Локда ишлов бериш хунармандчилик миниатюра мактабининг энг тўғриги икки асрлик тарихга эга бўлган Федоскино мактаби ҳисобланади. Подмосковьёдаги Лукитина фабрикаси ва Вишняков устахонасида ишлаган усталар 1910 йилда Федоскино меҳнат артелида бириктирилганлар.

Улар чизган миниатюраларнинг асосий мавзуси оқдний рус кишлоқлари ҳаёти бўлиб, обрўли заминдор ёки савдогар оиласининг чой ичини, гу-машта ёки извошчилар, уч отли извошдаги байрамона сайр, бозорўчар, тушлик, меҳнат жараёни, учрашув, тарихий ҳодисалар, эртас воқеалари тасвирланган.

Мстёра, Палех ва Холуй рассомлари *темпера* (тухум саригида эзиб таёйёрланган бўёқ) билан чизишган. Бу марказларда қутича, қути, *кубик*, тўғноғич, тамакидон, бўйинбоғ учун тўғноғичлар, игнадонга тасвир ишлаш билан шуғулланган рассомлар аввал икона чизиш билан шуғулланиб, янги даврда янги соҳа ва йўналишда ўзларига одат бўлиб қолган услуб ва йўлларни олиб ўтишган.

Ушбу мактабларда рангтасвир услубларида юзага келган тафовутлар сақланиб қолган.

Ўзбекистонга юборилган рус рассомлари нафақат бу серқуёш диёрнинг гузал табияти ва маиший ҳаёти, балки самимий халқи, инсонларининг дўстона муносабатига ҳам маҳлиё эди. Уларнинг асарларидаги бош қаҳрамонлар оқдний меҳнатсевар инсонлар эди. Федоскино лок-миниатюра мактаби ҳақиқий анъаналар билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, ўзбек

ҳаётига онд миниатюралар ҳам ушбу услубда чизилган. 1930-йилларда номатлум рассом томонидан яратилган «Гилам тўқувчи аёл», М.А. Нестерованинг «Ўзбекона чойхўрлик», Алексей Алексеевич Кругликовнинг «Ўзбеклар. Газетхонлик», Иван Семенович Семеновнинг «Чойхонадаги ўзбеклар» (охирги икки рассом Федоскино мактабининг усталари) миниатюраларида Ўрта Осиё халқларининг ҳаёт тарзи ва унинг характерли воқеалари яққол сезилади. Бу миниатюралар ажойиб ранглари, ихчам ва инсонларнинг образлари билан ажралиб туради.

Кейинги даврда ҳам рассомларнинг ўзбек халқининг ҳаётига бўлган қизиқишлари йўқолмади. Федоскинолик Пётр Николаевич Пучков 1954 йилда «Шафтоли терини» миниатюрасини ўзбек ҳаётига бағишлаб, унда гузал навақирон ўзбек қизини тасвирлайди.

Россия Федерациясида хизмат кўрсатган рассом, замонавий асарлар муаллифи, маҳаллий ва хориждаги кўرғазмалар қатнашчиси Николай Николаевич Денисов 1976 йил ўзбек халқининг мардонавор меҳнатидан руҳланиб «Гийёҳсиз чўлда» миниатюрасини яратган. Унда тепаликда ёш йилит тантанавор оҳангга қарнай чалаётгани тасвирланган.

Рус рассомлари ўз ижодларини нафақат ҳаёт ва ўзбек анъаналарига бағишлаган, балки зиёли қатлам билан мулоқот қилиб, тажриба алмашишган. Палех рассомлик билим юртининг битирувчиси Владимир Сергеевич Ан ўқинини тутатган, Ўзбекистонга келиб, бир канча ўзбек усталари гуруҳини бириктирган. Бу рассомлар асосан Палех миниатюра мактабига таяниб, услубий жиҳатдан форс миниатюра санъатига яқин турадиган ўзбек миллий рангтасвир анъаналари асосида ўзига хос асарлар яратишган.

UZBEKISTAN IN THE CREATIVE WORK OF THE RUSSIAN ARTISTS

A.A. Gilodo

The unity of cultural space of Russia and Uzbekistan originated and formed on the space of Eurasia within the context of the Eurasian civilization. It was this circumstance that defined the dominant element of their historical development – syncretism. The culture and art of both countries absorbed the richest heritage of a thousand years of human civilization.

Ancient Persia, Ancient Greece, the traditions of Hellenism, nomadic civilizations starting from the Sakas (Scythians), the diversity and power of the Roman world and the Byzantine Empire gave strong seedlings and became a rich soil for the centuries-old culture and art of both countries. The connections between Russia and Uzbekistan are more than a century old. According to the historian Abul-Ghazi-Khan, the history of relations between Khiva and Russia probably dates back to 1603. A total of 12 Khivan and 12 Bukharan embassies visited Russia in the 17th century. Russia responded to them by sending similar embassies. In 1620 the first Russian embassy headed by Ivan Khokhlov was sent to Bukhara, and in 1669 the embassy of noblemen Ivan Fedotov and Matvey Muromtsev was sent to Khiva.

The works of Uzbek decorative and applied arts were brought to Russia as the ambassadors' gifts and delivered by merchants. The Uzbek carpets and fabrics, ceramics and metal ware were used by the Russian tsars, boyars, noblemen, rich merchants and citizens.

The Russian artists and masters were always attracted by wealth and sophistication of the Uzbek ornaments and their variety of colors, which were naturally in line with the ornamental and polychromatic character of the Russian national decorative and applied art. It was this naturalness of its concept in both Uzbekistan and Russia that contributed to adaptation traditions of Russian and Uzbek arts and crafts within the framework of the historicism style in the 19th century.

To a great extent in Russian art and culture, stylistics of orientalism was based on the cultural and artistic heritage of the East, including Uzbekistan. The Russian travelers, scientific and geographic expeditions, which were always accompanied by artists, brought back the richest scientific and artistic materials, showing the rich and ancient heritage of Uzbekistan.

The results of these expeditions and research generated interest in the Russian society and aroused the imagination of artists. The theme of the East, with its ornaments, colorfulness singularity, national colour, literary and poetic heritage were firmly incorporated into the art of Russia. The Russian artists became interested in the cultural and artistic wealth of Uzbekistan. At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries they began to visit Central Asia, actively using Oriental themes in their works of scientific, academic, decorative and applied art.

In the 20th century, this interest not only remained intact, but received a strong impetus for development. The Oriental theme in decorative and applied art is consistently apparent in the works of Soviet artists. In 1932, the Research Institute of Art Industry was fulfilling a task to work out the export task of developing export samples for the works of decorative and applied art.

The activities of the Research Institute of Art Industry not only enabled the preservation of traditional and national art of Uzbekistan, but also, in cooperation with the creative unions of professional artists, assisted to adapt the traditional and artistic heritage to the aesthetics and requirements of new art in the 20th century.

It was not a mere coincidence that the works by M. Nesterova, I.G. Frikh-Har and other professional artists found themselves within the context of art deco and in line with its oriental features. It contributed to the origin of teapots, bowls and dishes with Uzbek patterns in the range of the Russian porcelain factories.

This interest raised before World War II became stable during the following decades.

In the 20th century, a highly talented and highly professional corps of artists of Uzbekistan to create the national art school was formed with the active participation of the Academy of Arts.

The richest heritage of the decorative arts of the 1960s and 1980s, housed in the art museums in Uzbekistan and Russia, clearly demonstrates that the existence of a single cultural space in which talented artists of both Russia and Uzbekistan fulfill common artistic tasks while preserving their creative and national uniqueness.

LACQUER PAINTING ON PAPIER-MACHE

L.L. Pirogova

By the 1930's the Russian miniature lacquer painting was developed in several villages: Fedoskino (Moscow region), Mstyora (Vladimir region), Palekh and Kholuy (Ivanovo region). Each of these centers formed its own painting style and technique. Local craftsmen gathered into craft cooperatives to preserve accumulated traditions and experience and to continue creative work.

The Fedoskino miniature is the oldest craft with miniature lacquer painting. It has existed for over two centuries. In 1910 craftsmen from the Lukutin factory near Moscow and the Vishnyakov workshop gathered into the Fedoskino work cooperative. Miniature designs were usually related to customs and traditions of Russian people: teatime in a respectable peasant's or merchant's family, estate managers and coachmen, festive ridings on a "troika" (3 horses drawing a sleigh), business trips to markets or to the liturgy, journeys, working scenes, dates, historical events and fairy tales.

Artists from Mstyora, Palekh and Kholuy painted in tempera. As these centers for painting on caskets, coffrets, money boxes, brooches, ashtrays, pins, needle cases in the Soviet times attracted the former icon painters, they started using customary techniques and methods in a new sphere. They preserved the stylistic differences of these painting schools.

The Russian artists who had visited Uzbekistan were driven not only by interest in the exotic natural beauty and way of life of the Southern republic. Ordinary working people became main characters of their works. The Fedoskino miniature lacquer painting is closely related to the realistic tradition, which can be seen in Uzbek-themed miniatures. Peculiarities of the Central Asian way of life and its characteristic features were depicted in the following works: "Uzbek Carpetmakers" by an unknown artist in the 1930s, "Uzbeks drinking tea" by M. A. Nesterova,

"Uzbeks. Reading newspapers" by Aleksey A. Kruglikov, "Uzbeks in a chaikhana (tea parlor)" by Ivan S. Semenov (the two latter artists from Fedoskino). The miniatures are distinguished by intense colors, which absorbed bright sun of the Southern land, as well as by the laconic and convincing characters.

The artists kept up their interest in the life of Uzbek people. In 1954, Pyotr N. Puchkov devoted to the Uzbek theme his "Peach harvest" miniature with a young Uzbek girl. Nikolai N. Denisov is Honoured Artist artist of the Russian Federation, an author of brilliant works on modern life, and a permanent participant of local and foreign exhibitions. He admired the working heroism of the Uzbek people and in 1976 created a miniature called "In the Hungry Steppe." A young Uzbek sits on a hill and plays karnay.

The Russian painters not only devoted their paintings to the life and customs of Uzbek people, but also closely communicated with the creative community and shared their experience. A graduate of Palekh Art School, Vladimir Sergeevich An, moved to Uzbekistan after his graduation, where he gathered several Uzbek artisans in a group. These painters created peculiar pieces of art based on the Palekh miniatures but guided by the Uzbek tradition, which was stylistically close to the Persian miniature.

УЗБЕКИСТАН В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

А.А. Гиллодо

Единство культурного пространства России и Узбекистана зарождалось и формировалось на просторах Евразии в контексте евразийской цивилизации. Именно это обстоятельство определило главную доминанту их исторического развития – синкретичность. Культура и искусство обеих стран впитали в себя богатейшее наследие тысячелетней человеческой цивилизации.

Древняя Персия, античная Греция, традиции эллинизма, кочевые цивилизации, начиная с саков (скифов), многообразие и мощь Римской империи и Византии дали могучие всходы и стали питательной почвой для многовековой культуры и искусства обеих стран. Связь России и Узбекистана насчитывает не одно столетие. История отношений Хивинского ханства с Россией восходит, по свидетельству историка Абул-гази-хана, к 1603 г. В XVII в. Россию посетили 12 хивинских и 12 бухарских посольств. Из России отвечали такими же посольствами. В 1620 г. из Москвы в Бухару было отправлено первое русское посольство во главе с Иваном Хохловым, а в 1669 году – посольство дворян Ивана Федотова и Матвея Муромцева в Хиву.

Произведения узбекского декоративно-прикладного искусства попадали в Россию с посольскими дарами, привозились купцами. Узбекские ковры и ткани, керамика и изделия по металлу были в обиходе у русских царей, бояр, родовитого дворянства, богатых купцов и горожан.

Русских художников и мастеров всегда привлекали богатство и утонченность узбекского орнамента, его многокрасочность, что органично сочеталось с орнаментальностью и полихромностью русского декоративно-прикладного и народного искусства. Именно эта естественность его понимания и в Узбекистане, и в России способствовали адаптации в XIX в. традиций русского и узбекского декоративно-прикладного искусства в рамках стиля «историзм».

Во многом в русском искусстве и культуре стилистика ориентализма базировалась на культурном и художественном наследии Узбекистана.

Русские путешественники, научные, географические экспедиции, которые всегда сопровождали художники, привозили богатейший научный и художественный материал, демонстрирующий богатейшее наследие Востока, в том числе Узбекистана.

Результаты этих экспедиций и исследований вызвали интерес в русском обществе и будили воображение художников. Тема Востока с его орнаментами, красочностью, необычностью, национальный колорит, литературное, поэтическое наследие Востока прочно вошли в художественный мир России. Русские художники стали интересоваться культурным и художественным богатством Узбекистана. В конце XIX – начале XX вв. они стали посещать Центральную Азию, активно используя восточную тематику в своих работах.

В XX в. этот интерес не только не угас, но получил мощный импульс для развития. Тема Востока в декоративно-прикладном искусстве постоянно присутствует в работах художников. В 1932 г. Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП) получил задание разработать экспортные образцы для произведений декоративно-прикладного искусства.

Деятельность НИИХП не только способствовала сохранению традиционного прикладного и народного искусства Узбекистана, но и в сотрудничестве с творческими союзами профессиональных художников помогла адаптировать традиционное культурное и художественное наследие к эстетике и художественным требованиям нового времени – XX века.

Не случайно работы, выполненные М. Нестеровой, И.Г. Фрих-Харом и другими профессиональными художниками, органично вписывались в контекст искусства арт-деко, корреспондировались с его ориенталистскими чертами. Это способствовало появлению в ассортименте фарфоровых заводов России чайников, пиал, блюдов с узбекскими орнаментами.

Этот интерес, сформировавшийся еще до Второй мировой войны, оказался устойчивым в течение последующих десятилетий вплоть до настоящего времени.

В XX в. при активном участии Академии художеств удалось сформировать высокоталантливый и высокопрофессиональный корпус художников Узбекистана, создать национальную художественную школу.

Богатейшее наследие авторского декоративно-прикладного искусства 1960–1980-х гг., хранящееся в художественных музеях Узбекистана и России, наглядно демонстрирует, что существование единого культурного пространства, в котором талантливые художники и Россия, и Узбекистан решают единые художественные задачи, сохраняя при этом свою творческую и национальную уникальность.

ЛАКОВАЯ РОСПИСЬ НА ПАПЬЕ-МАШЕ

Л.Л. Пирогова

В 30-годах минувшего столетия русская лаковая миниатюра развивалась в нескольких селах: Федоскино (Московская обл.), Мстёра (Владимирская обл.), Палех и Холуй (Ивановская обл.). В каждом из этих центров сложились свой стиль росписи и своя техника. Местные мастера объединялись в артели, чтобы не утратить накопленные традиции и опыт, продолжить свою творческую деятельность.

Самый старый, существующий более двух веков промысел с миниатюрной лаковой росписью – федоскинский. В 1910 г. мастера, работавшие на подмосковной фабрике Лукутиных и в мастерской Вишняковых, объединились в Федоскинскую трудовую артель. Основными сюжетами их миниатюр были обычаи русских людей: чаепития почтенной крестьянской или купеческой семьи, приказчиков или ямщиков, праздничные катания на тройках, деловые поездки на базар или к обедне, путешествия, сцены труда, свиданий, исторические события, сказки.

Художники Мстёры, Палеха и Холуя пишут темперой. Поскольку в этих центрах росписью шкатулок, ларцов, кубышек, брошек, пепельниц, заколок для галстуков, игольниц занимались в советское время бывшие иконописцы, они перенесли в новую сферу привычную для себя технику и приемы. Сложившиеся стилистические отличия живописи этих школ сохранялись.

Русскими художниками, которые отправились в Узбекистан, двигали не только интерес к экзотичной красоте природы и быта южной республики. Главными персонажами их произведений стали простые люди труда. Федоскинская лаковая миниатюра тесно связана с реалистической традицией, и в этом стиле созданы миниатюры на узбекскую тему. В миниатюре «Узбечки-ковровщицы», выполненной неизвестным автором в 1930-е гг., в миниатюрах «Узбеки пьют чай» М.А. Нестеровой, «Узбеки. Чтение газет» Алексея Алексеевича Кругликова, «Узбеки в чайхане» Ивана Семеновича Семенова (два последних автора – мастера из Федоскина)

переданы особенности среднеазиатского быта. Миниатюры отличаются насыщенным цветом, лаконичные и убедительные образы.

Художники не теряли интерес к жизни узбекского народа. Федоскинец Петр Николаевич Пучков в 1954 г. посвящает узбекской теме миниатюру «Сбор персиков», изобразив на ней юную девочку-узбечку. Николай Николаевич Денисов, заслуженный художник Российской Федерации, автор произведений на современную тематику, постоянный участник отечественных и зарубежных выставок, в 1976 г. создал миниатюру «В Голубой степи», восхищаясь трудовым героизмом узбекского народа. На приторке молодой узбек играет на карнае.

Русские художники не только посвящали свои произведения жизни и обычаям узбекского народа, но и тесно общались с творческой интеллигенцией, обменивались опытом. Выпускник Палехского художественного училища Владимир Сергеевич Ан после завершения учебы перебрался в Узбекистан, где объединил в группу несколько узбекских мастеров. Эти художники создавали своеобразные произведения, основываясь на опыте палехской миниатюры, но исходя из узбекской традиции, стилистически тесно связанной с персидской миниатюрой.

КП МНИ-1352

**«Гилам тўқувчи ўзбек аёллари»
тасвири ишланган патнис**

Москва вилояти, Федоскино, ИХКП
букюртмасига асосан Федоскино меҳнат
артелида ишланган (Москва шаҳри), 1935 йил.
Муаллифи номаълум.
Папье-маше, лак, мойбўёқ, металл кукуни,
миниатюра тасвири.
14,2×18,9×1,3 см.

КР МНИ-1352

**«Uzbek Carpet-weavers»
decorative tray**

Moscow Region, Fedoskino, Fedoskino labor
cooperative by order of IHCP (Moscow), 1935.
Unknown artisan.
Papier-mache, lacquer, oil, metal powders,
miniature painting.
14,2×18,9×1,3 cm.

КП МНИ-1352

**Поднос декоративный «Узбечки-
ковровщицы»**

Московская обл., Федоскино, Федоскинская
трудовая артель по заказу ИХКП (г. Москва),
1935 г.
Автор неизвестен.
Папье-маше, лак, масло, металлические
порошки, миниатюрная живопись.
14,2×18,9×1,3 см.

КП МНИ-4212

«Узбеклар. Газетхонлик». Кутича

Москва вилояти, Федоскино,
рақсомларнинг Федоскино меҳнат артели,
1930-йиллар.
Уста Алексей Алексеевич Кругликов.
Папье-маше, лак, мойбўёқ, металл кукуни,
миниатюра тасвири.
4,5×13,5×9 см.

КР МНИ-4212

«Uzbeks Reading Newspapers» casket

Fedoskino, Moscow Region, 1930s.
Artisan Alexey Alekseevich Kruglikov.
Papier-mache, lacquer, oil, metal
powders, miniature
painting.
4,5×13,5×9 cm.

КП МНИ-4212

Шкатулка «Узбеки. Чтение газет»
Московская обл., Федоскино, Федоскинская
трудовая артель живописцев, 1930-е гг.
Автор Алексей Алексеевич Кругликов.
Папье-маше, лак, масло, металлические
порошки, миниатюрная живопись.
4,5×13,5×9 см.

КП МНИ-1356
«Чойхонадаги ўзбеклар». Кутича
Москва виллояти, Федоскино,
Рассомларнинг Федоскино меҳнат артели,
1930-йиллар.
Уста Иван Семенович Семенов.
Папье-маше, лак, мойбук, миниатюра
таъвири.
8,1×21,5×12 см.

КП МНИ-1356
«Uzbeks in the Teahouse» casket
Fedoskino, Moscow Region, 1930s.
Artisan Ivan Semenovitch Semenov.
Papier-mache, lacquer, oil, miniature
painting.
8,1×21,5×12 см.

КП МНИ-1356
Шкатулка «Узбеки в чайхане»
Московская обл., с. Федоскино,
Федоскинская трудовая артель
живописцев, 1930-е гг.
Автор Иван Семенович Семенов.
Папье-маше, лак, масло, миниатюрная
живопись.
8,1×21,5×12 см.

КП МНИ-4213/1-2
«Узбеклар чой ичмоқда». Кутича
Москва виллояти, Федоскино, Рассомларнинг
Федоскино меҳнат артели ИХКП (Москва ш)
буғуртмасига асосан, 1938 й.
Номтаълим уста иши.
Хонамаки нусха муаллифи – М.А. Нестерова.
Папье-маше, лак, мойбук,
металл кукуни, миниатюра
таъвири.
6,8×16,4×11,4 см.

КП МНИ-4213/1-2
«Uzbeks Drinking Tea» box
Fedoskino, Moscow Region,
Fedoskino labor cooperative
by order of IHCP (Moscow), 1938.
Unknown artisan.
Artist – Nesterova.
Papier-mache, lacquer, oil,
metal powders, miniature
painting.
6,8×16,4×11,4 см.

КП МНИ-4213/1-2
Коробка «Узбеки пьют чай»
Московская обл., с. Федоскино,
Федоскинская трудовая артель живописцев
по заказу ИХКП (г. Москва),
1938 г.
Мастер неизвестен.
Автор эскиза – М.А. Нестерова.
Папье-маше, лак, масло, металлические
порошки, миниатюрная живопись.
6,8×16,4×11,4 см.

КП МНИ-4966

**«Москвадаги БИХХда» тасвири
ишланган кутуча**

Владимир вилояти, Вязников тумани,
Мстёра посёлкаси, 1955 йил.
Муаллиф Нина Александровна
Любомудрова (Сосновцева).
Папье-маше, лак, темпера, оltин чанги,
миниатюра тасвири.
5,3×17,7×12,8 см.

КР МНИ-4966

**"In Moscow at the All-Soviet Agricultural
Exhibition" box**

Vladimir Region, Mstera, 1955.
Artisan Nina Alexandrovna
Lyubomudrova (Sosnovtseva).
Papier-mache, lacquer,
tempera, gold crafted, painting
miniature.
5,3×17,7×12,8 cm.

КП МНИ-4966

Коробка «В Москве на ВСХВ»

Владимирская обл., Вязниковский р-он,
пос. Мстёра, 1955 г.
Автор Нина Александровна Любомудрова
(Сосновцева).
Папье-маше, лак, темпера, твореное
золото, миниатюрная живопись.
5,3×17,7×12,8 см.

КП МНИ-4982/1-2

**Қопқоғи олинадиган жомадонга
ишланган «Шафтоли териш» тасвири**

Москва вилояти, Федоскино кишлоғи,
1954 й.
Муаллиф Петр Николаевич Пучков.
Папье-маше, лак, мойбук, металл кукуни,
миниатюра тасвири.
4×7×10,6 см.

КР МНИ-4982/1-2
"Picking Peaches" trunk
Fedaskino, Moscow Region, 1954.
Artisan Pyotr Nikolaevich Puchkov.
Papier-mache, lacquer, oil,
metal powders, miniature
painting.
4×7×10,6 cm.

КП МНИ-4982/1-2

Баул «Сбор персиков»

Московская обл., Федоскино, Федоскинская
трудова эрель живописцев, 1954 г.
Автор Петр Николаевич Пучков.
Папье-маше, лак, масло, металлические
порошки, миниатюрная живопись.
4×7×10,6 см.

МЕТАЛЛДАГИ ЛОКЛИ ТАСВИР.
МАРИЯ НЕСТЕРОВА ЧИЗМАЛАРИ
БЎЙИЧА ПАТНИСЛАР

LACQUER PAINTING ON METAL.
TRAYS BY MARIA NESTEROVA'S SKETCHES
ЛАКОВАЯ РОСПИСЬ НА МЕТАЛЛЕ.
ПОДНОСЫ ПО ЭСКИЗАМ
МАРИИ НЕСТЕРОВОЙ

МЕТАЛЛДАГИ ЛОКЛИ ТАСВИР. МАРИЯ НЕСТЕРОВА ЧИЗМАЛАРИ БЎЙИЧА ПАТНИСЛАР

Ю.В. Маслова

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейининг металл ва тошлар бўлими фондларида Шарқ сюжетлари тасвирланган расмлар ажойиб патнислар сақланмоқда. Музейга келиб тушган ашёлар белгиланадиган китобда ушбу эскизлар муаллифи «Нестерова М.А.» деб қайд этилган.

Ушбу альбомни тайёрлаш жараёнида мақола муаллифи томонидан устанинг шахси ва таржимаи ҳолини аниқлаш юзасидан тегинили ҳужжатларни излаш ишлари олиб борилди. Россия давлат адабиёт ва санъат архивида (РДАСА) «Нестерова-Берзина М.А.»нинг шахсий жилди топилди.

Архивдан сўралган жилд танишиб чиқиш учун сўралганда, архив тўпловчи шахс вафотидан 70 йил ўтмагунча архивдан у ҳақдаги маълумотларни бериш чеклангани туфайли уни варақлаб кўришнинг иллати бўлмади. Бироқ, архив ҳодимлари томонидан тақдирда Ўзбекистон етакчи аҳамиятга эга бўлган Мария Александровна Нестерова-Берзинанинг ҳаёти тўғрисидаги қимматли ва аввал маълум бўлмаган маълумотлар бажонидил тақдим этилди¹.

Рассом Самарқандда туғилган, болалиги ўша ерда ўтиб, гимназияни шу ерда тугатган, Москва Марказий ҳунармандчилик музейи билан ҳамкорлик қилган, 1932 йил Самарқанддаги иппакчилик ҳамда гилам фабрикаларида хизмат сафарида бўлган. Хизмат сафари пайтида у яратган «Гилам тўқувчи», «Чойхона», «Мева териш» ва бошқа расмлари Федоскино ва Жостово саноат марказларига ишлаб чиқариш учун тақдим этилиб, кейинчалик металл ва папье-машега локли безак беришда фойдаланилган.

Айни пайтда иктидорли рассом Мария Александровна Нестерова-нинг патнис ва қутичаларга локли тасвир ёрдамида аслига қараб ишланган ноёб ишлари фақат Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейининг фондларидагина аниқланган.

¹ Архив коммуникациялари
етабига муҳаббат билан
Ю.В. Петрова сўз
мундариқини аниқлаш
бўлган.

LACQUER PAINTING ON METAL. TRAYS BY MARIA NESTEROVA'S SKETCHES

Y.V. Maslova

The funds of the Department of metal and stone of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art keeps peculiar trays with oriental scenes, painted by the sketches of an artist, who is listed as "M.A. Nesterova" in the Museum Book of Receipts.

Preparing this book-album, the author of the article searched for documents which could clarify the personality and biography of the artist. In the Russian State Archive of Literature and Art (RSALA), a personal record "M. Nesterova-Berzina" was found. The record, requested in the archive turned out to be inaccessible for review due to restrictions until the expiration of the 70-year period since the death of the person, but the archive staff kindly provided valuable and previously unknown information about the life of Maria Alexandrovna Nesterova-Berzina, in whose fate and creative work Uzbekistan played an important role¹.

The artist was born in Samarkand, where she spent her childhood and finished gymnasium. Subsequently, she collaborated with the Central Handicraft Museum in Moscow. In 1932, she took a business trip to Samarkand to the silk weaving and carpet factories. Following the trip, she made and passed to the enterprise centers of Fedoskino and Zhostovo such sketches as "Carpet-maker", "Teahouse", "Fruit Harvest", etc., which were used in lacquer painting on metal and papier-mâché. Currently, these rare works - trays and boxes with lacquer painting based on the originals of the talented artist Maria Alexandrovna Nesterova - are just revealed in the collections of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art.

¹ We thank the lead expert of
archive communications
Y.V. Petrova.

ЛАКОВАЯ РОСПИСЬ НА МЕТАЛЛЕ. ПОДНОСЫ ПО ЭСКИЗАМ МАРИИ НЕСТЕРОВОЙ

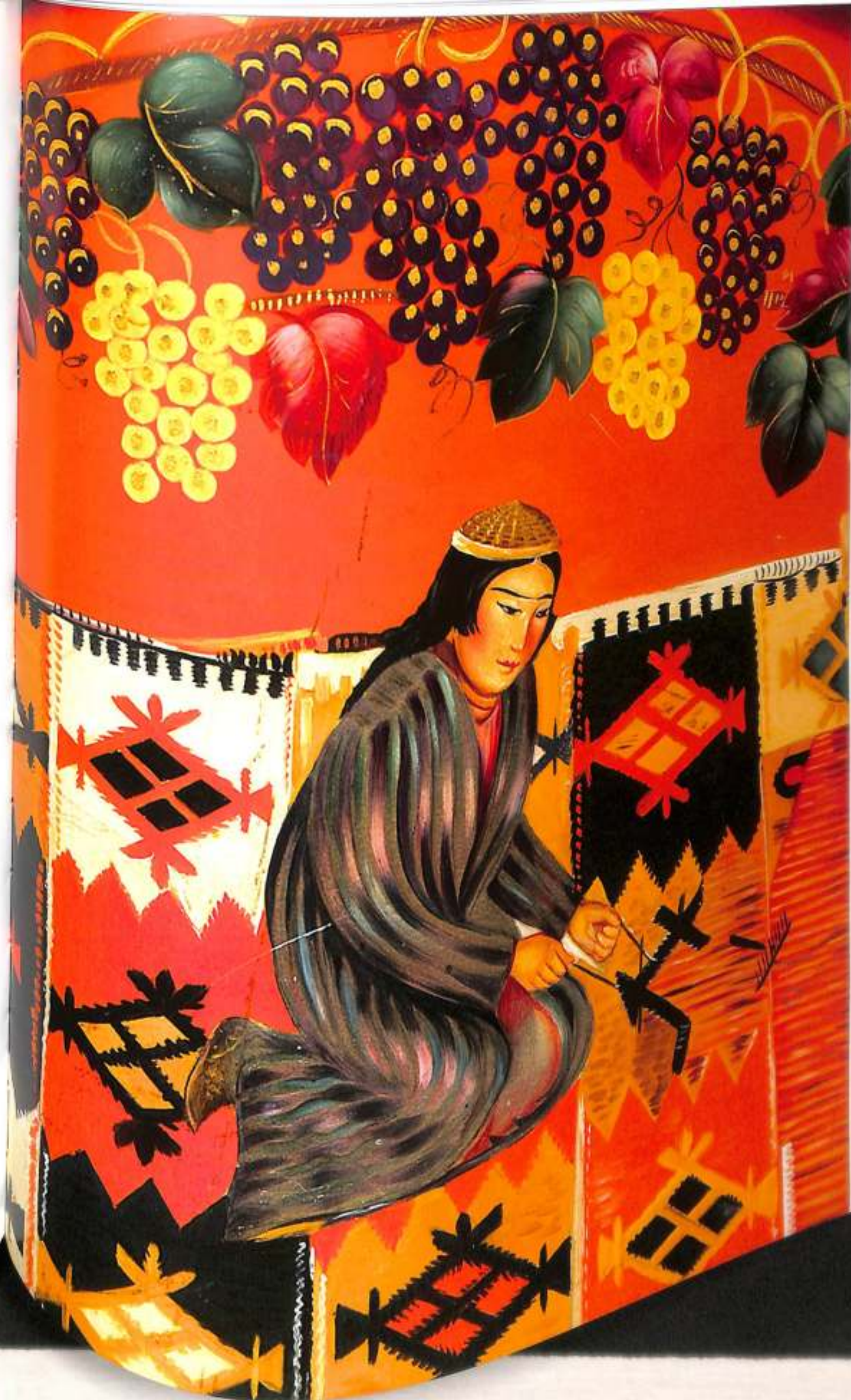
Ю.В. Маслова

В фондах отдела металла и камня Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства хранятся интереснейшие подносы с восточными сюжетами, расписанные по эскизам художницы, которая по Книге поступлений музея значится как «Нестерова М.А.».

В ходе подготовки данной книги-альбома автором этой статьи была проведена работа по поиску документов, которые могли бы уточнить личность и биографию мастера. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) было обнаружено личное дело «Нестеровой-Берзиной М.А.». Запрошенное в архиве дело оказалось недоступным для ознакомления в связи с ограничениями до истечения 70-летнего срока со дня смерти архивообразователя, но сотрудники архива любезно предоставили ценные и ранее неизвестные сведения о жизни Марии Александровны Нестеровой-Берзиной, в судьбе и творчестве которой Узбекистан сыграл важную роль¹.

Родилась художница в Самарканде, где провела детство, закончила гимназию. Впоследствии она сотрудничала с Центральным кустарным музеем в Москве. В 1932 году получила командировку в Самарканд на шелкоткацкую и ковровую фабрики. По итогам поездки ею были созданы и переданы в производство в промышленные центры Федоскино и Жостово эскизы «Ковровщица», «Чайхана», «Сбор фруктов» и др., которые использовались в лаковой росписи на металле и папье-маше. В настоящее время эти редкие произведения – подносы и шкатулки с лаковой росписью по оригиналам талантливого мастера Марии Александровны Нестеровой – выявлены только в фондах Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства.

¹ Благодарим ведущего специалиста архивных коммуникаций Г.В. Петрову.

КП 1210

«Чойхўрлик» патниси

Россия, 1930-йиллар.
Хомаки нусха муаллифи М.А. Нестерова.
Темир, мойбўёк, лок, босма, накш.
60×45,5×2 см.

КП 1210

Salver "Tea party"

Russia, 1930s.
Sketch by Maria Nesterova.
Iron, oil, lacquer, stamp, painting.
60×45,5×2 cm.

КП 1210

Поднос «Чаепитие»

Россия 1930-е гг.
Автор эскиза М.А. Нестерова.
Железо, масло, лак, штамп, роспись.
60×45,5×2 см.

МХП-2544

**«Ипак матога накш солаётганлар»
(«Ипакни оқартириш») патниси**

Россия, 1920 йиллар – 1930-йилларнинг
бошлари.
Хомаки нусха муаллифи М.А. Нестерова.
Уста А.И. Лезнов (?).
Темир, мойбўёк, лок, босма, накш.
67×53×2 см.

МНР-2544

**Salver "Stamping the pattern on silk
fabric" ("Silk Glossing")**

Russia, 1920s – the early 1930-s.
Sketch by Maria Nesterova.
Painting by A.I. Leznov (?).
Iron, oil, lacquer, stamp, painting.
67×53×2 cm.

МХП-2544

**Поднос «Набивающие узор на
шелковую ткань» («Лощение шелка»)**

Россия. 1920-е – начало 1930-х гг.
Автор эскиза М.А. Нестерова.
Мастер росписи А.И. Лезнов (?).
Железо, масло, лак, штамп, роспись.
67×53×2 см.

МХП-2543

«Гулам устидаги ўзбек қизи» патниси

Россия, 1930-йиллар.
Хомаки нусха муаллифи М.А. Нестерова.
Уста А.И. Лезнов (?).
Темир, мойбўёк, лок, босма, накш.
60,5×45,5×2 см.

МНР-2543

**Salver "Uzbek woman on the carpet"
("Carpetmaker")**

Russia, 1930s.
Sketch by Maria Nesterova.
Painting by A.I. Leznov (?).
Iron, oil, lacquer, stamp, painting.
60,5×45,5×2 cm.

МХП-2543

**Поднос «Ўзбекча на ковре»
(«Ковровщица»)**

Россия, 1930-е гг.
Автор эскиза М.А. Нестерова.
Мастер росписи А.И. Лезнов (?).
Железо, масло, лак, штамп, роспись.
60,5×45,5×2 см.

КП 1208

«Ҳосил йиғиш» патниси

Россия, 1930-йиллар.
Хомаки нусха муаллифи М.А. Нестерова.
Темир, мойбўёк, лок, босма, накш.
58,5×45×1,5 см.

КП 1208

Salver "Fruit picking"

Russia, 1930s.
Sketch by Maria Nesterova.
Iron, oil, lacquer, stamp, painting.
58,5×45×1,5 cm.

КП 1208

Поднос «Сбор фруктов»

Россия, 1930-е гг.
Автор эскиза М.А. Нестерова.
Железо, масло, лак, штамп, роспись.
58,5×45×1,5 см.

**ХАЛҚЛАРНИ
БИРЛАШТИРУВЧИ МЕРОС
КИТОБ-АЛЬБОМНИ НАШРГА ТАЙЁРЛАШДА
ИШТИРОК ЭТГАН ОЛИМЛАРГА МИННАТДОРЛИК**

**HERITAGE UNITING PEOPLES
ACKNOWLEDGEMENT TO THE SCHOLARS PARTICIPATED
IN THE PUBLICATION OF THE BOOK-ALBUM**

**НАСЛЕДИЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ
БЛАГОДАРНОСТЬ УЧЕНЫМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ
В ИЗДАНИИ КНИГИ-АЛЬБОМА**

ХАЛҚЛАРНИ БИРЛАШТИРУВЧИ МЕРОС КИТОБ-АЛЬБОМНИ НАШРГА ТАЙЁРЛАШДА ИШТИРОК ЭТГАН ОЛИМЛАРГА МИННАТДОРЛИК

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумининг мазкур китоб-альбомида Москванинг иккита музейи – Давлат тарих музейи ва Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейидаги ўзбек тўпламларини бирлаштиришга қарор қилдик.

Бундай ёндашув натижасида биз китобхонлар эътиборига ҳавола этаётган ажойиб суратлар билан бирга юқори даражада мазмунга бой ва ранг-баранг материал вужудга келди. Агар Давлат тарих музейи тўплами Ўзбекистоннинг турли тарихий-маданий соҳаларига оид қадимий ва ўрта асрлар санъат намуналаридан ташкил топган бўлса, китоб-альбомнинг «Ўзбекистон санъати Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи тўпламларида» деб номланган иккинчи қисми

XIX аср ўрталари – XX асрда яратилган санъат асарларига баҳо бериш имконини тақдим этади. Бу Ўзбекистон ҳунармандчилигининг ҳар хил турлари: кулолчилик, бадий металл, заргарлик безаклари, ёғоч буюмлари, бадий тўқимачилик маҳсулотларидир. Бундан ташқари, музей рус рассомларининг мавзусига кўра Ўзбекистонга боғлиқ ва ундан илҳом олиб яратилган сара ишларига эга. Биз уларни ҳам альбомга киритишга қарор қилдик.

Кизиги шундаки, Ўрта Осиё, шу жумладан – Ўзбекистонга оид санъат буюмлари Давлат тарих музейи ташкил топган кундан бошлаб музейнинг эътибор марказида турди, Шарқ тўплами унинг пойдевори бўлган. Унинг тарихи эса 1891 йилда Император тарих музейи залларида ташкил этилган ва кулолчиликнинг ноёб намуналари, бадий металл, қимматбаҳо тошлар намойиш этилган улкан кўргазмадан бошланган. Бу экспонатларнинг бир қисми янги музейнинг асосий фонди бўлиб қолди. Бугунги кунда Давлат музейидаги ўзбек тўплами турли фонд бўлимида жойлашган бўлиб, кулолчилик буюмлари, расмлар, матолар, қимматбаҳо металллардан иборат.

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейида сақланаётган Ўзбекистонга оид артефактлар ҳам жуда жозибали. Улар орасида – Париж (1925 ва 1937 йй.) ва Нью-Йорк (1939 й.) Бутунжаҳон кўргазмаларида юксак мукофотларга сазовор бўлган ўзбек усталарининг энг сара асарлари мавжуд. Улар Ўзбекистон замонавий амалий санъатининг 1920–1930-йиллардаги ғоятда кизиқарли ва шу вақтга қадар кам ўрганилган даврини ўзида акс эттиради.

«Ўзбекистон маданий мероси Россия Федерацияси тўпламларида» давра суҳбати. 2017 й., Москва ш.

Round table "The cultural heritage of Uzbekistan in the collections of the Russian Federation." 2017, Moscow.

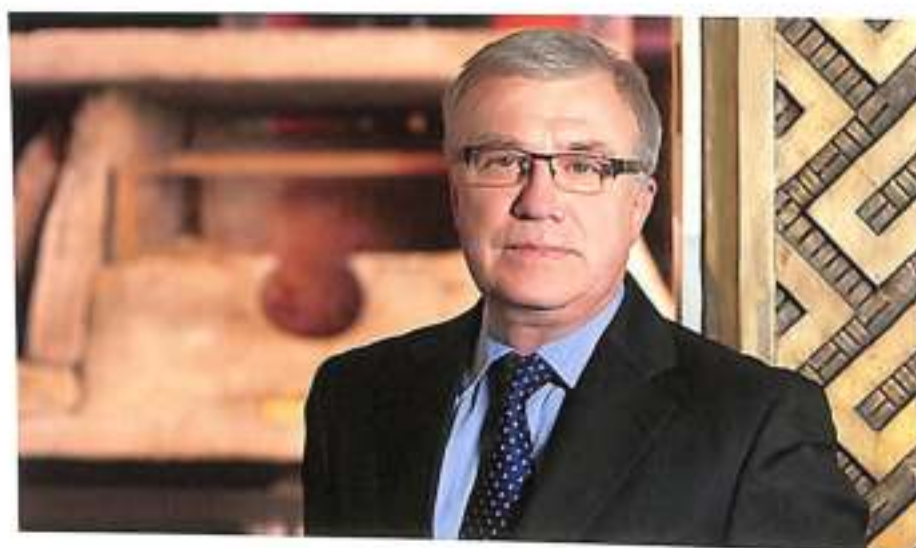
«Круглый стол» «Культурное наследие Узбекистана в собраниях Российской Федерации». 2017 г., Москва.

Мамлакатимиз меросининг янги қирраларини очиб берган бу қадар ажойиб нашр учун, ҳар иккала музей жамоасига миннатдорлик билдираман. Улкан муаллифлар жамоаси, у ёки бу даражада ўзбек санъатини ўрганишга жалб этилган ҳар бир муаллифга ўзининг алоҳида ташаккурларимни изҳор этаман. Булар А.К. Левикин, Т.Г. Игумнова, М.В. Чистякова, А.Д. Яновский, О.Г. Гордеева, И.Л. Журавская, О.Е. Кузьменко, Д.Ю. Тарлигина, Н.И. Шиштина, Д.В. Шполянская, А.А. Кадиева (Давлат тарих музейи), Е.В. Титова, Г.Б. Андреева, О.М. Милова, Н.А. Нечай, Л.Л. Пирогова, Т.О. Рикова, М.О. Юдин, А.С. Григорьева, В.Г. Коченковадир (Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи). Шуниси қувонарлики, уларнинг барчаси бошқа муаллифларимиз сингари ҳамкорликдаги ишимизга самимий муносабатдалар.

Мазкур нашрнинг вужудга келишида Лойиха илмий раҳбари, академик Э.В. Ртвеладзеининг тутган ўрни жуда муҳим. Россия музейлари тўпламлари билан яхши таниш бўлгани ҳолда у мазкур жилднинг илмий тузилишида, материалларни тақриз ва тахрирлашда, унинг тўб асосини яратишда фаол иштирок этди.

Маълумки, Лойихамиз мультимедиа маҳсулоти ҳисобланади, шунинг учун ҳар бир китоб-альбомга илова сифатида видеофильм ёзилган диск бириктирилган, шунингдек планшетлар ёки смартфонлар ёрдамида 3D-форматдаги қўшимча визуал маълумотларни сканерлаш учун махсус белгилар мавжуд.

Нашр этилган «Ўзбекистон маданий мероси Москва музейларида» китоб-альбомининг энг асосий ва тақдироти «Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотта

Алексей Левыкин, Давлат тарих музейи директори.

Alexey Levykin, Director of the State Historical Museum.

Алексей Левыкин, директор Государственного исторического музея.

йўл» (2017 йил 15–16 май, Тошкент ва Самарканд; 2018 йил 6–8 июнь, Санкт-Петербург) I ва II Халқаро илмий ва маданий конгрессларида бўлиб ўтди. Ва албатта, китобни кенг илмий жамоатчиликка тақдим этган альбом муаллифлари мазкур талбирларнинг фаол иштирокчилари бўлдилар. Таъкидлаш жоизки, ушбу жилдада чоп этилган кўплаб асарлар маҳаллий мутахассисларга унчалик таниш бўлмаган ёки умуман номалум бўлган асарлардир. Уларни наир этини туфайли, шубҳасиз, XIX аср ўрталари – XX аср Ўзбекистон санъат тарихини ўрганишга муҳим хисса қўшилади. Умид қиламанки, Москва музейлари билан ҳамкорлигимиз замонавий санъатшуносликни бойитувчи кўпгина кашфиётларга сабаб бўлади.

Шунингдек, мен ушбу китоб-альбом тақдироти бўйича кўнма талбирлар ташкил этиш ва ўтказишда россиялик шерикларимизнинг қуюнчақлигини алоҳида таъкидлашни истарим. Шундай қилиб, 2016 йилнинг ёзида Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейидаги ҳамкорлик ишимиз доирасида, музей тўпламида сақланаётган Ўзбекистон буюмларининг энг сара-

Давра суҳбати иштирокчилари «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар билан танишмоқдалар.

Participants of the round table look through the book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Участники «круглого стола» знакомятся с книгами-альбомами серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

Елена Титова, Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейи директори.

Elena Titova, Director of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art.

Елена Титова, директор Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства.

лари, хусусан, эслаб ўтилган Париж ва Нью-Йорк Бутунжаҳон кўргазмаларида юксак мукофотланган ўзбек усталарининг ажойиб асарлари намойиш этилган «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламлари» кўргазмасини ташкил қилдик. Орадан бир йил ўтгач, 2017 йилнинг кузида ушбу музейда Лойиҳанинг дастлабки жилдиари наири ва видеофильмлари тақдимотига бағишланган «Ўзбекистон маданий мероси Москва музейларида» деб номланган давра суҳбати бўлиб ўтди. Ушбу ажойиб талбирда нафақат маҳаллий ва рус олимлари, балки Буюк Британия, Франция ва бошқа мамлакатлар илмий донралари вакиллари ҳам иштирок этидилар.

Китоб-альбом Ўзбекистон Республикаси ҳукуматининг таъкидлий-моллиявий кўмагида чоп этилганлигини алоҳида таъкидлаб ўтмоқчиман. Ва албатта, «Ўзбекистоннинг маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг Бош хомийси бўлган «ERIELL» халқаро нефть-сервис компанияси ва унинг вакили Бахтиёр Фозиловга Янги Ўзбекистонда маданий меросни ўрганиш, сақлаш ва кенг тарғиб қилиш бўйича амалга оширилаётган кенг қўламли жараёнларни ҳар томонлама қўллаб-қувватлаб тургани учун ўзимизнинг самимий миннатдорлигимизни билдирамиз.

Ф.Ф. Абдухаликов,

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси муаллифи ва раҳбари, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган журналист

HERITAGE UNITING PEOPLES

ACKNOWLEDGEMENT TO THE SCHOLARS PARTICIPATED IN THE PUBLICATION OF THE BOOK-ALBUM

We made a decision to combine the Uzbek collections of two museums in Moscow – the State Historical Museum and the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art in this album-book of the serious "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Such an approach resulted in the most informative and varied material with magnificent illustrations, now presented to the readers' attention. The collection of the State Historical Museum in the album is such historical materials as samples of ancient and early medieval art from various historical and cultural regions of Uzbekistan, and the second part of the album – "Art of Uzbekistan in the collection of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art" is basically the works of the mid-19th–20th centuries. These are various types of crafts of Uzbekistan: ceramics, art metal, jewelry, wood products, and art textiles. Finally, the museum keeps a wonderful selection of pictures by the Russian artists related, in one way or another, to Uzbekistan giving them inspiration. We have also decided to include them in the album. It is interesting to note that works of art from Central Asia, including Uzbekistan, was the center of attention of the State Historical Museum since its formation

«Ўзбекистон маданий мероси Москва музейларида» давра суҳбати иштирокчилари, 2017 й., Москва ш.

Participants of the round table "Cultural Heritage of Uzbekistan in Moscow Museums", 2017, Moscow.

Участники «круглого стола» «Культурное наследие Узбекистана в музеях Москвы», 2017 г., г. Москва.

Бутунроссия амалий-безак ва халқ санъати музейида альбомни тайёрлаш жараёни.

Work on the preparation of the album at the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art.

Работа по подготовке книги-альбома во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства.

and became the foundation of its Eastern collection. And its history began with an exhibition in 1891, when a huge exposition was launched in the halls of the Imperial Historical Museum, in which rare samples of ceramics, art metal, precious stones were presented. Some of these exhibits became the basis of the funds of the new museum. Today, the Uzbek collection of the State Museum is kept in different archival departments including ceramics, paintings, fabrics, and precious metals.

No less exciting artifacts from Uzbekistan are housed in the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art. Among them are first-class works of Uzbek masters who received high awards at the World Exhibitions in Paris (1925 and 1937) and New York (1939). They present a very interesting and still little studied period in the development of modern applied art in Uzbekistan – the 1920s–30s. I would like to thank gratefully both teams from museums for such a wonderful publication, revealing the heritage of our country from new perspectives. My special gratitude is to a large group of authors studying Uzbek art. They are A.K. Levykin, T.G. Igumnova, M.V. Chistyakova, A.D. Yanovskiy, O.G. Gordeeva, I.L. Zhuravskaya, O.E. Kuzmenko, D.Yu. Tarlygina, N.I. Shishlina, D.V. Shpolyanskaya, and A.A. Kadieva (the State Historical Museum), E.V. Titova, G.B. Andreeva, O.M. Milovanova, O.I. Bryuzgina, E.M. Vorushilina, A.A. Gilodo, S.V. Elkina, S.V. Israelova, Yu.V. Maslova, N.A. Nechay, L.L. Pirogova, T.O. Rykova, M.O. Yudin, A.S. Grigorieva, and V.G. Kochenkova (the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art). It is gratifying that all of them, like our other authors, speak of working together with great warmth.

I would like to note the Project scientific supervisor, Academician E.V. Rtveladze's important role in the appearance of this publication, who, being very familiar with the collections of Russian museums, has taken an active part in the scientific component of this volume, reviewing and editing the basic materials.

As a matter of fact, our project is multimedia and, therefore, each album-book has a video disc attached, as well as special tags for scanning with a tablet or smartphone to receive additional visual information in 3D format.

I would also like to note separately the responsiveness of our Russian partners in organizing and conducting joint events for the presentation of this book-album. For example, in summer of 2016, in the framework of our joint work at the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art, we organized the exhibition "Treasures of the Cultural Legacy of Uzbekistan", presenting the most

Ольга Гордеева (слева), матолар ва тарихий либослар бўлими етакчи илмий ходими Давлат тарих музейи реставрация устонасида, Москва ш.

Olga Gordeeva (left), a leading researcher of the Department of History of fabrics and costume in the restoration workshop of the State Historical Museum, Moscow.

Ольга Гордеева (слева), ведущий научный сотрудник отдела тканей и истории костюма в реставрационной мастерской Государственного исторического музея, г. Москва.

interesting items of the Uzbek part of the collection, including the first-class masterpieces of our craftsmen which received high awards at the mentioned World Exhibitions in Paris and New York. A year later, in the fall of 2017, it was in this museum that we held a round table "The Cultural Legacy of Uzbekistan in Moscow Museums", dedicated to the presentation of the publication of the first volumes and the release of video films of the Project. Not only scholars from Uzbekistan and Russia participated in this wonderful event, but also representatives of academia from the UK, France and other countries.

The announcement and presentation of the published album-book "The Cultural Heritage of Uzbekistan in Museums of Moscow" took place at the First and Second International Scientific and Cultural Congresses "Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries" (May 15–16, 2017, Tashkent and Samarkand; June 6–8, 2018, St. Petersburg). And, certainly, the authors of the album-book participated in these forums, presenting the book to the wide scientific community. It is important to note that many of the works of art published in this volume were little-known or completely unknown to experts of our country, and their publication will certainly become an important contribution to the study of the history of art of Uzbekistan in the mid-19th and 20th centuries. I hope that cooperation with museums of Moscow will bring many more discoveries that will enrich modern art criticism.

I would like to make a special emphasis that the publication of the album-book has taken place with the organizational and financial support of the Government of the Republic of Uzbekistan. And, of course, our sincere gratitude goes to Bakhtiyor Fazylov on behalf of the main sponsor of the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" – the International oilfield services company "ERIELL", which fully supports the large-scale processes implemented in the new Uzbekistan to study, preserve and promote cultural heritage.

F.F. Abdukhalikov,
author and head of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan
in World Collections", Honored Journalist of Uzbekistan

НАСЛЕДИЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ БЛАГОДАРНОСТЬ УЧЕНЫМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ В ИЗДАНИИ КНИГИ-АЛЬБОМА

В этой книге-альбоме сериал «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» мы решили объединить узбекские коллекции двух музеев Москвы – Государственного исторического музея и Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. В результате такого подхода получились максимально насыщенный и разнообразный материал в сопровождении великолепных иллюстраций, который мы и представляем вниманию читателей. Если коллекции ГИМ содержат образцы древнего и раннесредневекового искусства различных историко-культурных областей Узбекистана, то вторая часть альбома – «Искусство Узбекистана в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства» – дает возможность оценить произведения, накопленные в период середины XIX – XX вв. Это различные виды ремесел Узбекистана: керамика, художественный металл, ювелирные украшения, изделия из дерева, художественный текстиль. Наконец, музей обладает замечательной подборкой работ российских художников, тематически так или иначе связанных и вдохновленных Узбекистаном. Их также мы решили включить в альбом.

Интересно отметить, что предметы искусства из Средней Азии, в том числе – Узбекистана, попали в центр внимания Государственного исторического музея с самого начала его основания, став фундаментом его Восточной коллекции. А начиналась его история с выставки 1891 года, когда в залах Императорского исторического музея развернулась огромная экспозиция, в которой были

Наталья Шишлина, тарих фанлари доктори, Давлат тарих музейи, Москва ш.

Natalya Shishlina, Doctor of History, the State Historical Museum, Moscow.

Наталья Шишлина, доктор исторических наук, Государственный исторический музей, г. Москва.

Юлия Маслова, Бутунроссия амалий-безак ва халк санъати музейи металл ва тош бўлими мудири, 2018 й., Москва ш.

Maslova Yulia, the Head of the Department of Metal and Stone, the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art, 2018, Moscow.

Юлия Маслова, заведующая отделом металла и камня, Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, 2018 г., г. Москва.

представлены раритетные образцы керамики, художественного металла, драгоценных камней. Часть этих экспонатов и стала основой фондов нового музея. Сегодня узбекская коллекция Государственного музея размещена в разных фондовых отделах и включает в себя керамику, живопись, ткани, драгоценные металлы.

Не менее захватывающие артефакты из Узбекистана хранятся во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства. Среди них – первоклассные произведения узбекских мастеров, получившие высокие награды на Всемирных выставках в Париже (1925 и 1937 гг.) и Нью-Йорке (1939 г.). Они отражают весьма интересный и до сих пор малоизученный период в развитии современного прикладного искусства Узбекистана – 1920–30 годы.

Хочу поблагодарить коллективы обоих музеев за столь замечательное издание, раскрывающее новые грани наследия нашей страны. Мои особые слова благодарности – большому коллективу авторов, каждый из которых в той или иной степени вовлечен в изучение узбекского искусства. Это А.К. Левыкин, Т.Г. Игумнова, М.В. Чистякова, А.Д. Яновский, О.Г. Гордеева, И.Л. Журавская, О.Е. Кузьменко, Д.Ю. Тарлыгина, Н.И. Шишлина, Д.В. Шполянская, А.А. Кадиева (Государственный исторический музей), Е.В. Титова, Г.Б. Андреева, О.М. Милованова, О.И. Брюзгина, Е.М. Ворушила, А.А. Гиллодо, С.В. Елкина, С.В. Израилова, Ю.В. Маслова, Н.А. Нечай, Л.Л. Пирогова, Т.О. Рыкова, М.О. Юдин, А.С. Григорьева, В.Г. Коченкова (Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства). Отрадно, что все они, как и другие наши авторы, отзываются о совместной работе с большой теплотой.

Также необходимо отметить важную роль в появлении этого издания научного руководителя Проекта академика Э.В. Ртвеладзе, который, будучи прекрасно знакомым с коллекциями российских музеев, принял активное участие в научной составляющей данного тома, рецензировании и редактировании материалов, положенных в его основу.

Как известно, наш Проект мультимедийный, и потому каждая книга-альбом имеет в качестве приложения диск с видеофильмом, а также специальные метки для сканирования планшетом или смартфоном для получения дополнительной визуальной информации в 3D-формате.

Также отдельно хочу отметить отзывчивость наших российских партнеров в вопросах организации и проведения совместных мероприятий по презентации данной книги-альбома. Так, летом

2016 года в рамках совместной работы во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства мы организовали выставку «Сокровища культурного наследия Узбекистана», представив интереснейшие предметы узбекской части коллекции, в том числе первоклассные работы наших мастеров, получившие высокие награды на упомянутых Всемирных выставках в Париже и Нью-Йорке. Год спустя, осенью 2017 года именно в этом музее состоялся «круглый стол» «Культурное наследие Узбекистана в музеях Москвы», посвященный презентации выпуска первых томов и видеофильмов Проекта. Участие в этом замечательном мероприятии приняли не только отечественные и российские ученые, но и представители научных кругов из Великобритании, Франции и других стран.

Анонс и презентация изданной книги-альбома «Культурное наследие Узбекистана в музеях Москвы» состоялись на I и II Международных научно-культурных конгрессах «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами» (15–16 мая 2017 года, Ташкент и Самарканд; 6–8 июня 2018 года, Санкт-Петербург). И, конечно, авторы альбома были участниками этих форумов, представляя книгу широкой научной общественности. Важно отметить, что многие произведения, опубликованные в этом томе, были малоизвестны или вовсе неизвестны отечественным специалистам, в силу чего их публикация, безусловно, станет важным вкладом в изучение истории искусства Узбекистана середины XIX – XX вв. Я надеюсь, сотрудничество с музеями Москвы принесет еще немало открытий, которые обогатят современное искусствоведение.

Подчеркну, что публикация книги-альбома состоялась при организационно-финансовой поддержке правительства Республики Узбекистан. И, конечно, наша искренняя благодарность основному спонсору проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» – международной нефтесервисной компании «ERIELL» в лице Бахтияра Фазылова, которая всемерно поддерживает масштабные процессы, реализуемые в новом Узбекистане по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия.

Ф.Ф. Абдухаликов,
автор и руководитель проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», заслуженный журналист Узбекистана

Андрей Яновский, Давлат тарих музейи директорининг илмий ишлар бўлими раҳбари, Москва ш.

Andrei Yanovsky, Deputy Director for Research, the State Historical Museum, Moscow.

Андрей Яновский, заместитель директора по научной работе Государственного исторического музея, г. Москва.

ҒОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР
ВА МАНБАЛАР РЎЙХАТИ
BIBLIOGRAPHY
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Абдулаев Т.А., Фахретдинова Д.А., Хакимов А.А. Песнь в металле. – Ташкент, 1986.

Абу-р-Райхан Мухаммед Ибн Ахмед Ал-Беруни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А.М. Беленицкого. Редакция проф. Г.Г. Леммлейна, проф. Х.К. Баранова и А.А. Долининой. Статьи и примечания А.М. Беленицкого и Г.Г. Леммлейна. – М.: Издательство Академии наук СССР. 1963.

Алимова М.Х. Традиционное и новое в современной керамике Хорезма. // Проблемы взаимодействия национальных культур в СССР и современные народные художественные промыслы: Сборник научных трудов НИИХП. – № 17. – М., 1984. – С. 100 – 114.

Василенко В., Воронов В. Отчет о работе кустарных художественных промыслов на Парижской выставке в 1937 году. На правах рукописи. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Т 745 (064) В 19. – Т 54.

Веймарн Б.В. Доклад о художественных промыслах в Средней Азии. НИИ художественной промышленности. – М., 1945. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. – Т 745 (с) 5 В 26.

Государственный исторический музей. Выставочная деятельность 1997–2001. 2002–2006. Каталог, сост. Т.Г. Игумнова. – М., 2002, 2008.

Государственный исторический музей. От каменного века до XVII столетия. Путеводитель по залам. – М., 2003.

Государственный исторический музей. Отчеты 1934, 1997–2001, 2008. – М., 1934–2009.

Государственный исторический музей. Русская империя в XVIII–XIX веках. Путеводитель по залам. – М., 2007.

Государственный исторический музей. Труды. Выпуски 1–202. – М., 1926–2015.

Гюль Э.Ф. Сады небесные и сады земные. Вышивка Узбекистана: скрытый смысл сакральных текстов. – М., 2013.

Датиева Н.С. Исторический музей. Архитектура. Интерьеры. – М., 2015.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. – М., 2001.

И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. – М., 1997.

Иванова Н.Н. О создании музея народного искусства // Музей народного искусства и художественные промыслы: Сборник трудов НИИХП. – Выпуск № 5. / Научно-исследовательский институт художественной промышленности. – М.: Изобразительное искусство 1972. – С. 14.

Издания Государственного исторического музея 1873–1998 гг. Библиографический указатель. – М., 1999.

Искусство и техника в современной жизни. Проект программы участия СССР в Парижской международной выставке 1937 г. Всесоюзный Совет промысловой кооперации. Институт художественной промышленности. ГАРФ, НИИХП, Фонд № 643, опись № 4, дело № 130. – С. 50.

Историко-бытовые экспедиции ГИМ 1951–1953. Труды Государственного исторического музея. – М., 1955.

Мы идём в музей. Путеводитель по историческому музею для больших и маленьких. – М., 2015.

Народное декоративное искусство советского Узбекистана. – М.: Государственное издательство изобразительного искусства, 1955.

Народное искусство Узбекистана. Альбом. Ташкент: Издательство литературы и искусства. 1979.

О мероприятиях по развитию художественных промыслов в Узбекистане; Постановления президиума Узпромсовета от 10.X.38 № 181. Отчетный доклад о работе Оргбюро Узкультпромсоюза за период с 5.X – 38 по 15.IV – 39 г.; Создано 05.10.1938 г. Постановление СНК Уз ССР от 26 IV – 1938 г. № 726. С. 7-9. // Художественная промышленность Узбекистана. Папка № 6. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Т 745 (с) 5 X-98. Т 45.

Общий отчет о проделанной работе по обследованию художественных промыслов Уз. ССР в 1939 г. (За период от 11 / IX по 27 / X с. г.) // Архив Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП). – Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Фонд 643. Опись 4а. Дело 82. Всекопромсовет (ИХП) НИИХП. Лист 2. Там же. Дело 80. Лист 55.

Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III за 1883–1925. – М., 1906–1926.

Отчетный доклад о работе Оргбюро Узкультпромсоюза за период с 5 X 38 г. по 15 IV 39 г. Заседание НИИХП//Художественная промышленность Узбекистана. Планы и отчеты экспедиций за 1938–1939 гг. На правах рукописи.

План экспедиционного обследования художественных промыслов Узбекской ССР в 1939 году//Художественная промышленность Узбекистана. Папка № 6. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Т 745 (с) 5 X-98. Т 45.

Постановление III Республиканского съезда уполномоченных промкооперации Узбекистана. От 26 июля 1939 г.//Художественная промышленность Узбекистана. Папка № 6. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Т 745 (с) 5 X-98. Т 45.

Протокол совещаний при Институте художественной промышленности Всекопромсовета в Москве по вопросу подготовки к изданию 3-го тома труда «Народное искусство в художественных промыслах СССР», посвященного художественным промыслам Узбекистана // Художественная промышленность Узбекистана. Папка № 6. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Т 745 (с) 5 X-98. Т 45.

Протокол съезда уполномоченных Узкультпромсоюза, происшедшего с 16 по 19 апреля 1939 г. //Художественная промышленность Узбекистана. Папка № 6. Отдел рукописей и научной документации ВМДПНИ. Т 745 (с) 5 X-98. Т 45.

Разгон А.М. Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917) //Очерки истории музейного дела в России. – М., 1960.

Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. – Ташкент. Издательство литературы и искусства, 1981.

Сокровища культурного наследия Узбекистана. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства: Альбом к выставке. – М., 2016.

Фахретдинова Д.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1972.

Хакимов А.А. Искусство Узбекистана. История и современность. – Ташкент, 2010.

Халаминский Ю.Я. Дорогами легенд. – М., 1978.

Черкасова Н.В. Национальное и интернациональное в искусстве народных художественных промыслов Средней Азии и Казахстана //Проблемы взаимодействия национальных культур в СССР и современные народные художественные промыслы: Сборник научных трудов НИИХП. – № 17. – М., 1984. – С. 80 – 99.

Юхименко Е.М. Первый, Российский исторический... – М., 2008.

МУНДАРИЖА • CONTENTS • СОДЕРЖАНИЕ

«Ўзбекистон маданият мероси жаҳон тўнтамларида» лойиҳаси ҳақида	5
About the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections"	14
О проекте «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира»	23
Давлат тарих музейи	36
The State Historical Museum	45
Государственный исторический музей	54
Неолит – илк темир замири Хоразм ёнорликлари	64
The sites of Khorezm of the Neolithic – early Iron ages	73
Памятники Хорезма периода неолита – раннего железа	82
Ўзбекистоннинг қадимий ва илк урта асрлар санъати ёнорликлари	106
Monuments of Ancient and Early Medieval Art of Uzbekistan	110
Памятники древнего и раннесредневекового искусства Узбекистана	114
Ўзбекистонда XIX аср урталари ва XX асрда қўл чиқинчи	136
Uzbek Ceramics of the Mid-19 th –20 th centuries	141
Керамика Узбекистана середины XIX – XX веков	146
Ўзбекистонда яратилган буюмлар қоллекцияси қимматбаҳо металллар буюмлари тўнтамлари	174
Collection of Artifacts of Uzbek Origin in the Collection of the Department of Precious Metals	179
Коллекция предметов узбекского происхождения в собрании отдела драгоценных металлов	184
Ўзбек тахтама тўнтамлари	204
The Uzbek Textile Collections	212
Узбекские текстильные коллекции	220
Ўзбекистон санъати Бутунроссия ама-ни-белак ва халқ санъати музейи тўнтамлари	250
The Heritage of Uzbekistan in the Collection of the All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art	256
Искусство Узбекистана в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства	261
XIX аср охири – XX асрда Ўзбекистон қўл чиқинчи	268
Ceramics of Uzbekistan in the late 19 th –20 th centuries	270
Керамика Узбекистана конца XIX – XX веков	272
XIX–XX асрларда Ўзбекистонда бадиий металл	312
Artistic Metal of Uzbekistan in the 19 th –20 th centuries	314
Художественный металл Узбекистана XIX–XX веков	316
XX асрда Ўзбекистондаги анъанавий заргарлик буюмлари	328
Traditional Jewelry of Uzbekistan in the 20 th century	330
Традиционные ювелирные украшения Узбекистана XX века	332
XIX–XX асрларда тегинилган ёгон буюмлар	352
Items of wood in the 19 th –20 th centuries	354
Изделия из дерева XIX–XX веков	356
XX асрда Ўзбекистон анъанавий тоқимачилик буюмлари	374
Traditional Artistic Textile of Uzbekistan in the 20 th Century	377
Традиционный художественный текстиль Узбекистана XX века	380
Россия расмлари низомида Ўзбекистон	420
Uzbekistan in the creative work of Russian artists	424
Узбекистан в творчестве российских художников	428
Папье-машедаги лак на расмлар	422
Lacquer Painting on Papier-mache	426
Лаковая роспись на папье-маше	430
Металлдаги лак на расмлар. Мария Нестерова чизмалари бўйича патнислар	442
Lacquer Painting on Metal. Trays by Maria Nesterova's Sketches	443
Лаковая роспись на металле. Подносы по эскизам Марии Нестеровой	444

Халқларни бирлаштирувчи мерос	450
Heritage Uniting Peoples	454
Наследие, объединяющее народы	457
Адабиётлар ва манбаълар рўйхати	460
Bibliography	460
Список литературы и источников	460

UZ

Cultural legacy of Uzbekistan лойиҳаси ёрдамида китоб ҳақида кўпроқ маълумот олинг

- 1-қадам: Cultural legacy of Uzbekistan иловасини юклаб олинг ва ўрнатинг
- 2-қадам: Смартфон камерасини QR-кодида йўналтиринг
- 3-қадам: Экспонатларни интерактив режимда ўрганиш учун қўшимча контентни юклаб олинг

EN

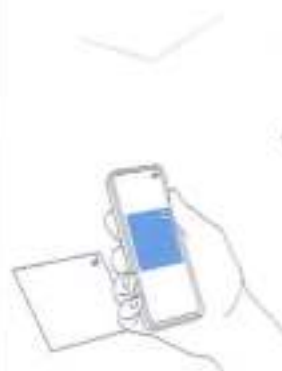
Find out more about the book with Cultural legacy of Uzbekistan Application

- Step 1: Download and set up Cultural legacy of Uzbekistan Application
- Step 2: Point the smartphone camera at the QR code
- Step 3: Wait until the additional content for the collections online encounter is loaded

RU

Узнайте больше о книге с приложением Cultural legacy of Uzbekistan

- Шаг 1: Скачайте и установите приложение Cultural legacy of Uzbekistan
- Шаг 2: Наведите камеру смартфона на QR-код
- Шаг 3: Дождитесь загрузки дополнительного контента для знакомства с коллекциями в интерактивном режиме

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИНИ ЎРГАНИШ, САҚЛАШ ВА ОММАЛАШТИРИШ БЎЙИЧА БУТУНЖАХОН ЖАМИЯТИ

ИЛМИЙ КЕНГАШИ

Эдвард Ргвеладзе – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, Бутунжаҳон жамияти илмий кенгаши раиси, илмий муҳаррир.

Акмал Сандов – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, юридик фанлар доктори, тахрир хайъати раиси.

Анатолий Сагдуллаев – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, тарих фанлари доктори.

Александр Наймарк – тарих фанлари доктори, профессор (АҚШ).

Александр Седов – тарих фанлари доктори (Россия Федерацияси).

Баҳром Абдуҳалимов – тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон).

Владимир Грусман – педагогика фанлари доктори (Россия Федерацияси).

Ефим Резван – тарих фанлари доктори, профессор (Россия Федерацияси).

доктор Маттиас Рёсслер (Германия).

Пьер Лериш – профессор (Франция).

доктор Роберт Брейси (Буюк Британия).

Ронк Баходиров – фалсафа фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон).

Рустам Сулаймонов – тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон).

доктор Томас Кунце (Германия).

доктор Франсис Ришар (Франция).

Жерар Фюссман – профессор (Франция).

доктор Фредерик Старр (АҚШ).

Шоҳин Мустафоев – академик, тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон).

Шокиржон Пидаев – тарих фанлари номзоди (Ўзбекистон).

Эльмира Гюль – санъатшунослик доктори, профессор (Ўзбекистон).

БОШҚАРУВ КЕНГАШИ

Фирдавс Абдуҳаликов – раис, Ўзбекистон Республикасида хизмат қилган журналист.

Бахтёр Фозилов – раис урғибосари.

Азиз Абдуҳакимов – «Инак йил» Халқаро туркумни ривожлантириш университети ректори.

Криста Пиккат – ЮНЕСКОнинг Олтинтадан Класстер Бюроси директори.

Ирина Попова – тарих фанлари доктори, профессор (Россия Федерацияси).

Камола Акилова – санъатшунослик доктори (Ўзбекистон).

Шоазим Миноваров – Ислон цивилизацияси маркази директори (Ўзбекистон).

Кетлин Гебель – Cultur-cooperation International e.V. фонди директори (Германия).

Павел Лурье – филология фанлари номзоди (Россия).

Сергей Лаптев – тарих фанлари номзоди (Япония).

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ» муаллифлик туркуми

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ» МОСКВА МУЗЕЙЛАРИ ТЎПЛАМИДА»

китоб-альбоми

Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

Илмий муҳаррир
Эдвард Ргвеладзе

(Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор)

Туркум муаллифи, лойиҳа раҳбари
Фирдавс Абдуҳаликов

Матн муаллифлари ва тузувчилар

А.К. Левкин, Г.Г. Пугачова, М.В. Чистикова, А.Д. Яновский, О.Г. Гордеева, И.Л. Журавская, О.Е. Кузьменко, Д.Ю. Таранкина, Н.П. Шипилина, Д.В. Школянская, А.А. Кадиева (Давлат тарих музейи), Е.В. Титова, Г.Б. Андреева, О.М. Милославская, О.Н. Брюзгина, Е.М. Воронилина, А.А. Гигало, С.В. Елкина, С.В. Исраилова, Ю.В. Маслова, Н.А. Нечай, Л.Д. Пирогова, Т.О. Рикова, М.О. Юдин, А.С. Григорьева, В.Г. Коченкова (Бутунжаҳон амалий-бозор ва халқ санъати музейи)

Ташкилий гуруҳ

Екатерина Соболева (Ўзбекистон бўйича мувофиқлаштирувчи), Игорь Портнягин (Россия Федерацияси бўйича мувофиқлаштирувчи), Ушбу китоб-альбом учун фотосуратлар Давлат тарих музейи (В.В. Ложников, И.А. Соленков, Е.А. Сихов, Г.Г. Саножников) ва Бутунжаҳон амалий-бозор ва халқ санъати музейи (С.И. Вавилов) томонидан таъдид қилинган.

Тасвирга олиш гуруҳи

Шаҳноза Ганиева (китоб-альбомнинг иллюстрацияси муаллифи), Шамил Юсупов (монтаж режиссёри), Қозим Хотамқулов, Жанат Нурбаев (операторлар), Шухрат Зоктиров (бастакор)

Таржимон, муҳаррир ва мусаллахлар

Рустам Жабборов, Масъуд Махсумов, Убайдулла Абдулхаликов, Хосият Ражапова, Жалолдин Сафоев (Ўзбек тилидаги матн таржимаси, тахрири ва мусаллаҳлиги), Мирзахон Алиев, Алина Хайруллина, Лилиана Гуревич, Татьяна Воронцова (рус тилидаги матн таржимаси, тахрири ва мусаллаҳлиги), Виолетта Цилинская, Дмитрий Костюшкин (инглиз тилидаги матн таржимаси, тахрири ва мусаллаҳлиги), «ABBYUS» МЧЖ таржималар маркази

Охириги тахрири ва мусаллаҳлиги – «SHARQ» НМАК

Компьютер саҳифаловчиси, дизайн, нашрга тайёрлаш, 3D-эффектлари
Александр Варламов, Тарас Монченко, Алим Жўрабоев, Абдулаттор Абдулганнопов, Барчина Рискеева

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг ижодий гуруҳи ушбу лойиҳани амалга оширишда қўллаган ёрдами учун Ўзбекистон Республикаси ҳукуматига миннатдорлик билдиради.

УЎК069(470-25):74(575.1)
КБК 85.101(2Рос)
(5Ў)85

Ў 28 «Ўзбекистон маданий мероси» муаллифлик туркуми: «Ўзбекистон маданий мероси Москва музейларида» китоб-альбоми / Ф.Ф. Абдухаликов, Э.В. Ртвеладзе, И.Л. Журавская, Н.И. Шиплина, А.А. Калиева, Д.В. Шполянская, О.Г. Гордеева, О.Е. Кузьменко, Д.Ю. Тарлигина, Г.Б. Андреева, О.И. Брюзгина, Е.М. Воруншенина, А.А. Гелюдо, С.В. Елкина, С.В. Израилова, Ю.В. Маслова, Н.А. Нечай, Л.Л. Пирогова, Т.О. Рикова, М.О. Юдин, В.Г. Коченкова // Тошкент: «Silk Road Media», «East Star Media» МЧЖ, «Darakchi inform servis» МЧЖ буюртмасига кўра, 2020. – 480 б.

УЎК 069(470-25):74(575.1)
КБК 85.101(2Рос) 85(5Ў)

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
муаллифлик туркуми

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
МОСКВА МУЗЕЙЛАРИ ТЎПЛАМИДА»
китоб-альбоми

Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси
«Darakchi inform servis» МЧЖ томонидан амалга оширилмоқда.
Оригинал макет «Zamon-Press-Info Nashriyot Uyi» МЧЖ базасида тайёрланди.
Нашр лицензияси АИ №289, 04.11.2016.
«Silk Road Media» МЧЖ, «East Star Media» МЧЖ.

Тайёр макетдан босишга рухсат этилди 11.05.2020. Бичими 60×90 1/8.
«Book Antique, Myriad Pro» гарнитураси.
Офсет босма. Шартли босма табоғи 60,0. Адади 3000. Буюртма рақами №376-М.
Нархи шартномада келишилган.

«КОЛОРОПАК» МЧЖ босмахонасида чоп этилди.
100060, Тошкент шаҳри, Элбек кўчаси, 8-уй.

ISBN 978-9943-4865-8-4

9 789943 486584

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА